

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2025 Том 25 № 1

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2025 Volume 25 No. 1

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba**

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 21.03.2025. Выход в свет 31.03.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 23,45. Тираж 500 экз. Заказ № 71. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Аль Гарайбе Ф., профессор социальной работы и социальной политики, директор научно-исследовательского Института гуманитарных и социальных наук, Университет Шарджи (ОАЭ); профессор кафедры социальной работы, Университет Иордании

Базаров А. В., доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, научный руководитель Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН

Данилов А.Н., доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Ивченков С.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Саратовского национально-исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, заведующая лабораторией исследования здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Чулуун С., доктор истории, академик Монгольской академии наук, Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведческих исследований, директор Национального музея Чингисхана (Монголия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейксити (Индия)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Эбзеева Ю.Н., доктор социологических наук, первый проректор-проректор по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов

Литературный редактор **К.В. Зенкин**

Компьютерная верстка: **И.А. Чернова**

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: narbut-np@rudn.

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Al Gharaibeh F., Professor of Social Work and Social Policy, Director of the Research Institute of Humanities and Social Sciences, University of Sharjah (United Arab Emirates); Professor, Department of Social Work, University of Jordan

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Scientific Director of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Bazarov A.V., D.Sc (History), Professor, Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of RAS (Russia)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Chuluun S., PhD (History), Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Secretary General of the International Association of Mongolian Studies, Director of the Chinggis Khaan National Museum (Mongolia)

Daniilov A.N., D.Sc. (Sociology), Corresponding Member of National Academy of Sciences of Belarus, Head of Sociology Chair, Belarusian State University (Belarus)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Ebzeeva Yu.N., D.Sc (Sociology), First Vice-Rector for Educational Work, RUDN University (Moscow, Russia)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Sociology of FCTAS of RAS (Russia)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Ivchenkov S.G., D.Sc (Sociology), Professor, Dean of Faculty of Sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Russia)

Kuropjatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Laboratory for Population Health and Health System Studies, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor **Konstantin V. Zenkin**

Computer design: **Irina A. Chernova**

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 1, 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation

Printed at the RUDN Publishing House: 3 Ordzhonikidze St., 115419 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО:

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Анисимов Р.И. Прежние и новые формы коммуникации власти и общества на пути к созданию нового общественного договора.....	7
Мерзликин Н.В. Суверенитет в восприятии российского гражданского общества: социологическое измерение.....	21
Семенов М.Ю., Акулич М.М. Непрерывное образование в России: экспертная оценка участия взрослого населения.....	33
Голомидова П.С. Особенности международной студенческой миграции из Республики Узбекистан в Российскую Федерацию (на примере Северного (Арктического) федерального университета, 2009–2024).....	46
Савин С.Д., Щепельков В.Ф., Сидорова А.Н. Домашнее насилие как социальная проблема в российском обществе: между приватностью и публичностью.....	64
Полякова И.Г., Швецова А.В., Сыманюк Э.Э. «Кто такие суррогатные матери?»: переосмысление материнства в России в контексте вспомогательных репродуктивных технологий (на англ. яз.).....	79
Нгуен Тхи Минь Хоа, Фам Нгок Тхань, Ха Туан Ань. Взаимосвязь между ростом населения и социально-экономическим развитием в контексте возрастной структуры (на примере Вьетнама).....	94
Гаврилко О.Н. Ценностные основания профессиональной деятельности белорусской студенческой молодежи.....	107
Мурзинов Л.Е., Комлева А.А., Николаева Е.В. Представления молодежи о тренингах личного роста (на примере студентов РУДН).....	123

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Гибадуллина М.Р. Опыт и перспективы применения фрейм-анализа в исследованиях религии.....	136
Осеев А.А. Идеальный портрет руководителя образовательного комплекса: уникальные черты (результаты изучения с применением корреляционного анализа).....	153
Ярская-Смирнова Е.Р., Присяжнюк Д.И. Серебряная экосистема образования в интересах старшего поколения.....	168
Троцук И.В., Дурсина А.Н. Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе.....	182
Ван Сюань, Ван Бин. Управление высшим образованием в Китае в условиях цифровой трансформации.....	203
Бузыкина Е.А. Новые продовольственные риски в условиях современного глобализирующегося общества.....	214

ЭССЕ И РЕЦЕНЗИИ

Данилов А.Н. Общественный договор: эволюция идей и уроки истории.....	226
Голенкова З.Т. Устойчивое развитие в неустойчивом мире.....	235
Мухаметжанова В.С., Ишмухаметов Р.Р. Социологически значимая историческая реконструкция одной эпохи в истории российской гражданской службы.....	240

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ростовская Т.К., Эбзеева Ю.Н. V Всероссийский демографический форум.....	250
---	-----

ЮБИЛЕЙ

К юбилею А.Н. Данилова.....	258
-----------------------------	-----

НАШИ АВТОРЫ

.....	261
-------	-----

CONTENTS

CONTEMPORARY SOCIETY:

THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Anisimov R.I. Old and new forms of communication between the state and society on the way to a new social contract	7
Merzlikin N.V. Sovereignty in the perception of the Russian civil society: A sociological dimension	21
Semenov M.Yu., Akulich M.M. Continuing education in Russia: Expert assessment of adult participation	33
Golomidova P.S. Features of the international student migration from the Republic of Uzbekistan to the Russian Federation (on the example of the Northern (Arctic) Federal University, 2009–2024)	46
Savin S.D., Shchepelkov V.F., Sidorova A.N. Domestic violence as a social problem in the Russian society: Between privacy and publicity	64
Polyakova I.G., Shvetsova A.V., Symanyuk E.E. “Who are surrogate mothers?": Rethinking motherhood in Russia in the context of assisted reproductive technologies	79
Nguyen Thi Minh Hoa, Pham Ngoc Thanh, Ha Tuan Anh. Relationship between population growth and social-economic development in the age structure perspective: Theory and practice (on the example of Vietnam)	94
Haurylik A.N. Value bases of the professional activity of the Belarusian student youth	107
Murzikov L.E., Komleva A.A., Nikolaeva E.V. The youth's ideas about personal development training (on the example of the RUDN students)	123

SOCIOLOGICAL LECTURES

Gibadullina M.R. Experience and prospects for frame analysis in religious studies	136
Oseev A.A. Ideal image of the head of the educational complex: Unique features (results of the study based on correlation analysis)	153
Iarskaia-Smirnova E.R., Prisyazhnyuk D.I. Silver ecosystem of education for the benefit of the older generation	168
Trotsuk I.V., Dursina A.N. Digital trend in the development of communication between Russia's authorities and population	182
Wang Xuan, Wang Bing. Higher education management in China under digital transformation	200
Buzykina E.A. New food risks in the contemporary globalizing society	214

ESSAYS AND REVIEWS

Danilov A.N. Social contract: Evolution of ideas and lessons of history	226
Golenkova Z.T. Sustainable development in the fragile world	235
Mukhametzhanova V.S., Ishmukhametov R.R. A sociologically significant historical reconstruction of one era in the history of the Russian civil service	240

SCIENTIFIC LIFE

Rostovskaya T.K., Ebzeeva Yu.N. V All-Russian Demographic Forum	250
--	-----

ANNIVERSARY

A.N. Danilov	258
---------------------------	-----

AUTHORS	261
----------------------	-----

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-7-20

EDN: GOMUJD

Прежние и новые формы коммуникации власти и общества на пути к созданию нового общественного договора*

Р.И. Анисимов

Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., 6, Москва, 125047, Россия

(e-mail: ranisimov@list.ru)

Аннотация. В статье рассматривается концепция общественного договора как консенсуса между властью и народом. На основе трудов Т. Гоббса, Д. Локка, Ж-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, немецкой социальной мысли, в контексте размышлений о «легитимности» Р. Нозика, Дж. Ролза, М. Олсона, А. Аузана делается вывод, что общественный договор носит консенсусный характер и для выработки консенсуса необходима коммуникация власти и народа. Ставится вопрос об общественных организациях и политических партиях как традиционных проводниках интересов народа во взаимодействиях с государством. На основе социологических исследований делается вывод о низком доверии к политическим партиям и неучастии в деятельности общественных организаций российских граждан. Это свидетельствует о том, что общественные организации и политические партии слабо представляют интересы граждан во взаимодействии с властью. Причина такого положения — в изменении типа общества: российское общество становится более гибким и атомизированным, сильные связи заменяются на слабые. На примере семьи как наиболее традиционного института показаны процессы гибкости и атомизации. В этих условиях общественные организации и политические партии, созданные в предшествующий период, перестают быть адекватными посредниками во взаимодействии власти и народа. Вырабатываются новые ка-

* © Анисимов Р.И., 2025

Статья поступила в редакцию 06.09.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

налы коммуникации: интернет-сообщества и прямые обращения граждан к органам власти, минуя посредников в виде общественных организаций и политических партий. Российское общество активно взаимодействует с властью в этих формах, но слабо — в классических, что опровергает представление о народе как пассивном субъекте, распространении политического абсентизма и неразвитости гражданского общества. Скорее это свидетельствует об утрате актуальности идеи об общественных организациях как выразителе общественных интересов и о необходимости выработки концепций, соответствующих новому типу общества.

Ключевые слова: общественный договор; общественные организации; политические партии; сильные связи; слабые связи; флексибельность; атомизация

Для цитирования: *Анисимов Р.И.* Прежние и новые формы коммуникации власти и общества на пути к созданию нового общественного договора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 7–20. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-7-20>

Сегодня российское общество подвергается серьезным испытаниям на прочность и устойчивость, и актуальными задачами становятся консолидация государства и общества, поддержка и согласие граждан с инициативами власти, их готовность к совместным действиям и помощи государству. От решения этих задач в конечном итоге зависит жизнеспособность государства, его суверенитет и выживание. В исследовательской перспективе эти задачи актуализируются в анализе основ «сцепления» общества и государства, в попытке ответить на вопрос «на чем основано государство?». Ответы на этот вопрос возвращают нас к не очень популярному в настоящий момент концепту общественного договора как системе идей о взаимодействии власти и народа.

Сама идея общественного договора возникла в XVII–XVIII веках в связи с возрастанием роли новых социальных классов, осознанием ими своих интересов и требованием более широкого участия в управлении государством. Теоретический фундамент концепции общественного договора заложили английские философы (Т. Гоббс, Дж. Локк) и философы-просветители (Ш. Монтескье, Ж-Ж Руссо, П. Гольбах) [5; 6; 9; 10; 17]. Практическим воплощением идей общественного договора стал новый постреволюционный строй в Англии, открывший дорогу свободному развитию капитализма, и Великая французская революция, проходившая под влиянием идей философов-просветителей и, как и в Англии, завершившаяся становлением нового общественного строя, обеспечивающего господство буржуазии. Дискуссии об общественном договоре возникли, когда государство не реагировало на новые экономические и социальные вызовы, не замечало назревающих противоречий, что привело к переформатированию государства и смене модели управления страной.

В XIX — начале XX века интерес к концепту общественного договора падает, и теоретические дискуссии о характере взаимоотношений общества и государства проходят в контексте понятия «легитимность», разраба-

тываемого немецкой социальной мыслью. Легитимность — это «ощущение правомочности господства у господствующего и у того, над кем господствуют» [4. С. 404], а господство — «вероятность того, что некоторая группа людей повинуетя некоему приказу. То есть это не любая возможность реализации власти или влияния. Господство (авторитет) в этом смысле выражается в подчинении... Каждому подлинному отношению господства свойственен определенный минимум желания подчиниться» [3. С. 252]. Немецкая мысль не использовала термин общественного договора по вполне понятным причинам; во-первых, он напрямую ассоциировался с французской революцией, что не могло не вызывать болезненной реакции монархического правительства, во-вторых, Германия после объединения, в отличие от Франции и Англии, начала проводить реформы «сверху». Немецкие мыслители, в отличие от французских просветителей, акцентируют внимание не на воле народа, его главенстве в правительстве и суверенитете, а на подчинении и исполнении воли правительства. Общей чертой двух концептов стало представление о необходимом согласовании идей и действий доминируемых и доминирующих слоев, отличительной чертой — определение ведущего звена этой согласованности: в идеях философов Просвещения им выступает народ, у немецких мыслителей — правительство.

В XX веке концепции общественного договора разрабатывались в русле обсуждения преимуществ социально-ориентированного государства с развитой системой социальных гарантий (например, «теории справедливости» Дж. Ролза [14]) или «либерального» государства с минимальным участием правительства в экономической и социальных сферах (например, идеи Р. Нозика [11]). Дж. Бьюкенен утверждал, что в условиях общественного выбора неэкономические силы имеют непосредственное влияние на государственную политику любой страны, вставшей на этот путь, поэтому общественный договор — это, по сути, конституция государства, в которой прописаны его действия по отношению к гражданам [21]. М. Олсон предложил идею государства как «стационарного бандита», который с течением времени начинает договариваться с населением по поводу перераспределения благ и обязательств [12]. А. Аузан отмечал, что общественный договор согласовывает интересы трех акторов общественной жизни — государства, бизнеса и гражданского общества, и каждый актор должен пожертвовать частью своих интересов, чтобы установился определенный консенсус [1].

Вышеперечисленные концепции отличаются мировоззренческими взглядами и политическими установками их авторов, однако все они признают, во-первых, консенсусный характер общественного договора, во-вторых, что для выработки консенсуса необходима коммуникация между властью и обществом. Соответственно, общественный договор — это «социальный контракт между народом и государством, который носит характер открытого и в значительной степени латентного соглашения по поводу существующего и бу-

дущего жизнеустройства его участников» [18. С. 12–13]. Если общественный договор понимается как контракт, то неизбежно возникает вопрос о субъектах этого контракта и каналах коммуникации между ними. Первый субъект общественного договора — государство, второй — общество, которое делегирует отстаивание своих интересов общественным организациям (НКО и/или политические партии). В статье не будет рассмотрена деятельность российского государства как субъекта общественного договора, отметим лишь, что в последние годы оно активно формирует его повестку — от повышения рождаемости до патриотического воспитания. Мы рассмотрим деятельность институтов и организаций гражданского общества по реализации своей основной функции — отстаиванию интересов и потребностей общества.

Общественные организации как субъект общественного договора

В классическом понимании важнейшим посредником во взаимодействии государства и общества выступают общественные организации: государство не может напрямую коммуницировать с народом — для этого необходимо представительство последнего посредством организаций, не преследующих экономических целей (НКО) и/или партий. Рассмотрим, насколько эффективно осуществляется данное взаимодействие.

Списочный состав общественных организаций в России составлял в 2022 году 80,3 тысячи человек [15. С. 268], т.е. примерно 0,07 % населения страны старше 19 лет. Конечно, в списочный состав общественных организаций входит постоянный аппарат и руководство, а количество нештатных членов этих движений значительно больше. Например, данные опроса, проведенного сотрудниками РГГУ (рисунок 1), показывают, что треть взрослого работающего населения России состоит в общественных организациях, но 58 % из них являются членами профсоюза (1). Аналогичные данные приводит Росстат по результатам выборочного опроса: 4,8 % опрошенных состоят в общественных организациях, из них 66 % — в профсоюзе [15. С. 269].

Членство в профсоюзной организации, во многом унаследованное от советских времен, некорректно относить к участию в общественной организации, так как это участие ограничивается уплатой взносов со стороны работника и льготными путевками, подарками — со стороны профсоюза. Постсоветские профсоюзы в большинстве своем представляют отдел по социальным вопросам, встроенный в административный аппарат, но с особыми формами укомплектования кадров (выборы) и отчетности (собрания). Работники состоят в профсоюзе в силу привычки или ожидая преференций в виде подарков, но не надеясь на его помощь в отстаивании своих интересов. Это подтверждают результаты опроса, проведенного сотрудниками РГГУ (рисунок 2), где на вопрос «Предположим, Вы оказались в затруднительном положении, к кому обратитесь в первую очередь за помощью?» ответ «в профсоюзную организацию» выбрало только 2,2 % (1).

Рис. 1. Членство в общественной организации (%)

Рис. 2. Обращение за помощью в трудной ситуации (в %)

Отражают ли профсоюзы интересы всего общества и являются ли субъектами общественного договора? Конечно, общественные организации могут выполнять свою функцию, не привлекая к своей деятельности людей, — население делегирует им право говорить от своего лица, не состоя в движении (организации). Но для акта делегирования необходимо доверять объектам делегирования. Доверие — основное условие политического порядка: «экономическая, юридическая или политическая система в качестве начального состояния требует доверия; без доверия она не в состоянии стимулировать действия вспомогательных систем в ситуациях неопределенности и риска» [23. С. 103]. Отсутствие доверия к общественной организации и/или ее лидеру свидетельствует о том, что данный социальный актор мало влияет на людей, чьи интересы представляет, и ставит под сомнение саму возможность эти интересы представлять: «доверие к руководителям формируется либо косвенно, либо напрямую как составной показатель признания, принятия или поддержки со стороны граждан» [20. С. 366].

Основные общественные организации, представляющие интересы граждан, — политические партии, но по результатам социологических исследований они, как и профсоюзы, показывают наименьший уровень доверия (2).

Таблица 1

Индекс доверия к общественным институтам (опрос РГГУ, 2022)

Институты	Доверяю полностью (a = +1)	Доверяю, но не во всем (b = +0,5)	Не доверяю (c = -1)	Затруднились ответить (d = 0)	Индекс доверия (Q) [1]
Президенту	48,3	35,4	11,1	5,2	0,5
Правительству	27,1	45,5	21,5	5,9	0,3
Государственной Думе	18,8	40,3	33,3	7,6	0,1
Прессе (газетам)	6,9	43,9	41,6	7,6	-0,1
Телевидению	9,1	49,4	35,7	5,8	0
Профсоюзам	17,8	34,6	28,6	19	0,1
Политическим партиям	7,4	35,2	44,7	12,7	-0,2
Полиции	19,2	46,9	26,4	7,5	0,2
Вооруженным силам (армии)	52,9	32,6	7,7	6,8	0,6
Церкви	30,5	31,2	22	16,3	0,2
Судебным органам	14,6	47,9	27,4	10,1	0,1
Своему руководителю	36,6	47,3	9,3	6,8	0,5
Коллегам	37,5	51,2	5,8	5,5	0,6

Немногим лучше показатели доверия политическим партиям по данным ВЦИОМа, но они также находятся на самых низких позициях по сравнению с другими общественными институтами (рисунок 3) (3).

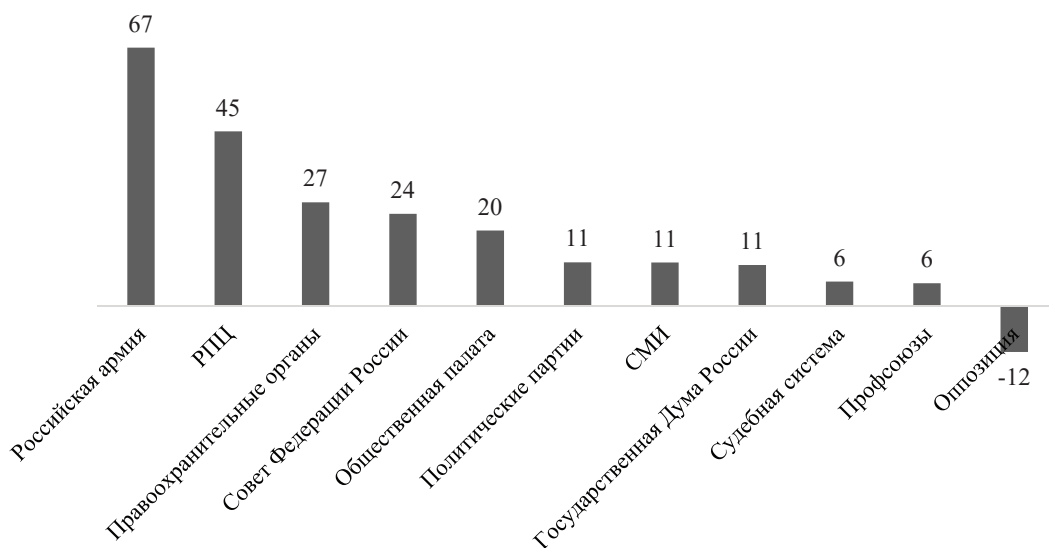

Рис. 3. Индекс одобрения общественных институтов (ВЦИОМ, июль 2024)

Особенно показательны индексы одобрения лидеров политических партий, у которых недоверие превалирует над доверием (рисунок 4) (4).

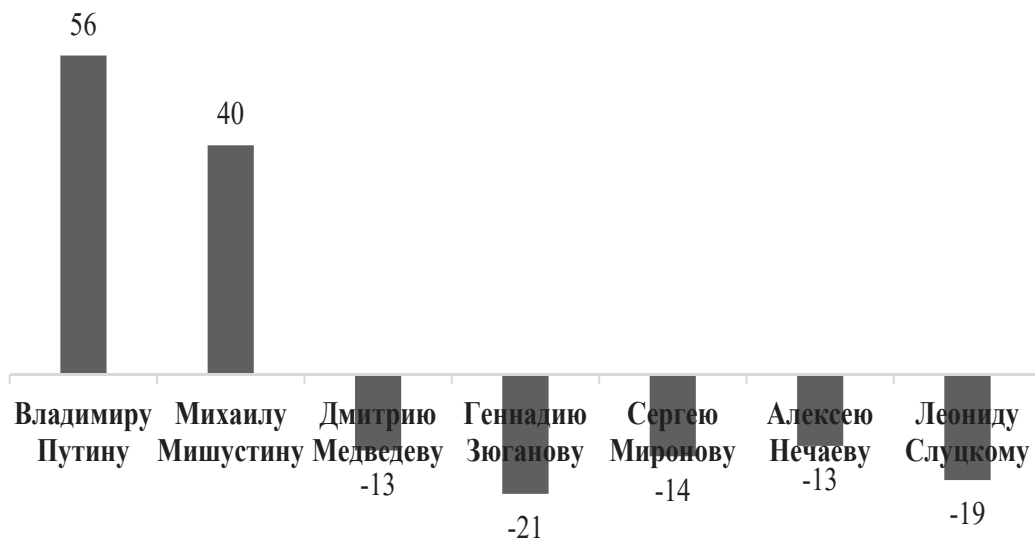

Рис. 4. Индекс доверия политикам (ВЦИОМ, июль-август 2024)

Очевидно, что при таком уровне доверия российские политические партии не могут выступать субъектами общественного договора и представлять интересы общества. Институализированные структуры гражданского общества имеют слабую поддержку со стороны граждан и вряд ли играют существенную роль в диалоге власти и общества.

Общественные организации как отражение общества

«Политологические» причины такого положения дел активно исследуются учеными [7; 8; 16; 19], однако недоверие и неучастие граждан в общественных организациях обусловлено и состоянием общества, которое в настоящий момент активно трансформируется, поэтому социальные институты, созданные в более ранний исторический период, перестают выполнять свои функции, превращаясь в симулякры — копии, не имеющие оригинала. Российские общественные организации были созданы в эпоху «длительности» социальных институтов, когда человек имел не только ограниченную территориальную мобильность, но и «пожизненно» состоял в социальных институтах: распространенными практиками были одна работа на всю жизнь, одно-два смена места жительства, один брак, или, говоря иначе, сильные социальные связи (комбинация продолжительности, эмоциональной интенсивности и реципрокных услуг) преобладали над слабыми [21. С. 1361].

В настоящий момент социальная ткань становится тоньше, связи слабеют, смена социальных институтов является нормой. Мы живем в ситуации, когда жизнь человека становится длиннее, чем жизнь организации. Эпоха всеобщей флексibility постоянно меняет статус и роли человека, делает его более индивидуалистичным, а в перспективе ликвидирует сильные связи. Но если нет устойчивых социальных связей между людьми, то и общественные организации теряют предикат общественных, так как отсутствуют группы, интересы, которых они отстаивают. Следует уточнить, что группы как форма соединения людей, конечно, остаются (например, трудовой коллектив или жители многоквартирного дома), но, так как элементы этих групп меняются все быстрее, то общие интересы группы вырабатывать не успевают, идентичности как переживания общей судьбы не создаются, а сами группы начинают носить номинальный (формальный) характер. Таким образом, проблемы слабого участия общественных организаций в общественном договоре — следствие атомизации общества. Если нет общества в традиционном понимании — как системы или совокупности устойчивых связей и/или групп, то нет и организаций, сущностно отражающих интересы этих групп, — они присутствуют формально, как отголосок другой эпохи.

Для иллюстрации примера исчезновения устойчивых связей возьмем институт семьи — один из древнейших институтов, в котором преобладают сильные связи, и он выступает как «символ устойчивости», стабильности и надежности. Именно к помощи семьи обращаются в трудную минуту

россияне (рисунок 2), она является основной ценностью в нашем обществе. Однако в то же время большинство браков в России распадается, и эта тенденция растет (рисунок 5) (5). Растет и количество домохозяйств, состоящих из одного человека: за двадцать лет их число увеличилось практически вдвое: с 22,3 % в 2002 году до 41,8 % в 2021 [13. С. 8].

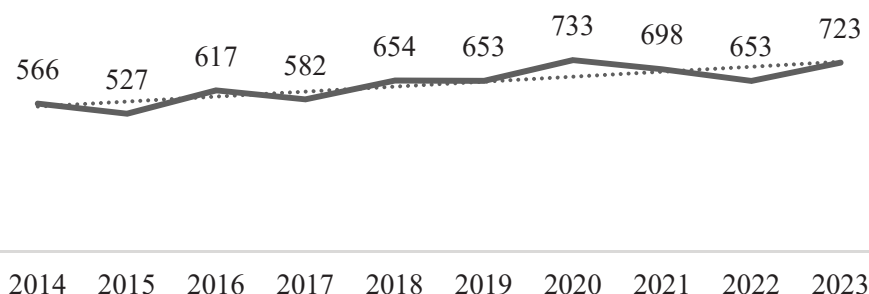

Рис. 5. Количество разводов на 1 тысячу браков

Более современные социальные институты показывают еще более сильные тенденции к взаимозаменяемости своих элементов. Здесь можно было бы поставить вопрос о «смерти социального» как тенденции современного общества и диагностировать конец общества и тупик социологии как науки, изучающей общество: «В вакууме социального перемещаются промежуточные объекты и кристаллические скопления, которые кружатся и сталкиваются друг с другом в рассудочном поле ясного и темного. Такова масса, соединенные пустотой индивидуальные частицы, обрывки социального и распространяемые средствами информации импульсы: непроницаемая туманность, возрастающая плотность которой поглощает все окрестные потоки энергии и световые пучки, чтобы рухнуть в конце концов под собственной тяжестью. Черная дыра, куда проваливается социальное» [2. С. 8]. Однако социальное не умирает, а перетекает в другие, более когерентные современному обществу формы, отмирают институты, не соответствующие новому типу социума, что не означает деградации последнего. Соответственно, и диалог между властью и обществом продолжается, но в новых формах.

Новые формы коммуникации власти и общества

Прежде всего диалог, коммуникация и организация групп происходит в сети Интернет, где люди объединяются по интересам, создают сообщества, обсуждают проблемы и пути их решения. Часть этих групп не долговечна, другие существуют длительное время, происходит постоянная циркуляция членов этих групп, что отвечает флексибильному и «текущему» состоянию

современного общества. Вторая форма, соответствующая набирающей силе атомизации, — индивидуальные и прямые обращения граждан к властям, минуя посредников в виде общественных организаций (рисунок 6) (6).

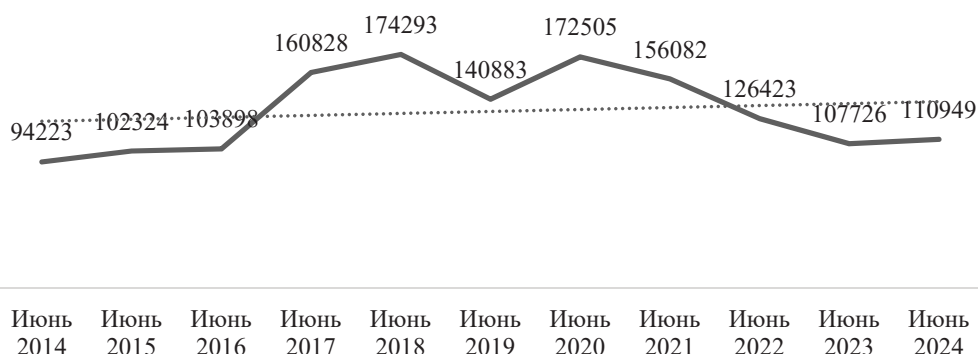

Рис. 6. Обращения граждан, организаций и общественных объединений к Президенту Российской Федерации

Так, только обращений к Президенту поступает свыше 3700 в день, а помимо этого у каждого министерства, губернатора, мэра и государственной организации есть свои приемные, и, если все это принимать во внимание, то можно наблюдать не «пассивность» и «отчужденность» граждан, а активное взаимодействие государства и общества, которые пребывают в постоянном диалоге в выработке нового общественного договора. Эти формы коммуникации общества и власти пока слабо учитываются исследователями, но они более эффективны, чем классические общественные организации представительского типа и более оптимально соответствуют складывающейся реальности.

Государство и общество находятся в постоянном взаимодействии, его результат — складывающийся общественный договор, консенсусный относительно прав и обязанностей как общества, так и государства. Когда устаревает или нарушается общественный договор, страна вступает в период нестабильности — до выработки нового договора или исчезновения страны. В Новое время основными посредниками в выработке общественного договора выступали политические партии как часть общественных организаций, что соответствовало актуальному на тот момент типу общественного устройства. Однако общество не является застывшей системой, оно меняется, приобретает новые формы, что ведет к изменению коммуникаций между ним и государством. Общественные организации, созданные в других обстоятельствах, перестают выполнять свои функции в новых условиях, их место занимают новые типы коммуникаций. Концепции общественного договора, созданные для объяснения актуальных в прошлую эпоху явлений, констатируют исчезновение подобных явлений в настоящее время, но в силу своей ограниченности обретают негативные коннотации относительно наблюдае-

мого объекта («смерть социального», политический абсентеизм, пассивность и т.п.). Коммуникации между обществом и государством в создании нового общественного договора сегодня продолжают, но происходят в иных формах, минуя общественные организации. Основными каналами взаимодействия выступают социальные сети, что соответствует процессу флексибилизации общества, и прямые обращения к государственным структурам, что соответствует процессу атомизации социума. Такое положение дел свидетельствует не о «неправильном» обществе, а об устаревании подходов к его анализу и стимулирует выработку концепций, релевантно отражающих складывающуюся социальную реальность.

Информация о финансировании

Статья выполнена при поддержке РНФ. Проект № 23-18-00093.

Примечания

- (1) Всероссийский опрос трудоспособного населения методом личного интервью в мае-июне 2022 года (N = 1200) по репрезентативной выборке для Российской Федерации и федеральных округов с соблюдением пропорций по численности занятого населения в возрасте старше 18 лет в соответствии с данными Росстата. Опрос проходил в пяти типах поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов, административные центры районов, поселки городского типа, села (с соблюдением пропорций). Всего было отобрано 89 поселений, в том числе 2 мегаполиса, 19 административных центров субъектов, 30 районных центров, 23 села, 15 поселков городского типа. Расчет параметров квот для поиска и отбора респондентов: 1) по федеральным округам; 2) по типам пяти поселений; 3) по социально-профессиональному составу (14 групп).
- (2) Индекс доверия: $I = (a+0,5b-c)/(a+b+c+d)$; доверяют полностью = 1, не доверяют = -1.
- (3) Индекс одобрения общественных институтов. Июль 2024 // URL: <https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov>.
- (4) Индекс доверия политикам. Июль-август 2024 // URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam>.
- (5) Сост. по: Естественное движение населения Российской Федерации. Сборники Росстата за 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 годы // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269>.
- (6) Информационно-статистические обзоры обращений граждан, организаций и общественных объединений, адресованных Президенту Российской Федерации // URL: <http://www.letters.kremlin.ru/digests/periodic/quarterly>.

Библиографический список

1. Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. № 3.
2. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 тт. Т. 1: Социология. М., 2016.
4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 тт. Т. 4: Господство. М., 2019.
5. Гоббс Т. Сочинения: в 2 тт. Т. 2. М., 1991.
6. Гольбах П.А. Основы всеобщей морали, или Катехизис природы // Избранные произведения: в 2 тт. Т. 2. М., 1963.

7. Гореликов Е.С. Особенности онтогенеза гражданского общества в России // *Власть*. 2024. Т. 32. № 2.
8. Ильичева Л.Е., Паршина Е.В. Государство и гражданское общество как субъекты политики социального партнерства // *Власть*. 2024. Т. 32. № 2.
9. Локк Дж. Два трактата о правлении // *Сочинения*: в 3 тт. Т. 3. М., 1988.
10. Монтескье Ш. Избранные произведения: в 2 тт. М., 1955.
11. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М., 2008.
12. Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М., 2012.
13. Прокофьева Л.М., Корчагина И.И. Демографическая структура семей и домохозяйств в России, ее динамика по данным переписей населения // *Демографическое обозрение*. 2023. № 10.
14. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
15. Российский статистический ежегодник. М., 2023.
16. Рубинштейн А.Я., Гринберг Р.С., Городецкий А.Е. Патерналистское государство и гражданское общество // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022. № 5.
17. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре: Трактаты. М., 2000.
18. Тощенко Ж.Т. Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // *Социологические исследования*. 2023. № 6.
19. Тощенко Ж.Т. Общественный договор в российском исполнении: реальность и уроки // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2023. № 3.
20. Штомпка П. Доверие — основа общества. М., 2012.
21. Buchanan J., Tulloch G. *The Calculus of Consent, the Logical Foundations of Constitutional Democracy*. University of Michigan Press, 1962.
22. Granovetter M.S. The strength of weak ties // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78. No. 6.
23. Luhmann N. Familiarity, confidence, trust: Problems and alternatives // *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Basil Blackwell, 1988.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-7-20

EDN: GOMUJD

Old and new forms of communication between the state and society on the way to a new social contract*

R.I. Anisimov

Russian State Humanitarian University,
Miusskaya Sq., 6, Moscow, 125047, Russia

(e-mail: ranisimov@list.ru)

Abstract. The article considers the concept of social contract as a consensus between the state and the people. Based on the works of T. Hobbes, D. Locke, J.-J. Rousseau, C. Montesquieu, German social thought, in the context of reflections on the “legitimacy” of R. Nozick, J. Rawls, M. Olson, A. Auzan, the author argues that social contract is consensual

* © R.I. Anisimov, 2025

The article was submitted on 06.09.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

in nature and communication between the government and the people is necessary to develop such a consensus, focusing on public organizations and political parties as traditional conductors of the interests of the people in interactions with the state. Based on sociological studies, the author makes a conclusion about Russians' low trust in political parties and non-participation in public organizations, which indicates that public organizations and political parties poorly represent the interests of citizens in interactions with the government. This situation is determined by the change in the type of society: the Russian society turns into more flexible and atomized, strong ties are replaced by weak ones (even the family as the most traditional institution goes through flexibilization and atomization). In these conditions, public organizations and political parties created in the previous period cease to be adequate intermediaries in the interaction between the authorities and the people, and new communication channels develop — Internet communities and direct appeals of citizens to government bodies. The Russian society actively interacts with the authorities in these forms but weakly in classical ones, which refutes the idea of the people as a passive subject, the spread of political absenteeism, the underdevelopment of civil society and public organizations as an expression of public interests and indicates the need to develop concepts that correspond to a new type of society.

Key words: social contract; public organizations; political parties; strong ties; weak ties; flexibility; atomization

For citation: Anisimov R.I. Old and new forms of communication between the state and society on the way to a new social contract. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 7–20. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-7-20>

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 23-18-00093.

References

1. Auzan A.A. Obshchestvennyy dogovor i grazhdanskoe obshchestvo [Social contract and civil society]. *Mir Rossii*. 2005; 3. (In Russ.).
2. Baudrillard J. *V teni molchalivogo bo'shinstva ili konets sotsialnogo* [In the Shadow of the Silent Majorities, or the End of the Social]. Ekaterinburg; 2000. (In Russ.).
3. Weber M. *Khozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sotsiologii: v 4 tt. T. 1. Sotsiologiya* [Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology: in 4 vols. Vol. 1. : Sociology]. Moscow; 2016. (In Russ.).
4. Weber M. *Khozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sotsiologii: v 4 tt. T. 4: Gospodstvo* [Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology: in 4 vols. Vol. 4. : Domination]. Moscow; 2019. (In Russ.).
5. Hobbes T. *Sochineniya* [Work: in 2 vols. Vol. 2.]. Moscow; 1991. (In Russ.).
6. Holbach P.A. *Osnovy vseobshchej morali, ili Katekhizis prirody* [Elements of Universal Morality, or Universal Catechism]. *Izbrannye proizvedeniya: v 2 tt. T. 2*. Moscow; 1963. (In Russ.).
7. Gorelikov E.S. Osobennosti ontogeneza grazhdanskogo obshchestva v Rossii [Features of the civil society ontogenesis in Russia]. *Vlast*. 2024; 32 (2). (In Russ.).
8. Ilyicheva L.E., Parshina E.V. Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo kak sub`ekty politiki sotsialnogo partnerstva [State and civil society as subjects of the social partnership policy]. *Vlast*. 2024; 32 (2). (In Russ.).
9. Locke J. *Dva traktata o pravlenii* [Two Treatises of Government]. *Sochineniya: v 3 tt. T. 3*. Moscow; 1988. (In Russ.).
10. Montesquieu Ch. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works: in 2 vols. Moscow; 1955. (In Russ.).
11. Nozick R. *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, State, and Utopia]. Moscow; 2008. (In Russ.).

12. Olson M. *Vlast i protsvetanie. Pererastaya kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury* [Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships]. Moscow; 2012. (In Russ.).
13. Prokof'yeva L.M., Korchagina I.I. Demograficheskaya struktura semey i domokhozyaystv v Rossii, ee dinamika po dannym perepisey naseleniya [The demographic structure of families and households in Russia, its dynamics according to population censuses]. *Demograficheskoe Obozrenie*. 2023; 10. (In Russ.).
14. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk; 1995. (In Russ.).
15. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook]. Moscow; 2023. (In Russ.).
16. Rubinshteyn A.Ya., Grinberg R.S., Gorodetsky A.E. Paternalistskoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo [Paternalistic state and civil society]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*. 2022; 5. (In Russ.).
17. Rousseau J.J. *Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty* [The Social Contract]. Moscow; 2000. (In Russ.).
18. Toshchenko Zh.T. Obshchestvenny dogovor kak noumen: opyt sotsiologicheskogo osmysleniya [Social contract as a noumenon: A sociological understanding]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2023; 6. (In Russ.).
19. Toshchenko Zh.T. Obshchestvenny dogovor v rossiyskom ispolnenii: realnost i uroki [Russian social contract: Reality and lessons]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskustvovedenie*. 2023; 3. (In Russ.).
20. Sztompka P. *Doverie — osnova obshchestva* [Trust: A Sociological Theory]. Moscow; 2012. (In Russ.).
21. Buchanan J., Tulloch G. *The Calculus of Consent, the Logical Foundations of Constitutional Democracy*. University of Michigan Press; 1962.
22. Granovetter M.S. The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*. 1973; 78 (6).
23. Luhmann N. Familiarity, confidence, trust: Problems and alternatives. *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Basil Blackwell; 1988.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-21-32

EDN: GHEAAV

Суверенитет в восприятии российского гражданского общества: социологическое измерение*

Н.В. Мерзликин

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
ул. Фотиевой, 6, к.1, Москва, 119333, Россия

(e-mail: merzlikin37@bk.ru)

Аннотация. Статья посвящена новому периоду в жизни российского общества и государства — отказу от компрадорской модели управления и переходу к стратегии суверенного развития. Для российского социума суверенитет — это не только обеспечение внешней и внутренней независимости, но и когнитивный слом всей системы взглядов, представлений и иллюзий по поводу возможности вхождения российской цивилизации в сферу западного жизнеустройства. Это сложный и болезненный процесс, затрагивающий интересы разных социальных групп и сопровождаемый столкновением позиций в экономике, государственном управлении, науке, образовании, культуре и информационной среде. Водораздел между мировоззренческими позициями в отношении суверенности российской государственности проходит по линии отказа следовать в русле западных концепций развития и выбора в качестве мировоззренческой основы российского суверенитета идеологии традиционно-нравственных ценностей. Понятие суверенитета становится цементирующим в мировоззренческом обосновании стратегии развития страны. Проблеме суверенитета посвящено множество теоретических работ, в основном раскрывающих его роль в формировании многополярного мироустройства, но практически отсутствуют эмпирические исследования, показывающие характер восприятия обществом перехода от компрадорской системы отношений к суверенному развитию. В основу статьи положены результаты экспертных опросов, проведенных при участии автора Институтом социально-политических исследований. Экспертные оценки позволяют сделать вывод, что суверенность российской государственности нуждается в укреплении на всех уровнях: государственно-политическом, духовно-мировоззренческом и экономическом. Многие субъекты гражданского общества все еще не осознают невозможность возвращения к прежней системе отношений с Западом и окончательность отказа России от проводившегося ранее курса на вхождение в сферу западного жизнеустройства.

Ключевые слова: суверенитет; экспертные оценки; мировоззренческие приоритеты; эмпирические данные; социологическое измерение

*© Мерзликин Н.В., 2025

Статья поступила в редакцию 04.09.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Для цитирования: Мерзликин Н.В. Суверенитет в восприятии российского гражданского общества: социологическое измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 21–32. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-21-32>

Ключевым событием, обозначившим фундаментальные перемены в российском обществе, стала специальная военная операция (СВО): завершился внедрявшийся с 1991 года курс на интеграцию российской экономики и правящего слоя элиты в западное общество, на смену компрадорской модели управления пришла стратегия суверенности, идеология самостоятельного развития [13]. Разворот от курса целенаправленного внедрения в массовое сознание представлений о принадлежности России к западной цивилизации и провозглашение ее в качестве самобытной цивилизации, отстаивающей свой суверенитет, обозначили вступление российского общества в новый этап развития и в отношениях с Западом.

Задача упрочения российской государственности актуализирует необходимость научного анализа социальной основы процесса суверенизации, его движущих сил. Проблеме суверенитета посвящено множество теоретических разборок, сформулированы разные его определения. Так, в социологической энциклопедии под суверенитетом понимается полная независимость государства от других государств в его внутренних делах и внешних отношениях. Учитывая актуальность и практическую значимость проблемы суверенитета, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН провел серию опросов экспертов для оценки социальной базы процесса суверенизации российского общества и степени поддержки его социально-активными слоями. Эксперты опрашивались методом анкетирования по единой унифицированной методике в период с 2022 по 2024 годы. При отборе экспертов принимались во внимание уровень их компетентности, регион проживания и сфера занятости. Все респонденты получили высшее образование, среди экспертов 2024 года ($n=129$) 21 % имеют второе высшее образование, 8 % — ученую степень. Сфера их профессиональной деятельности представлена следующим образом: государственная служба (федеральный уровень) — 5 %; государственная служба (региональный уровень) — 9 %; муниципальное управление — 6 %; наука, образование — 17 %; крупный бизнес федерального уровня — 14 %; средний и малый бизнес — 39 %; другое — 10 % (1).

При разработке социологического инструментария учитывались следующие положения, имеющие методологическое значение: обеспечение суверенитета — это сложный процесс, затрагивающий интересы множества слоев и групп, сопровождающийся проявлениями социальных напряжений, точками бифуркаций; водораздел, разъединяющий мировоззренческие и поведенческие позиции в отношении суверенитета, сосредоточен вокруг отказа от идеологии и политики либерализма,

западных моделей развития и выбора в качестве идейной основы преобразования страны идеологии традиционных духовных ценностей как стержневой основы суверенитета; успех курса на суверенность в условиях цивилизационного противостояния с западом возможен лишь при сплочении гражданского общества и власти, поддержки социумом политики независимости страны.

Анализ полученных экспертных оценок свидетельствует о поддержке социально активными субъектами гражданского общества стратегии на суверенное развитие страны. Ответы на вопрос «Сегодня граждане, эксперты и политики высказывают оценки и мнения, что послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию в 2024 году в сочетании с поставленными целями специальной военной операции обозначило начало нового периода в жизни российского общества и государства — отказ от горбачевско-ельцинского курса радикальных неолиберальных реформ и перехода к суверенному развитию новой России. Если Вы согласны с этим, то в какой мере?» распределились следующим образом: не согласны 5 %, согласны в наивысшей мере — 24 %, в высокой — 34 %, в средней — 27 %, в малой — 7 %, в наименьшей — 3 %. По мнению большинства экспертов, реализуемая в стране политика суверенизации обозначила начало нового периода в жизни российского общества и перехода к суверенному развитию. Вместе с тем каждый десятый эксперт согласен с этим в «наименьшей» и «малой мере», а около трети (27 %) указали на «среднюю меру» согласия с такой оценкой. Характерно, что 5 % выразили несогласие с такими оценками, но никто из несогласных не воспользовался предусмотренной в анкете возможностью изложить свое видение этапа отказа России от неолиберальных реформ и перехода к стратегии суверенного развития. Это свидетельствует о том, что в обществе нет устоявшейся оценки горбачевского-ельцинского периода радикальных реформ и перехода к суверенному развитию новой России.

В целом гражданское общество осознает необходимость такого развития и поддерживает курс на отказ от западных моделей развития, что показывает распределение ответов на вопрос «Если, по Вашему мнению, курс на суверенность России, на отказ следовать в русле западных моделей развития поддерживается в обществе, оцените, пожалуйста, сегодняшний уровень этой поддержки со стороны следующих субъектов гражданского общества» (2) (таблица 1).

По параметрам «высокий» и «средний» уровень поддержки граждане страны занимают лидирующие позиции в рейтинге социальных субъектов, поддерживающих курс на суверенность страны. Высокое место по этим параметрам эксперты отвели госслужбе и госсектору экономики — они составляют основу социальной поддержки стратегии на обе-

спечение российской суверенности. В то же время у значительной части российского общества сохраняются иллюзии о возможности возвращения России к прежней системе отношений с Западом — отсюда различия в экспертных оценках степени поддержки процесса суверенизации российского общества. Характерны в этом плане различия в экспертных оценках уровня поддержки со стороны управленческой среды бизнеса с государственным участием и частного крупного корпоративного бизнеса: если половина (54 %) экспертов поддержку бизнеса с госучастием оценило как «высокую», то на эту позицию в отношении частного корпоративного бизнеса указало лишь 37 %. В отношении среднего и малого бизнеса аналогичную оценку высказала также примерно треть опрошенных (34 %). Такая оценка позиций среднего и малого бизнеса по отношению к курсу суверенного развития России в сочетании с невысокими оценками уровня поддержки со стороны крупного (частного) корпоративного бизнеса вызывает вопросы: от позиции этой социальной среды в силу ее многочисленности во многом зависит обеспечение суверенитета страны и ее устойчивости.

Таблица 1

Уровень поддержки курса на суверенность России (%)

Субъекты	В малой мере	В средней мере	В высокой мере
Государственный сектор экономики	18	28	54
Граждане страны в целом	9,5	37	54
Сфера образования	19	30	49
Сфера науки	25	30,5	44
Управленческая среда крупного корпоративного (частного) бизнеса	28	35	37
Социальная среда малого и среднего бизнеса	29	37	34
Сфера культуры, кино, театральные работники	36	29	34
Информационный (IT) сектор	29	38	33
Блогеры и другие активные участники интернет-бизнеса	40	31	29
Офисная среда	34	42	25

Интерес представляют экспертные оценки характера восприятия курса на суверенность со стороны управленческих структур образования и науки. В оценках экспертов по параметру «в высокой мере» лидирует сфера образования (49 %) и науки (44 %). В таблице можно выделить и крайности — в экспертных оценках уровня поддержки со стороны «культуры, кино, театральных работников»: с одной стороны, треть экспертов оценила уровень поддержки как «в малой мере», с другой стороны, почти такая же часть экспертов отметила «высокий уровень» поддержки, что, видимо, отражает противоречивость позиций в сфере российской культуры. Невысоко оценивают эксперты и уровень поддержки курса на суверенность со стороны интернет-среды — большинство (71 %) респондентов считают его «малым» и «средним», как и в случае с информационным сектором (ИТ). На последнем месте в оценках экспертов находится уровень поддержки российской суверенности со стороны офисной и социальной среды — во многом это результат ее болезненного восприятия разрушения привычной для нее системы отношений с Западом после начала специальной военной операции.

При анализе содержательной части суверенизации исследователи обычно выделяют три уровня суверенитета: первый уровень — государственно-политический, в широком понимании он включает в себя независимость в определении государственного и политического устройства страны и в функционировании институтов государства; второй уровень обеспечивает независимость общества, его мировоззренческой, духовной основы; третий уровень — экономический — предопределяет самостоятельность в выборе экономической стратегии развития страны, в проведении экономической политики. Перечисленные уровни суверенитета, выступающие в качестве базовых в анализе процесса суверенизации, не достаточны для комплексной оценки уровня суверенитета. Современная гибридная война, рассчитанная на психокогнитивное воздействие на те сферы общества и государства, которые в случае их ослабления могут существенно снизить защищенность страны, обуславливает необходимость более детальной классификации суверенитетов. Особого внимания заслуживает суверенность тех сторон в жизнедеятельности общества и государства, которые в наибольшей мере испытывают негативные воздействия извне. Данный аспект нашел отражение в классификации суверенитетов, перечисленных в Таблице 2, где представлено распределение ответов на вопрос «Согласно экспертным оценкам, одним из главных мега-трендов современного цивилизационного развития стала борьба за суверенность [11]. Для России суверенитет — это окончательный слом компрадорской модели управления, изменения в системе отношений государства и общества, в сфере экономики [14]. В какой мере, по Вашему мнению, необходимость укрепления каждого из перечисленных ниже суверенитетов отражает ожидания общества?».

Таблица 2

Классификация суверенитетов по уровню необходимости их укрепления (%)

Перечень суверенитетов	В малой мере	В средней мере	В высокой мере
Экономический суверенитет (самостоятельность в выборе и реализации экономической политики, стратегии экономического развития)	10	22	68
Информационный суверенитет (самостоятельность в формировании политики, распоряжении информационными потоками, защита информационного поля страны)	7	27	66
Технологический суверенитет (обеспечение технологической независимости, возможность быть в числе мировых лидеров в сфере технологий)	9	25	66
Государственно-политический суверенитет (независимость государственного и политического устройства и функционирования институтов)	13	22	65
Культурный суверенитет (независимость в формировании и функционировании сферы культуры)	13	27	60
Мировоззренческий суверенитет (независимость идейной, идеологической основы)	16	28	55
Духовный суверенитет (независимость духовной, нравственной основы общества, самоидентичности)	24	26	50

Из оценок экспертов следует, что ни один из перечисленных суверенитетов не может считаться в полной мере обеспеченным, и в наибольшей степени нуждаются в укреплении экономический, информационный и технологический суверенитеты — как предопределяющие уровень достижения всех остальных типов суверенитета. Первое место в оценках экспертов с точки зрения необходимости укрепления занимает экономический суверенитет (высокая необходимость — 68 %). По сути, оценки экспертов отражают сформировавшиеся в общественном сознании представление об отсутствии в российской экономической политике самостоятельности, о ее продолжающемся следовании западным концепциям развития. Второе место в условном рейтинге необходимости укрепления суверенитетов занимает информационный суверенитет (высокая необходимость — 66 %), что отражает, с одной стороны, обеспокоенность экспертов нынешним уровнем защиты информационного поля страны, с другой — оценку будущих угроз с учетом расширяющихся технических возможностей для информационно-коммуникативного воздействия как на личность, так и на большие социальные группы. Третье

условное место занимает технологический суверенитет (высокая необходимость — 66 %), что, видимо, отражает осознание социумом, что технологический суверенитет — это технологический фундамент будущего страны, ее безопасности и независимости, определяющее ее выживание в информационную эпоху.

Условную середину в иерархии суверенитетов занимает государственно-политический суверенитет (высокую необходимость его укрепления отметили 65 % опрошенных), что, видимо, объясняется и влиянием специальной военной операции, стимулировавшей формирование в общественном сознании нацеленности на защиту страны. По параметру «высокий уровень» необходимости укрепления обращает на себя внимание и культурный суверенитет (60 %), поскольку 27 % экспертов отметили «среднюю» необходимость его укрепления, а каждый десятый (13 %) — малую. Завершают иерархию мировоззренческий и духовный суверенитеты, выступающие основой российской государственности и идентичности: по позиции «высокая мера» необходимости укрепления они находятся практически на одном уровне, и характерно, что здесь эксперты ушли от крайних оценок.

Условие выживания любой крупной страны — ее способность обеспечивать свой суверенитет. Для России суверенитет — это не только сохранение и укрепление своей идентичности в практическом плане, но и когнитивный слом всей системы взглядов и представлений о возможности встраивания российской цивилизации в систему западных ценностей: продолжается столкновение позиций в экономике, госуправлении, образовании и информационной сфере. Отказ от идеологии и политики западного либерализма поставил вопрос о необходимости развития идейной основы российского общества. Получившие распространение в последнем десятилетии политические практики и идеологии прагматизма и патриотизма, дополненные затем идеологией консерватизма и традиционных ценностей, отражают текущие мировоззренческие запросы российского общества. Они ориентируют на сохранение нынешней социальной реальности, но в них отсутствуют стратегические цели развития общества и государства. Соответственно, актуализируется задача оценки мировоззренческих ожиданий, которые формируются в российском обществе в отношении идейной основы будущего страны. Ответы на вопрос «Высказываются суждения о наличии в российском обществе ожиданий идеологии, ориентирующей на преобразования страны в будущем. По-Вашему, есть ли в обществе такой запрос и если есть, то в какой мере он отвечает ожиданиям общества?» распределились следующим образом: подобного запроса нет — 2 %, высокие ожидания (запрос представлен в наибольшей степени) — 52 %, средние — 33 %, запрос представлен в малой степени — 12 %. Абсолютное большинство экспертов отмечает наличие в российском обществе ожиданий формирования идеологии, «ориентирующей на преобразования» страны в будущем, причем

ожиданий «высокой» и «наивысшей» степени, реже — «средней». Такая направленность экспертных оценок свидетельствует о неудовлетворенности социума содержанием идейных обоснований российской государственности и о нацеленности на их обновление.

Обращают на себя внимание экспертные оценки целесообразности возвращения к советскому общественному проекту. Ответы на вопрос «В общественном дискурсе появились суждения о целесообразности возвращения к опыту советского общественного проекта, основанного на воплощении социальных идей равенства, социальной справедливости. Предлагается переосмыслить его и реализовать на новом уровне. Как Вы считаете, отвечает ли это потребностям современного российского общества, и если да, то в какой мере?» распределились следующим образом: подобного запроса в обществе нет — 6 %, высокий общественный запрос — 36 %, средний — 33 %, незначительный — 24 %, т.е. в отношении такого использования советского проекта в российском обществе (по оценкам экспертов) не сложилось устойчивого мнения. Разброс в оценках экспертов степени соответствия ожиданиям общества возвращения «к опыту советского общественного проекта» показывает, с одной стороны, нацеленность на применение в стратегии развития в той или иной мере советских идей, с другой стороны, отсутствие в обществе единой консолидированной позиции о мере его использования. Иными словами, в обществе продолжается поиск обновленной стратегии развития страны на основе идей равенства и социальной справедливости.

Суверенность во многом зависит от тех идейно-политических воззрений, которые формируются в обществе о стране и мироустройстве, пути, по которому должно идти ее развитие. Значимой в этом плане представляется динамика экспертных оценок тех позиций, которые составляют идейно-политическую основу суверенитета. В Таблице 3 представлены экспертные оценки мировоззренческих позиций, предопределяющих идейную основу суверенизации и социальной консолидации: варианты оценок представленных позиций проранжированы по параметру «необходима в высокой мере».

По сравнению с 2022 годом в 2024 году в оценках экспертов произошли заметные изменения: значимость консолидации страны в период проведения специальной военной операции обусловила выделение экспертами в качестве мировоззренческой основы российского общества идейных позиций, обеспечивающих суверенитет страны через единение жизнедеятельности граждан и государства. В частности, об этом говорит рост доли экспертных оценок по параметру «необходима в высокой мере» такой позиции, как убеждение, что «Россия — моя страна», а не «Россия — эта страна» (68 % в 2024 году против 56 % в 2022). Иными словами, проблема суверенитета становится консолидирующей концепцией развития страны.

Таблица 3

Оценка мировоззренческих позиций, предопределяющих идейную основу суверенизации и социальной консолидации (в %)

Положения	В малой мере			В средней мере			В высокой мере		
	2022	2023	2024	2022	2023	2024	2022	2023	2024
Включенность в восприятие российским (русским) миром идиомы «Россия — моя страна», а не «Россия — эта страна»	19	9	10	25	25	20	56	65	68
Государство — выразитель воли большинства	18	20	25	18	32	17	64	47	58
Интересы страны более значимы, чем интересы конкретного гражданина	19	25	29	31	31	22	61	42	49
Показателем ценности человека выступает его гражданская позиция по отношению к Отечеству (а не клановая, корпоративная, должностная принадлежность)	31	22	21	32	33	32	31	45	48
Интересы конкретного человека выше интересов общества		48	28		40	48		12	24

Примечания

- (1) Исследование проведено в марте-июне 2024 года в 19 регионах страны. Экспертный опрос был реализован Институтом государственной службы РАНХиГС под руководством и с личным участием Л.Е. Ильичевой и А.В. Иванова. Математическую обработку результатов провела Т.Ю. Белоусова.
- (2) В инструментарии применялась пятибалльная шкала, где 1 — в наименьшей мере, а 5 — в наивысшей мере. В таблицах результаты по позициям «в наименьшей мере» и «в невысокой мере» объединены в группу «в малой мере», по позициям «в высокой мере» и «в наивысшей мере» — в группу «в высокой мере».

Библиографический список

- Антинази А. Суверенитет // Энциклопедия социологии // URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/fc/slovar-209-3.htm#zag-4054>.
- Беседина В.А., Бородин М.Н., Зуев А.В., Рубцов С.Н. Разновидности суверенитета: проблемы определения // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 5А.
- Виноградова Е.В., Захарцев С.И. Суверенитет: государство — личность — государство. Российская модель // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1.

4. Горшков М.К., Тюрина И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. № 4.
5. Зуев А.В. К вопросу о понятии государственного суверенитета // Заметки ученого. 2021. № 11–1.
6. Кузнецова Е.С. Западные концепции государственного суверенитета // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 2.
7. Левашов В.К., Гребняк О.В. Актуальные изменения социальных сетей и цифровой среды в период специальной военной операции на Украине // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8. № 2.
8. Мерзликин Н.В., Иванов А.В. Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 4.
9. Мерзликин Н.В. Мировоззренческая основа консолидации российского общества // Российское общество в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / Под ред. В.К. Левашова. М., 2023.
10. Мерзликин Н.В. Граждане и эксперты о доверии институтам и политике российского государства // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30. № 1.
11. Орешкин М. Интервью журналу «Эксперт» // URL: <https://expert.ru/mnenie/v-gonku-suverenitetov-vstupili-vse-krupnye-strany/?ysclid=m4k3rastc4911000855>.
12. Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1.
13. Стенограмма выступления Владимира Путина на съезде партии «Единая Россия» 17 декабря 2023 года // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73013>.
14. Тренин Д.Е. Россия и мир в XXI веке. М., 2016.
15. Троцук И.В., Субботина М.В. Представления россиян о героях и героизме: устойчивые и изменчивые компоненты (по материалам опросов общественного мнения) // Вестник РУДН. Серия: Социология. РУДН. 2023. Т. 23. № 3.
16. Троцук И.В., Рындина А.С. Ценностные приоритеты государственных служащих в собственных и внешних оценках: результаты кейс-стадии // Государственное управление и развитие России: глобальные тренды и национальные перспективы. М., 2023.
17. Устилинцев К.А. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа культурного суверенитета современной России // Правовая культура. 2024. № 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-21-32

EDN: GHEAAV

Sovereignty in the perception of the Russian civil society: A sociological dimension*

N.V. Merzlikin

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS,
Fotievoy St., 6, bldg. 1, Moscow, 119333, Russia

(e-mail: merzlikin37@bk.ru)

*© N.V. Merzlikin, 2025

The article was submitted on 04.09.2024. The article was accepted on 24.10.2024.

Abstract. The article considers a new period in the life of the Russian society and the state — the rejection of the comprador model of governance and the transition to a strategy of sovereign development. For the Russian society, sovereignty ensures not only external and internal independence but also a cognitive breakdown of the entire system of views, ideas and illusions about the possibility of the Russian civilization to become a part of the West. This is a complex and painful process affecting the interests of different social groups and accompanied by a clash of positions in the economy, public administration, science, education, culture and information environment. The watershed between ideological positions regarding the sovereignty of the Russian statehood runs along the line of refusal to follow Western concepts of development and the choice of traditional moral values as the ideological basis of the Russian sovereignty. The concept of sovereignty ideologically justifies the country's development strategy. Issues of sovereignty are considered in many theoretical works, mainly revealing its role in the formation of a multipolar world order, but there are practically no empirical studies showing the nature of society's perception of the transition from a comprador system of relations to a sovereign development model. The article is based on the results of expert surveys conducted with the participation of the author by the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. According to experts, the sovereignty of the Russian statehood needs to be strengthened at all levels: state-political, spiritual-ideological and economic. Many subjects of civil society still do not realize the impossibility of returning to the previous system of relations with the West and the finality of Russia's rejection of the previously pursued Western course.

Key words: sovereignty; expert assessments; ideological priorities; empirical data; sociological dimension

For citation: Merzlikin N.V. Sovereignty in the perception of the Russian civil society: A sociological dimension. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 21–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-21-32>

References

1. Antinazi A. Suverenitet [Sovereignty]. *Entsiklopediya sotsiologii*. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/fc/slovar-209-3.htm#zag-4054>. (In Russ.).
2. Besedina V.A., Borodin M.N., Zuev A.V., Rubtsov S.N. Raznovidnosti suvereniteta: problemy opredeleniya [Types of sovereignty: Problems of definition]. *Voprosy Rossiyskogo i Mezhdunarodnogo Prava*. 2023; 13 (5A). (In Russ.).
3. Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I. Suverenitet: gosudarstvo — lichnost — gosudarstvo. Rossiyskaya model [Sovereignty: state — individual — state. Russian model]. *Pravovaya Politika i Pravovaya Zhizn*. 2021; 1. (In Russ.).
4. Gorshkov M.K., Tyurina I.O. Konsolidatsiya rossiyskogo obshchestva v usloviyah sovremennykh vyzovov: istoriko-sotsiologicheskyy i tsennostno-mirovozzrencheskiy konteksty [Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Social-historical and value contexts]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 4. (In Russ.).
5. Zuev A.V. K voprosu o ponyatii gosudarstvennogo suvereniteta [On the concept of state sovereignty]. *Zametki Uchenogo*. 2021; 11–1. (In Russ.).
6. Kuznetsova E.S. Zapadnye kontseptsii gosudarstvennogo suvereniteta [Western concepts of state sovereignty]. *Mezhdunarodnye Protsessy*. 2006; 4 (2). (In Russ.).
7. Levashov V.K., Grebnyak O.V. Aktualnye izmeneniya sotsialnykh setey i tsifrovoy sredy v period spetsialnoy voennoy operatsii na Ukraine [Current changes in social networks and the digital environment during the special military operation in Ukraine]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Znaniya*. 2022; 8 (2). (In Russ.).
8. Merzlikin N.V., Ivanov A.V. Sotsialnaya konsolidatsiya v kontekste spetsialnoy voennoy operatsii (ekspertnaya otsenka) [Social consolidation under the special military operation (expert assessments)]. *Nauka. Kultura. Obshchestvo*. 2022; 28 (4). (In Russ.).

9. Merzlikin N.V. Mirovozzrencheskaya osnova konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [Ideological basis of the Russian society consolidation]. *Rossiyskoe obshchestvo v usloviyah globalnoy mnogopolyarnosti. Sotsialno-politicheskoe polozhenie Rossii v 2022 godu*. Pod red. V.K. Levashova. Moscow; 2023. (In Russ.).
10. Merzlikin N.V. Grazhdane i eksperty o doverii institutam i politike rossiyskogo gosudarstva [Citizens and experts on trust in institutions and policies of the Russian state]. *Nauka. Kultura. Obshchestvo*. 2024; 30 (1). (In Russ.).
11. Oreshkin M. Interviyu zhurnalu “Ekspert” [Interview to the *Expert*]. URL: <https://expert.ru/mnenie/v-gonku-suverenitetov-vstupili-vse-krupnye-strany/?ysclid=m4k3rastc4911000855>. (In Russ.).
12. Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Silantyeva V.A. Dukhovnaya bezopasnost v sovremennom rossiyskom obshchestve: ugrozy i puti ih preodoleniya [Spiritual security in the contemporary Russian society: Threats and ways to overcome them]. *Pravovoe Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*. 2019; 1. (In Russ.).
13. Stenogramma vystupleniya Vladimira Putina na s'ezde partii “Edinaya Rossiya” 17 dekabrya 2023 goda [Transcript of Vladimir Putin’s speech at the United Russia Party Congress on December 17, 2023]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73013>. (In Russ.).
14. Trenin D.E. *Rossiya i mir v XXI veke* [Russia and the World in the 21st Century]. Moscow; 2016. (In Russ.).
15. Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Predstavleniya rossiyan o geroyah i geroizme: ustoychivye i izmenchivye komponenty (po materialam oprosov obshchestvennogo mneniya) [Russians’ ideas of heroes and heroism: Stable and changing components (based on the public opinion polls)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (3). (In Russ.).
16. Trotsuk I.V., Ryndina A.S. Tsennostnye priority gosudarstvennykh sluzhashchih v sobstvennykh i vneshnih otsenkakh: rezultaty keys-stadii [Value priorities of civil servants in their and external assessments: Results of the case stage]. *Gosudarstvennoe upravlenie i razvitie Rossii: globalnye trendy i natsionalnye perspektivy*. Moscow; 2023. (In Russ.).
17. Ustilintsev K.A. Traditsionnye dukhovno-nravstvennye tsennosti kak osnova kulturnogo suvereniteta sovremennoy Rossii [Traditional spiritual-moral values as the basis of the cultural sovereignty of contemporary Russia]. *Pravovaya Kultura*. 2024; 2. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-33-45

EDN: GFLTIB

Непрерывное образование в России: экспертная оценка участия взрослого населения*

М.Ю. Семенов, М.М. Акулич

Тюменский государственный университет,
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия

(e-mail: m.y.semenov@utmn.ru; m.m.akulich@utmn.ru)

Аннотация. В современных условиях быстрого технологического прогресса и изменения рынка труда непрерывное образование становится важнейшим фактором воспроизводства человеческого капитала. В России проблема участия взрослого населения в программах непрерывного образования обретает все большую значимость, что связано с необходимостью адаптации профессиональных компетенций к изменяющимся экономическим и технологическим реалиям, а также с важностью повышения квалификации для поддержания конкурентоспособности на рынке труда. Статья посвящена участию взрослого населения России в непрерывном образовании, выявлению ключевых барьеров, препятствующих данному участию, и сравнению российской ситуации с лидирующими странами по уровню вовлеченности взрослых в программы обучения. Исследование основано на экспертном опросе: было проведено 25 полуструктурированных интервью, что позволило выявить мнения специалистов из разных сфер, связанных с непрерывным образованием взрослых. Дополнительно были использованы результаты авторского массового анкетирования, а также данные опросов ВЦИОМ, что обеспечило количественное подтверждение качественных выводов. Применялся тематический анализ интервью и статистическая обработка данных анкетирования. Анализ показал, что основные причины, препятствующие активному участию взрослых в программах непрерывного образования, — культурно-ценностные установки, финансовые ограничения и недостатки институциональной среды. Несмотря на рост интереса к дополнительному обучению, Россия продолжает отставать от стран-лидеров по уровню включенности взрослого населения в непрерывное образование. Для повышения уровня участия взрослых в непрерывном образовании необходимо развивать образовательную культуру, снижать финансовые барьеры и совершенствовать институциональные условия. Эти меры будут способствовать повышению конкурентоспособности рабочей силы и развитию человеческого капитала страны.

Ключевые слова: непрерывное образование; обучение; взрослые; экосистема образования; EdTech; человеческий капитал; ценность образования

Для цитирования: Семенов М.Ю., Акулич М.М. Непрерывное образование в России: экспертная оценка участия взрослого населения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 33–45. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-33-45>

*© Семенов М.Ю., Акулич М.М., 2025

Статья поступила в редакцию 16.09.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Концепция lifelong learning («образование через всю жизнь») прочно укоренилась в научной литературе, посвященной вопросам развития человеческого потенциала и теоретическому описанию социальной динамики, и стала заметной практикой в жизни отдельных индивидов и целых сообществ, что находит отражение в результатах международных и всероссийских статистических наблюдений. Исследование европейской рабочей силы [16] свидетельствует об устойчивом росте доли населения в возрасте от 25 до 64 лет, вовлеченного в непрерывное образование, и данный показатель увеличился почти в три раза (с 5,3 % до 12,9 %) (1) за последние двадцать лет. В России также фиксируется тенденция роста доли населения, участвующей в непрерывном образовании. Несмотря на волатильность этого показателя, его динамику можно охарактеризовать как восходящую [2; 9], причем указанный тренд наблюдается не только по населению в целом или в конкретной возрастной группе, но и в соотношении с занятостью. В период с 2010 по 2019 годы доля занятого населения в возрасте от 25 до 65 лет, прошедшего обучение по программам формального и дополнительного образования, увеличилась с 15,8 % до 25,2 % [10. С. 7].

Рост числа участников программ непрерывного обучения в России и в мире, несомненно, связан с увеличением количества его провайдеров и институционализацией его новых форм. С одной стороны, растет число организаций, осуществляющих образовательную деятельность среди взрослого населения России: с 2019 по 2022 годы — с 2278 до 2322 [3. С. 180]. В Китае прогнозируется рост рынка обучения взрослых в разных форматах (офлайн/онлайн) на 12,9 % до 2027 года [15]. С другой стороны, формируются новые образовательные отрасли, которые позволяют удовлетворить потребности населения в получении знаний и получении квалификации. Пример — индустрия EdTech, напрямую связанная с развитием цифровых технологий и возможностей дистанционного обучения. Причем EdTech не сводится исключительно к онлайн образованию — это «собирательное название любых технологий, применяемых в образовательном процессе» [12]. Бурное развитие данной отрасли подтверждается тем, что только в российском сегменте EdTech компаний объем рынка за второй квартал 2024 года превысил 32 млрд рублей, демонстрируя стабильный рост с 2020 года (2). По прогнозу аналитической группы IMARC, к 2032 году мировой объем рынка EdTech достигнет 661,2 млрд долларов США при совокупном среднегодовом темпе роста в 12,48 % (3). Таким образом, прослеживается общемировой тренд востребованности непрерывного образования, особенно среди взрослого населения, представители которого являются активными субъектами рынка труда.

Для России вопрос об участии взрослого населения в программах непрерывного образования актуален по ряду причин. Во-первых, существует общемировая проблема амортизации человеческого капитала и устаревания компетенций. Исследователи из Сеульского национального универси-

тета, проанализировав панельные данные Германии, пришли к выводу, что наибольшей амортизации подвержен человеческий капитал, основанный на высшем образовании, и активное обесценивание образования наблюдается на высокотехнологичных рабочих местах [14] — возникает потребность в постоянном обновлении компетенций работающего населения, что подразумевает участие в непрерывном образовании.

Во-вторых, долгосрочные изменения и прогнозы относительно российского рынка труда говорят об убыли рабочей силы с усилением понижательного тренда: в ближайшее десятилетие потери в занятости могут составить 3–5 млн человек [6. С. 73]. Для компенсации последствий данной ситуации оставшиеся трудовые ресурсы должны быть максимально продуктивными и обладать актуальными компетенциями, что невозможно без активного участия взрослого населения в непрерывном образовании, которое направлено на совершенствование технических и профессиональных квалификаций, дальнейшее развития способностей и обновление знаний (4).

В-третьих, несмотря на недружественную геополитическую позицию западных стран в отношении России, у части российской молодежи сохраняются достаточно сильные эмиграционные установки, что неминуемо приводит к проблеме «утечки мозгов». Миграционные потоки, связанные с выездом для обучения за рубеж, трансформируются «не только в количественном отношении, но и в качественном (на уровне состава стран-реципиентов), что указывает на доминирование внеакадемической мотивации выезда из страны» [4]. Данная ситуация, несомненно, рискогенна в условиях необходимости сохранения и развития интеллектуального потенциала российского общества и обеспечения его конкурентоспособности как основы технологического суверенитета страны.

В России реализуются государственные программы, направленные на переобучение населения трудоспособного возраста. Речь в первую очередь идет о федеральном проекте «Содействие занятости» — части национального проекта «Демография», направленном на «оказание помощи гражданам в решении проблемы трудоустройства через обучение востребованным компетенциям для овладения новой специальностью и поиска нового места работы» [5. С. 45]. Однако проект ориентирован на отдельные группы, наиболее уязвимые на рынке труда, и предполагает соответствие граждан определенным требованиям (5) для использования предоставляемых проектом возможностей.

На сегодняшний день Россия не является аутсайдером в рейтинге стран по уровню участия взрослого населения в непрерывном образовании, но имеет возможности для улучшения своих позиций. Ранее [13] на основе открытых статистических данных мы показали, что Россия входит в группу стран со средним уровнем включенности взрослых в непрерывное образование — 43 %, что значительно выше, чем в Греции (17 %) или Сербии (21 %), но ниже,

чем в Швеции (74 %) или США (60 %). Необходимо увеличивать вовлеченность взрослых в непрерывное образование в России, чтобы обеспечить сохранение и развитие имеющегося человеческого капитала на рынке труда, преодолевая проблемы квалификационного разрыва. Вместе с тем имеющиеся сопоставительные количественные данные позволяют лишь констатировать факты, но не дают понимания причин имеющихся различий, поэтому мы рассмотрели сущностные особенности участия российского населения в непрерывном образовании на основе экспертных оценок в контексте сопоставления со странами-лидерами по данному показателю.

Теоретической рамкой анализа непрерывного обучения взрослых выступили, с одной стороны, концепции, определяющие образование как инструмент формирования и поддержания человеческого капитала [17; 19], с другой стороны, идеи развития образовательной системы в логике экосистемного подхода [7]. Были поставлены следующие исследовательские вопросы: как можно охарактеризовать ситуацию с участием взрослого населения в непрерывном образовании в России; каковы основные ограничения, не позволяющие на данный момент России занять лидирующие позиции по уровню включенности взрослого населения в непрерывное образование.

Основным методом сбора эмпирических данных стали полуструктурированные экспертные интервью: эксперты привлекались из государственного и коммерческого секторов — менеджмент государственных и корпоративных университетов, представители организаций образовательного консалтинга и провайдеров неформального образования и ДПО, специалисты из сферы HR, академические исследователи сферы образования и рынка труда. Полный перечень опрошенных экспертов с описанием их сфер занятости и прочих характеристик был опубликован ранее [1]. Отбор экспертов проходил в два этапа: сначала исследовательский коллектив методом «длинного стола» обсуждал, кто нужен в качестве экспертов, чтобы ответить на ключевые вопросы исследования. Был определен ряд дискурсивных полей, представители которых обладают экспертным знанием по тематике исследования (6). Далее в ходе рекрутинга релевантность экспертов определялась следующими критериями: профессиональный опыт в сфере образования взрослых и общий стаж работы (не менее пяти лет), глубина компетентности и погруженности в практику в одном из обозначенных на первом этапе дискурсивных полей. Информанты привлекались либо посредством личных контактов, либо с использованием метода «снежного кома». Общий пул экспертов составил 36 человек, однако полуструктурированный формат интервью обусловил отбор 25 интервью, в ходе которых удалось подробно обсудить различия участия взрослых в непрерывном образовании в России и западных странах. Эксперты представили 11 регионов России (6 федеральных округов) и были опрошены в период с ноября 2023 по февраль 2024 года. Был проведен тематический анализ транскриптов интервью с по-

мощью процедур, разработанных А. Брайманом [18] и характеризующихся исследовательской валидностью.

Помимо результатов экспертного опроса в статье приведены отдельные данные массового онлайн-анкетирования на специализированном ресурсе «Анкетолог» (в феврале-мае 2024 года): ссылка на анкету распространялась через социальные сети и мессенджеры среди респондентов, подходящих под требуемые социально-демографические критерии. Выборка включала трудоспособное население из разных по численности городов и сельских поселений Тюменской и Свердловской областей. Отбор респондентов проходил в несколько этапов: по городам с разной численностью населения; по полу и возрасту (18–24, 25–34, 35–44, 45–59, 60 лет и старше (N=1500, ошибка выборки не превышает 3 %). Анкетирование было призвано оценить вовлеченность трудоспособного населения в образовательные практики, запросы, интересы, ценностные ориентации и самостоятельную активность разных социально-демографических групп. Также определялись наиболее востребованные для личностного и профессионального развития цифровые ресурсы образовательной экосистемы (в статье приведены данные об использовании цифровых образовательных платформ трудоспособным населением).

Помимо авторского опроса были проанализированы материалы всероссийских исследований ВЦИОМ — для соотнесения их с основными нарративами экспертного сообщества. Комплекс использованных методов обеспечил смешанную стратегию дополняющего типа. Результаты эмпирического исследования представлены как описание трех тематических полей (групп) ответов информантов в ходе интервью — от большего (наиболее часто встречающегося нарратива) к меньшему (частным ответам).

Итак, что же является ключевым фактором, определяющим различия в уровне включенности взрослого населения в непрерывное образование в России и ряде зарубежных стран-лидеров по этому показателю: самое часто встречающееся тематическое поле ответов на этот вопрос в нарративах информантов можно охарактеризовать как *особенности культурно-ценностного характера* на этапе после получения первого образования и выхода на рынок труда: *«У нас все-таки остается на данный момент парадигма, что достаточно одного высшего образования, которое обеспечит тебе полную дорогу в профессиональный мир»*; *«Как большинство народа у нас считает: “Я закончил университет, зачем мне еще учиться? Всему, что мне нужно я научусь непосредственно на рабочем месте. Не хочу я больше садиться за парту и чему-то обучаться”*»; *«возможно, и менталитет, и образ жизни, какие-то традиционные представления об образе жизни сказываются».*

Близки по смыслу к культуре обучения и размышления экспертного сообщества о ценности непрерывного образования, поэтому они были объединены в общее тематическое поле: *«Мы с вами этим живем, бесконечно учимся, а среднестатистический человек просто не видит в этом смысла, ему*

это не нужно»; понимание, «что обучение имеет реальную ценность, есть у очень небольшого процента». Один эксперт обратил внимание на формирование поколенческих установок относительно важности непрерывного образования в жизни: «Да даже нас еще, наше поколение [моложе 40 лет], когда мы поступали, в принципе нам говорили, что один диплом — это твоя дорога в светлое будущее, это, соответственно, твоя гарантия куска хлеба. Будешь работать хорошо, получишь кусок хлеба с маслом. Поэтому даже у моего поколения, у многих ощущение, что у нас нет дефицита в навыках, нет дефицита в знаниях, поэтому зачем нам еще что-то учить?».

По мнению экспертов, ценность дополнительного образования, повышения квалификации и переобучения не осознается большинством взрослого населения, поэтому в этом вопросе Россия отстает от некоторых западных стран. В этой связи интересно обратиться к всероссийским опросам ВЦИОМ: с одной стороны, действительно, ценность получения качественного образования с возрастом снижается (26 % в группе 18–24 лет; 20 % — 35–44 лет; 9 % — 45–59 лет) (6); с другой стороны, за последние двадцать лет в два раза уменьшилась доля россиян, считающих, что нет необходимости повышать свою квалификацию, чтобы быть конкурентоспособным (16 % в 2004 году, 8 % — в 2024) (7). На наш взгляд, это объясняется тем, что изменения в сфере культуры и общественных ценностей происходят постепенно, растянуты во времени, поэтому, хотя сегодня и зафиксирован положительный тренд — осознание важности непрерывного образования взрослых, этот тренд пока не достигает уровня стран-лидеров по этому показателю.

Впрочем, только изменений культурно-ценностного характера в сфере непрерывного образования будет недостаточно для включения большего числа взрослых в подобные форматы обучения. Важно также финансовое обеспечение населения и развитая институциональная среда для совершенствования или получения компетенций в любой период жизни. Соответственно, второе тематическое поле можно охарактеризовать как *недостаток финансов или разницу в доходах*, которые взрослые люди могут потратить на переобучение/повышение квалификации: *«Как мне кажется, одна из основных причин — это все-таки низкий уровень дохода у большей части россиян, а образование стоит денег и довольно немаленьких. Если зайти на ту же Нетологию или Skillbox, мы увидим, что цены на полноценный курс будут превышать 100 тысяч рублей»; «если учитывать структуру затрат среднего человека в России, то, конечно, большая доля уходит на обеспечение себя пропитанием, на жизнь, нежели на образование».*

Для дополнения экспертных оценок можно обратиться к результатам нашего анкетного опроса населения, в рамках которого мы определили, насколько часто трудоспособное население проходит обучение на EdTech платформах в безвозмездном формате (как показывает рисунок 1, достаточно часто). Для значимой части образовательных платформ характерно про-

хождение пользователями бесплатных курсов, однако на нескольких ресурсах бесплатные курсы либо не проходят совсем (OTUS), либо их количество меньше (ЕШКО, Skillfactory) по сравнению с платными. На наш взгляд, это связано с дифференциацией EdTech платформ на площадки массовых открытых онлайн курсов и школ интернет-профессий: пользователи платформ первого типа склонны выбирать бесплатные программы, а во втором случае таких возможностей может не быть в связи с трудозатратностью и инновационностью образовательного продукта.

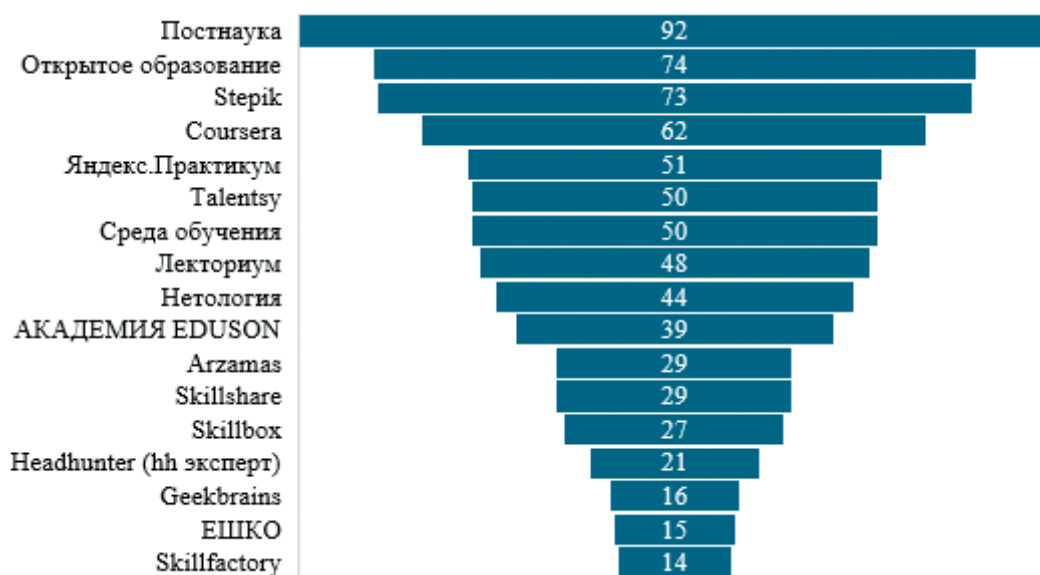

Рис. 1. Доля пользователей (в %), проходивших бесплатные курсы на образовательных платформах

Третье тематическое поле в ответах экспертов — *различия институционального устройства системы образования и рынка труда*, например, на российском рынке труда множество рабочих мест не предполагает необходимости постоянного переобучения: *«Я думаю, что довольно много... рабочих мест, большая доля рабочих мест не предполагает постоянного переобучения в силу того, что основана на традиционных технологиях»*. Высказывалось и мнение о слишком высокой занятости в наиболее активном возрасте для переобучения или развития имеющихся компетенций: *«В возрастном диапазоне от 25 до 50 лет трудоспособное население занято чрезвычайно на работе и элементарно сложно принять решение о дополнительном обучении, потому что это дополнительные временные затраты, а люди устают»*. Это мнение подтверждается данными ВЦИОМ: если в 1992 году на вопрос «Как Вам кажется, в последнее время Вы стали работать больше или меньше, чем два-три года тому назад?» 39 % отвечали, что стали работать больше, то в 2022 году доля таких возросла до 53 % (9).

Что касается различий в институциональной сформированности образовательной системы в России, то эксперты отметили проблему отсутствия программ для людей третьего возраста: *«Дело в том, что у них [западных стран] существует система образования для людей третьего возраста, то, чего у нас вообще нет. Люди выходят на пенсию, а их учат чему-нибудь? Нет, а ведь многие хотели бы учиться... Ну что мы предлагаем сегодня пенсионерам? Вы же знаете — самое широко распространенное предложение — «идите учитесь компьютерной грамотности»... А когда люди говорят, что хотят повысить профессиональный уровень, то, извините, у нас для этого ресурсов нет»*. Трудно не согласиться с экспертом, особенно в условиях сокращения рабочей силы на рынке труда, смещения возраста выхода на пенсию и общего тренда увеличения продолжительности жизни. Необходимо разрабатывать и реализовывать образовательные практики для людей третьего возраста не только как форму досуга, но а как инструмент, помогающий «восполнить дефицит человеческого капитала в решении многих экономических и социальных проблем российского общества» [11].

Один из информантов отметил интересную ситуацию на современном рынке труда — развилку для специалистов, которые могут стать участниками программ непрерывного образования: *«Либо ты попадаешь после 40–45 лет в какой-то пул достаточно высококвалифицированных людей, а они и так востребованы. Они не учатся, потому что некогда, либо учатся где-то параллельно.... Но их не так много. Второй пул — это люди, которые не так хорошо состоялись в профессии. Сюда попадают люди без высшего образования либо люди с высшим образованием, но занимающие не очень высокие должности. Они не видят для себя, как правило, способов получить отдачу. С их точки зрения период отдачи очень большой, плюс сама отдача сомнительна»* (10). Мнение эксперта достаточно интересно для последующего более глубокого анализа, однако может не учитывать проблему амортизации человеческого капитала и быстрого устаревания компетенций, особенно среди высококвалифицированных специалистов [14].

В ходе проведения серии интервью два эксперта выразили сомнения в представленной для обсуждения международной статистике о различиях стран по уровню включенности взрослого населения в непрерывное образование: *«Во-первых, я не верю в 80 % обучающихся... Мы говорим про людей 18–72 лет, ну, ладно, от 18 и до бесконечности. И все эти люди сейчас, 80 % из них, обучаются? Я просто не очень представляю, как это чисто технически возможно»; «У нас есть краткосрочная программа на 8 часов, но мы с вами даже отчитаться этим не можем. А они провели 4 часа семинара и отчитались о нем как об обучении в контексте дополнительного образования, об образовании взрослых, понимаете? Поэтому у них этот процент выше»*. Сомнения экспертов основаны на непонимании технологий подсчета данных, поскольку предложенные для обсуждения межстрановые

статистические различия по уровню участия взрослых в непрерывном образовании не имеют признаков ангажированности или необъективности.

Отметим, что качественные данные, основанные на экспертных оценках и обобщенные в данной статье, позволили помимо уже доказанных в более ранних исследованиях [8] экономических и управленческих детерминант вовлеченности населения в непрерывное образование, также обратить внимание и на социокультурные особенности восприятия обучения в течение всей жизни. Именно различия в установках на непрерывность обновления своих компетенций, наличие ценности обучения после получения первого профессионального или высшего образования среди различных социальных групп, определяют их активность участия в различных практиках непрерывного образования наравне с иными материально выраженными причинами.

Анализ приведенных в статье данных говорит о необходимости формирования у студенческой молодежи и трудоспособного населения ценностных установок на непрерывное образование, связанное как с развитием социально-значимых профессиональных компетенций, так и с личностным ростом. Однако это длительный процесс, требующий постепенных изменений в мировоззрении. Проблема доступности образования в аспекте его непрерывности требует решения еще как минимум двух задач: повышения уровня жизни населения и мониторинга загруженности субъектов трудовой деятельности. Еще одна проблема, выявленная в ходе экспертного опроса, — несоответствие институционального устройства системы образования рынку труда. В этом направлении в России многое делается (5), но преобразования необходимо целенаправленно продолжать. На наш взгляд, задачи развития, расширения и повышения эффективности российской системы непрерывного образования могут быть успешно решены на принципах экосистемного подхода, который предполагает, в первую очередь, ориентированность на обучающегося и ценностное предложение для него, а также особый характер связей участников образовательного процесса [7].

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10085, <https://rscf.ru/project/23-78-10085>.

Примечания

- (1) В исследовании фиксируется доля людей, заявивших, что они получали формальное или неформальное образование либо проходили повышение квалификации в течение четырех недель, предшествующих опросу.
- (2) Индекс российского EdTech-рынка // URL: <https://edtechs.ru/indeks/?indeks=23>.
- (3) Edtech Market Report by Sector // URL: <https://www.imargroup.com/edtech-market>.
- (4) Международная стандартная классификация образования МСКО-2011 // URL: <https://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/isc-2011-ru.pdf>.
- (5) Работа России: Обучение граждан в рамках федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография» // URL: <https://trudvsem.ru/information-pages/support-employment>.

- (6) Итогом анализа стали пять дискурсивных полей: педагогический дискурс (участники образовательных программ для взрослых — преподаватели и менеджеры программ ДПО, топ-менеджеры, курирующие вопросы реализации ДПО в учреждениях высшего и среднего образования и др.); управленческий дискурс (руководители образовательных программ для взрослых, проректоры/кураторы по реализации ДПО в учреждениях высшего и среднего образования, руководители Центров ДПО и корпоративного обучения, топ-менеджеры и HR — специалисты, отвечающие за организацию программ повышения квалификации и переподготовки сотрудников); рыночный дискурс (поставщики образовательных услуг, в том числе из учреждений дополнительного образования, формального и неформального обучения, EdTech-компании, которые продают образовательные решения для B2B и B2C сегмента, образовательный консалтинг); технологический дискурс (руководители/представители компаний-разработчиков технологических, в том числе цифровых, решений для обучения LMS (системы управления обучением), PLS/E (персонализированные системы и среды обучения с использованием симуляций и виртуальных сред)); исследовательский дискурс (ученые, занимающиеся вопросами экономики образования, социологии образования, андрагогики и педагогики, изучающие правовые аспекты обучения взрослых, в том числе в корпоративной среде).
- (7) ВЦИОМ: Традиционные ценности, современные цели // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi>.
- (8) ВЦИОМ: Обучение длиною в жизнь // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn-1>.
- (9) Представлены ответы респондентов, которые имели опыт обучения на одной из платформ в течение 12 месяцев, предшествующих опросу; по каждой платформе задавался отдельный вопрос в случае опыта ее использования.
- (10) ВЦИОМ: Делу — время, а потехе? // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/delu-vremja-a-potekhe>.
- (11) Эксперт подразумевает отдачу от участия в программах непрерывного образования.

Библиографический список

1. Ефимова Г.З., Семенов М.Ю. Экспертная оценка места университета в экосистеме образования взрослых // *Высшее образование в России*. 2024. Т. 33. № 4.
2. Индикаторы образования 2022: стат. сб. М., 2022.
3. Индикаторы образования 2024: стат. сб. М., 2024.
4. Казакова А.Ю. Выезд на учебу как продленная утечка мозгов: «стремление к» или «бегство от»? // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2023. № 12.
5. Калинин М.Г. Обучение взрослого населения в рамках федерального проекта «Содействие занятости» (на примере АЦТ Санкт-Петербурга) // *Непрерывное образование в Санкт-Петербурге*. 2022. № 1.
6. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов. WP3/2023/02. М., 2023.
7. Кичерова М.Н., Трифонова И.С. Принципы экосистемного подхода: возможности для моделирования образовательной экосистемы // *Science for Education Today*. 2023. Т. 13. № 3.
8. Коришунов И.А., Гапонова О.С. Непрерывное образование взрослых в контексте экономического развития и качества государственного управления // *Вопросы образования*. 2017. № 4.
9. Непрерывное образование взрослого населения в России: вовлеченность, источники финансирования и основные эффекты от участия. Информационный бюллетень. М., 2018.
10. Непрерывное образование работников в Российской Федерации и регионах. М., 2020.

11. Образование как ресурс сохранения и развития людей «третьего возраста». Екатеринбург, 2021.
12. Проказина Н.В. EdTech в социологическом образовании: вызовы и возможности, риски и решения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1.
13. Семенов М.Ю., Кичерова М.Н., Трифонова И.С. Международный опыт образования взрослых: трансформация институциональных форм // Интеграция образования. 2024. Т. 28. № 2.
14. Уолтер С., Ли Д.Д. Перспективы устаревания компетенций и амортизации человеческого капитала в контексте изменения производственных задач // Форсайт. 2022. Т. 16. № 2.
15. Adult Learning Market in China: Independent Industry Report // URL: <https://ir.quantasing.com/static-files/fabd23f6-d3f2-40b3-9504-713a5611cc0c>.
16. Adult Participation in Learning in the Past Four Weeks by Sex // URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/sdg_04_60/default/line?lang=en&category=sdg.sdg_04.
17. Becker G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. University of Chicago Press, 2009.
18. Bryman A. Social Research Methods. Oxford University Press, 2016.
19. Schultz T.W. Capital formation by education // Journal of Political Economy. 1960. Vol. 68. No. 6.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-33-45

EDN: GFLTIB

Continuing education in Russia: Expert assessment of adult participation*

M.Yu. Semenov, M.M. Akulich

Tyumen State University,
Volodarskogo St., 6, Tyumen, 625003, Russia

(e-mail: m.y.semenov@utmn.ru; m.m.akulich@utmn.ru)

Abstract. In the contemporary conditions of rapid technological progress and changes in the labor market, lifelong education becomes the most important factor in the reproduction of human capital. In Russia, the problem of adult participation in lifelong education programs has become increasingly important due to the need to adapt professional competencies to changing economic and technological realities and to the importance of advanced training to maintain competitiveness in the labor market. The article considers the participation of the Russian adult population in continuing education, identifies key barriers to this participation and compares the Russian situation with the leading countries in terms of adult participation in training programs. The study is based on the expert survey: 25 semi-formalized interviews were conducted, which allowed to identify the opinions of specialists from various fields on continuing education of adults. The authors refer to their mass survey and the WCIOM all-Russian data to provide quantitative confirmation for qualitative conclusions; thematic analysis of interviews and statistical analysis of survey data were used. Thus, the main reasons preventing active participation of adults in lifelong learning programs are cultural-

*© M.Yu. Semenov, M.M. Akulich, 2025

The article was submitted on 16.09.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

value attitudes, financial constraints, and shortcomings of the institutional environment. Despite the growing interest in additional education, Russia still lags behind leading countries in terms of the scale of adult participation in continuing education. To change the situation, it is necessary to develop a general educational culture, reduce financial barriers, and improve institutional conditions. Such measures would increase the competitiveness of the workforce and develop the country's human capital.

Key words: continuing education; learning; adults; education ecosystem; EdTech; human capital; value of education

For citation: Semenov M.Yu., Akulich M.M. Continuing education in Russia: Expert assessment of adult participation. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 33–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-33-45>

References

1. Efimova G.Z., Semenov M.Y. Ekspertnaya otsenka mesta universiteta v ekosisteme obrazovaniya vzroslykh [Expert assessment of the university's place in the ecosystem of adult education]. *Higher Education in Russia*. 2024; 33 (4). (In Russ.).
2. Indikatory obrazovaniya 2022: stat. sb. [Education Indicators 2022: Statistical Digest]. Moscow; 2022. (In Russ.).
3. Indikatory obrazovaniya 2024: stat. sb. [Education Indicators 2024: Statistical Digest]. Moscow; 2024. (In Russ.).
4. Kazakova A.Yu. Vyezd na uchebu kak prodlennaya utechka mozgov: "stremlenie k" ili "begstvo ot"? [Departure for study as an extended brain drain: "Striving for" or "escape from"?]. *Alma Mater*. 2023; 12. (In Russ.).
5. Kalinko M.G. Obuchenie vzroslogo naseleniya v ramkah federalnogo proekta "Sodeystvie zanyatosti" (na primere ATsT Sankt-Peterburga) [Adult education within the framework of the federal project "Employment Assistance" (on the example of the Saint Petersburg ADT)]. *Nepreryvnoe Obrazovanie v Sankt-Peterburge*. 2022; 1. (In Russ.).
6. Kapelyushnikov R.I. *Rossiysky rynek truda: statistichesky portret na fone krizisov* [Russian Labor Market: Statistical Portrait under Crises]. WP3/2023/02. Moscow; 2023. (In Russ.).
7. Kicherova M.N., Trifonova I.S. Printsipy ekosistemnogo podkhoda: vozmozhnosti dlya modelirovaniya obrazovatelnoy ekosistemy [Principles of the ecosystem approach: Possibilities for modeling the educational ecosystem]. *Science for Education Today*. 2023; 13 (3). (In Russ.).
8. Korshunov I., Gaponova O. Nepreryvnoe obrazovanie vzroslykh v kontekste ekonomicheskogo razvitiya i kachestva gosudarstvennogo upravleniya [Continuous education of adults in the context of economic development and the quality of public administration]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2017; 4. (In Russ.).
9. *Nepreryvnoe obrazovanie vzroslogo naseleniya v Rossii: vovlechenost, istochniki finansirovaniya i osnovnye efekty ot uchastiya*. Informatsionny byulleten [Continuing Education of Adults in Russia: Involvement, Sources of Funding and Main Effects of Participation. Information Bulletin]. Moscow; 2018. (In Russ.).
10. *Nepreryvnoe obrazovanie rabotnikov v Rossiyskoy Federatsii i regionah* [Continuing Education of Employees in the Russian Federation and Its Regions]. Moscow; 2020. (In Russ.).
11. *Obrazovanie kak resurs sokhraneniya i razvitiya lyudey "tretyego vozrasta"* [Education as a Resource Preserving and Developing People of the "Third Age"]. Ekaterinburg; 2021. (In Russ.).
12. Prokazina N.V. EdTech v sotsiologicheskoy obrazovanii: vyzovy i vozmozhnosti, riski i resheniya [EdTech in sociological education: Challenges and opportunities, risks and solutions]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (1). (In Russ.).

13. Semenov M.Yu., Kicherova M.N., Trifonova I.S. Mezhdunarodny opyt obrazovaniya vzroslyh: transformatsiya institutsionalnyh form [International practices of adult education: Transformation of institutional forms]. *Integratsiya Obrazovaniya*. 2024; 28 (2). (In Russ.).
14. Walter S., Lee J.-D. Perspektivy ustarevaniya kompetentsiy i amortizatsii chelove-cheskogo kapitala v kontekste izmeneniya proizvodstvennyh zadach [How susceptible are skills to obsolescence? A task-based perspective of human capital depreciation]. *Foresight*. 2022; 16 (2). (In Russ.).
15. Adult Learning Market in China: Independent Industry Report. URL: <https://ir.quantasing.com/static-files/fabd23f6-d3f2-40b3-9504-713a5611cc0c>.
16. Adult Participation in Learning in the Past Four Weeks by Sex. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/sdg_04_60/default/line?lang=en&category=sdg.sdg_04.
17. Becker G. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. University of Chicago Press; 2009.
18. Bryman A. *Social Research Methods*. Oxford University Press; 2016.
19. Schultz T.W. Capital formation by education. *Journal of Political Economy*. 1960; 68 (6).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-46-63

EDN: GBLBSE

Особенности международной студенческой миграции из Республики Узбекистан в Российскую Федерацию (на примере Северного (Арктического) федерального университета, 2009–2024)*

П.С. Голомидова

Северный (Арктический) федеральный университет,
наб. Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

(e-mail: p.s.golomidova@yandex.ru)

Аннотация. На примере потока студенческой миграции из Узбекистана в Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (САФУ, Архангельск) в 2009–2024 годы в статье обозначены особенности формирования и развития региональных миграционных потоков. Автор уделяет особое внимание переходу от фазы инициации потока к этапу его самоподдержки и выявлению роли таких институтов, как миграционные сети и миграционная индустрия. Статья основана на статистических данных приема иностранных студентов в САФУ, анкетном опросе и полуформализованных интервью с гражданами Узбекистана — студентами университета, экспертных интервью с представителями миграционной индустрии и включенном наблюдении в рамках профессиональной деятельности автора. В результате выделены четыре этапа в развитии потока региональной студенческой миграции, не однородных по объему и социальной организации. Миграционная индустрия играла ключевую роль в обеспечении миграционного прироста с 2013 по 2017 годы, а 2020–2021 годы он в большей степени обеспечивался миграционными сетями, что подтверждается его устойчивостью в условиях частичной дисфункции сложившихся ранее механизмов миграционной индустрии (пандемия) и развитием региональных субпотоков из Наманганской и Ташкентской областей. Важную роль в развитии миграционных сетей сыграли студенты, которые успешно прошли адаптационные процессы, накопили социальный капитал в принимающем сообществе и сохранили социальные связи в отправляющем сообществе, тем самым способствуя поступлению в САФУ своих соотечественников. Применяя концепцию Х. де Хааса о внутренней динамике миграционных потоков к студенческой миграции, автор выдвигает гипотезу, что комплексная деятельность университета по встраиванию в миграционную индустрию, включая меры поддержки иностранных студентов, является необходимой предпосылкой для успешной адаптации академических мигрантов, что способствует развитию механизмов сетевой миграции.

Ключевые слова: экспорт высшего образования; набор иностранных студентов; международная образовательная миграция; высшее образование; интернационализация; Россия и Узбекистан

*© Голомидова П.С., 2025

Статья поступила в редакцию 10.09.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Для цитирования: Голомидова П.С. Особенности международной студенческой миграции из Республики Узбекистан в Российскую Федерацию (на примере Северного (Арктического) федерального университета, 2009–2024) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 46–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-46-63>

Приток иностранных студентов в Российскую Федерацию на протяжении более десяти лет выступает одним из приоритетов развития страны, что подтверждается закреплением вопросов, связанных с экспортом российского высшего образования, в документах стратегического планирования. Указом Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» было предусмотрено увеличение не менее чем в два раза количества иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования и научных организациях» (1). Задачи по увеличению контингента иностранных студентов до 500 тысяч поставлены и в Указе Президента «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (2). Продвижению российского образования и обучению иностранных граждан уделяется внимание в Стратегии национальной безопасности (3), Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (4), инициативе Правительства «Россия — привлекательная для учебы и работы страна» (5).

По данным Минобрнауки России, по итогам 2022 года по числу обучающихся иностранных студентов страна занимала шестую позицию среди мировых лидеров экспорта высшего образования с 351,1 тысячами иностранных студентов (6). Важное место в формировании потоков образовательной миграции в Россию занимают страны СНГ: в 2020 году они обеспечивали 72,4 % контингента иностранных студентов в российских университетах [23. С. 551]. Доля стран Центральной Азии (Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана) в общей численности студентов из СНГ составляла более 80 % (в 2018/2019 академическом году) [23. С. 550]. Все страны Центральной Азии находятся на восходящем тренде исходящей академической мобильности (7) и имеют потенциал к росту потоков студенческой миграции, а их трансформации оказывают заметное влияние на российский экспорт образования. Таким образом, изучение механизмов и движущих сил студенческой миграции из стран Центральной Азии необходимо для прогнозирования и продвижения российского образования с точки зрения государственной политики и стратегий отдельных университетов.

Основная часть исследований студенческой (и — шире — молодежной) миграции из Центральной Азии в Россию фокусируется на распределении ее потоков и государственной политике [1–4; 11; 13], причинах миграции и миграционных установках иностранных студентов [5; 9; 10; 17; 22], социокультурной адаптации обучающихся [6–8; 12; 18; 21], практиках россий-

ских университетов по привлечению абитуриентов из других стран [15; 16]. В рамках изучения международной студенческой миграции остается ряд нерешенных проблем: несмотря на то, что ключевые ее аспекты (причины и последствия для отправляющего и принимающего сообществ, адаптация и интеграция студентов) хорошо изучены в различных региональных и национальных контекстах, остается не ясным, как формируются и развиваются региональные миграционные потоки (направленные из одного региона/страны в другой зарубежный регион, город или университет) с учетом комплекса факторов, действующих на макро- и мезоуровне. Проведенные ранее исследования, в частности студенческого потока из Казахстана в Россию [19], не проясняют количественные и качественные изменения в потоках студенческой миграции на протяжении длительного времени, а также факторы, которые обеспечивают эту динамику. Важная задача — концептуализация перехода от фазы инициации потока к этапу, когда он становится самоподдерживающимся в соответствии с теорией миграционной сети Д. Мэсси. Кроме того, в научной литературе по международной студенческой миграции отсутствует опыт комплексного изучения двух ключевых взаимовлияющих факторов: миграционных сетей [28] и миграционной индустрии [24; 25; 27].

Наше исследование нацелено на выявление факторов формирования и развития регионального потока международной студенческой миграции из Республики Узбекистан в Российскую Федерацию на примере Северного (Арктического) федерального университета: студенты из Узбекистана формируют наибольшую группу иностранных обучающихся в САФУ (29,5 % общего контингента в 2024 году; ежегодный прием — более 100 человек с 2009 года). Несмотря на то, что решение об образовательной миграции принимает абитуриент и его семья (микроуровень), региональный поток студенческой миграции является производной взаимодействия множества социальных институтов, и на мезоуровне ключевые из них — миграционная индустрия (совокупность акторов и сервисов, которые обеспечивают международные перемещения, устройство и адаптацию, а также коммуникацию и трансфер ресурсов мигрантов и их семей) [27. С. 24–25], одним из главных акторов которой являются университеты, и миграционные сети (личные связи между академическими мигрантами, бывшими мигрантами и немигрантами в отправляющем и принимающем регионах) [28].

Для оценки динамики потока международной студенческой миграции из Узбекистана в САФУ была использована концепция внутренней динамики миграционных процессов Х. Де Хааса [26]. Базируясь на теории диффузии Э. Роджерса, де Хаас объясняет развитие миграционных процессов, выделяя пять групп мигрантов на временной шкале: инноваторы (первые мигранты), ранние последователи, раннее большинство, позднее большинство и отстающие. За инноваторами может последовать ограниченная цепная миграция из числа семьи и друзей, но на первых этапах высок риск затухания мигра-

ции. Близкородственные и дружеские связи играют ключевую роль на первоначальном этапе цепной миграции, но с распространением миграции в сообществе роль семейных сетей начинает снижаться, а сети (или слабые связи) становятся более значимыми. Выгодные сетевые эффекты проявляются, когда сообщество мигрантов становится достаточно большим для решения возникающих социально-экономических вопросов и снижения стресса от культурной адаптации.

Для анализа социально-экономических макрофакторов, оказывающих влияние на миграционные потоки, был проведен анализ статистических данных Минобрнауки и его Центра социологических исследований (Социоцентр), Института статистики ЮНЕСКО и Межгосударственного статистического комитета СНГ, а также приемных кампаний САФУ. Для выявления факторов мезо- и микроуровня был проведен анкетный опрос методом основного массива с использованием системы Lime Survey. Выборку составили граждане Узбекистана — студенты очной формы обучения (май 2018 и май 2021; $n=342$). Полуформализованные интервью со студентами и выпускниками из Узбекистана ($n=10$) позволили выявить факторы и личные обстоятельства, повлиявшие на решение получать высшее образование в России, определить степень удовлетворенности и зафиксировать видение дальнейшей образовательной и профессиональной траектории. Экспертные интервью с координаторами международного образовательного сотрудничества в странах Центральной Азии ($n=5$) помогли выявить акторов миграционной индустрии, лучшие практики взаимодействия и выхода в образовательное пространство Центральной Азии вузов России, движущие силы потоков студенческой миграции. Включенное наблюдение в качестве начальника отдела рекрутинга управления международного сотрудничества САФУ позволило получать информацию в режиме реального времени на макроуровне (например, изменения в государственных подходах к международной академической миграции в России и Узбекистане, трансформации во время пандемии) и микроуровне (принятие решений конкретными абитуриентом и их семьями). Непосредственное взаимодействие с акторами миграционной индустрии (в рамках официальных мероприятий на уровне профильных ведомств в Узбекистане, деловых встреч с представительства Россотрудничества, руководством системы образования регионов, университетов и школ) в период с 2013 по 2024 года помогло сформировать видение миграционной индустрии и ее трансформаций во времени, ее акторах и характере взаимодействия между ними, роли индустрии в формировании устойчивых потоков студенческой миграции и региональных студенческих субпотоков.

Итак, с 2000-х годов Республика Узбекистан характеризуется восходящим трендом исходящей студенческой миграции. Число студентов из Узбекистана, выезжающих за рубеж для получения высшего образования, согласно Институту статистики ЮНЕСКО, с 2013 года увеличилось в 7,4 раза

(рисунок 1), достигнув к 2022 году 150,5 тысяч человек. Наряду с Россией лидерами по экспорту высшего образования в Узбекистан являются Кыргызстан, Казахстан, Республика Корея, Латвия, Турция, Украина, Беларусь, Германия, Япония, Польша, США, Великобритания, Малайзия и Чехия (9).

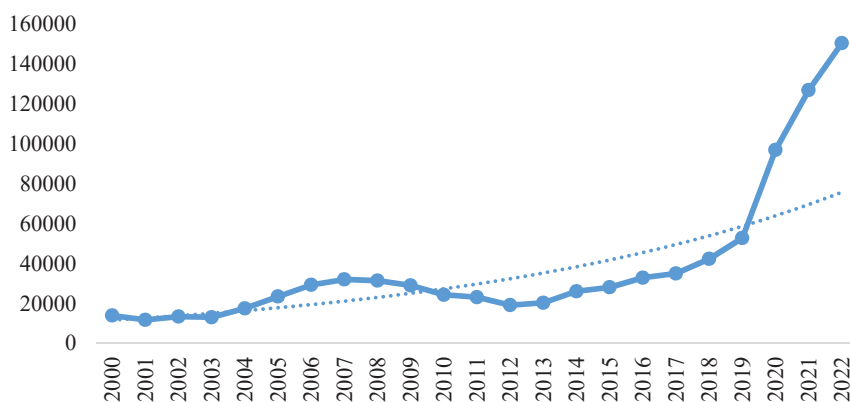

Рис. 1. Динамика международной студенческой миграции из Узбекистана, 2000–2022 (8)

Студенческая миграция из Узбекистана в Россию с 2013 по 2022 годы росла высокими темпами: общее число узбекистанских студентов в российских вузах увеличилось в 4,7 раза и достигло 56 тысяч человек (рисунок 2).

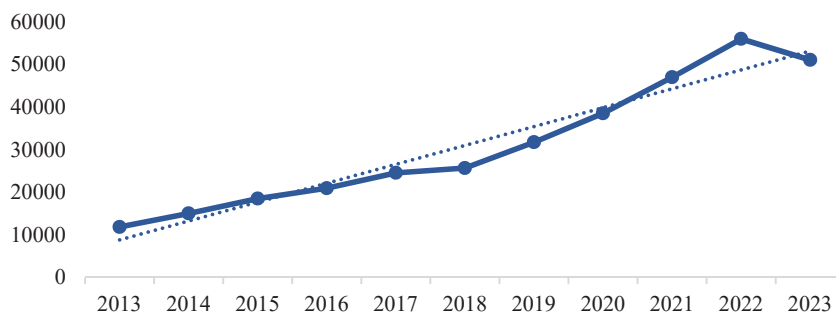

Рис. 2. Динамика студенческой миграции из Узбекистана в Россию (рассчитано по отчетам вузов России по форме № ВПО-1 на сайте Минобрнауки)

В изучаемый период сохранялись ключевые факторы, способствующие студенческой миграции на макроуровне: демографическая ситуация в Узбекистане, наличие миграционного потока в Россию, широкие возможности получения высшего образования в России для узбекистанцев, в том числе со стипендиальной поддержкой, сравнительно высокий уровень владения ими русским языком, а также благоприятное развитие российско-узбекистанских отношений. Вместе с тем с 2022 года изменения в государственной политике обоих государств, а также рост геополитической напряженности, видимо,

определили снижение ежегодного приема узбекистанских студентов в российские вузы на 25 % — до 14,3 тысяч человека в 2023 году (бакалавриат, специалитет и магистратура) (рисунок 3).

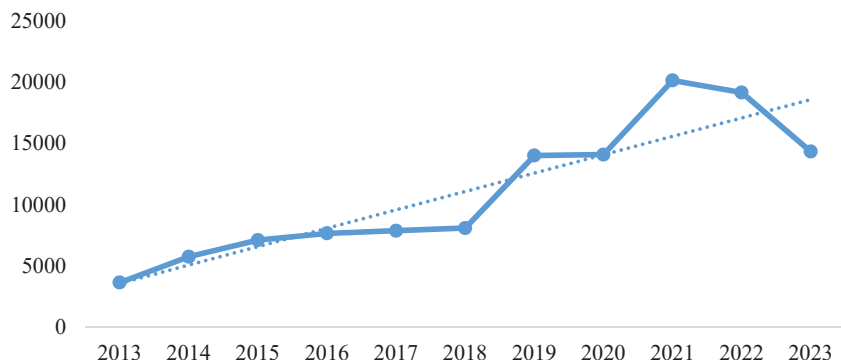

Рис. 3. Динамика приема студентов из Узбекистана в российские вузы (рассчитано по отчетам вузов России по форме № ВПО-1 на сайте Минобрнауки)

Студенческий поток из Узбекистана в САФУ также характеризуется восходящей динамикой (2009–2024), достиг своего промежуточного пика в 2020 году, после чего зафиксировался на уровне приема 120–130 студентов ежегодно (рисунок 4), что в целом соответствует общероссийской ситуации.

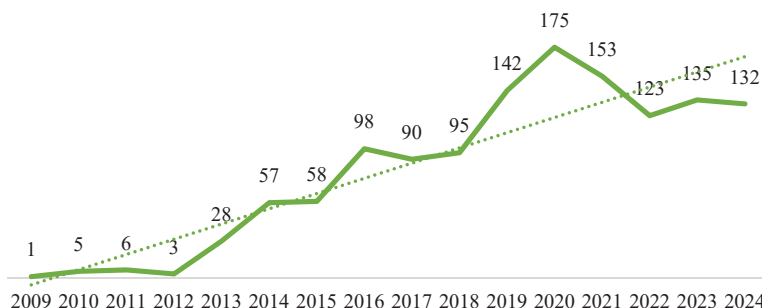

Рис. 4. Динамика приема студентов из Узбекистана в САФУ (2010–2024)

Результаты исследования показывают, что по критериям объема студенческого потока, а также его движущих сил можно выделить четыре этапа его развития. *Первый этап (2009–2012) — период ограниченного приема (до 6 человек ежегодно) с ведущей ролью государственных структур:* студенты из Узбекистана направлялись в САФУ преимущественно в рамках установленной Правительством России квоты на обучение иностранных граждан. Отбор осуществлял Государственный центр тестирования при Кабинете министров Республики Узбекистан. Кандидатов на квоту Правительства России из числа российских соотечественников, прожива-

ющих за рубежом, отбирали по согласованию с МИД России Посольство России и Представительство Россотрудничества в Республике Узбекистан с участием организаций соотечественников [14. С. 171]. Роль вузов сводилась к определению направлений подготовки, по которым университет готов был принять иностранных студентов. Прямое взаимодействие вуза с абитуриентом было минимизировано (рисунок 5), что подтверждается интервью с выпускником САФУ из Узбекистана. Респондент выбирал вуз из предложенного Министерством перечня вузов: «Возможностей было много по моему направлению: был Санкт-Петербург, Тюмень и Архангельск. И меня почему-то потянуло именно сюда, в Архангельск... Интернет тогда не особо был развитый. Лично у меня ни компьютера, ни телефона тогда не было... Я доверился судьбе».

Рис. 5. Миграционная индустрия в Республике Узбекистан (2011–2013)

На втором этапе (2013–2019) отмечен активный рост студенческого миграционного потока с ведущей ролью университета, который активно выстраивал взаимодействие с акторами миграционной индустрии Узбекистана и развивал механизмы поддержки образовательной миграции в САФУ (2013 — 28 человек принято на обучение, 2014 — 57, 2019 — 142). Важнейшей составляющей данного этапа стало выстраивание взаимодействия с Представительством Россотрудничества в Республике Узбекистан — главной «точкой» входа в образовательное пространство Узбекистана на данном этапе (рисунок 6). Информационная и организационная функция государственных акторов миграционной индустрии, в частности Представительства Россотрудничества, была системообразующей для формирования потока, что подтверждается как включенным наблюдением, так и анкетным опросом студентов: 64 % студентов из Узбекистана, поступивших в САФУ в период с 2013 по 2017 годы, назвали Представительство Россотрудничества в качестве основного источника информации при выборе вуза (таблица 1).

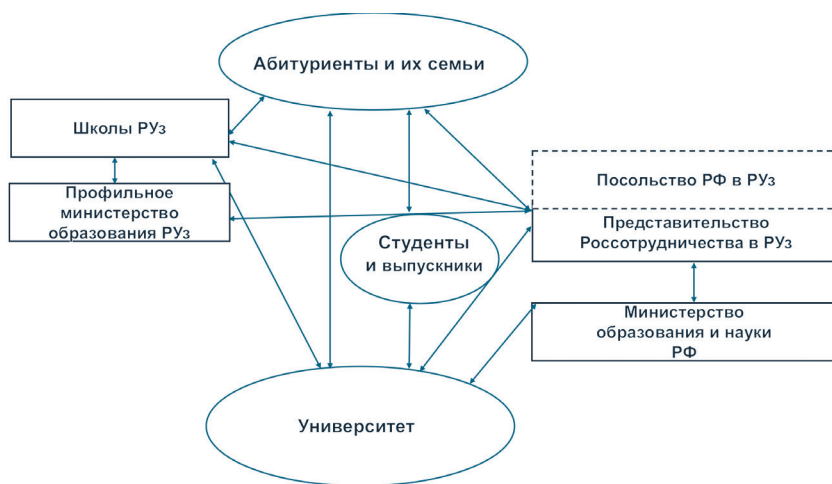

Рис. 6. Схема миграционной индустрии, обеспечивавшей студенческий поток из Республики Узбекистан в САФУ (2013–2019)

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Откуда Вы получили информацию о САФУ,
когда определялись с выбором вуза?»**

Варианты ответа/ группировка источников информации	Опрос 2018 года (поступившие в 2013–2017)	Опрос 2021 года (поступившие в 2018–2020)
1. Источники информации, связанные с миграционной сетью студентов	51,65 %	73,56 %
Ваши друзья, обучающиеся в САФУ	39,01 %	53,85 %
Родители или родственники	9,89 %	13,94 %
Преподаватели или администрация образовательного учреждения	2,75 %	5,77 %
2. Источники информации миграционной индустрии	80,22 %	61,54 %
Представительство Россотрудничества/ Посольство России	64,29 %	42,31 %
Международная образовательная выставка	10,44 %	9,62 %
Специализированные сайты по образованию за рубежом	5,49 %	9,62 %
3. Источники информации университета	51,1 %	44,71 %
Презентация САФУ в образовательном учреждении	16,48 %	10,1 %
Сайт Университета	26,92 %	26,44 %
Новые социальные медиа и социальные сети	7,69 %	8,17 %
Другое	1,1 %	0

На рост студенческого потока также оказало значимое влияние развитие системы привлечения иностранных студентов. После очных консультаций в Ташкенте коммуникация с будущими студентами выстраивалась через все доступные каналы. С развитием IT-технологий консультирование абитуриентов проводилось в социальных сетях, мессенджерах, посредством IP-телефонии: *«Очень была связь хорошая, хочу отметить. У меня было очень много вопросов, мне своевременно, оперативно отвечали. Я знаю, что я такая не одна была, но здорово, что все равно связь оперативно поддерживалась»*; *«Когда я писала в другие университеты, они мне долго отвечали, а в САФУ мне в этот же день отвечали максимально вежливо и очень информативно»*. Первоначальный резкий рост числа первокурсников-узбекистанцев совпадает с личным участием представителей САФУ в очных мероприятиях, проводимых в Республике, и их частотой (рисунок 7). С 2015 по 2018 годы число очных выездов снижается до единоразовых визитов, что совпадает со снижением темпов прироста студенческого потока, т.е. присутствие университета в Узбекистане обеспечивало взаимодействие с Представительством Россотрудничества, образовательными организациями, а также абитуриентами и их семьями. Данный канал коммуникации был крайне важен на первоначальном этапе выхода на образовательный рынок Узбекистана, когда в САФУ обучалось сравнительно небольшое число студентов-узбекистанцев.

Рис. 7. Динамика приема студентов из Узбекистана в САФУ и выездных мероприятий САФУ в Республике (2009–2024)

Третий этап (2020–2021) — пик студенческого потока при возросшей роли миграционных сетей как его формирующей силы на фоне нарушения механизмов миграционной индустрии. На макроуровне в период с 2011 по 2022 годы сохранялись преимущественно благоприятные условия для студенческой миграции из Узбекистана в Россию, за исключением двух сильных макрофакторов: глобальной пандемии (2020–2021) и изменений в системе высшего образования Узбекистана (развитие сети представительств и фили-

алов зарубежных университетов, рост числа частных вузов, увеличение числа бюджетных и контрактных мест в вузах), которые повысили доступность высшего образования, что отчасти снизило спрос на зарубежное высшее образование. Тем не менее, несмотря на невозможность очного взаимодействия с абитуриентами во время пандемии и возросшую конкуренцию с российскими и зарубежными университетами, студенческий поток из Узбекистана в САФУ в 2020–2021 году достиг наивысших значений (175 человек). На данном этапе начинает складываться сильный самоподдерживающийся студенческий поток, который развивался и оставался устойчивым даже в меняющемся образовательном ландшафте.

Вероятно, это объясняется усилением миграционных сетей, что подтверждается данными анкетирования и интервью: если для абитуриентов 2013–2017 годов государственные акторы миграционной индустрии были ведущим источником информации о вузе (64 %), то поступившие в 2018–2020 годы ориентировались в большей степени на информацию от друзей, обучавшихся в САФУ (54 %). В целом повысилась доля ответов, связанных с миграционной сетью — с 52 % в 2018 году до 74 % в 2021 году, в то время как значение источников информации, связанных с миграционной индустрией, упало с 80 % до 62 % (таблица 1). В ходе интервью респонденты отмечали роль родственников в принятии решения о поступлении в вуз: *«Мой брат дал мне информацию, что приезжают люди из Архангельска... Я получил информацию от брата, что лучше поступить сюда и учиться здесь»*. Знакомые из сферы образования, которые пользуются авторитетом и доверием, также играют важную роль при выборе университета: *«Я узнала, что у N сын здесь учился, и мне удалось с ним пообщаться, когда он приехал в Ташкент, он мне много чего рассказал про Архангельск. Спасибо ему большое, я уже такая была подкованная... В САФУ до этого из родственников никто не учился, но с сыном N я поговорила и решилась!»*. Значимую роль в информировании абитуриентов сыграли учителя: *«Преподавательница физики в академическом лицее, где я обучался. После того, как мы успешно поступили, мы каждый год приезжали и рассказывали... Порядка 40–50 человек именно из ее группы потом поступило в САФУ, среди них мой племянник, его однокурсник... и дальнейшее поколение тоже поступало»*.

Респондентами подчеркивали значение наличия родных и знакомых в месте обучения: *«Не буду одна, так как здесь учатся мои друзья»; «Здесь проживают мои родственники»*. Интервью эксперта подтверждает, что большинство абитуриентов предпочитают получать высшее образование в городе, где живут родственники или знакомые: *«Брат работает или учится — это знакомый город... Поэтому стараются ехать в те города, где у них уже живут родственники, знакомые... Неизвестные города — это уже другая категория людей, которая ищет приключений. Или прагматики, но их мало»*. У ряда студентов с Севером России были связаны эпизоды истории семьи,

например служба родственников в рядах Советской Армии: *«Папа больше хотел, чтобы я приехал в Архангельск. Он сказал, что выбор, конечно, за мной, но больше хотел бы, чтобы я поехал сюда. Он сам служил недалеко отсюда. Он моряк. Поэтому и я приехал сюда»*. Такой даже существенно удаленный по времени социальный опыт позволил сформировать в семье мнение о регионе и его жителях, которое стало основой для принятия решения об учебе в Архангельске: *«Что-то позитивное должно абитуриента связывать с этой территорией, по рассказам кого-либо... Будут ехать туда, где хотя бы на словесном уровне что-то слышали»*.

Появление региональных студенческих субпотокот подтверждает формирование самоподдерживающейся миграции за счет миграционных сетей, и в нашем случае это два выраженные субпотока в САФУ из Наманганской и Ташкентской областей Узбекистана (рисунок 8) — с 2020 года от 40 до 60 студентов ежегодно.

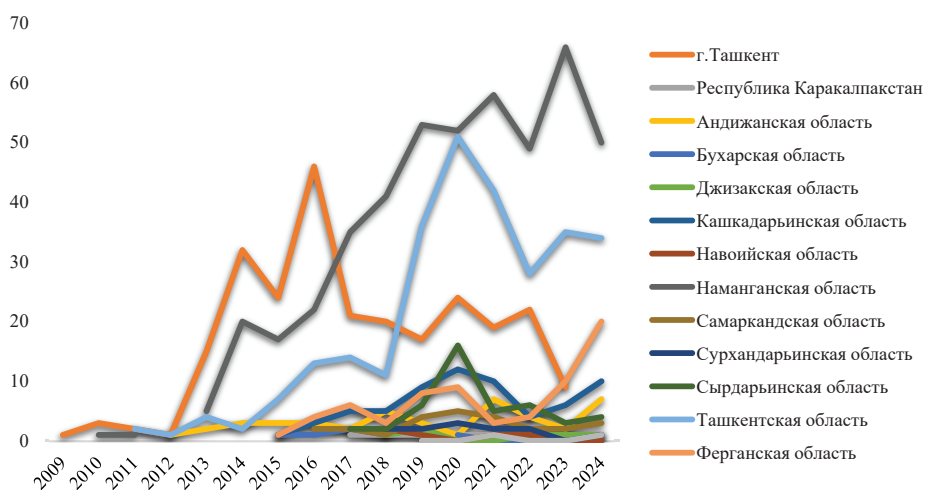

Рис. 8. Динамика приема студентов из Узбекистана в САФУ (2010–2024, региональный срез)

Субпотоки складывались быстрее в удаленных от Ташкента регионах с ограниченным доступом к информации: *«В Ташкенте рассматривают все через Интернет. В Росотрудничество, к примеру, можно самим приехать посмотреть. А в регионах — через знакомых, соседей»*. Информантка, приведя пример города Ташкентской области в ста километрах от столицы, следующим образом объяснила формирование студенческой «цепной миграции»: *«В 2017 году, когда студенты из города N с нами приехали, было трое человек, потом все больше и больше... Ребята рассказали, что второй курс помогал поступать другим ребятам: они информацию давали, как подать заявку и т.д. То есть все пошло по личным связям. Этот студент позвал своего друга близкого, а этот друг позвал своего родственника, а родственник*

позвал друга. Эта информация пошла “через-через-через” — цепь получается». Данное наблюдение нашло подтверждение в итогах приемных кампаний из данного города: в 2017 году — 3 человека, 2018–9, 2019–18, 2021–32. Согласно Х. де Хаасу, в развитии субпотокков большую роль играют успешно интегрированные в принимающем сообществе мигранты, сохранившие сильные традиционные связи в регионе исхода, — они становятся фасилитаторами миграции. Мы находим этому подтверждение в региональном субпотокке из Ташкентской области, где студенты, выступившие инициаторами последующих актов академической миграции, были успешными в учебе и спортивной жизни как в родном регионе, так и в принимающем университете.

Студенты-«пионеры», достигнув значительных академических успехов, став активными участниками учебных, социокультурных и спортивных мероприятий, становились лидерами мнений для абитуриентов: *«После того, как мы успешно поступили, каждый год приезжали и рассказывали. Я тоже рассказывал, мои ребята спрашивали... Я сам по себе открытый человек и прямой... делился всем. Ко мне летом, когда я на каникулы ездил домой, каждую неделю два-три человека приходило из ближних районов... Мое поступление, мое обучение, если можно так сказать, успешное завершение стало каким-то толчком для родных, родственников и знакомых»*. Более того, став неформальным лидером, информант оказывал содействие в адаптации вновь прибывшим студентам, помогая им в решении возникающих учебных вопросов и жизненных сложностей, взаимодействуя с администрацией вуза: *«Когда новые студенты приехали в САФУ, мы хотя бы узким кругом, но собирались... Мы, конечно, давали самые первые советы, чтобы адаптационный период был легче. Я понимал, что, когда я приехал, мне было трудно, и старался, чтобы другие не мучились, чтобы быстрее вникали, потому что если у вас адаптация плохо проходит... какая учеба?»*. Тесное взаимодействие внутри студенческого сообщества, взаимопомощь во время жизни в Архангельске, сохранение связей в отправляющем и принимающем сообществах даже после окончания вуза позволяют говорить об успешности региональной миграционной сети: *«эти студенты — как мои родные братья до сих пор, их очень много, постоянно мы с ними на связи. Один звонок — и человек приезжает. Мы очень близкими стали: постоянно созваниваемся, на свадьбы собираемся»*.

Четвертый этап (2022–2024) характеризуется частичной стабилизацией и реструктуризацией вследствие изменений макроуровневых факторов и корректировки подходов университета к экспорту образования. В 2022 году прием студентов из Узбекистана в САФУ снизился с 153 до 123 человек, с последующей стабилизацией потока на уровне 132 человек в 2023 году и 135 — в 2024. Изменения в динамике приема произошли, несмотря на восстановление механизмов миграционной индустрии, нарушенных пандемией: в 2022 году сотрудники университета посетили Узбекистан единожды,

в 2023–2024 годы — трижды. Сокращение потока студенческой миграции из Узбекистана соответствует общероссийскому тренду, который, вероятно, связан с напряженной геополитической ситуацией в условиях международного кризиса, а также с политикой властей Узбекистана по диверсификации международного сотрудничества в сфере образования [20]. Развитие сети представительств и филиалов зарубежных университетов в Узбекистане, рост числа частных вузов, увеличение числа бюджетных и контрактных мест в узбекистанских университетах повысили доступность высшего образования в республике, что, по всей видимости, привело к частичному снижению спроса на получение высшего образования за рубежом. Были зафиксированы случаи переориентации абитуриентов Узбекистана на национальные вузы, филиалы российских и зарубежных вузов в республике, выбор альтернативных зарубежных вариантов, преимущественно под влиянием родителей и старших родственников. Мы полагаем, что системная организация выездов представителей университета для участия в комплексных профориентационных мероприятиях, усиление межвузовского сотрудничества, в том числе в части реализации совместных образовательных программ и программ с применением дистанционных образовательных технологий, а также поддержка социальных сетей студентов-узбекистанцев позволила стабилизировать студенческий поток из Узбекистана в САФУ в условиях неблагоприятных макрофакторов.

Анализ динамики миграционного потока позволяет сделать выводы о соотношении двух ключевых движущих сил миграции на мезоуровне: миграционной индустрии и миграционных сетей. Если первый институт играл ключевую роль в обеспечении роста объема потока с 2013 по 2017 годы, то на примере региональных субпотоков из Наманганской и Ташкентской областей мы видим подтверждение действия миграционных сетей, которые обеспечивали устойчивость потока в 2020–2021 годы, несмотря на нарушение функционирования сложившихся механизмов миграционной индустрии. Мы находим подтверждение концепции де Хааса, согласно которой миграционный поток становится устойчивым, опираясь на механизмы сетевой миграции, при условии успешной адаптации первых мигрантов, сохранивших связи с отправляющим сообществом. В нашем случае студенты из числа «первопроходцев», успешно пройдя адаптационные процессы и завоевав авторитет внутри университетского сообщества и среди земляков, через два-три года стали своеобразными «магнитами» для новых студентов из Узбекистана. При этом важно отметить, что не все студенты-выходцы из отправляющего сообщества стали агентами образовательной миграции в своих социальных сетях, а только те, кто смог успешно адаптироваться, преуспеть в образовательной деятельности и накопить социальный капитал в новом месте пребывания.

Вместе с тем, уточняя концепцию де Хааса применительно к студенческой миграции, можно предположить, что комплексная деятельность университета по включению вуза в работу миграционной индустрии через выстраивание взаимодействия с ее ключевыми акторами, выверенная коммуникация с абитуриентами и их семьями в отправляющем сообществе, содействие адаптации студентов в университете и принимающем сообществе — необходимые предпосылки для развития регионального студенческого миграционного потока на этапе его формирования. Только при этом условии возможно появление студентов-фасилитаторов последующей академической миграции и развитие механизмов сетевой миграции.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке Программы развития Северного (Арктического) федерального университета на 2021–2035 годы, договор Д-385.2024.

Примечания

- (1) Указ Президента РФ от 07.05.2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // URL: <http://kremlin.ru/acts/news/57425>.
- (2) Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015>.
- (3) Указ Президента РФ от 31.12.2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности РФ» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669.
- (4) Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 года № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/48280/page/1>.
- (5) Инициатива социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года «Россия — привлекательная для учебы и работы страна» // URL: <http://static.government.ru/media/files/jwsYsyJKWGQQAaCSMGrd7q82RQ5xEC03.pdf>.
- (6) «Ведомости» назвали число иностранцев в российских вузах. 27.05.2024 // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/6654135c9a794748214e3e6f>.
- (7) Согласно данным Института ЮНЕСКО по статистике, число граждан Туркменистана, ежегодно выезжающих для получения высшего образования за рубеж с 2010 по 2020 годы, увеличилось в 3,84 раза, достигнув 63584 человек, Таджикистана — в 3,28 раза (27624), Узбекистана — в 2,17 раза (52952) // URL: <http://data.uis.unesco.org/#>.
- (8) Outbound Internationally Mobile Students by Host Region // URL: <http://data.uis.unesco.org/#>.
- (9) Global Flow of Tertiary-Level Students // URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>.

Библиографический список

1. *Арефьев А.Л., Арефьев П.А.* Показатели экспорта российских образовательных услуг // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. М., 2017.
2. *Арефьев А.Л.* Состояние и перспективы экспорта российского образования М., 2010.
3. *Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э.* Иностранные студенты в российских вузах. М., 2014.
4. *Беляков С.А., Краснова Г.А.* Экспорт высшего образования: состояние и перспективы в России и в мире // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6.
5. Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: анализ рисков и минимизация негативных последствий // URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf.

6. *Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Оморова Н.И.* Учебная миграция в Республике Татарстан: адаптация и интеграция студентов из государств Центральной Азии. Казань, 2014.
7. *Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Кораблева Н.И.* Студенты из государств Центральной Азии в Татарстане: мотивация, адаптация, жизненные планы // Социологические исследования. 2017. № 3.
8. *Дементьева С.В.* Вузы России как механизм адаптации учебных мигрантов (в контексте социологического и философского анализа) // Известия ТПУ. 2008. № 6.
9. *Зангиева И.К., Сулейманова А.Н.* Студенты из стран СНГ в России: предпосылки к миграции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5.
10. *Касымова С.Р.* Учебная миграция молодежи Таджикистана: проблемы и перспективы // URL: https://www.academia.edu/36900193/УЧЕБНАЯ_МИГРАЦИЯ_МОЛОДЕЖИ_ТАДЖИКИСТАНА_ПРОБЛЕМЫ_И_ПЕРСПЕКТИВЫ Исследовательский отчет.
11. *Ключарев Г.А., Мукомель В.И.* Миграционная политика в контексте образования // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / Отв. ред. Г.А. Ключарев. М., 2008.
12. *Кошелева Е.Ю., Самофалова Е.И.* Социологический портрет образовательного мигранта из стран дальнего зарубежья на примере Томского политехнического университета // Портрет образовательного мигранта: основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации / Науч. ред. Е.Ю. Кошелева. Томск, 2011.
13. *Краснова Г.А.* Основные направления развития экспорта образовательных услуг в системах высшего образования. М., 2008.
14. Материалы анализа состояния и перспектив развития рынка образовательных услуг в Узбекистане, Молдове, Украине, включая предложения по системе действий Российской Федерации в этом регионе: Материалы методического семинара для учреждений системы высшего профессионального образования по вопросам создания и функционирования зарубежных филиалов российских образовательных учреждений в странах СНГ / Сост. Г.А. Краснова, Н.В. Сюлькова, Н.А. Вострикова, Е.В. Мищенко. М., 2008.
15. *Меликян А.В.* Внутренние факторы экспортной деятельности российских вузов: Дисс. к.н. НИУ ВШЭ об образовании. М., 2019.
16. *Нефедова А.И.* Экспорт российского высшего образования: особенности формирования и структурирования спроса: Дисс. к.с.н. М., 2017.
17. Обучение иностранных граждан в российских учреждениях высшего образования. М., 2020.
18. *Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Ващенко А.В.* Особенности адаптации иностранных студентов // Социологические исследования. 2009. № 2.
19. *Сафонова М.А.* Социальная организация образовательных миграций: на примере студенческого потока из Казахстана в Россию: Дисс. к.с.н. М., 2011.
20. *Троицкий Е., Юн С., Погорельская А.* Интернационализация высшего образования в Центральной Азии и роль России // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/internatsionalizatsiya-vysshego-obrazovaniya-v-tsentralnoy-azii-i-rol-rossii>.
21. *Тюрюканова Е.В., Леденева Л.И.* Проблемы адаптации мигрантов к Российской системе образования // Социологические исследования. 2005. № 4.
22. Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России. М., 2012.
23. Экспорт российских образовательных услуг: Стат. сб. Вып. 10. М., 2020.
24. *Baas M.* The education-migration industry: International students, migration policy and the question of skills // International Migration. 2019. Vol. 57. No. 3.
25. *Beech S.E.* Adapting to change in the higher education system: International student mobility as a migration industry // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. Vol. 44. No. 4.

26. *De Haas H.* The internal dynamics of migration processes: A theoretical inquiry // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. Vol. 36. No. 10.
27. *Hernández-León R.* Conceptualizing the migration industry // *The Migration Industry and the Commercialization of International Migration* / Ed. by Th. Gammeltoft-Hansen, N. Nyberg Sørensen. Routledge, 2013.
28. *Massey D., Arago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E.* Theories of international migration: A review and appraisal // *Population and Development Review*. 1993. Vol. 19. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-46-63

EDN: GBLBSE

Features of the international student migration from the Republic of Uzbekistan to the Russian Federation (on the example of the Northern (Arctic) Federal University, 2009–2024)*

P.S. Golomidova

Northern (Arctic) Federal University,
Nab. Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

(e-mail: p.s.golomidova@yandex.ru)

Abstract. The article considers the features of formation and development of regional migration flows on the example of the international student migration from Uzbekistan to the Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (NArFU, Arkhangelsk) in 2009–2024. The author focuses on the transition from the flow initiation phase to the stage when the student flow becomes self-sustaining and on the role of migration networks and migration industry in this flow formation and development. The article is based on the statistical data (admission of international students in the NArFU), a survey and semi-formalized interviews with NArFU students from Uzbekistan, expert interviews with representatives of the migration industry, and the author's participant observation within her professional activity. Four stages of the regional student migration development were identified, which are heterogeneous in features and social organization. The migration industry played a key role in ensuring the growth of the migration flow from 2013 to 2017, while in 2020–2021, the stability of the flow was largely ensured by migration networks, which is confirmed by its stability under negative macro-factors (pandemic) and by the development of regional sub-flows from Namangan and Tashkent Regions. The development of migration networks and admission of new students from Uzbekistan was also strongly supported by students who successfully had adapted to the new learning and cultural environment, accumulated social capital in the host community and at the same time maintained social ties in the sending community. The author applied Hein de Haas's concept of the internal dynamics of migration flows to prove that the comprehensive activities of the university to integrate into the migration industry, including support measures for international students within the university, is a prerequisite for the successful adaptation of academic migrants, which contributes to the further development of network migration.

*© P.S. Golomidova, 2025

The article was submitted on 10.09.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

Key words: export of higher education; international student recruitment; international student mobility/migration (ISM); higher education; internationalization; Uzbekistan

For citation: Golomidova P.S. Features of the international student migration from the Republic of Uzbekistan to the Russian Federation (on the example of the Northern (Arctic) Federal University, 2009–2024). *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 46–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-46-63>

References

1. Arefyev A.L., Arefyev P.A. Pokazateli eksporta rossiyskikh obrazovatelnykh uslug [Indicators of the Russian education export]. *Obrazovanie i nauka v Rossii: sostoyanie i potentsial razvitiya*. Moscow; 2017. (In Russ.).
2. Arefyev A.L. *Sostoyanie i perspektivy eksporta rossiyskogo obrazovaniya* [State and Prospects for the Russian Education Export]. Moscow; 2010. (In Russ.).
3. Arefyev A.L., Sheregi F.E. *Inostrannye studenty v rossiyskikh vuzakh* [International Students in Russian Universities]. Moscow; 2014. (In Russ.).
4. Belyakov S.A., Krasnova G.A. Eksport vysshego obrazovaniya: sostoyanie i perspektivy v Rossii i v mire [Export of the higher education: State and prospects in Russia and the world]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2016; 6. (In Russ.).
5. *Vneshnyaya molodezhnaya migratsiya v stranah Tsentralnoy Azii: analiz riskov i minimizatsiya negativnykh posledstviy* [External Youth Migration in the Countries of Central Asia: Risk Analysis and Minimization of Negative Consequences]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf. (In Russ.).
6. Gabdrakhmanova G.F., Sagdieva E.A., Omorova N.I. *Uchebnaya migratsiya v Respublike Tatarstan: adaptatsiya i integratsiya studentov iz gosudarstv Tsentralnoy Azii* [Educational Migration in the Republic of Tatarstan: Adaptation and Integration of Students from Central Asia]. Kazan; 2014. (In Russ.).
7. Gabdrakhmanova G.F., Sagdieva E.A., Korableva N.I. Studenty iz gosudarstv Tsentralnoy Azii v Tatarstane: motivatsiya, adaptatsiya, zhiznennye plany [Students from Central Asia in Tatarstan: motivation, adaptation, life plans]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 3. (In Russ.).
8. Dementyeva S.V. Vuzy Rossii kak mekhanizm adaptatsii uchebnykh migrantov (v kontekste sotsiologicheskogo i filosofskogo analiza) [Russian universities as an adaptation mechanism for educational migrants (sociological and philosophical analysis)]. *Izvestiya TPU*. 2008; 6. (In Russ.).
9. Zangieva I.K., Suleymanova A.N. Studenty iz stran SNG v Rossii: predposylki k migratsii [Students from the CIS in Russia: Prerequisites for migration]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2016; 5. (In Russ.).
10. Kasymova S.R. *Uchebnaya migratsiya molodezhi Tadzhikistana: problemy i perspektivy* [Educational Migration of the Youth from Tajikistan: Challenges and Prospects]. URL: https://www.academia.edu/36900193/UCHEBNAYA_MIGRATSIYA_MOLODEZHI_TADZHIKISTANA_PROBLEMY_I_PERSPEKTIVY_Issledovatel'skiy_otchet. (In Russ.).
11. Klyucharev G.A., Mukomel V.I. Migratsionnaya politika v kontekste obrazovaniya [Migration policy in the context of education]. *Nepreryvnoe obrazovanie v politicheskoy i ekonomicheskoy kontekstakh*. Otv. red. G.A. Klyucharev. Moscow; 2008. (In Russ.).
12. Kosheleva E.Yu., Samofalova E.I. Sotsiologichesky portret obrazovatel'nogo migranta iz stran dal'nego zarubezhiya na primere Tomskogo politekhnicheskogo universiteta [Sociological portrait of the academic migrant from non-CIS countries on the example of the Tomsk Polytechnic University]. *Portret obrazovatel'nogo migranta: osnovnye aspekty akademicheskoy, yazykovoy i sotsiokulturnoy adaptatsii*. Nauch. red. E.Yu. Kosheleva. Tomsk; 2011. (In Russ.).

13. Krasnova G.A. *Osnovnye napravleniya razvitiya eksporta obrazovatelnykh uslug v sistemakh vysshego obrazovaniya* [Main Directions for Developing the Export of Educational Programs in the Systems of Higher Education]. Moscow; 2008. (In Russ.).
14. Krasnova G.A., Syulkova N.V., Vostrikova N.A., Mishchenko E.V. (Eds.). *Materialy analiza sostoyaniya i perspektiv razvitiya rynka obrazovatelnykh uslug v Uzbekistane, Moldove, Ukraine, vklyuchaya predlozheniya po sistemnym deystviyam Rossiyskoy Federatsii v etih stranah: Materialy metodicheskogo seminara dlya uchrezhdeniy sistemy vysshego professionalnogo obrazovaniya po voprosam sozdaniya i razvitiya zarubezhnykh filialov rossiyskikh obrazovatelnykh uchrezhdeniy v stranah SNG* [Materials of the Analysis of the State and Prospects for Developing the Educational Market in Uzbekistan, Moldova, Ukraine, Including Proposals for Russia's Systemic Actions in These Countries: Materials of the Methodological Seminar on the Development of Foreign Branches of Russian Universities in the CIS]. Moscow; 2008. (In Russ.).
15. Melikyan A.V. *Vnutrennie faktory eksportnoy deyatel'nosti rossiyskikh vuzov* [Internal Factors of the Export Activity of Russian Universities]. Moscow; 2019. (In Russ.).
16. Nefedova A.I. *Eksport rossiyskogo vysshego obrazovaniya: osobennosti formirovaniya i strukturirovaniya sprosa* [Export of the Russian Higher Education: Features of the Demand Formation and Structuring]. Moscow; 2017. (In Russ.).
17. *Obuchenie inostrannykh grazhdan v rossiyskikh uchrezhdeniyakh vysshego obrazovaniya* [Studies of Foreign Citizens in Russian Universities]. Moscow; 2020 (In Russ.).
18. Petrov V.N., Rakachev V.N., Rakacheva Ya.V., Vashchenko A.V. *Osobennosti adaptatsii inostrannykh studentov* [Features of the international student adaptation]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2009; 2. (In Russ.).
19. Safonova M.A. *Sotsialnaya organizatsiya obrazovatelnykh migratsiy: na primere studencheskogo potoka iz Kazakhstana v Rossiyu* [Social Organization of Educational Migrations: On the Example of the Student Flow from Kazakhstan to Russia]. Moscow; 2011. (In Russ.).
20. Troitsky E., Yun S., Pogorelskaya A. *Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya v Tsentralnoy Azii i rol Rossii* [Internationalization of the Higher Education in Central Asia and the Role of Russia]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/internatsionalizatsiya-vysshego-obrazovaniya-v-tsentralnoy-azii-i-rol-rossii>. (In Russ.).
21. Tyuryukanova E.V., Ledeneva L.I. *Problemy adaptatsii migrantov k Rossiyskoy sisteme obrazovaniya* [Issues of the migrant adaptation to the Russian education system]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2005; 4. (In Russ.).
22. *Uchebnaya migratsiya iz stran SNG i Baltii: potentsial i perspektivy dlya Rossii* [Educational Migration from the CIS and Baltic Countries: Potential and Prospects for Russia]. Moscow; 2012. (In Russ.).
23. *Eksport rossiyskikh obrazovatelnykh uslug: Stat. sb. Vyp. 10.* [Export of the Russian Education: Statistical Collection. Issue 10]. Moscow; 2020. (In Russ.).
24. Baas M. The education-migration industry: International students, migration policy and the question of skills. *International Migration*. 2019; 57 (3).
25. Beech S.E. Adapting to change in the higher education system: International student mobility as a migration industry. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018; 44 (4).
26. De Haas H. The internal dynamics of migration processes: A theoretical inquiry. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010; 36 (10).
27. Hernández-León R. Conceptualizing the migration industry. Gammeltoft-Hansen Th., Nyberg Sørensen N. (Eds.). *The Migration Industry and the Commercialization of International Migration*. Routledge; 2013.
28. Massey D., Arago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and Development Review*. 1993; 19 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-64-78

EDN: FVQPWB

Домашнее насилие как социальная проблема в российском обществе: между приватностью и публичностью*

С.Д. Савин¹, В.Ф. Щепельков², А.Н. Сидорова²

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
(e-mail: savin-sd@rudn.ru; volga0@yandex.ru; elonielles@gmail.com)

Аннотация. В последние годы домашнее насилие стало одной из наиболее обсуждаемых социальных проблем. В российском публичном пространстве идут жаркие споры о том, необходим или нет дополнительный закон о профилактике домашнего насилия, о границах вмешательства государства и общественных организаций в дела семьи, о ценностном содержании понятия «крепкая семья». При этом споры о важности криминализации или декриминализации семейного насилия проникают и в политическую плоскость борьбы либеральных и консервативных сил. Несмотря на столь широкий общественный интерес и резонансные случаи домашнего насилия, освещенные в СМИ, эта проблематика крайне скупо представлена в российском научно-исследовательском поле. В статье обозначены возможности социологического мониторинга общественного мнения по данной проблеме. Сравниваются показатели всероссийских опросов, проведенных авторами в 2019 и 2024 годы, анализируются данные официальной статистики семейного насилия за период 2015–2023 годов. Делаются выводы о характере восприятия россиянами домашнего насилия, их личном опыте, ценностных ориентациях и социальных установках при столкновении с подобной ситуацией. Домашнее насилие воспринимается большинством опрошенных как значимая социальная проблема, комплексная по характеру. Россияне относят к нему не только физическое и сексуальное насилие в отношении члена семьи, но также психологическое и экономическое насилие, причем роль психологического фактора в семье возрастает. В целом домашнее насилие носит во многом скрытый характер, поэтому оценка его масштабов требует учета косвенных факторов его появления, таких как доля отозванных заявлений потерпевших, оценка распространенности домашнего насилия в ближнем окружении (среди соседей, друзей и родственников).

Ключевые слова: домашнее насилие; семейное насилие; семейные отношения; социальные проблемы; российское общество; общественное мнение; социологические опросы

*© Савин С.Д., Щепельков В.Ф., Сидорова А.Н., 2025

Статья поступила в редакцию 04.07.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Для цитирования: Савин С.Д., Щепельков В.Ф., Сидорова А.Н. Домашнее насилие как социальная проблема в российском обществе: между приватностью и публичностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 64–78. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-64-78>

Проблема домашнего насилия в последние годы стала одной из наиболее обсуждаемых в России. Более того, сместился акцент в постановке вопроса — от семейно-бытового насилия в отношении детей к насилию в отношении женщин. Такой гендерный поворот связан с развитием движения за права женщин, ростом числа женских общественных организаций, кризисных центров, интернет-сообществ и СМИ. Другим важным аспектом дискуссии стала трансформация современной семьи в ценностно-ролевом плане: супружеские отношения все больше воспринимаются как партнерские, равноправные, и вопрос о главе семейства воспринимается как патриархальный пережиток. Меняется сама семейная традиция — женская генеалогическая линия становится не менее важной, чем мужская. Более того, из-за роста семейных разводов и большого количества неполных семей (мать с детьми) женская воспитательная роль в семье возрастает.

Любые изменения не проходят бесконфликтно для общественного сознания и находят отражение как на уровне общественно-политических сил, так и на уровне бытовых семейных конфликтов. Жестокие преступления, связанные с домашним насилием, вызывают большой общественный резонанс, становятся триггером дискуссий о дополнительной правовой защите женщин, в том числе о принятии отдельного закона о противодействии домашнему насилию [7]. Однако растет и количество консервативно настроенных противников таких законодательных инициатив. Трактовки традиционных семейных ценностей могут отличаться у разных социальных групп, что приводит и к различным представлениям о мерах государственной семейной политики [9; 14]. Аргументом против введения закона о домашнем насилии является и тот факт, что статистика преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием, в последние годы показывает их снижение, и возникают опасения, что вмешательство третьей стороны в «дела семьи» может привести к росту распадающихся браков. В то же время мировой опыт показывает, что дополнительные правовые меры защиты от домашнего насилия получают все большее распространение под влиянием требований общественности [19].

Острое публичное противостояние по вопросу правовых форм профилактики и противодействия домашнему насилию наблюдалось во время обсуждения законопроекта «О домашнем насилии» в Государственной думе в октябре 2019 года. К этому заседанию специалисты СПбГУ выполнили экспертно-аналитическую работу по оценке возможностей и востребованности новых правовых норм в этой области и провели социологическое исследование, чтобы оценить степень остроты данной проблемы в российском обще-

стве. Новый закон так и не был принят, но дополнительные законодательные меры профилактики домашнего насилия сохраняют свою актуальность, что отражается в публичной информационной повестке и новых законодательных инициативах [1; 2]. Поэтому спустя пять лет, в марте 2024 года, по той же методике был проведен повторный всероссийский социологический опрос (N=1600), результаты которого будут представлены ниже.

Домашнее насилие как социальная проблема имеет множество аспектов — правовой, социокультурный, гендерный, конфликтологический, коммуникативный и др. В наши задачи входит анализ факторов, влияющих на отношение к домашнему насилию: нельзя сводить его распространенность только к исторически обусловленным ценностным особенностям культуры, гендерной социализации или недостаткам правового регулирования. Как показал опыт самоизоляции в период пандемии, во всех странах возросло число случаев домашнего насилия [15], поэтому важно понимать тенденции общественных изменений, в том числе динамику института семьи в свете ее современных функций и социальных проблем — как отражения ситуации в обществе. Если в нем широко распространены бедность, девиантное поведение, алкоголизм, наркомания и преступность, то это не может не отразиться на семейной сфере. Можно вспомнить хотя бы официальную статистику, согласно которой большинство серьезных случаев домашнего насилия происходят в состоянии алкогольного опьянения [12. С. 98], причем не только преступника, но и жертвы. Влияет на сферу насильственных преступлений и характер конфликтности в обществе, уровень его деkonsолидации, разобщенности и недоверия.

С другой стороны, в современном мире (и Россия не исключение) общие тенденции гуманизации, равенства и прав человека оказывают на массовое сознание влияние не меньшее, чем искаженно понятые традиционные семейные ценности в патриархально-«домостроевском» укладе. Для современных россиян ценности прав и свобод человека входят в рейтинг самых важных [5. С. 47], и с развитием общества, ростом благосостояния населения, меняется характер социальных проблем — общественное внимание все больше привлекают проявления насилия и интолерантности в бытовой сфере; разрабатываются и внедряются программы семейной политики, защиты прав женщин, детей, людей пожилого возраста и др. Таким образом, интерес к проблеме не всегда напрямую связан с ростом преступлений или других негативных явлений, он может быть обусловлен изменением ценностных ориентаций, влияющих на социальное настроение и оценки остроты проблемы.

Мы рассматриваем семейно-бытовое насилие как прежде всего дисфункцию современной семьи в рамках институционального и аксиологического подходов. Несмотря на развитие новых концепций семьи, институциональный подход остается наиболее широко распространенным как в российской, так и в зарубежной социологии семьи. Концепция семьи как социального ин-

ститута предполагает некую упорядоченность семейных отношений (брак, рождение и воспитание детей, приоритет интересов семьи, стабильность), а также установленные роли, нормы и ценности [3]. В современном обществе насилие в семье в любых его формах не является институциональной нормой — противоречит правовым и социальным регуляторам семейно-брачных отношений, морально осуждается и потому в основном принимает латентные формы, прячется от любых форм общественного контроля.

Традиционно семья рассматривалась как институт, противоположный не только государству, но и гражданскому обществу — будучи приватной непубличной сферой и выражая больше частный интерес, чем общественный. Отсюда сложности не только правового регулирования данной сферы, но в целом общественного вмешательства в дела семьи как закрытой социальной группы. С этим связан и низкий процент обращений в полицию по случаям домашнего насилия [20], например, в США исследователи говорят о латентности более половины преступлений такого рода [17].

Тем не менее, сфера приватности семьи ограничивается там, где в силу вступает приоритет прав человека, ценность его жизни и достоинства, поэтому семья все больше входит в зону контроля государства и гражданского общества. Отсюда возрастающий интерес к правовым механизмам регулирования семейных отношений, в том числе связанным с профилактикой домашнего насилия и предотвращением его опасных рецидивов. При этом должны учитываться социокультурные особенности этноконфессиональных групп и просветительские задачи семейной политики. Большое значение для социологии имеет теория научения, исследующая особенности социализации членов семьи и социокультурные факторы, определяющие особенности мышления и поведения абыюзера и жертвы [8]. Например, согласно ряду исследований люди, пережившие опыт системного семейного насилия в детстве, чаще склонны оправдывать домашнее насилие, в том числе перекладывая вину на жертву [11. С.123–124]; почти половина детей, подвергшихся домашнему насилию, проживало в семьях, где насилие носило хронический характер [16. С. 137], поэтому следует учитывать семейное неблагополучие как системный фактор [18. С. 312]. Не следует отбрасывать и ситуационный подход, учитывающий роль обстоятельств при распределении функций и власти в семье [6. С. 79].

Приходится констатировать явный дефицит социологических исследований проблемы домашнего насилия в России. В последние годы было проведено несколько всероссийских социологических опросов [3; 4], но большинство исследований не носят комплексного характера и сводятся к изучению отдельных аспектов проблемы. Применение опросной методологии затруднено чувствительностью темы, возможной неискренностью респондентов в ответах на вопросы об их личной семейной жизни. Тем не менее, данные ограничения не мешают изучать общее отношение к домашнему насилию через со-

циальные установки на возникновение конфликтных ситуаций в ближайшем окружении, мнения о подходах к решению проблемы и возникающих здесь барьерах.

По определению, домашнее насилие включает в себя физическое, сексуальное, экономическое и психологическое насилие: определить уровень распространённости каждого вида можно разными методиками с применением соответствующего инструментария [4. С. 74]. Так, с некоторыми ограничениями (незарегистрированные преступления) распространённость случаев физического и сексуального насилия можно оценить благодаря статистике МВД, в том числе по заявлениям, которые были отозваны потерпевшими, по количеству обращений в кризисные центры помощи жертвам домашнего насилия. Психологические и экономические насильственные действия в семье выявляются с помощью анонимных опросных методик, в том числе применительно к социальному окружению жертв. Безусловно, не все виды и случаи домашнего насилия являются преступлениями — некоторые можно рассматривать как опасные девиации, которые требуют профилактики соответствующими программами. Следует подчеркнуть, что мы исследуем домашнее насилие в широком смысле, включая насилие в отношении детей и других совместно проживающих родственников (в том числе мужчин) [2].

Эмпирические данные были собраны Центром прикладной социологии СПбГУ (в 2019 - Центр социологических и интернет-исследований). Опрос был проведен среди россиян старше 18 лет методом личного стандартизированного интервью на основе многоуровневой стратифицированной выборки (метод квот, метод Киша, система САТИ). В сентябре 2019 года был проведен всероссийский телефонный опрос (N=1665; квоты по полу, возрасту, образованию в разрезе федеральных округов). В марте 2024 года был проведен повторный всероссийский телефонный опрос (N=1600; квоты по полу, возрасту, образованию в разрезе федеральных округов).

В последние годы социологические исследования по тематике домашнего насилия в России стали проводиться чаще, появился предметный интерес к отдельным факторам этого явления, но в то же время отсутствуют исследования, которые носили бы характер мониторинговых и позволяли бы оценивать динамику отношения населения к проблеме, а также частоту личного или опосредованного столкновения с соответствующими ситуациями. Наше исследование, проведенное по единой методике, позволяет частично ликвидировать этот пробел, сравнив данные 2019 и 2024 годов и дополнив их анализом криминальной статистики преступлений в области семейно-бытового насилия (отчетность была получена в МВД по запросу авторов).

Как мы уже отмечали, по данным статистики МВД о насильственной преступности в России, за последние годы снизилось число преступлений, подпадающих под категорию домашнего насилия: например, с 2017 до 2023 годы количество преступлений, сопряженных с насильственными действиями

в отношении члена семьи, сократилось с 49629 до 31155 (таблица 1). При этом ситуация в абсолютном выражении выглядит не так однозначно вследствие проблем с регистрацией таких преступлений: например, после рекордного взлета числа случаев домашнего насилия в 2016 году, в 2017 году наметилось резкое их падение почти в два раза, что не может быть объяснено реальным изменением ситуации. В связи с изменением Уголовного кодекса была изменена модель сбора статистических данных МВД по побоям. Этот вид насильственных преступлений занимает значительное место в статистике нетяжких (но зачастую систематических) преступлений в отношении членов семьи, поэтому реальную динамику фактов домашнего насилия можно проследить за период 2017–2023 годов, согласно которой изменения в лучшую сторону не столь значительны, колеблются в пределах 5 %–10 %, но, по крайней мере, серьезных случаев домашнего насилия не стало больше, ситуация стабилизировалась.

Таблица 1

**Абсолютные показатели насильственных преступлений
в отношении члена семьи (2015–2023)**

Потерпевшие	Количество преступлений								
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
По всем членам семьи	49629	64451	34029	33363	32713	33764	32941	28941	31155
В отношении члена семьи-женщины	72,1 %	76,7 %	73,4 %	73,4 %	72,5 %	73,4 %	74,3 %	72,8 %	71 %
В отношении члена семьи-несовершеннолетнего	22,8 %	18,5 %	13 %	15,2 %	19,3 %	21,5 %	23,1 %	25,1 %	34,8 %

Обращает на себя внимание тот факт, что более 2/3 всех преступлений в сфере домашнего насилия совершаются в отношении женщин, но из них только половина в отношении супруги (рисунок 1) [13. С. 237]. Статистика показывает, что от домашнего насилия страдают все члены семьи, что характеризует его как дисфункцию института семьи, обусловленную не только проблемой супружеских отношений. Тем более, что данные МВД за период с 2017 года показывают устойчивый рост доли преступлений в отношении несовершеннолетних в семьях.

Анализируя результаты социологического опроса, прежде всего необходимо отметить общественное восприятие домашнего насилия и факторов, его обуславливающих: большинство опрошенных (61 %) считает, что домашнее насилие — это серьезная социальная проблема российского общества, но за последние годы острота ее восприятия несколько снизилась. Если в 2019 году однозначно острой проблемой домашнее насилие называли 35 % (больше трети), то в 2024 — только 25 % (таблица 2). Чаще остроту проблемы подчеркивают женщины (31 % — острая проблема, 41 % — скорее острая), а также молодежь до 25 лет (37 % — острая, 36 % — скорее острая).

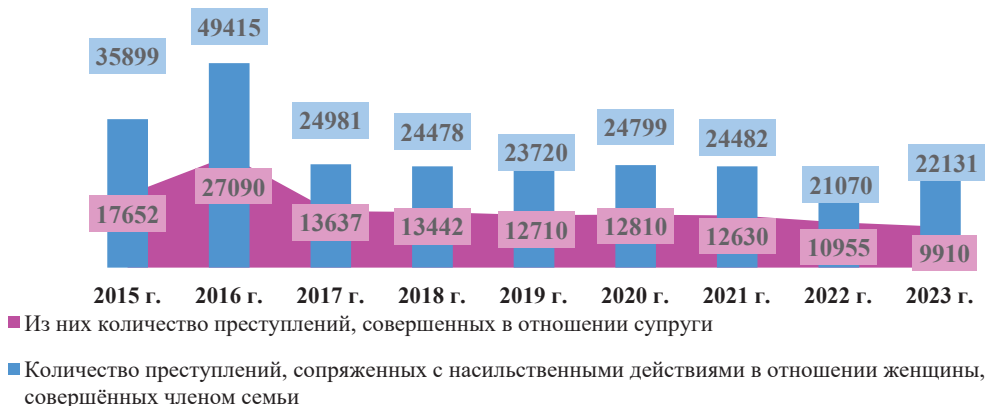

Рис. 1. Количество преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении женщины, совершённых членом семьи (в том числе супругами) в России

Таблица 2

Домашнее насилие как проблема (в %)

«Проблема семейного (домашнего) насилия в России является острой проблемой или нет?»	2019	2024
Да	35,1	25,1
Скорее да	31,2	35,8
Скорее нет	17,1	22,3
Нет	8	7,6
Затрудняюсь ответить	8,5	9,2

Одним из факторов снижения оценок домашнего насилия как острой проблемы стало некоторое изменение информационной повестки. Вследствие начала специальной военной операции и усиления консервативного тренда в пропаганде национальных ценностей тематика домашнего насилия ушла с «первых полос» государственных СМИ и новостных агрегаторов. Тем не менее, информация о домашнем насилии по-прежнему широко распространена — отвечая на вопрос «Вы часто слышите о проблеме семейного (домашнего) насилия в СМИ (газетах, журналах, по телевидению, радио, в Интернете)?», каждый третий выбрал вариант «время от времени» (33,9%; в 2019 году — 24%), а доля тех, кто предпочел вариант «часто», сократилась с 31% до 21%. Проблема домашнего насилия в наибольшей степени представлена в социальных медиа и в целом в виртуальном пространстве, что, вероятно, связано с влиянием женского движения и популяризацией психологической помощи: в Интернете активно обсуждаются случаи домашнего насилия и разных его форм, в том числе проблема виктимблейминга, на фоне увеличения числа обращающихся за психологической помощью (5) и растущего спроса на научно-популярную литературу по психологии личности

и межличностным отношениям, а также популярности каналов и пабликов по данной тематике.

Дестигматизация дискуссий о домашнем насилии в виртуальной среде и СМИ подключает все больше людей к активному обсуждению проблемы и позволяет лицам, столкнувшимся с семейным насилием, но не определяющим таковое как насилие, не только изменить свое мнение, но и рассмотреть для себя возможность придать свой случай огласке в СМИ или социальных сетях. Необходимо отметить, что проблематика семейного насилия и его замалчивания активно поднимается и в кинематографе. Как следствие характеристики, подпадающие под определение семейного насилия, понимаются россиянами достаточно широко: они относят к нему не только физическое (96 %) и сексуальное насилие (88 %), но также психологическое (87 %) и экономическое (61 %), т.е. доступность информации о разных аспектах и видах насилия могла повлиять на увеличение количества людей, идентифицирующих действия, совершенные в отношении них, как насилие. Так, в 2024 году по сравнению с 2019 годом выросла доля указавших, что к ним в детстве применялось насилие со стороны родственников (27 % против 16 %), доля респондентов-жертв насилия, отметивших, что за прошедший год со стороны семьи в их отношении было совершено моральное (психологическое) насилие (90 % против 37 %), и доля респондентов-жертв насилия, обращавшихся за психологической помощью (в кризисные центры, службы доверия и т.д.) — 15 % против 9 %.

О значительной роли социально-психологических факторов домашнего насилия в российском обществе говорят и представления жертв насилия о мотивации абьюзеров: чаще всего причина агрессии видится жертвам в психологических проблемах личного характера (48 %), желании власти и контроля со стороны агрессора (41 %), семейных традициях (19 %), или же агрессия трактуется как вина жертвы (14 %), т.е. фактор традиции в домашнем насилии явно не воспринимается как ведущий. Об этом говорит и отношение к традиционной поговорке «милые бранятся — только тешатся», которая имеет аналоги и других культурах [1. С. 21]. В наших опросах большинство высказало несогласие с данным утверждением, и этот показатель вырос с 56 % до 68 %, а согласились в той или иной степени с данной поговоркой 25 % (этот показатель несколько выше в Северо-Кавказском федеральном округе и среди старших возрастных групп).

То же можно сказать о смягчении методов семейного воспитания — на молодых родителей большое влияние оказывает психологически ориентированная медийная повестка, огромное количество популярной психологической литературы и других источников по воспитанию детей, которые в большинстве своем содержат руководства по мягким ненасильственным методам. Так, в результатах опроса 2024 года значительно уменьшилась доля респондентов, считающих себя строгими родителями (3 % против 12 % в 2019 году), 24 %

считают себя мягкими, нетребовательными родителями (17 % в 2019 году, снизилась доля родителей, считающих, что они не занимаются воспитанием своих детей вовсе (на 2,4 %), и доля положительных ответов на вопрос о применении физического наказания детей. Согласно данным в таблице 3, сегодня методы семейного воспитания в целом смягчились по сравнению с теми, что применялись к нынешним родителям в их детстве.

Таблица 3

Меры воспитания детей в прошлом и настоящем (в %)

Варианты мер наказания и воспитания	Применялись ко мне в детстве (% от имеющих несовершеннолетних детей)		Применяю к своим детям (% от имеющих несовершеннолетних детей)	
	2019	2024	2019	2024
Можно серьезно наказать, вплоть до применения силы	16,2	22,6	2	1,4
Можно слегка воздействовать, «шлепнуть», когда не слушается	24,3	25,8	18,3	16,1
Физическую силу не применять, но можно сильно отругать	24	28,6	35	40,8
Воспитание только разъяснительными спокойными беседами и замечаниями	20,5	15,8	35,5	34,7

Интересно, что при этом уменьшилась доля родителей, считающих, что их отношения с детьми имеют доверительный характер (67 % против 75 %), все больше родителей признают наличие отдельных проблем в отношениях с детьми (27 % против 17 %). Однако признание наличия проблем в воспитании детей говорит и о готовности к поиску мягких вариантов их решения, тогда как уверенность в том, что отношения с ребенком лишены сложностей, может свидетельствовать об авторитарном укладе семьи (ребенок находится в подчиненном положении, его мнение не учитывается), при котором более вероятно применение насилия. Следует отметить, что в опросе 2024 года родители склонны учитывать мнение ребенка по важным вопросам, связанным с его жизнью (смена школы и т.д.): 38 % указали, что такие вопросы не могут быть решены против воли ребенка, 41 % отметили, что по отдельным вопросам мнение ребенка может быть решающим, т.е. почти 80 % так или иначе считаются с мнением ребенка по важным вопросам, даже если оно не совпадает с мнением родителя.

В целом результаты опроса свидетельствуют о все большем осмыслении респондентами проблемы насилия в семье и собственного опыта. Об этом говорят и ответы на вопросы о получении психологической травмы или иных негативных последствий своего детства. Мы снова видим увеличение доли положительных ответов: более половины респондентов выбрали варианты «да» или «скорее да» (57 % против 44 % в 2019 году); существенно увеличилась доля респондентов, указавших, что они наблюдали случаи домашнего насилия (43 %), причем 21 % стали свидетелем последнего по времени случая семейного насилия в течение последнего полугодия (до опроса). Чаще всего респонденты фиксируют насилие среди соседей (56 %), родственников (40 %), друзей и близких знакомых (35 %). При этом несколько уменьшилось количество людей, готовых вмешаться в такую ситуацию (52 % против 61 %) — лично или обратившись в правоохранительные органы (таблица 4). Это может быть связано с тем, что многие просто не знают, что делать при столкновении с семейным насилием, куда обращаться (21 %); 42 % знают, как действовать, но в реальной ситуации выполнение требуемых действий может вызвать затруднения; 36 % знают, что делать и куда обращаться, но на фоне низкого уровня доверия к правоохранительным органам, неверия в их способность эффективно решить проблему и с учетом рисков личного характера при попытке разрешить семейный конфликт количество желающих вмешаться в ситуацию по определению не может быть большим.

Таблица 4

Реакция свидетелей ситуации домашнего насилия (в %)

Как Вы повели себя в этой последней по времени ситуации?	2019	2024
Сообщил в правоохранительные органы	14,8	13
Лично вмешался, постарался изменить ситуацию	46,1	39,4
Просто дал совет	14,4	16
Другое	5,7	8,8
Ничего не делал, это не мое дело	18	21

Таким образом, проведенное социологическое исследование — одна из первых попыток разработать методику социологического мониторинга отношения к проблеме домашнего насилия в российском обществе. Предложенная опросная методика позволяет выявить не только общее

ценностное отношение к проблеме, но и социальные установки, определяющие поведение людей при личном столкновении с домашним насилием. Применяемые вопросы о том, доводилось ли респонденту быть свидетелем домашнего насилия в его ближайшем окружении, помогает оценивать реальное распространение этого явления, а не опираться только на данные официальной статистики. Также исследование выявило ряд факторов, влияющих на возникновение семейного насилия: так, большую роль играет психологический фактор, который проявляется в дисфункциональном семейном окружении — психологические проблемы могут быть связаны и с пережитым прежде травматическим опытом (в том числе в детстве), и с неумением выстраивать доверительные и партнерские отношения в семье.

Необходимые в этом случае первичные меры — профессиональная психотерапевтическая помощь в семье, которая в нашей стране, к сожалению, мало развита [10. С. 5]. Поэтому вопросы профилактики домашнего насилия относятся преимущественно к сфере деятельности социальных служб и НКО, а потом уже МВД и соответствующих правовых инструментов. Следует также отметить проблему правового просвещения и информирования граждан и проблему доверия правовым институтам, в том числе полиции [8]. Значение социокультурного фактора видится нам в ценностном конфликте, который выражен сегодня в российском обществе: не только результаты опроса, но и публичные дискуссии в информационном пространстве свидетельствуют о различных взглядах на проблему домашнего насилия в свете разного понимания семейных ценностей (в том числе их определения как традиционных) мужчинами и женщинами, старшими поколениями и молодежью, жителями крупных городов и глубинки. Однако, несмотря на эти различия, опрос показал доминирующее представление о домашнем насилии как важной общественной проблеме, как явлении, не совместимом с нормами и ценностями современной семьи.

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00424, <https://rscf.ru/project/24-28-00424>.

Примечания

- (1) Закон о домашнем насилии: что он может изменить и кто выступает против: <https://rtvi.com/news/zakon-o-domashnem-nasilii-chto-on-mozhet-izmenit-i-kto-vystupaet-protiv>
- (2) Коммерсант. Борьба с домашним насилием // <https://www.kommersant.ru/theme/2713>.
- (3) ВЦИОМ. Худой мир — или добрая ссора? <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khudoj-mir-ili-dobraya-ssora>
- (4) Russian Field. Поддержка закона о домашнем насилии. Всероссийский телефонный опрос 23 мая — 2 июня 2024 года. https://web.telegram.org/k/#@russian_field_soc
- (5) ВЦИОМ. В поисках психологической помощи <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-psikhologicheskoi-pomoshchi>

Библиографический список

1. Абдукаримова З.Т., Кайназарова М.Б., Суркова С.С. Оценка причин и факторов, способствующих росту латентности домашнего насилия в отношении женщин в Казахстане // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ХАБАРШЫСЫ. Құқық сериясы. 2024. № 1.
2. Гришко Н.А. Преступное насилие, совершаемое женщинами в семейно-бытовой сфере: Дисс. к.ю.н. Курск, 2019.
3. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 1.
4. Казун А.П. Влияние пандемии коронавируса на домашнее насилие: обзор международных исследований // Женщина в российском обществе. 2022. № 1.
5. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, июнь 2024 года / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова и др. М., 2024.
6. Крылов Д.С. Теоретико-методологические подходы к исследованию домашнего насилия // Вестник АГУ. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 3.
7. Китайцева О.В. Проблема домашнего насилия в отношении женщин в российском медиапространстве: основной репертуар российских СМИ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 25.
8. Ларина Т.И., Старостина А.А. Социокультурные особенности проблемы домашнего насилия в России // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 6.
9. Муравьева М.Г. «Я и моя семья категорически против этого закона»: гендерное гражданство и домашнее насилие в современной России // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3.
10. Насилие в семье / Ю.М. Антонян, В.А. Рачицкая, Е.М. Тимошина, А.В. Швабауэр. М., 2021.
11. Ушакова Я.В., Матюгина М.В. Отношение молодежи к домашнему насилию: пережитый опыт и будущие практики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 4.
12. Щепельков В.Ф. Противодействие домашнему насилию в Российской Федерации: состояние и перспективы // Криминалист. 2022. № 2.
13. Щепельков В.Ф., Савин С.Д., Тимошина Е.М. Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 3.
14. Chapnin S. The rhetoric of traditional values in contemporary Russia // Post-Secular Conflicts: Debating Tradition in Russia and the United States / Ed. by K. Stoeckl, D. Uzlaner. Innsbruck University Press, 2020.
15. Kourti A., Stavridou A., Panagouli E. et al. Domestic violence during the covid-19 pandemic: A systematic review // Trauma, Violence & Abuse. 2021 // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/15248380211038690>.
16. McDonald R., Jouriles E.N., Ramisetty-Mikler S. et al. Estimating the number of American children living in partner-violent families // Journal of Family Psychology. 2006. Vol. 20. No. 1.
17. Nix J., Richards T.N. The immediate and long-term effects of covid-19 stay-at-home orders on domestic violence calls for service across six U.S. jurisdictions // Police Practice and Research. 2021. Vol. 22. No. 21.
18. Puzanova Zh.V., Filippov V.M., Simonova M.A., Larina T.I. Domestic sexual child abuse: Social and social-cultural aspects // RUDN Journal of Sociology. 2021. Т. 21. № 2.
19. UN GA Intensification of efforts to eliminate all forms of violence against women and girls. Report of the Secretary-General. 2022 // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/465/68/pdf/n2246568.pdf?token=1xoI7XbMZXXXnFgZri&fe=true>.
20. Zhaohui Su, McDonnell D., Cheshmehzangi A. et al. What “family affair?” Domestic violence awareness in China // Frontiers in Public Health. 2022. Vol. 10.

Domestic violence as a social problem in the Russian society: Between privacy and publicity*

S.D. Savin¹, V.F. Shchepelkov², A.N. Sidorova²

¹RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Saint Petersburg State University,
Universitetskaya Nab., 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia

(e-mail: savin-sd@rudn.ru; volga0@yandex.ru; eloniel@gmail.com)

Abstract. In recent years, domestic violence has become one of the most discussed social problems. In the Russian public space, there are heated debates about the necessity of an additional law on the prevention of domestic violence, the limits of state and public organizations' intervention in family affairs, and the value content of the concept "strong family". At the same time, there are debates about the importance of criminalizing or decriminalizing domestic violence in the field of political struggle between liberal and conservative forces. Despite such a broad public interest and high-profile cases of domestic violence covered in the media, this issue is poorly represented in the Russian scientific research. The article outlines the possibilities of sociological monitoring of public opinion on this problem. The authors compare indicators of the all-Russian surveys conducted in 2019 and 2024 and analyze official statistics on domestic violence from 2015 to 2023 to make conclusions about the Russians' perception of domestic violence, their personal experience, value orientations and social attitudes when facing such a situation. Domestic violence is perceived by most respondents as a significant social problem, complex in nature and implying not only physical and sexual violence against a family member but also psychological and economic violence; therefore, the role of the psychological factor in the family increases. In general, domestic violence is largely hidden in nature, so, to assess its scale, the authors suggest to use a combination of indirect factors such as the share of withdrawn statements of victims, people's assessment of the prevalence of domestic violence in their immediate environment (among neighbors, friends and relatives).

Key words: domestic violence; family violence; family relations; social problems; Russian society; public opinion; sociological surveys

For citation: Savin S.D., Shchepelkov V.F., Sidorova A.N. Domestic violence as a social problem in the Russian society: Between privacy and publicity. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 64–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-64-78>

*© S.D. Savin, V.F. Shchepelkov, A.N. Sidorova, 2025

The article was submitted on 04.07.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

References

1. Abdukarimova Z.T., Kainazarova M.B., Surkova S.S. Otsenka prichin i faktorov, sposobstvuyushchih rostu latentnosti domashnego nasiliya v otnoshenii zhenshchin v Kazahstane [Assessment of causes and factors contributing to the increased latency of domestic violence against women in Kazakhstan]. *L.N. Gumilev atyndazy Euraziya җлтық университетинің HABARSHYSY. Құқық seriyasy*. 2024; 1. (In Russ.).
2. Grishko N.A. *Prestupnoe nasilie, sovershaemoe zhenshchinami v semejno-bytovoj sfere* [Criminal Violence Committed by Women in the Domestic Sphere]. PhD Thesis. Kursk; 2019. (In Russ.).
3. Gurko T.A. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu transformatsii instituta semyi [Theoretical approaches to the study of the family institution transformation]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2020; 26 (1). (In Russ.).
4. Kazun A.P. Vlianie pandemii koronavirusa na domashnee nasilie: obzor mezhdunarodnyh issledovaniy [The impact of the coronavirus pandemic on domestic violence: A review of international studies]. *Zhenshchina v Rossiyskom Obshchestve*. 2022; 1. (In Russ.).
5. *Kak zhivesh, Rossiya?* Ekspres-informatsiya. 54 etap sotsiologicheskogo monitoringa, iyun 2024 goda [How are you, Russia? Express Information. 54th Wave of Sociological Monitoring, June 2024]. V.K. Levashov, N.M. Velikaya, I.S. Shushpanova et al. Moscow; 2024. (In Russ.).
6. Krylov D.S. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k issledovaniyu domashnego nasiliya [Theoretical-methodological approaches to the study of domestic violence]. *Vestnik AGU. Seriya 1: Regionovedenie: Filosofiya, Istoriya, Sotsiologiya, Yurisprudentsiya, Politologiya, Kulturologiya*. 2019; 3. (In Russ.).
7. Kitaitseva O.V. Problema domashnego nasiliya v otnoshenii zhenshchin v rossiyskom mediaprostranstve: osnovnoj repertuar rossijskih SMI [The problem of domestic violence against women in the Russian media space: Main repertoire of the Russian media]. *Nauka. Kultura. Obshchestvo*. 2022; 28 (25). (In Russ.).
8. Larina T.I., Starostina A.A. Sotsiokulturnye osobennosti problemy domashnego nasiliya v Rossii [Social-cultural features of domestic violence in Russia]. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika*. 2023; 6. (In Russ.).
9. Muravyeva M.G. “Ya i moya semiya kategoricheski protiv etogo zakona”: gendernoe grazhdanstvo i domashnee nasilie v sovremennoj Rossii [“My family and I are absolutely against this law”: Gender citizenship and domestic violence in contemporary Russia]. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya*. 2021; 13 (3). (In Russ.).
10. *Nasilie v seme* [Violence in the Family]. Antonyan Yu.M., Rachitskaya V.A., Timoshina E.M., Shvabauer A.V. Moscow; 2021. (In Russ.).
11. Ushakova Ya.V., Matyugina M.V. Otnoshenie molodezhi k domashnemu nasiliyu: pe-rezhity opyt i budushchie praktiki [The youth’s attitudes to domestic violence: Past experience and future practices]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye Nauki*. 2022; 4. (In Russ.).
12. Shchepelkov V.F. Protivodeystvie domashnemu nasiliyu v Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie i perspektivy [Countering domestic violence in the Russian Federation: The state and prospects]. *Kriminalist*. 2022; 2. (In Russ.).
13. Shchepelkov V.F., Savin S.D., Timoshina E.M. Domashnee nasilie v Rossijskoj Federatsii (sostoyanie, problemy kriminologicheskoy otsenki) [Domestic violence in the Russian Federation (state, issues of criminological assessment)] *Vserossiyskiy Kriminologicheskyy Zhurnal*. 2024; 18 (3). (In Russ.).
14. Chaplin S. The rhetoric of traditional values in contemporary Russia. *Post-Secular Conflicts: Debating Tradition in Russia and the United States*. Ed. by K. Stoeckl, D. Uzlaner. Innsbruck University Press; 2020.

15. Kourti A., Stavridou A., Panagouli E. et al. Domestic violence during the covid-19 pandemic: A systematic review. *Trauma, Violence & Abuse*. 2021. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/15248380211038690>.
16. McDonald R., Jouriles E.N., Ramisetty-Mikler S. et al. Estimating the number of American children living in partner-violent families. *Journal of Family Psychology*. 2006; 20 (1).
17. Nix J., Richards T.N. The immediate and long-term effects of covid-19 stay-at-home orders on domestic violence calls for service across six U.S. jurisdictions. *Police Practice and Research*. 2021; 22 (21).
18. Puzanova Zh.V., Filippov V.M., Simonova M.A., Larina T.I. Domestic sexual child abuse: Social and social-cultural aspects. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (2).
19. UN GA Intensification of efforts to eliminate all forms of violence against women and girls. Report of the Secretary-General. 2022. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/465/68/pdf/n2246568.pdf?token=1xoI7XbMZXXXnFgZri&fe=true>.
20. Zhaohui Su, McDonnell D., Cheshmehzangi A. et al. What “family affair?” Domestic violence awareness in China. *Frontiers in Public Health*. 2022; 10.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-79-93

EDN: FVPKBP

“Who are surrogate mothers?”: Rethinking motherhood in Russia in the context of assisted reproductive technologies*

I.G. Polyakova, A.V. Shvetsova, E.E. Symanyuk

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Mira St., 19, Ekaterinburg, 620002, Russia

(e-mail: irinapolykova@yandex.ru; shvetsovaav@mail.ru; e.e.symaniuk@urfu.ru)

Abstract. The development of assisted reproductive technologies, especially surrogacy, requires a reevaluation of motherhood and an understanding of how gestational motherhood fits into kinship structures since motherhood has transcended the boundaries of the “mother-child” dyad and expanded into the system of “surrogate mother-child-biological mother”, which has shaken the traditional foundations and meanings of this seemingly stable and unshakeable construct. This new reality questions the essence of motherhood and creates new roles within it, primarily determining the question: who are “surrogate mothers”? This question consists of two levels: the social portrait of the surrogate mother and her status. The social portrait will help to understand who becomes a surrogate mother and why; the authors attempt to define a range of demographic criteria (age, place of residence, marital status, level of education, etc.) and personal traits that enable a woman to fulfill this complex role. Concerning social status, the authors attempt to understand the role of surrogate mothers in public consciousness and how the actors involved (surrogates, biological parents, reproductive specialists) perceive her place within the structure of kinship. The study consisted of expert interviews with reproductive specialists, psychologists, and recruitment agents (N=6) and a representative survey (N=1300). The data presents a typical surrogate mother as a 25-33-year-old woman with 1–2 healthy children, often a single mother or remarried, with a vocational education and a low income, frequently residing outside of major cities. Experts describe her psychological profile as “a more relaxed outlook on life”, characterized by simplicity, responsibility and having a clear understanding of her life situation. In public perception, the surrogate mother is not integrated into kinship structures; she temporarily fulfills a role, after which her contractual obligations are complete. In Russia, surrogates are viewed as assistants in addressing infertility, hired to carry and deliver the couple’s genetic child. Both parties often anonymize this arrangement to present a conventional family image and alleviate social pressures on the surrogate.

Key words: family; assisted reproductive technologies; surrogacy; motherhood; surrogate mother; parenthood; kinship; expert interviews; survey

*© I.G. Polyakova, A.V. Shvetsova, E.E. Symanyuk, 2025

The article was submitted on 04.10.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

For citation: Polyakova I.G., Shvetsova A.V., Symanyuk E.E. “Who are surrogate mothers?”: Rethinking motherhood in Russia in the context of assisted reproductive technologies. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 79–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-79-93>

The rise of assisted reproductive technologies has dramatically reshaped our understanding of kinship systems. Among the most notable and debated advancements is surrogacy that involves creating an embryo through artificial means, implanting it into a surrogate, who carries the pregnancy to term, and then handing the child over to the intended parents. While there are historical precedents for women giving birth to children for others, such as maids or concubines, surrogacy has fundamentally transformed the way we view motherhood, both socially and biologically. First, unlike in the past, these technologies allow for a biological connection between the child and the intended parents, as the surrogate is genetically unrelated to the child, who shares genetic ties solely with biological parents. In Russia, a surrogate mother cannot be an egg donor, according to the Federal Law No. 538-FZ as of December 19, 2022 [7]. The law also states that potential parents are the man and woman (or only the woman) whose gametes were used for fertilization, and for whom carrying and giving birth to a child is medically impossible. In such cases, potential parents are recognized as genetic parents. Second, participation in the program is voluntary for the surrogate mother, with altruistic motives being important. Third, surrogacy shares certain similarities with a commercial transaction, as it is conducted with legal support and involves compensation.

The term “surrogate mother” is debated: who is the mother (or the primary mother) — the woman who carried and gave birth to the child but has no genetic relation to him, or the woman whose egg formed the embryo and who plans to raise the child without being pregnant. The law does not always clarify this complex issue. In Russia, there is a problem of legal identification of the mother in cases of surrogacy. Federal Law No. 143 [6] requires parents, when registering the birth of a child conceived through surrogacy, to also the surrogate mother’s consent to be recorded as the child’s parents. Thus, the procedure allows for the child’s registration only by genetic parents. On the other hand, the Constitutional Court [15] clarifies that the surrogate mother’s consent for such registration means she has the option to record herself as the child’s mother, thereby establishing the rights and obligations for the woman who gave birth to the child. This document also includes an amendment stating that the court should be guided by the best interests of the child and make a final decision depending on situation. In other words, Russian legislation adheres to the gestational model of surrogacy, where the prior parental rights are determined by pregnancy, but in practice, various circumstances are taken into account, including the terms of the contract and the surrogate mother’s living conditions.

The drama of rethinking motherhood in Russia is reflected in the official statements of public officials. For instance, the Constitutional Court Judge A.N. Kokotov [11] argues that a child born as a result of this technology has two mothers: a genetic mother and a surrogate mother who “is not just a woman who gave birth to a child conceived artificially using the gametes of the genetic parents; she is indeed a mother who has given birth not only to another’s child but also to her own”. He argues that pregnancy influences the child’s immune and hormonal systems, creating blood ties and even spiritual connections. As a result, “regardless of the will and consciousness of the surrogate mother, the instinct of motherhood awakens within her, establishing a deep biological and emotional-spiritual bond between her and the child”. Furthermore, the surrogate mother as a poor woman experiences profound moral anguish, even to the point of “uncontrollable feelings of motherhood”. Thus, “the obvious ‘disparity’ in the living conditions of surrogate mothers compared to genetic parents does not mean that the poor are incapable of raising children properly” [11].

The opposite position is expressed by V.S. Korsak, the President of the Russian Association of Human Reproduction [13]. Speaking on behalf of the medical community, he states that surrogacy is a form of medical assistance for those suffering from infertility. From the legal standpoint, it is necessary to “eliminate the possibility of criminal acts by unscrupulous service providers”. Korsak asserts that surrogacy does not lead to any negative psychological consequences for the surrogate mother, parents or child, since the greatest harm to all parties comes from “the intense scrutiny of personal problems of people suffering from infertility, fueled by the media”. Thus, there are diametrically opposing views regarding the status of the surrogate mother and her role in the child’s life, which is inevitably reflected in the academic discourse.

The term “surrogate mother” is misleading as it implies that the woman who carried and gave birth to the child is an artificial substitute or imitation of the mother [5]. Already in the Roman law, the principle “mater semper certa est” (“the mother is always certain”) established the unquestionable identity of the mother, and this principle is still applied in all countries where surrogacy is practiced, prioritizing the rights of the biological mother [2]. In the United Kingdom and the Netherlands, a system that would automatically recognize the priority of genetic (social) parents is debated, which can have significant implications for human rights and the dignity of surrogate mothers [19].

The opinions of surrogate mothers are unequivocal: surrogate children belong to the parents who want them (i.e., social parents) [4]. The emphasis on chosen solidarity diminishes the importance of genetic ties and helps surrogate mothers maintain the traditional boundaries of their own nuclear family and the family of the intended parents. By studying public opinion and relevant social practices, researchers conclude that the reproductive labor of women in surrogacy is valued but not compensated [3]. This means that people believe that pregnancy for the

happiness of an infertile couple is a complex and noble endeavor, but market laws allow not only the evaluation of this service but also negotiations about its cost.

Elly Teman's *Birthing a Mother: The Surrogate Body and the Pregnant Self* represents one of the first attempts to explain the complex changes in the life and consciousness of a woman who chooses the path of surrogacy. While collecting data in Israel, she explored how women differentiate between their biological and surrogate pregnancies to normalize their choices. Surrogate mothers often use metaphors like “baby incubator”, “hothouse”, and “oven” to emphasize their temporary role in carrying a child as conceived by another couple. They express this distinction by saying “their bun, my oven”, clearly separating their bodies from the child they view as logical and justified to return to the biological parents. Surrogates also normalize their experience by reflecting on their bodies through the dichotomy of “natural pregnancy” versus “artificial pregnancy”, describing this experience as completely different (including the emergence of taste preferences in pregnant women that resemble those of the embryo's biological parents), which allows them to deny the development of psychological attachment to the child and, consequently, to calmly relinquish it [16]. In general surrogate mothers have a lower quality of connection with the newborn because their production of natural oxytocin is significantly lower than in natural pregnancy and breastfeeding [18].

As for the social profile of the surrogate mother, it is shaped by both legal norms and certain unwritten guidelines. The legislation in countries with legalized surrogacy contracts defines the age and status of parties, which can vary significantly across jurisdictions. For example, in Russia, a surrogate mother is typically a woman aged between twenty and thirty-five, in Israel — from twenty-two to thirty-eight, and in the USA — from twenty to forty years. A common requirement is to have at least one child. In Israel, a woman must not be married; in the USA, on the contrary, a potential surrogate mother may be rejected if she lacks the support of a spouse. In Russia, there are no such restrictions, but a married woman can only be a surrogate with her husband's written consent. The ways in which surrogacy is integrated into a woman's family, how complex boundaries between the two families are explained to her children, and how relationships are clarified also have national and cultural specificities [17].

Social-psychological characteristics of surrogate mothers are of particular interest as they may reveal patterns or identify a specific type of woman suited for this role. Limited empirical data suggest that a surrogate mother's social profile is closely linked to her living conditions. In countries with a high standard of living where commercial surrogacy is prohibited, this role is more often taken on by educated women with stable incomes (sometimes relatives of the couple) [1; 9; 10]. In poorer countries, especially with common commercial surrogacy tourism, it is typically poor and less educated women [8; 12]. There are unique and less apparent trends in surrogacy services in certain countries. For instance, in the USA, military wives actively pursue surrogacy, comprising an estimated 15 %–20 % of all surrogates.

Often facing unstable employment, they may leverage their “military mindset” as an asset in this role [22].

The psychological profile of surrogate mothers also raises scholarly interest. Riddle suggests that a woman’s psychological suitability for the role of a gestational carrier may be influenced not only by her psychological health but also by the psychological health of her partner and children [14]. Researchers generally agree that most surrogate mothers fall within the “normal range” of psychological resilience, intelligence, and morale and tend to normalize their surrogacy experience to avoid internal conflicts. However, most women face instability in the professional sphere and significant financial difficulties. Thus, the available data only outline to some extent an answer to the question “who are surrogate mother in Russias?” but provide almost no information about social positions within kinship structures that the society assigns to them. Since the study seeks to answer two questions — who Russian surrogate mothers are and what is their social position in the public perception — a comprehensive methodology was developed to operationalize both constructs. To address the first research question, data was collected with in-depth interviews with a small sample of experts (reproductive specialists, reproductive psychologists, and surrogacy recruitment specialists, N=6, Table 1). To address the second question, a mass online survey was conducted on a combined sample (stream N=620, panel N=680, total N=1300, Table 2) representative in terms of gender and age structure. The survey was conducted in Ekaterinburg, the Sverdlovsk Region, in February–March 2023.

To answer the question “Who are surrogate mothers in Russia?”, we will refer to expert interviews. As the demographic criteria for surrogate motherhood are established by specific regulations (primarily fertile age and having children), there are age trends (a shift towards older ages indicating psychological maturity) and patterns related to the number of children (women with multiple children rarely qualify for the program, mainly due to health issues after several pregnancies that prevent them from meeting the minimum medical requirements): *“According to the regulations, women up to 35 years old can be surrogates. They should have one or two children”; “This is a girl aged 27 to 32, and she has two children”; “I think it’s often girls in their early 30s who already have at least one child, sometimes two. I haven’t encountered anyone who had three. But this is quite risky because, most likely, at least in one of those three pregnancies, there was a cesarean section”; “Twenty years is the minimum threshold, and we still try to ensure that the woman is a little older, at least 22, so that she makes this decision with more consideration. This is also related to the fact that, as a rule, biological parents are in the age range of 35, 30, and older, so it can be difficult for them to establish communication with a younger generation. Therefore, we prefer ages from 25 to 30”.*

Table 1

Sample structure

<i>Gender</i>	<i>N</i>	<i>%</i>
Women	748	57.5
Men	553	42.5
<i>Age</i>	<i>N</i>	<i>%</i>
18–30	371	28.5
31–40	463	35.6
41–70	465	35.8
<i>Education</i>	<i>N</i>	<i>%</i>
Incomplete secondary or lower	10	0.8
Secondary education	82	6.3
Primary vocational (vocational school, lyceum, etc.)	65	5
Secondary vocational (technical school, vocational college, medical school, etc.)	306	23.5
Incomplete higher education (university studies without a diploma)	101	7.8
Higher education (specialist's, bachelor's, master's degree, etc.)	715	55
Postgraduate studies, academic degree, title	20	1.5
<i>Children</i>	<i>N</i>	<i>%</i>
Have children	809	62.2
No children	491	37.8
<i>Marital status</i>	<i>N</i>	<i>%</i>
Married	658	50.6
Single and never been married	268	20.6
Living together, but not officially married	178	13.7
Divorced	139	10.7
Widower/widow	22	1.7
Separated	17	1.3
Find it difficult to answer; another response	18	1.4

Table 2

List of experts

Position	Age	Gender	State/private institution
Obstetrician-gynecologist-reproductive specialist	50	Female	Private clinic
Reproductive specialist	29	Female	State clinic
Head of the ART department	42	Male	Private clinic
Obstetrician-gynecologist-reproductive specialist	44	Female	State clinic
Psychologist	37	Female	Private clinic
Director of the agency for recruiting oocyte donors and surrogate mothers		Female	Private agency

The marital status of surrogate mothers in Russia is not legally regulated, so the program includes both married women and single mothers. It is common for these women to be in second marriages and to have children from different men. Surrogate mothers often have vocational education, sometimes higher education, but they lack a clear career strategy. The maternity leave period, during which women are physically limited in their earning capacity, also contributes to their decision to pursue surrogate motherhood: *“They are not necessarily single women, although there can be those who are single mothers wanting to improve their own living conditions and those of their children, including education and so on. But there are also women who are married and have husbands”; “Most likely, it’s a second marriage, so it’s possible that children are from different husbands. She has a secondary vocational education and is currently on maternity leave, which is why she took on this side job: her child is just about to start kindergarten, and she can’t go back to work for some reason, making this a more or less accessible source of income”; “I have the impression that I haven’t come across two people with the same profession. I think many of them might not be working at that time, which is one of the reasons for their participation in such a program. For example, when the husband was the financial provider, and he left, they have no job and no financial support”; “Some are with higher education, some with no education at all... There are very low-income women who, before pregnancy, need to have their teeth treated and to clean themselves properly. We usually refuse such people”; “In terms of education, it seems to me that it’s either secondary or vocational*

education; it's rarer to find someone with higher education. There are some, but I can only recall a couple of people with higher education... Most often they are either not in an official marriage or less frequently have a permanent partner; even less often, they are in an official marriage. There is also this detail: having a partner or spouse does not mean that he is the father of the woman's child"; "They usually have vocational education. There are a few women who have higher education, but typically they do not work in their field. This leads them to participate in the program and receive an amount they wouldn't be able to earn in such a short period of time. Fifty percent of the women are those who are not in civil relationships (or official marriages), and fifty percent are divorced or single, with dependent children who also need financial support".

Often women in difficult economic situations and those living in peripheral areas choose surrogacy, and participation in the program provides them with significant rewards by the standards of their living area: *Most often... these are girls not from Ekaterinburg. They come from smaller towns in the region... Very often, probably in most cases... they have issues with housing: either they rent a place or live with relatives... I don't know any specific figures regarding their income, but from my conversations with them and judging by their occupations, I guess they have average or even below-average earnings".*

The most frequently mentioned definitions of surrogate mothers' social-psychological characteristics point to their moral resilience, independence, responsibility, and ability to normalize complex experiences and integrate them into their personality structure without harming their mental health. At the same time, the decision may be made under certain constraints (somatic or external), which limits the woman's ability to address her life challenges through other means: *"These are women who are quite determined and accustomed to relying on themselves. But first and foremost, they are used to achieving everything on their own, counting on themselves and helping their families"; "Most often, these are women from peripheral areas: either small towns, or villages... And there is usually some mild somatic pathology: either mild excess body weight, obesity, or euthyroidism... They are not ideal ladies with perfect health"; "Surrogate mothers are good girls, perhaps from a lower middle-income background, may be even slightly below average, but they are neat, tidy, and calm. They think everything through before coming to the clinic. They discuss everything with their family. They plan how they will explain things at work: they were pregnant, and then there's no baby. Everything is discussed beforehand. They are just very aware; they do all of this consciously".*

The decision to enter a surrogacy program often follows a complex journey through egg donation — positive experiences lead to contracts with infertile couples. In some cases, expert assessments of their frequency vary widely — from isolated instances to as much as 40 % — with surrogate mothers choosing to undergo the procedure again. Such experience is viewed as an advantage and can guarantee higher compensation as the procedure is familiar to the woman and had positive

results. Nevertheless, according to reproductive specialists, each new pregnancy (natural or artificial) carries certain health risks for the mother, which decreases the likelihood of successful outcomes: *“Usually, even experienced surrogate mothers ask for higher compensation for handing over the child. Why is that? Because... it includes the experience of a full-term pregnancy, positive interaction with biological parents, and a sense of responsibility for all the procedures and medications prescribed and for all the doctor’s recommendations. And, of course, it means that there are no problems during the child handover stage. She already understands this mechanism and will handle it smoothly”*; *“I think that having prior experience can be seen as an advantage, because there are really many aspects that a surrogate mother might encounter that she wasn’t even aware of or didn’t suspect when planning everything. Therefore, you never know how she will handle these situations, how her psyche will respond, and whether there will be any consequences. Of course, a surrogate mother with a previous pregnancy is a safer option”*; *“If a woman performed well in her first task (carrying the pregnancy, monitoring, and following the doctor’s recommendations) and there were no complaints about her, it is more likely that she will behave predictably in the next program, unlike women who are entering the surrogacy program for the first time”*; *“It’s quite uncommon for a surrogate mother to enter the program a second time, because there are several restrictions. This includes cesarean sections, which are undesirable... the age also has its limitations. They need to participate before the age of 35, and they must have at least one child, and some may have two. Therefore, entering the program a second time is something that some simply cannot do, no matter how much they want to”*; *“Not all women want to participate again, but there are those who see it as a convenient way to quickly earn money. There are surrogate mothers who call after three months... to do it again”*.

Thus, the surrogate mother in Russia is a woman aged 25 to 33, with 1 to 2 children, with a vocational education and an income below average, balancing her personal relationships (In a second marriage or cohabiting). She displays “normal” psychological reactions, seeking to address financial and housing issues through participation in the surrogacy program. According to the survey, surrogacy is the most well-known assisted reproductive technology in Russia (at least 84 % of respondents have heard of it), yet only 26 % are opposed to its prohibition (every third was unable to decide on this question). For most Russians who have not personally faced infertility or used assisted reproductive technologies, surrogacy is a “zone of great ambiguity” that creates significant contradictions within familiar kinship structures, which is reflected in the inconsistent responses and tendency to favor middle-ground options.

The public attitude toward surrogate mothers can best be described as contradictory — a combination of the positive image of a mother who gives life and helps in times of trouble (childlessness) and the negative aspect of the “sale” of a child and a woman’s ability to renounce her “maternal instinct”. Most

respondents are convinced that the decision about informing the child about the use of assisted reproductive technologies at birth should be made solely by parents (who raise the child and are initiators of birth) (Table 3). However, only a quarter believe that a child has the right to know the circumstances of birth. Almost as many are opposed to this for psychological or social reasons. The idea of not wanting the child to “find out by accident” is another popular opinion highlighting the potentially traumatizing experience, which could lead to family discord. None of respondents appealed to the feelings of the surrogate mother: she is excluded from the objects of concern; after the child is handed over, she ceases to be part of the family system as her contractual obligations have been fulfilled.

Table 3

Respondents' views on informing children about their birth via surrogacy (In %)

Should children born through surrogacy know that?	Total	Women	Men	18–30	31–40	41–70	Have children	No children
It is up to the child's parents to decide	36	38	32	34	39	34	37	34
Yes, everyone has the right to know their roots and the circumstances of their birth	25	20	30	36	22	18	20	32
It's better to tell the truth; otherwise the child might find out by accident, and it would be traumatic	18	18	17	22	16	16	16	20
No, it will only create problems for everyone and traumatize the child	15	15	15	6	16	21	18	10
No, the Russian society is not ready for such information yet	7	8	5	3	6	10	8	4
Find it difficult to answer	0	1	0	0	0	1	1	0

Moving from the general to the specific (Table 4), the judgments become even more definitive — nearly half of respondents would prefer to tell the truth, guided by humane considerations, while the other half would hide the fact of surrogacy to normalize their experience in the eyes of the public and in their memory. Becoming an “ordinary family” also means excluding the woman who gave birth to the child from all kinship structures, thereby recognizing the surrogacy experience as “not normal”, exceptional, and socially taboo.

Table 4

**Respondents' views on informing children
about being born via surrogacy in their family (In %)**

If a child in your family were carried by a surrogate mother, would you tell them about it?	Total	Women	Men	18–30	31–40	41–70	Have children	No children
Yes, I believe that the child should know the truth	48	46	51	61	47	39	41	61
No, this is my child, and he/she doesn't need any extra information	26	28	24	20	28	30	30	20
I won't tell anyone about this and will try to forget it — I believe that we are an ordinary family	22	22	22	17	21	27	26	16
Find it difficult to answer	1	1	1	1	2	1	1	1
This idea is unacceptable	1	1	1	0	1 %	2	1	0 %
Depends on the situation	0	0	0	0	1	0	0 %	1
I will tell the child when he/she grows up	0	0	0	1	0	0	0	0

Thus, Russians accept surrogacy as a form of helping infertile couples and show understanding toward women in difficult life situations (surrogate mothers). However, they exclude surrogate mothers from kinship structures, assigning them the role of temporary performers under contractual terms. In general, experts indirectly share this perspective, describing surrogacy in terms of “work” and “fulfilling obligations”. In general, surrogacy has profoundly transformed traditional kinship structures. What was once a unified and stable concept of motherhood has now divided into three distinct roles: genetic (the woman whose oocyte forms the embryo), gestational (the woman who carries and gives birth to the child), and social (the one who nurtures and raises the child). Each role can be fulfilled by different individuals or come into play at different stages of the child’s development. The mere existence of surrogacy challenges the belief in the “maternal instinct” which is seen as a cornerstone that compels women to bear and care for children, often at the expense of their own health and stability. It is crucial to understand that public reaction (collective judgments and opinions) and government sanctions (regulatory frameworks) not only reflect attitudes toward assisted reproductive technologies but also highlight the social positions of family structure agents in a specific society at a specific historical moment.

One of the most notable international studies on surrogacy in Russia was conducted by Christina Weis [20; 21]: she argues that surrogacy in Russia is viewed purely as an economic transaction, a short-term business agreement that lasts only until the child is born, i.e., the reproductive labor of women is disregarded, including by agencies that use women from rural areas as “reproductive vessels”. Unlike other countries, in Russia, altruistic motives are of little importance, with the focus placed solely on financial compensation. Additionally, Russian surrogate mothers tend to distance from kinship with the children they carry, drawing a clear boundary between them and their own children. Our data allows us to expand this picture by adding some overlooked key features: first, the medical community (a gatekeeper for potential surrogate mothers) indicates that financial motivation is preferred when selecting a surrogate mother. This can be explained by the fact that for Russians, the desire to earn money (especially to provide for their children) is an understandable and acceptable goal, whereas the desire to “help others” (especially abstract, unrelated people) raises suspicion as a sign of insincerity or even mental instability. Thus, women motivated by financial reasons meet the expectations of prospective parents and medical selection criteria.

Second, Weis’s view that provincial women are specifically chosen to reduce the cost of services requires reconsideration. Our data indicates that women from small towns and villages often become surrogate mothers; however, this may be related to the level of prices. Specifically, 2 million rubles (the average cost of surrogate mother services in Russia for 2024) is too small to purchase housing in a megacity but sufficient for provinces. Moreover, megacities offer more earning opportunities, but due to significant geographical remoteness of settlements in Russia people from provinces do not always have the opportunity to commute to work in a large city, which narrows the possibilities for economic maneuvering, especially for women with children.

Third, the distancing of surrogate mothers from children born for another couple can be a protective mechanism that helps maintain a normal psychological state in the extreme situation of surrogacy. Russians do not include the surrogate mother in the structure of kinship. Undoubtedly, there are situations of deep attachment between biological parents and the surrogate mother (as one expert said, there are cases when couples bring their surrogate mother back for a second child as they got along so well); however, this does not make them one family in the public perception. There is a clear division of roles and social positions: clients and performers with obligations within clear temporal and social boundaries. In our view, this distinction stabilizes the blurred contours of motherhood and role models for all parties. Thus, the distancing that Weis speaks of is nothing more than an attempt to normalize the surrogacy experience and bring both families involved into the state of a “typical” normative family.

Reinterpreting external evaluations through internal experiences significantly broadens the explanatory potential of sociological research: Weis’s description

of surrogacy in Russia captures its key visible features but misses its deeper complexities. Surrogacy in Russia is a much more intricate and internally conflicted phenomenon than was portrayed. Behind the seemingly transactional “business agreement” as if devoid of altruism or noble intentions, there is an effort to preserve the traditional family structure, with clearly defined boundaries separating the internal and external worlds of the family.

References

1. Aha K., Ross C.B., Hiebel C. Populism and surrogacy in Spain. *Women's Studies*. 2022; 52 (1).
2. Alkorta I. Surrogacy in Spain: Vindication of the mater semper certa est rule. *New Bioethics*. 2020; 26 (4).
3. Banerjee S., Kotiswaran P. Divine labors, devalued work: The continuing saga of India's surrogacy regulation. *Indian Law Review*. 2020; 5 (1).
4. Berend Z. “We are all carrying someone else's child!”: Relatedness and relationships in third-party reproduction. *American Anthropologist*. 2016; 118.
5. Dickenson D., van Beers B. Surrogacy: New challenges to law and ethics. *New Bioethics*. 2020; 26 (4).
6. Federal Law No. 143-FZ of November 15, 1997 (as amended on 25.12.2023) “On Acts of Civil Status”. URL: <https://fzakon.ru/laws/federalnyy-zakon-ot-15.11.1997-n-143-fz>. (In Russ.).
7. Federal Law No. 538-FZ of December 19, 2022 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212190052>. (In Russ.).
8. Karandikar S., Gezinski L., Huber S. Exploring the physical and emotional stress of pregnancy among transnational Indian surrogates. *International Social Work*. 2017; 60 (6).
9. Martínez-López J., Gómez P. Surrogacy in the United States: Analysis of sociodemographic profiles and motivations of surrogates. *Reproductive BioMedicine Online*. 2024; Art. 104302.
10. Montrone M., Sherman K., Avery J., Rodino I. A Comparison of sociodemographic and psychological characteristics among intended parents, surrogates, and partners involved in Australian altruistic surrogacy arrangements. *Fertility and Sterility*. 2020; 113 (3).
11. The Opinion of the Constitutional Court Judge A.N. Kokotov. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27092018-n-2318-o/?ysclid=lz6me83qla228035957>. (In Russ.).
12. Pande A. Revisiting surrogacy in India: Domino effects of the ban. *Journal of Gender Studies*. 2020; 30 (4).
13. The position of the Russian Association of Human Reproduction on Surrogacy as of February 11, 2022. URL: https://www.rahr.ru/d_index/PZRAHRCM202202.pdf. (In Russ.).
14. Riddle M.P. Psychological assessment of gestational carrier candidates: Current approaches, challenges, and future considerations. *Fertility and Sterility*. 2020; 113 (5).
15. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 27, 2018 No. 2318-O. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27092018-n-2318-o>. (In Russ.).
16. Teman E. *Birthing a Mother: The Surrogate Body and the Pregnant Self*. University of California Press; 2010.
17. Teman E., Berend Z. Surrogacy as a family project: How surrogates articulate familial identity and belonging. *Journal of Family Issues*. 2021; 42 (6).
18. Tyagi P., Singh A., Tomar S., Kumar N., Singh N., Singh R., Chaudhari A., Verma N. Surrogacy — does it affect physiology of bonding between surrogate mother–fetus and biological mother–newborn? *International Journal of Health Sciences & Research*. 2015; 5 (3).

19. Van Beers B., Bosch L. A revolution by stealth: A legal-ethical analysis of the rise of pre-conception authorization of surrogacy agreements. *New Bioethics*. 2020; 26 (4).
20. Weis C. Changing fertility landscapes: Exploring the reproductive routes and choices of fertility patients from China for assisted reproduction in Russia. *Asian Bioethics Review*. 2021; 13.
21. Weis C. *Surrogacy in Russia: An Ethnography of Reproductive Labor, Stratification and Migration*. Emerald Publishing Limited; 2021.
22. Ziff E. “Honey, I want to be a surrogate”: How military spouses negotiate and navigate surrogacy with their service member husbands. *Journal of Family Issues*. 2019; 40 (18).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-79-93

EDN: FVPKBP

«Кто такие суррогатные матери?»: переосмысление материнства в России в контексте вспомогательных репродуктивных технологий*

И.Г. Полякова, А.В. Швецова, Э.Э. Сыманюк

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия

(e-mail: irinapolykova@yandex.ru; shvetsovaav@mail.ru; e.e.symaniuk@urfu.ru)

Аннотация. Развитие вспомогательных репродуктивных технологий, особенно суррогатного материнства, требует переосмысления материнства как феномена и понимания логики встраивания гестационного материнства в структуры родства, поскольку материнство вышло за рамки диады «мать–ребенок» и расширилось до системы «суррогатная мать–ребенок–биологическая мать», что пошатнуло традиционные основы и смыслы, казалось бы, устойчивой и неизменной конструкции родительства. Новые реалии формируют новые трактовки и новые роли материнства, ставя перед исследователями задачу описания тех, кто сегодня принимает решение стать суррогатной матерью, а именно — ее социального портрета и социального статуса. Социальный портрет помогает понять, кто становится суррогатной матерью и почему, — авторы перечисляют ряд демографических характеристик (возраст, место жительства, семейное положение, уровень образования и т.д.) и личностных черт, которые позволяют женщине выполнять эту сложную роль. Также авторы пытаются реконструировать общественное восприятие суррогатного материнства и то, как вовлеченные стороны (суррогатные матери, биологические родители, специалисты по репродукции) определяют позицию суррогатной матери в структуре родства. Проведенное авторами эмпирическое исследование позволило описать среднестатистическую суррогатную мать и ее статус в системе семейных отношений на основе сочетания методов экспертного интервью (с репродуктологами, репродуктивными психологами и агентами по рекрутингу, N=6) и репрезентативного опроса (N=1300). Согласно полученным данным, суррогатная мать в России — это, как правило, женщина 25–33 лет, имеющая 1–2 здоровых детей, часто одинокая мама или состоящая в повторном браке, со средним профессиональным образованием и невысоким доходом, проживающая в регионе. С психологической точки зрения эксперты отмечают ее «легкий взгляд на жизнь», простоту, ответственность и адекватное понимание ситуации. В общественном

*© Полякова И.Г., Швецова А.В., Сыманюк Э.Э., 2025

Статья поступила в редакцию 04.10.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

мнении суррогатная мать не включена в структуру родства, а выполняет временную функцию, после чего ее договорные обязательства считаются завершенными, т.е. суррогатная мать выполняет роль помощника в решении проблемы бесплодия (оказывает услуги по вынашиванию и рождению генетического ребенка пары), факт обращения к которому часто анонимизируется обеими сторонами для создания «нормального» образа семьи и снижения социального давления на суррогатную мать.

Ключевые слова: семья; вспомогательные репродуктивные технологии; суррогатное материнство; материнство; суррогатная мать; родительство; родство; экспертные интервью; опрос

Для цитирования: Полякова И.Г., Швецова А.В., Сыманюк Э.Э. «Кто такие суррогатные матери?»: переосмысление материнства в России в контексте вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 79–93. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-79-93>

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-94-106

EDN: FUROLZ

Взаимосвязь между ростом населения и социально-экономическим развитием в контексте возрастной структуры (на примере Вьетнама) *

Нгуен Тхи Минь Хоа¹, Фам Нгок Тхань¹, Ха Туан Ань²

¹Университет труда и социальных вопросов,
ул. Чан Дуй Хунг, 43, Кау-Зиаи, Ханой, Вьетнам

Национальный экономический университет,
²ул. Гуай Фонг, 207, Хай Ба Чунг, Ханой, Вьетнам

(e-mail: nguyenthiminhhoa1212@yahoo.com; phamngocthanhulsa@gmail.com;
havietnga03@neu.edu.vn)

Аннотация. В большинстве стран происходят значительные изменения в возрастном составе населения — переход от доминирования молодежи (связанного с высоким уровнем рождаемости и смертности в прошлом) к старению (вследствие снижения уровня рождаемости и смертности) [46]. Возрастная структура населения играет важную роль в экономическом развитии страны: недостаток рабочей силы определяет его замедление, избыток трудоспособного населения (так называемый «демографический дивиденд») — ускорение [21; 25]. Множество эмпирических исследований, оценивающих взаимосвязь между возрастной структурой населения и социально-экономическим развитием, показали, что экономически активное население (в возрасте 15–64 лет) оказывает сильное положительное влияние на рост ВВП на душу населения, причем важен не общий прирост численности, а позитивные изменения в продолжительности жизни, возрастной структуре и т.д. Было выделено три механизма демографического воздействия на социально-экономическое развитие: влияние на рынок труда, влияние на сбережение и накопление капитала, влияние на охват образованием и человеческий капитал. Вьетнам по численности населения занимает 15 место в мире, а по доле молодежи относится к группе стран с «золотой структурой» населения (69 % трудоспособного населения в возрасте 15–64), однако также демонстрирует тенденции старения населения [8], которые, по прогнозам, достигнут предельных значений к 2035 году [5]. Правительство Вьетнама реализует множество мер, чтобы воспользоваться преимуществами «золотого периода» (развитие человеческих ресурсов, привлечение инвестиций, создание рабочих мест), однако средний показатель экономического роста в 6,21 % за 2011–2020 годы не позволил Вьетнаму покинуть группу стран с низким средним уровнем доходов [49] и высокими темпами старения населения [12; 15], что и определяет необходимость изучения взаимосвязи между ростом населения и социально-экономическим развитием страны в контексте ее возрастной

*© Нгуен Тхи Минь Хоа, Фам Нгок Тхань, Ха Туан Ань, 2025

Статья поступила в редакцию 07.09.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

структуры. Статья основана на данных Главного статистического управления Вьетнама, переписей населения 1989, 1999, 2009 и 2019 годов и других демографических материалах и прогнозах.

Ключевые слова: Вьетнам; возрастная структура населения; «золотая структура» населения; демографический дивиденд; старение населения; социально-экономическое развитие; статистические данные

Для цитирования: Нгуен Тхи Минь Хоа, Фам Нгок Тхань, Ха Туан Ань. Взаимосвязь между ростом населения и социально-экономическим развитием в контексте возрастной структуры (на примере Вьетнама) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 94–106. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-94-106>

Анализируя взаимосвязь между ростом населения и социально-экономическим развитием, исследователи предлагают разные объяснительные модели, акцентирующие различные аспекты этой взаимосвязи и потому дополняющие друг друга [28]. Все множество таких концепций можно условно сгруппировать следующим образом: во-первых, основанные на постулате, что высокая рождаемость приводит к бедности, поэтому снижение рождаемости — ключ к сокращению бедности. Самый яркий представитель этого подхода — Т. Мальтус: согласно его теории, если рост населения ничем не сдерживается и увеличивается в геометрической прогрессии, а производство средств существования (прежде всего продуктов питания) — в арифметической, то голод и другие социальные последствия неминуемы [14; 41]. Полтора столетия спустя, когда рост населения в развивающихся странах ускорился в результате высокой рождаемости и снижения смертности, неомальтузианцы несколько изменили позицию: поскольку высокий уровень рождаемости увеличивает число детей в соотношении с числом работающих взрослых, сбережения (которые могли бы быть инвестированы в экономику) и инфраструктура удовлетворяют лишь текущие потребности в продовольствии, медицинском обслуживании, жилье и образовании, что мешает долгосрочному инвестированию, необходимому для снижения уровня бедности, поэтому странам с быстрыми темпами роста населения необходимо применять/расширять спектр мер планирования семьи [41]. В частности, экономико-демографическая модель государственного регулирования рождаемости как повышающая доход на душу населения в слаборазвитых странах была разработана в 1950-е годы для Индии: утверждалось, что экономические трудности Индии обусловлены высокими темпами рождаемости, и в случае ее снижения общество получит «чистый экономический выигрыш» [30].

Во-вторых, это концепции, согласно которым бедность — основная причина высокой рождаемости. Экономисты-неоклассики, в частности, А. Маршалл, полагали, что конкурентные рынки могут гарантировать оптимальные экономические результаты производителям и потребителям; по мере роста населения спрос на товары и услуги также растет, что приводит к увеличению совокупного спроса и расширению рынка, позволяя соз-

давать богатство, улучшать условия жизни и совершенствовать технологии. Следовательно, в случае невмешательства в рыночные механизмы рост населения будет способствовать расширению экономической активности и росту благосостояния [35]. Дж.Л. Саймон подчеркивал положительное влияние роста населения на экономику с точки зрения развития производства: крупномасштабное производство = высокая экономическая эффективность и наращивание знаний благодаря обучению, развитию науки и техники, т.е. объем производства может расти быстрее, чем численность населения, а не медленнее, как в мальтузианской модели [14], поскольку рост населения (численности и плотности) стимулирует технологические новации [29]. Кроме того, по мере роста благосостояния и повышения уровня жизни необходимость в очень большой семье отпадает, а, значит, в регионах с низкими доходами и большим населением экономическое развитие приведет к снижению роста населения [32].

В-третьих, это наиболее нейтральная группа концепций, согласно которым рост населения не влияет на экономический рост, вернее корреляция между численностью населения и экономическим ростом наблюдается, но почти статистически незначима. Как правило, страны с быстро растущим населением не отличаются стремительным экономическим ростом (за редкими исключениями), однако эта взаимосвязь меняется на противоположную, если в дело вступают другие факторы, такие как территория страны и свобода торговли [43], образовательный уровень населения, качество политических институтов, сила гражданского общества и т.д. [44]. В целом сегодня ученые отмечают ограниченность традиционной точки зрения, согласно которой демографические показатели (численность и рост населения, доля молодежи и пр.) определяют экономическое развитие [23; 30], поскольку возрастная структура населения может значительно меняться [40; 45], как и экономическое поведение людей меняется на разных этапах их жизни: так, дети требуют крупных инвестиций в здравоохранение и образование, родительские поколения формируют рабочую силу и накопления, пожилые нуждаются в услугах здравоохранения и пенсионном обеспечении, и по мере изменения соотношения размеров этих групп меняются и показатели национальных доходов и расходов. Так, страны с высокой долей детей вынуждены выделять большие ресурсы на их воспитание (а с большой долей пожилых — на их поддержку), что, как правило, замедляет экономический рост, и, наоборот, если большинство населения составляют трудоспособные граждане, такой «демографический дивиденд» стимулирует экономический рост [22].

Отсюда понятие «золотой структуры» населения — когда на одного нетрудоспособного (ребенка или пожилого человека) приходится два человека трудоспособного возраста, или же, согласно методике ООН, страна обретает «золотую структуру» населения (демографическое «окно благоприятных возможностей»), когда доля детей (0–14 лет) не превышает 30 %, а пожилых

(старше 65 лет) — 15 % [20]. По данным Государственного статистического управления (ГСУ) Вьетнама, с 2007 года страна официально вступила в период «золотого населения», где до сих пор и пребывает (по прогнозам, этот период закончится в 2035 году [5]): в 2022 году доля населения в возрасте 15–64 лет составляла 67,4 %, а в до 15 лет и старше 65 лет — соответственно, 24,1 % и 8,5 % (таблица 1).

Таблица 1

**Возрастные группы и коэффициенты демографической нагрузки,
1999–2022 (%)**

Показатели	1999	2007	2009	2019	2021	2022	2035
Доля населения до 15 лет	33,1	25,51	24,5	24,3	24,1	24,1	19,65
Доля населения старше 65 лет	5,8	7,18	6,4	7,7	8,3	8,5	13,81
Доля населения в возрасте 15–64 лет	61,1	67,31	69,1	68	67,6	67,4	66,54
Коэффициент нагрузки детьми	54,2	37,9	35,4	35,7	35,7	35,8	29,53
Коэффициент нагрузки пожилыми	9,4	10,67	9,3	11,3	12,3	12,7	20,76
Общий коэффициент нагрузки	63,6	48,57	44,7	47,1	47,9	48,4	50,29

Очевидно, что в 1999–2009 годы уровень демографической нагрузки детьми резко снизился и оставался стабильным в течение следующего десятилетия. Однако, этот демографический дивиденд не данность, он требует соответствующей политики, иначе страна может слишком медленно адаптироваться к благоприятным изменениям возрастной структуры и упустить возможность высоких темпов экономического роста: в самом неблагоприятном сценарии рост численности трудоспособного населения превысит возможности трудоустройства, что приведет к высокому уровню безработицы, преступности и социальной нестабильности. Отсутствие мер социальной защиты для растущего числа пожилых приведет к тому, что в последние годы жизни они столкнутся с бедностью [27]. Кроме того, период «золотой структуры» населения не бесконечен: многие развитые страны переживают заключительные этапы демографического перехода и вынуждены планировать будущее, исходя из старения своего населения (сокращения доли трудоспособных граждан в ситуации утраты заместительной рождаемости) [26]. Правительство Вьетнама разработало и реализовало множество политических мер, направленных на извлечение максимальных преимуществ из периода «золотой структуры» для развития экономики (например, инвестиции в человеческие ресурсы и производительность труда), что повысило темпы экономического роста, но не позволило стране выйти из группы государств с низким средним уровнем доходов на душу населения [49].

Каковы же механизмы использования преимуществ демографического дивиденда: использование избыточной рабочей силы [21] и инвестиции [23]. В первом случае речь идет о неизбежном выходе поколения бэби-бума на рынок труда, что создает «демографическое окно возможностей», снижает коэффициент демографической нагрузки детьми и увеличивает выпуск продукции на душу населения (конечно, при условии, что рынок труда может поглотить все возрастающее количество работников). Так, в период «золотой структуры» населения (2022 год) во Вьетнаме доля трудоспособного населения в структуре поколений 25–59 лет достигла 87 %, 35–39 лет — 92,2 %, 40–44 лет — 91,3 %, 30–34 лет — 91,2 % (среди 15–19-летних и тех, что старше 65 лет, — около 20 %) (рисунок 1).

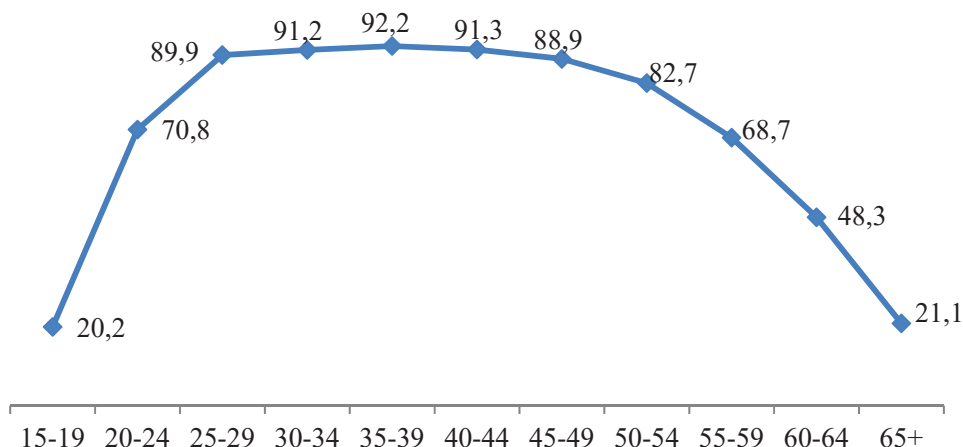

Рис. 1. Доли рабочей силы в возрастных группах в 2022 году, %

Демографический дивиденд также способствует росту сбережений и инвестиций: дети и пожилые потребляют больше, чем производят, в отличие от людей трудоспособного возраста, которые больше создают и больше сберегают [33; 36; 39]. Хотя, с другой стороны, люди склонны откладывать больше после 40 лет, когда им объективно нужно меньше вкладывать в детей, но больше задумываться о пенсии [42], а также своем здоровье и продолжительности жизни [23].

Очевидно, что изменения в возрастной структуре населения могут оказать существенное влияние на экономический рост, однако общепринятые подходы, как правило, показывают лишь общую тенденцию, но не особенности влияния возрастной структуры на экономику. Поэтому в последние годы все чаще применяется концепция жизненного цикла [20]: для оценки вклада возрастной структуры в экономическое развитие используется такой инструмент экономико-демографического анализа, как национальные транс-

фертные счета (далее — НТС). Во Вьетнаме его применение показало, что период (денежного) накопления короче период экономической активности (15–64 года) и демонстрирует постоянные колебания: например, в 2012 году период накопления в жизненном цикле (когда доходы превышают потребительские расходы) составлял 23–53 года [48], а к 2019 году расширился и составил 22–56 лет [16] (рисунок 2).

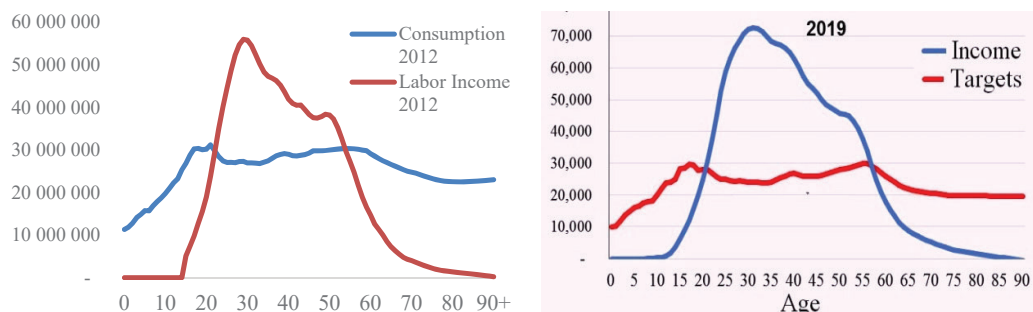

Рис. 2. Трудовые доходы и средние расходы на душу населения по возрастам в 2012 и 2019 годы (в тысячах донгов)

Результаты применения метода НТС показывают, что с 2012 по 2019 годы доходы на душу населения увеличились, а уровень расходов снизился, что может быть связано со множеством факторов (технологические изменения, рост производительности труда и капитала, развитие деловой среды и т.д.), однако нельзя не упомянуть изменения в возрастной структуре, благоприятствующие увеличению рабочей силы. После завершения периода «золотой структуры» начинается старение населения, поэтому люди должны заранее делать накопления, если хотят поддерживать привычный уровень жизни после выхода на пенсию [37], что особенно важно для небольших семей и в условиях нарастающей урбанизации: нуклеарные семьи, в которых оба родителя работают, в динамичной городской среде с трудом заботятся о пожилых членах семьи (физически, психологически и даже финансово) [23].

Демографический переход сказывается и на инвестициях в человеческий капитал: рост продолжительности жизни ведет к увеличению сбережений и повышению уровня образования. Снижение уровня смертности обеспечивает более долгую и здоровую жизнь, что кардинально меняет образ жизни — отношение к образованию, семье и пенсии, роли женщин и структуру занятости, в целом люди становятся более ценным активом благодаря более продолжительному рабочему времени и меньшему количеству детей (родители могут тратить больше времени и денег на каждого ребенка [17; 34]), т.е. инвестиции в образование делают рабочую силу более производительной, что влечет за собой рост зарплат и повышение уровня жизни. Так, во Вьетнаме

доля детей, которые посещают школу, значительно увеличилось по сравнению с 2009 годом (таблица 2), причем особый рост отмечался в средней школе (на 22,2 %), т.е. повысилась доступность общего образования, хотя в городах она все еще значительно выше, чем в сельской местности. В целом дети, родившиеся в 1991–1993 годы, имели гораздо меньше шансов быть зачисленными в школу в соответствующем возрасте на всех уровнях образования, но особенно в средней школе, чем дети, родившиеся в 2001–2003 годы.

Таблица 2

Доля детей, которые посещают школу, в городе и селе, 2009–2022, %

Год	2009			2014			2019			2022		
Уровень	Начальная	Основная	Средняя	Начальная	Основная	Средняя	Начальная	Основная	Средняя	Начальная	Основная	Средняя
Всего	95,5	82,6	56,7	96,8	88	63,1	98	89,2	68,3	99,1	95,6	78,9
Город	97,2	88,8	68,4	97,5	91,8	73,2	98,3	91,5	76,4	99,3	97,2	86,4
Село	94,9	80,6	52,8	96,4	86,4	59,2	97,9	88,1	64,4	99,1	94,7	75

Кроме того, резко снизилась доля детей, не посещающих школу: в 2019 году — 8,3 %, что на 12,6 % ниже 1999 года на 8,1 % — 2009 года, хотя сохраняются гендерные различия: доля не посещающих школу мальчиков на 1,7 % выше (рисунок 3).

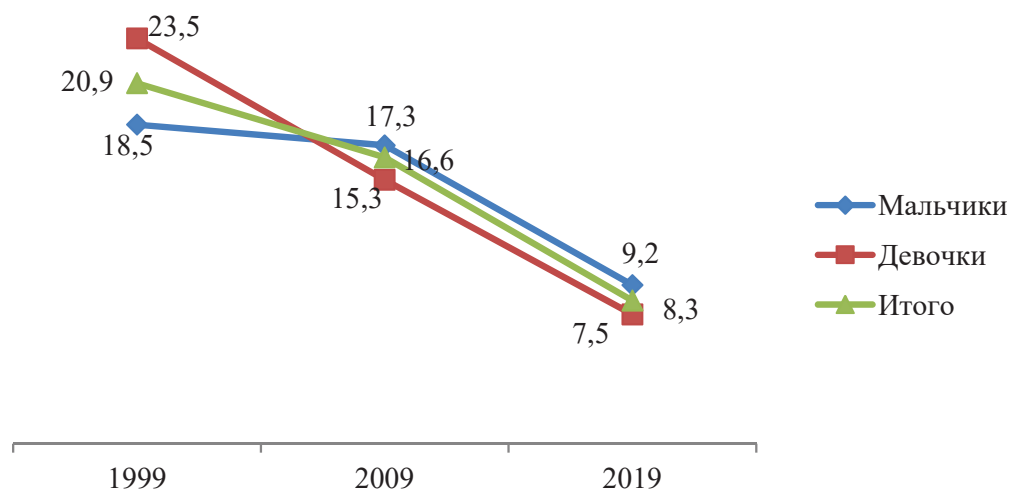

Рис. 3. Доля детей, не посещающих школу, 1999–2019, в %

Сокращение доли детей, не посещающих школу, способствует увеличению средней продолжительности периода обучения населения, что определяет рост индекса человеческого развития (ИЧР) Вьетнама — почти на 50 %: с 0,493 (1990) до 0,726 (2022). Ожидаемая средняя продолжительность периода обучения вьетнамца в настоящее время составляет 12,2 года — это больше, чем количество лет школьного обучения, т.е. следующие поколения будут иметь более широкий доступ ко всем видам образования — от общего до профессионального [4], т.е. демографические изменения косвенным образом улучшают ситуацию в сфере образования (особенно общего).

Однако «окно демографических возможностей» не только оказывает положительное воздействие, но и способствует старению населения. Если на численность населения не оказывают серьезное влияние миграционные процессы, то три основных фактора обуславливают рост доли пожилых [20]: падение уровня рождаемости = сокращение доли молодежи и увеличение доли пожилых (эта ситуация особенно характерна для развивающихся стран); рост числа пожилых по мере увеличения продолжительности жизни; различия в уровне рождаемости и смертности в прошлом (например, бэби-бум нередко приходится на послевоенные годы). Во Вьетнаме доля групп старше 60 и 80 лет в общей численности населения растет быстрыми темпами. Численность населения Вьетнама увеличилась с 25 миллионов в 1950 году до 99,5 в 2022 году [4; 10] и, как ожидается, достигнет 108,5 к 2049 году (рисунок 4), а доля пожилых людей старше 80 лет — 4,3 миллионов (против 1,9 в 2019 году), что, соответственно, составляет 3,9 % и 2 % в общей численности населения [3; 4] (таблица 3).

Таблица 3

Численность и доля пожилого населения Вьетнама, 1950–2049

Годы	Численность (млн)			%	
	Всего	60+	80+	60+	80+
1950	24,9	1,7	0,08	6,9	0,34
2019	96,2	11,4	1,9	11,9	2
2049	108,5	26,9	4,3	24,8	3,9

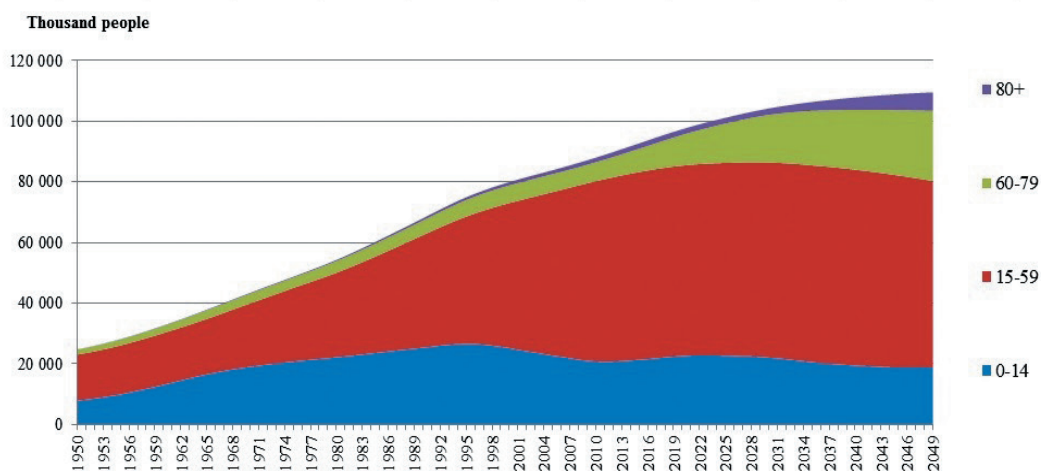

Рис. 4. Изменения численности и возрастной структуры населения Вьетнама, 1950–2049, в тыс. чел. [4; 11; 47]

Согласно законодательству, пожилыми во Вьетнаме считаются люди старше 60 лет [13], и изменения доли этой возрастной группы хорошо прослеживаются на Рисунке 4 — она продолжает быстро расти на фоне постепенного сокращения долей детей (0–14 лет) и трудоспособного населения (15–59 лет), что усугубляет и ускоряет старение населения.

Хотя Вьетнам все еще пребывает в периоде «золотой структуры» населения, страна характеризуется низким средним уровнем доходов. Одна из причин заключается в том, что экономика использовала преимущества доступных (многочисленных, дешевых и низкоквалифицированных) трудовых ресурсов, расширяя предложение соответствующих рабочих мест. Так, более половины рабочих мест требуют от работников среднего уровня подготовки и навыков, 33,2 % рабочих мест — низкого уровня, и только 11,2 % — высокого (в развитых странах этот показатель в среднем составляет 20 %) [38]. К 2022 году доля работников с высшим образованием составила 27 % [9], доля работников высокой квалификации — 11,7 % [38]. Кроме того, во Вьетнаме почти 68,5 % рабочей силы заняты в неформальном секторе, и этот показатель резко возрастает после достижения 45 лет [7]. Существенная часть рабочих мест в этом секторе характеризуется низкой и/или нестабильной оплатой труда и высокими рисками безработицы и бедности.

Иными словами, Вьетнам не смог максимально эффективно использовать свой «демографический дивиденд» до начала периода быстрого старения населения, что становится серьезной социально-экономической проблемой в условиях низкого уровня жизни большей части населения страны. Соответственно, правительству необходимо в срочном порядке разрабатывать и реализовывать меры, чтобы успеть воспользоваться сохраняющимися

преимуществами периода «золотой структуры» населения, одновременно внедряя инструменты адаптации рынка и общества к быстрому старению населения в условиях низких средних подушевых доходов.

Библиографический список / References

1. Tổng điều tra Dân số và nhà ở Việt Nam 2008. Giáo dục ở Việt Nam: Phân tích các chỉ số chủ yếu. Tổng cục thống kê, 2011 [Vietnam Population and Housing Census 2008 – Education in Vietnam: Analysis of Key Indicators. General Statistics Office; 2011]. (In Vietnamese).
2. Tổng điều tra Dân số và nhà ở Việt Nam 2009. Giáo dục ở Việt Nam: Phân tích các chỉ số chủ yếu. Tổng cục thống kê, 2011 [Vietnam Population and Housing Census 2009 – Education in Vietnam: Analysis of Key Indicators. General Statistics Office; 2011]. (In Vietnamese).
3. Điều tra dân số và nhà ở giữa kỳ 2014, Mức sinh ở Việt Nam: Những khác biệt, xu hướng và yếu tố tác động. Tổng cục thống kê, 2016. The 2014 Vietnam Intercensal Population and Housing Survey: Fertility: Differentials, Trends, and Determinants. General Statistics Office; 2016. (In Vietnamese).
4. Kết quả Tổng điều tra Dân số và nhà ở năm 2019. Tổng cục thống kê, 2019 [Results of the 2019 Vietnam Population and Housing Census. General Statistics Office; 2019]. (In Vietnamese).
5. Dự báo dân số Việt Nam giai đoạn 2019–2069. Tổng cục Thống kê, 2020 [Vietnam Population Forecast for 2019–2069. General Statistics Office; 2020]. (In Vietnamese).
6. Kết quả chủ yếu điều tra biến động dân số và kế hoạch hóa gia đình thời điểm ngày 01/4/2021. Tổng cục Thống kê, 2022 [Major Findings of the 01/4/2021 Population Change and Family Planning Survey. General Statistics Office; 2022]. (In Vietnamese).
7. Tổng quan về lao động có việc làm phi chính thức ở Việt Nam. Tổng cục thống kê, 2022 [Informal Employment in Vietnam. General Statistics Office; 2022]. (In Vietnamese).
8. Kết quả chủ yếu điều tra biến động dân số và kế hoạch hóa gia đình thời điểm ngày 01/4/2022. Tổng cục Thống kê, 2023 [Major Findings of the 01/4/2021 Population Change and Family Planning Survey. General Statistics Office; 2023]. (In Vietnamese).
9. Báo cáo điều tra lao động việc làm năm 2022. Tổng cục thống kê, 2023 [Report on the Labor Force Survey 2022. General Statistics Office; 2023]. (In Vietnamese).
10. Niên giám thống kê Việt Nam 2022. Tổng cục thống kê, 2023 [Vietnam Statistical Yearbook 2022. General Statistics Office; 2023]. (In Vietnamese).
11. Dự báo Dân số Việt Nam 2014–2049. Tổng cục thống kê, UNFPA, 2016 [Vietnam Population Forecast for 2014–2049. General Statistics Office; UNFPA; 2016]. (In Vietnamese).
12. Báo Lao động — Thương binh và Xã hội Việt Nam: Việt Nam có tốc độ già hóa dân số nhanh nhất thế giới [Vietnam Ministry of Labor, Disabled and Social Affairs: Vietnam shows the highest aging rate in the world]. 2018. URL: <https://www.molisa.gov.vn/baiviet/220529?tintucID=220529>. (In Vietnamese).
13. Luật số 39/2009/QH12: Luật Người cao tuổi. Quốc hội, 2009 [Law No. 39/2009/QH12 “On the Elderly”. National Assembly; 2009]. (In Vietnamese).
14. Nguyễn Đình Cu. Giáo trình Dân số và Phát triển — Tài liệu dùng cho chương trình bồi dưỡng DS-KHHGĐ [Population and Development Textbook for Population and Family Planning Training Program. Hanoi; 2011]. (In Vietnamese).
15. [Nhat Duong. Khoảng 8 triệu người cao tuổi không có lương hưu và khoản trợ cấp nào [Over 8 million elderly in Vietnam have no pension or benefits]. 2023. URL: <https://vneconomy.vn/khoang-8-trieu-nguoi-cao-tuoi-khong-co-luong-huu-va-khoan-tro-cap-nao.htm>. (In Vietnamese).
16. Phạm Ngọc Toàn. Biến đổi cơ cấu dân số, lợi tức nhân khẩu và tăng trưởng năng suất ở Việt Nam, Kỳ yếu Hội thảo quốc gia: Định hướng công tác nghiên cứu khoa học về dân số và phát triển giai đoạn 2021–2030. Hà Nội, 2020 [Phạm Ngọc Toàn. Changes in the population structure, demographic dividend and productivity in Vietnam. *Proceedings of the National*

- Conference: Scientific Studies of Population and Development for the Period of 2021–2030*. Hanoi; 2020]. (In Vietnamese).
17. Becker G.S., Lewis H.G. On the interaction between the quantity and quality of children. *Journal of Political Economy*. 1973; 81 (2).
 18. Bloom D.E., Canning D. *Economic Development and the Demographic Transition: The Role of Cumulative Causality*. Harvard University Press; 1999.
 19. Bloom D.E., Canning D. Cumulative causality, economic growth and the demographic transition. N. Birdsall, A. Kelly, S. Sinding (Eds.). *Population Matters: Demographic Change, Economic Growth and Poverty in the Developing World*. Oxford University Press; 2001.
 20. Bloom D.E., Canning D., Fink G. Implications of population ageing for economic growth. *Oxford Review of Economic Policy*. 2010; 26 (4).
 21. Bloom D., Canning D., Malaney P. Demographic change and economic growth in Asia. *Population and Development Review*. 2000; 26.
 22. Bloom D.E., Canning D., Mansfield R.K., Moore M. Demographic change, social security systems and savings. *Journal of Monetary Economics*. 2007; 54.
 23. Bloom D.E., Canning D., Sevilla J. *Economic Growth and the Demographic Transition*. NBER Working Paper No. 8685, 2001.
 24. Bloom D.E., Canning D., Sevilla J. *Labor Force Dynamics and Economic Growth*: Paper Presented at the Summer Institute of the National Bureau of Economic Research (Labor Studies Program), 2000.
 25. Bloom D., Finlay J. Demographic change and economic growth in Asia. *Asian Economic Policy Review*. 2009; 4.
 26. Bloom D.E., Nandakumar A.K., Bhawalkar M. The demography of aging in Japan and the United States. G.B. Hedges (Ed.). *Aging and Health: Environment, Work and Behavior*, Harvard University Printing and Publication; 2001.
 27. Bloom D.E., Williamson J.G. Demographic transition and economic miracles in emerging Asia. *World Bank Economic Review*. 1998; 12 (3).
 28. Boserup E. Development theory: An analytical framework and selected applications. *Population and Development Review*. 1996; 22 (3).
 29. Cleveland D. Balancing on a planet: Towards an agricultural anthropology for the twenty-first century. *Human Ecology: An Interdisciplinary Journal*. 1998; 26 (2).
 30. Coale A., Hoover E. *Population Growth and Economic Development in Low-Income Countries*. Princeton University Press; 1958.
 31. Cutler D., Poterba J., Sheiner L., Summers L. An aging society: opportunity or challenge? *Brookings Papers on Economic Activity*. 1990; 1.
 32. Furedi F. *Population and Development: A Critical Introduction*. Polity Press; 1997.
 33. Higgins M. Demography, national savings, and international capital flows. *International Economic Review*. 1998; 39.
 34. Jamison D.T, Wang J., Hill K., Londono J.-L. Income, mortality and fertility in Latin America: Country-level performance, 1960–1990. *Revista de análisis económico*. 1996; 11.
 35. Jolly C.L. *Four Theories of Population Change and the Environment*. Paper Presented at the Population Association of America Annual Meeting. Washington; 1991.
 36. Kelley A., Schmidt R. Savings, dependency, and development. *Journal of Population Economics*. 1996; 9.
 37. Lee R., Mason A., Miller T. Life cycle saving and the demographic transition: The case of Taiwan. *Population and Development Review*. 2000; 26.
 38. Manpowergroup: Total Workforce Index — Vietnam 2022. Hanoi; 2023.
 39. Mason A. National saving rates and population growth: A new model and new evidence. D.G. Johnson, R. Lee (Eds.). *Population Growth and Economic Development: Issues and Evidence*. University of Wisconsin Press; 1987.

40. McKibbin W.J. *The Global Macroeconomic Consequences of a Demographic Transition*. Australian National University Centre for Applied Macroeconomic Analysis Working Paper 6/2006.
41. Merrick T.W. Population and poverty: New views on an old controversy. *International Family Planning Perspectives*. 2002; 28 (1).
42. Paxson C.H. Savings and growth: Evidence from micro data. *European Economic Review*. 1996; 40.
43. Sachs J., Warner A. Economic reform and the process of global integration. *Brookings Papers on Economic Activity*. 1995; 1.
44. Simon J.L. *Population: The Ultimate Resource*. Princeton University Press; 1981.
45. Tyers R., Shi Q. Global demographic change, policy responses and their economic implications. *World Economy*. 2007; 30 (4).
46. UN: Changing Population Age Structures and Sustainable Development. 2017. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2021/Dec/changing_population_age_structures.pdf.
47. UN: World Population Prospects: The 2019 Revision. WIPO, 2022. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/news/world-population-prospects-2019-0>.
48. UNFPA: Impact of Changes in Population Age Structure on Vietnam's Economic Growth and Policy Recommendations. 2016. URL: <https://vietnam.un.org/vi/download/1868/13599>.
49. WIPO: The Global Innovation Index 2022. URL: <https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index/2022/index>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-94-106

EDN: FUROLZ

Relationship between population growth and social-economic development in the age structure perspective (on the example of Vietnam)*

Nguyen Thi Minh Hoa¹, Pham Ngoc Thanh¹, Ha Tuan Anh²

¹University of Labor and Social Affairs,
Tran Duy Hung, 43, Cau Giay, Hanoi, Vietnam

²National Economics University,
Giải Phóng, 207, Hai Ba Trung, Hanoi, Vietnam

(e-mail: nguyenthiminhhoa1212@yahoo.com; phamngocthanhulsa@gmail.com;
havietnga03@neu.edu.vn)

Abstract. Today most countries experience significant changes in the age structure of population — a transition from the youth dominance (associated with high birth and death rates in the past) to aging (due to declining birth and death rates) [46]. The age structure plays an important role in the national economic development: a shortage of labor determines its slowdown, while an excess of the working-age population (the so-called “demographic dividend”) determines its

*© Nguyen Thi Minh Hoa, Pham Ngoc Thanh, Ha Tuan Anh, 2025

The article was submitted on 07.09.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

acceleration [21; 25]. Numerous empirical studies of the relationship between the age structure and social-economic development have shown that the economically active population (15–64-year-olds) has a strong positive impact on the growth of GDP per capita, and what is more important is not the overall increase in numbers but positive changes in life expectancy, age structure, etc. The authors mention three mechanisms of the demographic impact on social-economic development: the impact on the labor market, the impact on savings and capital accumulation, the impact on education coverage and human capital. Vietnam ranks 15th in the world in terms of the population size and belongs to the group of countries with the “golden structure” of the population in terms of the share of the youth (69 % of the working-age population aged 15–64) but also demonstrates aging trends [8] that are expected to reach their maximum by 2035 [5]. The Vietnamese government implements many measures to take advantage of the “golden period” (development of human resources, attraction of investments, creation of jobs), but the average economic growth rate of 6.21 % for 2011–2020 did not allow Vietnam to leave the group of countries with low middle income [49] and high rates of aging [12; 15], which determines the need to study the relationship between population growth and social-economic development in the context of the age structure. The article is based on the data from the General Statistics Office of Vietnam, the 1989, 1999, 2009 and 2019 population censuses and other demographic materials and forecasts.

Key words: Vietnam; age structure of population; “golden structure” of population; demographic dividend; population aging; social-economic development; statistical data

For citation: Nguyen Thi Minh Hoa, Pham Ngoc Thanh, Ha Tuan Anh. Relationship between population growth and social-economic development in the age structure perspective (on the example of Vietnam). *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 94–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-94-106>

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-107-122

EDN: ECOIMQ

Ценностные основания профессиональной деятельности белорусской студенческой молодежи*

О.Н. Гаврилик

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, Гродно, 230023, Республика Беларусь

(e-mail: gavriliuk_on@grsu.by)

Аннотация. Студенческая молодежь — социальная группа с высоким интеллектуальным и инновационным потенциалом, востребованным в национальной экономике. Важнейшим фактором трудовой деятельности человека являются его ценностные ориентации, касающиеся жизненных приоритетов, образовательных и профессиональных стратегий, отношения к работе и иным способам получения дохода. В социологии широко используются различные методики измерения связи культурных переменных и хозяйственного поведения. В статье представлены данные, отражающие ценностные ориентации белорусских студентов, их представления о профессиональном будущем, важных характеристиках работы, жизненных целях и средствах их достижения, т.е. факторы, определяющие стратегии трудового поведения молодежи. Возможность использования этих данных в учебной, научной и воспитательной деятельности учреждений высшего образования при формировании профессиональной и экономической культуры студентов определяет практическую значимость исследования. Его эмпирической базой выступил социологический опрос студентов гродненских университетов, проведенный в 2024 году в рамках проекта БРФФИ-РНФ «Молодежь России и Беларуси о себе: экономические и социокультурные вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего для сотрудничества» (N=1000). Полученные данные отражают иерархию жизненных ценностей студенчества, уровень субъективного благополучия, профессиональные планы, представления о средствах достижения успеха и важнейших характеристиках работы. Выявлены и противоречия в мировоззрении молодежи: с одной стороны, студенты ориентируются на собственные компетенции и усилия в деле трудоустройства, реализации способностей и служебного продвижения, что будет способствовать их профессиональной активности; с другой стороны, стремление достичь быстрого успеха, завышенные ожидания, неустойчивая мотивация к труду и подверженность влиянию внешних факторов негативно сказываются на работе молодежи. В статье сделаны выводы о проблемах и рисках, с которыми сталкиваются молодые люди в своей профессиональной деятельности, а также о роли государства в содействии максимальной занятости молодежи.

Ключевые слова: высшее образование; занятость; молодежь; поколение Z; профессиональная деятельность; студенты; ценности

*© Гаврилик О.Н., 2025

Статья поступила в редакцию 15.09.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Для цитирования: Гаврилик О.Н. Ценностные основания профессиональной деятельности белорусской студенческой молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 107–122. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-107-122>

Молодежь воплощает в себе потенциал настоящего и будущего развития страны: как высокоресурсная часть общества, молодежь инициативна, динамична, креативна, открыта новому и готова участвовать в социальных преобразованиях. В Республике Беларусь численность молодых людей в возрасте от 14 до 31 года составляет почти 18 % населения страны. Большинство из них проходят этап становления личности, переоценки ценностей, формирования мировоззрения и устойчивых жизненных ориентаций, обучаются самостоятельности и ответственности. В центре внимания белорусских и российских исследователей находятся ценностные ориентации и жизненные планы молодежи [5; 8], представления о себе и своем будущем [14], образовательные и профессиональные траектории [11], волонтерская деятельность [20], гражданское участие [22], социальное самочувствие [16; 17], цифровая культура [29], представления о рынке труда [26]. Одним из наиболее актуальных вопросов для молодых людей, получающих профессиональное образование, выступает начало трудовой деятельности, которое сопряжено с новыми возможностями и неизбежными трудностями.

Особенности профессиональной деятельности молодежи

Среди рисков, с которыми сталкивается молодежь при трудоустройстве, — неосознанность профессионального выбора, недостаточный уровень квалификации, невостребованность специалистов без опыта работы или с небольшим стажем, низкий уровень оплаты труда [7. С. 241]. Недостаточный уровень финансовой грамотности, склонность к риску, принятие невзвешенных решений в экономической сфере также характерны для данной социально-демографической группы [7. С. 242]. В силу своего объективного положения молодежь более других социальных групп подвержена трудовой прекаризации. Г. Стэндинг назвал прекариат «новым опасным классом» ввиду того, что его представители все чаще выступают активной силой общественного и политического сопротивления [28]. Вместе с тем прекариат — уязвимый социальный класс, нуждающийся в защите своих интересов. Как правило, у представителей прекариата отсутствуют социальные льготы и оплачиваемый отпуск, они не состоят в профсоюзах, их трудовые отношения с нанимателем не всегда оформлены официально. По сравнению с работниками, имеющими постоянную занятость, представители прекариата в меньшей степени социально защищены — страхование, медицинское обслуживание, образование, повышение квалификации, получение жилья и пенсионное обеспечение становятся их личным делом, за которое работодатель не несет ответственности.

Отсутствие стабильной работы по специальности и достойного заработка подталкивает молодых людей к выбору самозанятости как альтернативной трудовой стратегии [4. С. 11].

Особое беспокойство вызывает феномен NEET-молодежи (Not in Employment, Education or Training), представители которой не работают, не обучаются и не проходят профессиональную подготовку. Добровольный отказ молодых людей от учебы и работы в долгосрочной перспективе ведет к утрате навыков самообеспечения, невостребованности на рынке труда, проблемам с физическим и психологическим здоровьем, повышенной внушаемости со стороны средств массовой информации, ослаблению социальных связей [2. С. 68].

Снижение уровня молодежной безработицы — одна из приоритетных задач государства. В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы среди направлений государственной политики заявлено содействие эффективной занятости, максимальное вовлечение трудоспособного населения в экономику, использование гибких и инклюзивных форм занятости [23]. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2023 году молодые люди в возрасте до 31 года составляли пятую часть занятых, при этом среди молодых мужчин уровень занятости выше, чем среди женщин [27. С. 60]. После окончания учреждения общего среднего образования большинство молодых людей делают выбор в пользу среднего специального, профессионально-технического или высшего образования. Студенты, прошедшие обучение за счет средств бюджета, подлежат обязательному распределению, что гарантирует им первое рабочее место и статус молодого специалиста. Действует программа целевой подготовки, которая предполагает обучение молодого человека востребованной специальности по заказу конкретной организации с последующим трудоустройством. В 2024 году в Беларуси были выпущены 44,7 тысяч специалистов с высшим образованием [25]. Рынок труда пополнился новыми субъектами экономических отношений с достаточно высоким уровнем потребностей и ожиданий. За период 2015–2023 годов доля работающего населения с высшим образованием в Беларуси увеличилась с 29,4 % до 35,8 %, и среди данной категории наиболее высок уровень занятости [27. С. 60].

Работа гарантирует достойный уровень жизни и самореализации человека, занимает высокую позицию в иерархии базовых ценностей жителей Беларуси (второе место после семьи) [31. С. 12]. Согласно с утверждением, что деньги нужно зарабатывать, более половины населения (54,6 %), однако молодое поколение реже придерживается такого мнения [31. С. 70], что в будущем может негативно отразиться на вовлечении молодежи в трудовую деятельность, особенно учитывая распространение в данной возрастной группе ценности потребительства, ориентации на быстрый успех при минимальных усилиях, завышенных ожиданий от жизни и государства [32].

Результаты исследования ценностных ориентаций студенчества в профессиональной сфере

Категория «ценность» указывает на общечеловеческую, культурную, социальную значимость определенных явлений [31. С. 5]. Ценности выступают основанием социальных норм, регулирующих поведение людей в различных сферах, в том числе в экономике [3. С. 35]. Связь культурных ценностей, социально-экономического развития и демократизации нашла обоснование в теории модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля [9]. Современные методики измерения культурных переменных (Г. Хофстеде, Ш. Шварца, Р. Инглхарта, Ф. Тромпенаарса и др.) широко используются в изучении ценностных оснований экономического поведения. Международные проекты (World Values Survey, European Values Study, Asian Barometer, Global Preferences Survey) делают возможным компаративный анализ социокультурных особенностей разных стран, актуализируя изучение влияния культурных ценностей и установок на развитие общественных институтов и экономики [13. С. 34–35]. Глобальные и локальные факторы определяют динамику социокультурных доминант, поэтому в современном турбулентном социуме повышается значимость исследования ценностных ориентаций молодого поколения [14]. Пристальное внимание ученых к студенческой молодежи обусловлено тем, что она представляет собой социальную группу с высоким интеллектуальным и инновационным потенциалом, востребованным в национальной экономике.

В 2024 году в Республике Беларусь обучается свыше 232 тысяч студентов, слушателей и курсантов [10]. Студенты университетов дневной формы обучения — преимущественно молодые люди, родившиеся в 2003–2006 годы и относящиеся к поколению Z, или центениалам. Как и для предшествующего поколения Y [24. С. 19–30], им свойственно отложенное взросление, повседневное использование цифровых технологий, приверженность здоровому образу жизни, достаточно высокий уровень субъективного благополучия. Представители поколения Z более требовательны, амбициозны, индивидуалистичны, обучаемы и адаптивны. На рабочем месте они эффективно решают возникающие проблемы, применяют нестандартные подходы и сопротивляются рутинным процедурам, предпочитают гибкий график. Завышенные ожидания от заработной платы, в том числе у тех, кто не имеет опыта работы, усложняют задачу удерживать и мотивировать молодых сотрудников [35. С. 80–81]. Также среди характеристик нового поколения молодых людей называют независимость, предприимчивость, уверенность в себе, прагматизм, многозадачность, но в то же время они испытывают трудности в межличностном общении (особенно в устной коммуникации, так как привыкли к обмену текстовыми сообщениями онлайн) и концентрации внимания, противятся авторитарным правилам и иерархической структуре [34. С. 183–184]. Молодые люди воспринимают свое поколение как энергич-

ное, свободное от стереотипов, толерантное, ориентированное на саморазвитие и в то же время не готовое в полной мере к взрослой жизни и принятию ответственности [1. С. 434–435].

Финансовые знания и умение их применять лежат в основе рационального экономического поведения: чуть более трети молодых людей (36 %) ведут учет доходов и расходов — это наиболее высокий показатель среди всех социальных групп [19. С. 19]. Среди молодежи выше доля тех, кто придерживается «эффективной стратегии трат» (сначала откладывают часть дохода, остальное тратят) [19. С. 20]. Новое поколение чаще других ставит финансовые цели, ориентировано на инвестиционное поведение, но вместе с тем склонно к необдуманным покупкам и вложениям [20. С. 149]. Представители данной группы в большей степени информированы о финансовых инструментах, однако у них самые низкие показатели осведомленности о налогообложении.

Цель нашего исследования — выявить ценностные ориентации белорусских студентов, влияющие на их настоящую и будущую профессиональную деятельность. Эмпирическая база — результаты анкетного опроса студенческой молодежи Гродненской области, проведенного в 2024 году с помощью методики, разработанной социологами Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина для многолетнего мониторинга в Свердловской области [14]. С белорусской стороны в опросе приняли участие студенты Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Гродненского государственного медицинского университета и Гродненского государственного аграрного университета (N=1000, квоты по полу и профилю обучения, ошибка выборки — менее 3 %): 54 % девушек и 46 % юношей, 56 % — учащиеся платной формы обучения, 33 % — бюджетной, 11 % — целевой; 34 % изучают общественные науки, гуманитарный профиль у 30 %, проходят подготовку по естественным наукам — 20 %, 16 % обучаются инженерному делу и техническим наукам.

В основании мировоззрения человека лежат ценности, которые задают вектор его жизненных устремлений и регулируют повседневные практики выбора средств достижения поставленных целей. Иерархия ценностей студенческой молодежи выглядит следующим образом (таблица 1): на первом месте располагается здоровье, на втором — возможность самореализации, на третьем — деньги, богатство. Высокая значимость здоровья объяснима — оно выступает важнейшей составляющей благополучия, сказываются также последствия пандемии и недостаточно высокий уровень здоровья современной молодежи. Наблюдаются различия в ценности двух типов семьи (с родителями и с детьми) ввиду большой привязанности молодых людей к родительской семье — не все еще серьезно задумываются о создании своей семьи и рождении детей. Прослеживается и меньшая значимость образования, профессиональных компетенций по сравнению с приятным времяпрепровождением, независимостью и свободой. Только 5 % отметили диплом с отличием

как значимый фактор при трудоустройстве. Анализ динамики ценностных ориентаций белорусских студентов показывает сохранение первостепенной значимости здоровья, повышение важности материального достатка и самореализации, но снижение — общения с друзьями и интересной, творческой работы [6. С. 6].

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Что для вас наиболее ценно, значимо в жизни (отметьте до 3 вариантов)»**

Ценность	%
Здоровье	58,1
Возможность реализовать свои способности	37,3
Деньги, богатство	35,6
Семья, родители	33,8
Семья, дети	22,7
Получить от жизни как можно больше удовольствий	16,7
Самостоятельность, независимость, свобода	15,4
Образование, профессионализм	12,4
Интересная, творческая работа	11,6
Общение с друзьями	10,4
Иметь свое дело, заниматься бизнесом, коммерцией	9,9
Личная безопасность	9,6
Власть	6,4
Красота и физическое совершенство	5,7
Признание окружающих, престиж	2,2
Общение с природой	2,1

На субъективное ощущение счастья влияют в первую очередь такие факторы, как здоровье, семья и ее благополучие, наличие любимого человека, материальный достаток, друзья, дети, досуг и хорошая работа. Степень значимости факторов варьирует в социальных группах, например, для молодежи в большей степени важно наличие друзей [18. С. 88–90], что находит отражение и в ценностной матрице студенчества.

Для белорусской молодежи характерен высокий уровень субъективного благополучия [5. С. 470]. Результаты опроса показали, что половина студентов полностью удовлетворены своей жизнью в целом, треть — скорее удовлетворены (таблица 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?», в %**

Варианты ответов	Юноши	Девушки	Всего
Полностью удовлетворен (а)	55	46,5	50,4
Скорее удовлетворен (а)	26,9	37,1	32,4
Затрудняюсь сказать точно	13,5	12,2	12,8
Не очень удовлетворен (а)	2,2	3,5	2,9
Совсем не удовлетворен (а)	2,4	0,7	1,5

Одна из центральных категорий современной культуры — успех, который связывается главным образом с материальным достатком, престижем, высоким социальным статусом. Молодой человек каждый день сталкивается с призывами к достижению успеха — от средств массовой информации, учреждений образования, общественных организаций, родственников и знакомых, работодателей и пр. Но как добиться этой заветной цели? По мнению студентов, решающее значение для успеха имеют способности, интеллект (91 %), а также профессионализм, деловые качества, компетентность (85 %), деловая хватка, прагматизм, предприимчивость (78 %), умение использовать любые средства для достижения цели (78 %), уровень и качество образования (71 %), наличие стартового капитала, материальной базы (69 %), везение, удача, счастливый случай (56 %), связи, знакомства (56 %), богатство (55 %), власть (45 %), влиятельные родственники, родители (44 %). Наблюдается противоречие: с одной стороны, студенты рассчитывают на свои знания и деловые качества, с другой стороны, широко распространено представление об успехе как результате удачного стечения обстоятельств, т.е. ответственность за профессиональные достижения возлагается на внешние факторы. Внешние социальные связи ценятся выше при трудовой мобильности, чем семейные, что подтверждает теорию силы слабых связей М. Грановеттера [33].

Во время обучения студенты стремятся обрести те компетенции, которые, как им кажется, пригодятся в будущем при трудоустройстве и помогут стать высококвалифицированными специалистами. Наряду с получением узкопрофессиональных знаний и умений (*hard skills*) важную роль в образовательном процессе играет формирование гибких навыков (*soft skills*), которые помогают быстро адаптироваться к изменяющейся ситуации, налаживать социальные контакты, работать в команде, искать и обрабатывать информацию, учиться новому, — нестандартное мышление, коммуникативные компетенции (таблица 3). Кроме того, профессионал, по мнению студентов, должен иметь фундаментальное образование, интерес и навыки исследовательской деятельности, устойчивую мотивацию к труду по специальности, высокую квалификацию в сфере прикладных наук.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Оцените, какие качества современного профессионала Вы считаете наиболее важными?»

Качества	%
Нестандартное мышление	42,4
Коммуникативные компетенции, соответствующие международным стандартам	41,2
Глубокая фундаментальность образования	37,4
Интерес и навыки исследовательской деятельности	34,9
Устойчивая мотивация к труду по полученной специальности	31,5
Высокая квалификация в сфере прикладных наук	29,5
Широкий профессиональный и культурно-нравственный кругозор	21,2
Социально ответственное мировоззрение	17,8
Навыки профессионального общения на английском языке	15

Несмотря на достаточно высокий показатель оптимизма по отношению к своему будущему (74 % выразили надежду, что их жизнь улучшится), студентов волнуют трудности, с которыми они могут столкнуться на рабочем месте: прежде всего, отсутствие трудового стажа по специальности (68 %), низкий уровень заработной платы (52 %), отсутствие вакансий (46 %) и информации о предприятиях, где востребована профессия (42 %). Около трети опрошенных испытывают тревогу по поводу несоответствия подготовки в университете требованиям работодателя, а также конкуренции со стороны других категорий работников. Почти каждый четвертый студент задумывается о предоставлении жилого помещения работодателем — отсутствие собственного жилья является актуальной проблемой для молодежи, которая стремится к свободе, самостоятельности и финансовой независимости [1. С. 436]. Пятуую часть респондентов беспокоит несоответствие уровня оплаты профессиональной подготовке, длительный неоплачиваемый или низкооплачиваемый испытательный срок, что связано с широко распространенной практикой привлекать к выполнению работ молодых людей на несколько недель или месяцев, а потом отказывать им в официальном трудоустройстве и заработной платой. Привлечение молодежи в качестве бесплатной рабочей силы — частое проявление дискриминации на рынке труда [4. С. 10].

На вопрос о том, чем они хотели бы заняться после окончания университета в первую очередь, большинство студентов (63 %) ответили, что планируют работать по специальности, почти каждого десятого привлекает перспектива открыть свое дело, заняться предпринимательством. Ориентируются на работу не по специальности 2,8 % учащихся, примерно столько же интересуются фрилансом. Это свидетельствует о высокой мотивации студенческой молодежи к освоению профессиональных компетенций и их ожидании найти рабо-

чее место в соответствии с полученной квалификацией. При трудоустройстве молодые люди рассчитывают на продолжение работы по месту прохождения практики, распределение выпускников, самостоятельный поиск вакансий в Интернете, рассылку резюме. Каждый третий выпускник обратится за помощью к родственникам или знакомым, что свидетельствует о значимости поддержки со стороны ближайшего окружения. По мнению студентов, в реализации их профессиональных планов помогут, прежде всего, полученное образование (85 %) и личностные качества, способности (62 %). Связи и коммуникабельность важны для 27 %, хотя молодежь осознает ограниченность своих социальных связей и нужных знакомств для устройства в жизни [1. С. 435].

Среди наиболее важных характеристик будущей работы (таблица 4) студенты назвали возможность построить карьеру, получать высокую заработную плату, достичь профессионального признания, приносить людям пользу и занять высокую должность, т.е. наряду с материальными факторами значима и ориентация на сообщество и социально полезную деятельность. Наблюдается запрос молодежи на реализацию своего потенциала, самосовершенствование, самостоятельность и независимость в работе, хорошие условия труда.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Что для вас самое важное в будущей работе?»**

Приоритеты будущей профессиональной деятельности	%
Возможность построить карьеру	64,8
Возможность получать большие заработки, высокие доходы	53
Возможность достичь признания, уважения в профессиональном сообществе	42,7
Возможность принести пользу людям	40
Возможность занять высокий пост, должность	37,8
Возможность полнее реализовать свой потенциал	35,8
Возможность постоянного самосовершенствования	29,1
Самостоятельность, независимость	22,4
Хорошие условия труда	22
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	15
Высокий престиж профессии	14,2
Стабильность занятости	12,6
Творческий, интересный характер работы	10,6
Соответствие работы моим способностям, знаниям, умениям	10
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	4,8

В последние несколько лет наблюдаются изменения в структуре приоритетов профессиональной деятельности белорусских студентов: повысилась значимость работы, способной принести общественную пользу, открывающей возможности профессионального и карьерного роста, и снизилась ценность интересной, творческой работы, хорошего коллектива и гарантий не потерять работу [30. С. 78].

Немногим более трети студентов хотели бы занимать высокую должность в будущем. Одна из возможных причин — избегание ответственности, которая неизбежно возлагается на руководителя. По данным многолетнего мониторинга трудовых ценностей жителей Беларуси, «ответственная работа» неизменно занимает последнее место в иерархии трудовых ценностей [31. С. 77]. Напротив, работа в хорошем коллективе традиционно значима для профессиональной деятельности экономически активного населения [31. С. 76]. Однако у молодого поколения таковая располагается в нижней половине списка трудовых ценностей, возможно, ввиду малого опыта коллективной работы или ориентации на индивидуальную деятельность. В случае несоответствия рабочего места указанным основным требованиям, молодые люди готовы сменить работу в поисках лучшего варианта.

Только треть опрошенных ответили, что имеют отдаленную (более пяти лет) профессиональную цель, и для большинства это высокооплачиваемая работа, на втором месте — карьера, на третьем — профессиональные достижения. Эти данные свидетельствуют об отсутствии у значительной части студентов долгосрочной жизненной стратегии, ясного понимания своего профессионального пути, что сказывается на трудовой активности выпускников — частая смена мест работы, длительный «поиск себя», неудовлетворенность и нереализованность в экономической сфере.

Для достижения своих целей выразили готовность повышать свое образование 30 % студентов, много работать, в том числе и сверхурочно, — 28 %, выучить иностранный язык — 27 %, сменить несколько рабочих мест — 23 %, освоить новую профессию — 22 %, первое время работать на малооплачиваемой работе, набираться опыта — 21 %, получить второе высшее образование — 19 %, отложить создание семьи и рождение детей — 18 %, поступиться моральными принципами — 17 %, терпеть плохое отношение руководителя — 12 %. Только пятая часть имеет реалистичные представления о ситуации на рынке труда — молодому работнику без трудового стажа редко предлагается высокооплачиваемая должность. Не все молодые люди осознают поэтапность профессионального и карьерного роста, требующего времени, усердия и трудолюбия.

Вместе с тем большая часть студенческой молодежи с уверенностью смотрит в будущее (чаще юноши) и готова справляться с трудностями на своем жизненном пути (таблица 5).

**Распределение ответов на вопрос
«Насколько Вы уверены или не уверены в своем будущем?», в %**

Варианты ответов	Юноши	Девушки	Всего
Вполне уверен (а)	46,3	35,4	40,4
Скорее уверен (а), чем нет	25	32	28,8
Не могу сказать точно	21,7	22,6	22,2
Скорее не уверен (а), чем уверен (а)	4,6	6,3	5,5
Совершенно не уверен (а)	2,4	3,7	3,1

Проведенное исследование позволило получить актуальные данные о жизненных и профессиональных приоритетах поколения центениалов, которое в скором времени выйдет на рынок труда. Для белорусских студентов характерен оптимизм, вера в лучшее будущее, достаточно высокий уровень субъективного благополучия, убежденность в возможностях самореализации и будущем материальном достатке, а трудовая деятельность как базовая ценность уступает свои позиции. Стремительные социально-экономические преобразования и смена технологических укладов определяют необходимость освоения нескольких профессий на протяжении трудовой жизни — молодое поколение это осознает, поэтому ориентируется на получение не только специализированных знаний и умений, но и широкого спектра гибких навыков, позволяющих реализовать свой потенциал в различных сферах.

В то же время сохраняются риски прекаризации и социального иждивенчества среди молодежи. Содействие максимальной занятости трудоспособного населения — важнейшая задача в рамках обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны [12. С. 5]. Ориентация на собственные знания и усилия способствует профессиональной активности молодых людей, но желание быстрого успеха, завышенные ожидания, неустойчивая мотивация к труду и подверженность влиянию внешних факторов могут негативно сказаться на их работе. Изменения ценностных ориентаций обусловлены новыми социально-экономическими условиями, динамикой культурных ценностей, привнесением новых смыслов и идей — работодатели и управленцы вынуждены будут учитывать особенности молодых сотрудников, их потребности и интересы. В перспективе сохранится запрос на научные исследования среди молодежи как наиболее активной группы с высоким потенциалом, требующей инвестиций в себя, но которая в ближайшей перспективе готова на социальную и экономическую отдачу.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ и РНФ (№ Г23РНФМ-011) в рамках проекта «Молодежь России и Беларуси о себе: экономические и социокультурные вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего для сотрудничества».

Библиографический список

1. *Бараиш Р.Э., Тюрина И.О.* Студенческая молодежь: психоэмоциональный и социальный автопортрет (по результатам фокус-групп) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2.
2. *Буланова М.Б., Артамонова Е.А.* NEET-молодежь: европейский контекст и российские реалии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 1.
3. *Горишков М.К.* Неэкономические факторы экономического роста: неиспользованные резервы // Гуманитарные науки. 2013. № 2.
4. *Великая Н.М.* Прекаризация труда молодежи как фактор формирования группы «самозанятые» // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 2.
5. *Данилов А.Н., Ротман Д.Г.* Молодежь современной Беларуси: базовые ценности, жизненные планы и поведенческие стратегии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3.
6. *Данилова Е.А.* Ценностные ориентации современного белорусского студенчества: БГУ vs БГЭУ // Вестник БГЭУ. 2012. № 1.
7. Демографическое, социальное и экологическое развитие в Беларуси и мире / Науч. ред. А.Г. Боброва. Минск, 2024.
8. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3.
9. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.
10. Информация о системе высшего образования Республики Беларусь // URL: <https://edu.gov.by/urovni-obrazovaniya/vysshee-obrazovanie/informatsiya-o-sisteme-vysshego-obrazovaniya>.
11. *Константиновский Д.Л., Попова Е.С.* Новый характер образовательных и профессиональных траекторий молодежи // Россия реформирующаяся. Вып. 20. М., 2022.
12. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь // URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0005>.
13. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М., 2002.
14. Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург, 2021.
15. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 2.
16. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
17. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
18. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Счастье и его детерминанты в представлении россиян: результаты опроса // Журнал БГУ. Социология. 2021. № 4.
19. *Ображей О., Подвальская В.* Финансовая грамотность населения Беларуси (в разрезе регионов и социальных групп) // Банкаўскі веснік. 2023. № 1.
20. Оценка и анализ финансовой грамотности населения Республики Беларусь // URL: https://www.nbrb.by/today/FinLiteracy/Research/issledovanie_obschie_2024.pdf.
21. *Певная М.В., Тарасова А.Н., Телпаева Д.Ф., Черникова-Бука М.* Волонтерская деятельность учащейся молодежи: социальная значимость и основания мотивированного отказа // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 10.
22. *Певная М.В., Тарасова А.Н., Якубова Э.Р.* Гражданское участие молодежи малых территорий крупного индустриального региона России // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3.

23. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292>.
24. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3.
25. Республиканский педагогический совет — самый масштабный и значимый форум для всей системы образования Республики Беларусь // URL: <https://edu.gov.by/news/respublikanskiy-pedagogicheskiy-sovet--samuyu-masshtabnyy-i-znachimyy-forum-dlya-vsey-sistemy-obrazov>.
26. Савенкова А.С. Представления о рынке труда молодежи России, Китая и Германии: сопоставительный анализ // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3.
27. Статистический ежегодник 2024. Минск, 2024.
28. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
29. Титаренко Л.Г. Культура использования цифровых инновационных технологий студентами: проблемы и риски // Журнал БГУ. Социология. 2024. № 2.
30. Ценностные ориентации белорусского студенчества: сравнительный социологический анализ (1998–2009 гг.) / Под ред. П.И. Бригадина, И.В. Левицкой. Минск, 2010.
31. Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна–2018 / Под ред. Д.М. Булышко, Д.Г. Ротмана. Минск, 2019.
32. Ценностный портрет современного белорусского общества: аналитический проект / Под ред. С.М. Алейниковой. Минск, 2021.
33. Granovetter M.S. The strength of weak ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No. 6.
34. Jayatissa K.A.D.U. Generation Z — A new lifeline: A systematic literature review // Sri Lanka Journal of Social Sciences and Humanities. 2023. Vol. 3. No. 2.
35. Racolta-Paina N.D., Irini R.D. Generation Z in the workplace through the lenses of human resource professionals — a qualitative study // Quality Access to Success. 2021. Vol. 22. No. 183.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-107-122

EDN: ECOIMQ

Value bases of the professional activity of the Belarusian student youth*

A.N. Haurylik

Yanka Kupala State University of Grodno,
Ozheshko St., 22, Grodno, 230023, Republic of Belarus

(e-mail: gavrilik_on@grsu.by)

Abstract. Student youth is a social group with high intellectual and innovative potential, which is in demand in the national economy. The most important factors in one's work activity are value orientations concerning life priorities, educational and professional strategies, attitudes to work and other ways of earning income. In sociology, various methods of measuring the relationship between cultural variables and economic behavior are widely used. The article

*© A.N. Haurylik, 2025

The article was submitted on 09.07.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

presents the data on the value orientations of Belarusian students, their ideas about professional future, important characteristics of work, life goals and means for achieving them, i.e. factors that determine the strategies of the youth's work behavior. The possibility of using such data in the educational and scientific activities of higher education institutions in the formation of students' professional and economic culture determines the practical significance of the study. It is based on the sociological survey of Grodno students conducted in 2024 within the framework of the BRFFR-RSF project "Youth of Russia and Belarus about themselves: Economic and social-cultural challenges of the present and construction of future horizons for cooperation" (N = 1000). The data reflects the hierarchy of students' life values, their subjective well-being, professional plans, ideas about the means for achieving success and the most important characteristics of work. The author emphasizes the contradictions in the worldview of the youth: on the one hand, students focus on their competencies and efforts in finding a job, realizing their abilities and career advancement, which will contribute to their professional activity; on the other hand, the desire to achieve quick success, inflated expectations, unstable motivation for work and susceptibility to the influence of external factors negatively affect the work of younger generations. The article concludes about the problems and risks that the youth face in their professional activities and the role of the state in promoting employment of the youth.

Key words: higher education; employment; youth; generation Z; professional activity; students; values

For citation: Haurylik A.N. Value bases of the professional activity of the Belarusian student youth. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 107–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-107-122>

References

1. Barash R.E., Tyurina I.O. Studencheskaya molodezh: psikhoemotsionalny i sotsialny avtoportret (po rezul'tatam fokus-grup) [Student youth: Psycho-emotional and social self-portrait (based on the results of focus groups)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (2). (In Russ.).
2. Bulanova M.B., Artamonova E.A. NEET-molodezh: evropeisky kontekst i rossiiskie realii [The NEET youth: European contexts and Russian realities]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (1). (In Russ.).
3. Gorshkov M.K. Neekonomicheskie faktory ekonomicheskogo rosta: neispolzovannye rezervy [Non-economic factors of economic growth: Unused reserves]. *Gumanitarnye Nauki*. 2013; 2. (In Russ.).
4. Velikaya N.M. Prekarizatsiya truda molodezhi kak faktor formirovaniya gruppy "samozanyaty" [Precarization of the youth labor as a factor in the formation of the "self-employed" group]. *Nauka. Kultura. Obshchestvo*. 2022; 28 (2). (In Russ.).
5. Danilov A.N., Rotman D.G. Molodezh sovremennoi Belarusi: bazovye tsennosti, zhiznennyye plany i povedencheskie strategii [The youth of contemporary Belarus: Basic values, life plans and behavioral strategies]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (3). (In Russ.).
6. Danilova E.A. Tsennostnye orientatsii sovremennogo belorusskogo studenchestva: BGU vs BGEU [Value orientations of the contemporary Belarusian students: BSU vs BSEU]. *Vestnik BGEU*. 2012; 1. (In Russ.).
7. *Demograficheskoe, sotsialnoe i ekologicheskoe razvitiye v Belarusi i mire* [Demographic, Social and Environmental Development in Belarus and the World]. Ed. by A.G. Bobrova. Minsk; 2024. (In Russ.).
8. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Zhiznennyye strategii molodezhi: realizatsiya ozhidaniy i sotsialnye nastroyeniya [Life strategies of the youth: Fulfillment of expectations and social sentiments]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 3. (In Russ.).

9. Inglehart R., Welzel C. *Modernizatsiya, kulturnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatelnost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence]. Moscow; 2011. (In Russ.).
10. Informatsiya o sisteme vysshego obrazovaniya Respubliki Belarus [Information on the Higher Education System of the Republic of Belarus]. URL: <https://edu.gov.by/urovni-obrazovaniya/vysshee-obrazovanie/informatsiya-o-sisteme-vysshego-obrazovaniya>. (In Russ.).
11. Konstantinovskiy D.L., Popova E.S. Novyy kharakter obrazovatelnykh i professionalnykh traektoriy molodezhi [New character of educational and professional trajectories of the youth]. *Rossiyskaya Reformiruyushchayasya*. Vol. 20. Moscow; 2022. (In Russ.).
12. Kontseptsiya natsionalnoi bezopasnosti Respubliki Belarus [Concept of National Security of the Republic of Belarus]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0005>. (In Russ.).
13. Harrison L., Huntington S. (Eds.). *Kultura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut progressu* [Culture Matters. How Values Shape Human Progress]. Moscow; 2002. (In Russ.).
14. *Molodezh o budushchem Rossii i o sebe: vyzovy nastoyashchego i konstruirovaniye gorizontov budushchego* [The Youth about the Future of Russia and Themselves: Challenges of the Present and Horizons of the Future]. Ed. by Yu.R. Vishnevskiy. Ekaterinburg; 2021. (In Russ.).
15. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Zhiznennyye plany rossiyskikh studentov: ozhidaniya i opaseniya v professionalnoy sfere [Russian students' life plans: Expectations and concerns in the professional field]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 2. (In Russ.).
16. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chexii): sravnitelnyy analiz tsennostnykh orientatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
17. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chexii): sravnitelnyy analiz strakhov, nadezhd i opaseniya (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
18. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Schastie i ego determinanty v predstavlenii rossiyan: rezul'taty oprosa [Russians' interpretation of happiness and its determinants: Results of the survey]. *Zhurnal BGU. Sotsiologiya*. 2021; 4. (In Russ.).
19. Obrazhei O., Podval'skaya V. Finansovaya gramotnost naseleniya Belarusi (v razreze regionov i sotsialnykh grupp) [Financial literacy of the population of Belarus (In the context of regions and social groups)]. *Bankaysky Vesnik*. 2023; 1. (In Russ.).
20. Otsenka i analiz finansovoy gramotnosti naseleniya Respubliki Belarus [Assessment and analysis of the financial literacy of the population of the Republic of Belarus]. URL: https://www.nbrb.by/today/FinLiteracy/Research/issledovanie_obschie_2024.pdf. (In Russ.).
21. Pevnaya M.V., Tarasova A.N., Telepaeva D.F., Cernicova-Bucă M. Volonterskaya deyatel'nost uchashchey'sya molodezhi: sotsial'naya znachimost i osnovaniya motivirovannogo otkaza [Volunteer activities of students: Social significance and grounds for motivated refusal]. *Obrazovanie i Nauka*. 2022; 24 (10). (In Russ.).
22. Pevnaya M.V., Tarasova A.N., Yakubova E.R. Grazhdanskoye uchastie molodezhi malyykh territoriy krupnogo industrial'nogo regiona Rossii [Civic participation of the youth in small territories of a large industrial region of Russia]. *RUDN Journal of Political Science*. 2023; 25 (3). (In Russ.).
23. Programma sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Belarus na 2021–2025 gody [Program of the Social-Economic Development of the Republic of Belarus for 2021–2025]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292>. (In Russ.).

24. Radaev V.V. Millenialy na fone predshestvuyushchih pokoleniy: empirichesky analiz [Millennials vs previous generations: An empirical analysis]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2018; 3. (In Russ.).
25. Respublikansky pedagogichesky sovet — samyy masshtabnyy i znachimyy forum dlya vsej sistemy obrazovaniya [Republican Pedagogical Council is the most large-scale and significant forum for the entire education system]. URL: <https://edu.gov.by/news/respublikanskiy-pedagogicheskiy-sovet--samyy-masshtabnyy-i-znachimyy-forum-dlya-vsey-sistemy-obrazov>. (In Russ.).
26. Savenkova A.S. Predstavleniya o rynke truda molodezhi Rossii, Kitaya i Germanii: sopostavitelnyy analiz [The youth's perceptions of the labor market in Russia, China and Germany: A comparative analysis]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (3). (In Russ.).
27. Statistichesky ezhegodnik 2024 [Statistics Yearbook 2024]. Minsk; 2024. (In Russ.).
28. Standing G. *Prekariat: novyy opasnyy klass* [The precariat: The new dangerous class]. Moscow; 2014. (In Russ.).
29. Titarenko L.G. Kultura ispolzovaniya tsifrovyykh innovatsionnykh tekhnologiy studentami: problemy i riski [The student culture of using digital innovative technologies: Problems and risks]. *Zhurnal BGU. Sotsiologiya*. 2024; 2. (In Russ.).
30. *Tsenostnye orientatsii belorusskogo studenchestva: sravnitelnyy sotsiologichesky analiz (1998–2009)* [Value Orientations of Belarusian Students: A Comparative Sociological Analysis (1998–2009)]. Ed. by P.I. Brigadin, I.V. Levitskaya. Minsk; 2010. (In Russ.).
31. *Tsenostnyy mir sovremennogo cheloveka: proekt "Issledovanie evropeiskih tsennostey", volna–2018* [Contemporary Man's Value World: European Values Study, Wave–2018]. Ed. by D.M. Bulynko, D.G. Rotman. Minsk; 2019. (In Russ.).
32. *Tsenostnyy portret sovremennogo belorusskogo obshchestva: analitichesky proekt* [Value Profile of the Contemporary Belorussian Society: Analytical report]. Ed. by S.M. Aleynikova. Minsk; 2021. (In Russ.).
33. Granovetter M.S. The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*. 1973; 78 (6).
34. Jayatissa K.A.D.U. Generation Z — A new lifeline: A systematic literature review. *Sri Lanka Journal of Social Sciences and Humanities*. 2023; 3 (2).
35. Racolta-Paina N.D., Irini R.D. Generation Z in the workplace through the lenses of human resource professionals — a qualitative study. *Quality Access to Success*. 2021; 22 (183).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-123-135

EDN: EABLKН

Представления молодежи о тренингах личностного роста (на примере студентов РУДН)*

Л.Е. Мурзиков, А.А. Комлева, Е.В. Николаева

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: 1032210069@rudn.ru; 1032216146@rudn.ru; 1032210735@rudn.ru)

Аннотация. На протяжении последних десятилетий стремление к саморазвитию и достижению успеха стали неотъемлемой характеристикой российского общества, а тренинги личностного роста — инструментом, с помощью которого, как представляется его участникам и организаторам, можно реализовать это стремление. Однако наряду с профессиональными тренингами, которые проводят дипломированные специалисты (психологи), встречаются и те, что способны нанести столь серьезный вред здоровью (ментальному и физическому), что получили название «психокульты» (как один из форматов секты). Молодежь как группа, в наибольшей степени стремящаяся к достижению жизненного успеха и высоким статусным позициям, наиболее подвержена и вовлечению в психокульты (именно вовлечению, поскольку для вступления в подобные сообщества используются психологические манипуляции), которые нередко скрываются под нейтральными названиями тренингов личностного роста. Цель статьи — характеристика представлений московской молодежи (на примере студентов Российского университета дружбы народов) о тренингах личностного роста. Авторы исходили из гипотезы о позитивном отношении студенчества к тренингам личностного роста, что создает потенциальную опасность вовлечения молодежи в психокульты, «притворяющиеся» такими тренингами. На основе работ отечественных и зарубежных исследователей в статье обозначены основные характеристики тренингов личностного роста, в том числе сближающие их с психокультами. Эмпирическая часть статьи представлена результатами двух фокус-групп и социологического опроса по репрезентативной квотной выборке (N=500), которые говорят о достаточно высоком уровне осведомленности столичного студенчества о тренингах личностного роста и «марафонах желаний» и о заинтересованности в участии в них. По материалам эмпирических исследований был составлен «портрет» участника тренингов личностного роста и показаны различия представлений студенчества о тренингах личностного роста, марафонах желаний и сектах: оказалось, что скорее марафоны желаний, чем тренинги личного роста, ассоциируются с психокультотом (сектой) в силу общих негативных коннотаций и совпадения портретов их участников (ведомые, одинокие, неуспешные), что говорит о высоких рисках вовлечения молодежи в психокульты в случае их маскировки под безобидные тренинги личностного роста.

*© Мурзиков Л.Е., Комлева А.А., Николаева Е.В., 2025

Статья поступила в редакцию 20.06.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Ключевые слова: тренинг личностного роста; психокульт; марафоны желаний; «инфоцыганство»; секты; саморазвитие; вовлечение; молодежь; студенчество; фокус-группы; социологический опрос

Для цитирования: Мурзиков Л.Е., Комлева А.А., Николаева Е.В. Представления молодежи о тренингах личностного роста (на примере студентов РУДН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 123–135. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-123-135>

С начала XXI века тренинги личностного роста начали набирать популярность в связи с развитием цифровых технологий и повышенным спросом на образовательные курсы, которые обещали своим участникам повысить уровень профессиональных и личностных компетенций. Однако зачастую под вывеской образовательного/психологического тренинга скрывается коммерческая организация, заинтересованная исключительно в прибыли (не имеющая необходимых условий для образовательной деятельности), или даже некая форма секты (психокульт), задача которой — не предоставление услуг по саморазвитию, а вовлечение индивида в сложную иерархическую структуру в целях финансового обогащения за его счет, что достигается, в первую очередь, посредством ослабления и разрыва родственных и иных межличностных связей жертвы за пределами психокульта. Молодежь — социально-демографическая группа, наиболее подверженная влиянию подобных организаций по целому ряду причин: это и неустойчивый социально-психологический профиль, и несформированная социально-статусная позиция, и гипервовлеченность в социально-сетевое пространство онлайн коммуникаций, и в целом более позитивное, чем у старших поколений, отношение к разнообразным негосударственным формам образовательной деятельности, включая тренинги личностного роста [1; 18; 19; 20; 27; 31].

Безусловно, нельзя рассматривать последние как синоним сект: первоначально под сектой понималась группа (религиозная, политическая, философская или иная), которая отделилась от основного направления и имеет своего основателя (как правило, харизматического лидера) и собственное учение [2. С. 2]. После церковного раскола в христианстве понятие «секта» стало выступать как синоним ереси, т.е. за ним закрепилась негативная с религиозно-институциональной точки зрения коннотация. В частности, Э. Трельч [30] выделил такие черты сект, как опора исключительно на внутригрупповое взаимодействие и закрытый характер, что порождает и скрытые для общественности (непосвященных) ритуалы [25]. Активизация и распространение сект, в том числе нехристианского характера, как правило, приходится на периоды социально-экономических и политических кризисов, например, в первые постсоветские десятилетия в России появились или возродили свою деятельность множество сект, выполняя функцию социальных интеграторов в условиях аномии [4], т.е.

предлагая людям ответы на тревожащие их вопросы и давая обещания, гарантирующие понятное будущее в заданном социальном окружении. Расширение сферы деятельности и изменение идеологического фундамента сект породило их дифференциацию — появились группы, с религиозной точки зрения противопоставляющие себя основным культуuroобразующим религиозным общинам и институтам (как неким тоталитарным организациям или же, в случае неоязыческих движений, как отказавшимся от дохристианских славянских верований и традиций) [6; 39]. Как правило, секту отличает [2; 4; 9; 17] наличие харизматического лидера-диктатора, идеология собственной уникальности как провозвестника будущих изменений человека и мира, радикальные духовные и телесные практики (не безопасные для физического и психологического благополучия человека) [8; 15], коммерческие интересы [25] и психологические манипуляции [35; 38].

Соответственно, психокульт можно рассматривать как разновидность секты, отталкиваясь от понятия «культ» [5; 12; 32; 36]. Это «разреженный, недолговечный и не стремящийся к самосохранению тип социальной структуры, принадлежность к которому определяется свободным решением индивида следовать определенным религиозным верованиям и практикам ее характеризующим» [40. С. 628]; «слабоструктурированная, недолговечная религиозная группа, не имеющая разработанного вероучения и постоянного членства» [35. С. 120, 121]. Если психокульты по определению деформируют, разрушают личность с целью материальной наживы владельцев/лидеров организации [10], то профессиональные тренинги личностного роста предполагают приобретение/улучшение их участниками по доброй воле и совершенно целерационально определенных личностных или профессиональных качеств для повышения своего эмоционального, человеческого, социального капитала. По сути, речь идет об образовательных курсах по саморазвитию и получению дополнительных профессиональных и прочих навыков при квалифицированной поддержке психолога. Однако это не исключает и махинаций: те, кто стремится к саморазвитию и личностному росту, по наивности или незнанию могут быть вовлечены в коммерциализованные и опасные психокульты, лишь притворяющиеся организованными формами предоставления образовательно-развивающих услуг [10; 17; 34]. По своей коммерчески-манипулятивной составляющей на психокульты похожи и столь популярные сегодня «марафоны желаний» — авторские циклы лекций, позиционируемые как образовательные тренинги по духовному развитию и наращиванию материального благосостояния, но схожие с психокультами такими элементами, как восходящая структура «ступеней», наставничество и ориентированность на коммерческую составляющую.

Молодежь — особая социально-демографическая группа в том смысле, что наиболее уязвима для влияния сектантских образований и психокультов, скрывающихся под тренингами личностного роста. По данным ВЦИОМ [7; 24], 18–24-летние чаще других возрастных групп сталкивались с вовлечением близких в курсы саморазвития, чаще считают их полезными и чаще хотели бы пройти их в будущем. В нашем исследовании мы хотели уточнить представления студентов о тренингах личностного роста (для краткости далее они будут обозначены как ТЛР), их уровень осведомленности и вовлеченности в ТЛР и «марафоны желаний», исходя из предположения, что московская студенческая молодежь в целом заинтересована в ТЛР и «марафонах желаний» как инструменте повышения своего материального благополучия и расширения социальных связей.

Эмпирическое исследование было проведено с 5 сентября по 5 ноября 2023 года методом онлайн-опроса квотной выборки, репрезентирующей совокупность студентов бакалавриата очного отделения РУДН (ошибка выборки — 4,3 %). Анкетированию предшествовали две фокус-группы с представителями генеральной совокупности, осведомленными о ТЛР: оказалось, что одна часть участников не видела особой разницы между ТЛР и «марафонами желаний», а другая, напротив, категорически противопоставляла их, поэтому было решено включить в опросный инструментарий блок вопросов о «марафонах желаний». Анкета онлайн-опроса состояла из 28 вопросов (включая вопросы-фильтры), объединенных в три содержательных блока — о ТЛР (осведомленность, отношение, вовлеченность и т.д.), о «марафонах желаний» (аналогичные первому блоку вопросы, но обращенные только к тем, кто разделяет два понятия), о психокульту (общее представление и связь с ТЛР) — и «паспортички» (пол, направление подготовки и курс обучения).

Итак, большинство респондентов слышали о ТЛР (78 %) или марафонах желаний (71 %) (60 % — одновременно об обоих типах мероприятий) и имеют о них достаточно позитивное представление: ТЛР воспринимаются как курсы, которые помогают развить навыки (32 %) и личностные качества (личностный рост) (10 %), познать себя (8 %), обрести мотивацию (9 %), добиться успеха в жизни (5 %). Среди негативных оценок доминируют определения ТЛР как формы «инфоцыганства», развода на деньги, мошенничества (15 %) или же бесполезного мероприятия (4 %) (рисунок 1). Практически каждый десятый имеет опыт участия в ТЛР, что может объясняться как особенностями группы (московская студенческая молодежь активна, склонна к поискам нового и возможностей улучшить свое социальное положение и увеличить свой социальный капитал), так и неоднозначными трактовками ТЛР (как неких курсов дополнительного образования и повышения квалификации). «Марафоны желаний» проходили только 5 %, имеют опыт участия в них и ТЛР — 1 %.

Чтобы отследить различия в восприятии ТЛР и марафонов желаний, респонденты были разделены на две группы: те, кто отождествляет данные понятия, и те, кто их разделяет. Каждый третий (30 %) считает, что «марафоны желаний» и ТЛР — синонимы, каждый второй, напротив, убежден, что это принципиально разные форматы, поскольку «тренинги — реальная работа над собой, а “марафоны” — самовнушение» (19 %), «просто разные вещи» (17 %), «марафоны желаний — это мошенничество, обман» или же «они просто бесполезны» (по 14 %). Иными словами, у разделяющих данные понятия респондентов прослеживается либо нейтральное отношение к «марафонам» (иные методы и цели, чем у ТЛР), либо отрицательное (в отличие от ТЛР, это либо бесполезное самовнушение, либо мошенничество). Следует отметить, что в данной группе не оказалось тех, кто положительно относится к «марафонам», но отрицательно к ТЛР.

Как бы Вы могли описать тренинг личностного роста?

Рис. 1. Представления о тренингах личностного роста, %

Большинство опрошенных не заинтересованы в прохождении ТЛР (51 %) или «марафонов желаний» (88 %, в том числе 66 % — совершенно точно). Чаще всего студенты объясняют свое желание принять участие в ТЛР следующими

причинами: «для саморазвития, получения новых навыков, знаний» (37 %), «это интересно» (20 %), «чтобы лучше себя узнать» (13 %), «для личностного роста» (8 %), «это полезно» (7 %), «чтобы стать увереннее» (5 %). Те же, кто не выразил желания участвовать в ТЛР, объясняет свою позицию так: «мне это просто не нужно» (30 %), «это мошенничество, инфоцыганство, выкачивание денег» или «бесполезное, бессмысленное занятие» (по 14 %), «тренинги не могут помочь в принципе, человек может развиваться только сам» (10 %), «считаю, что уже достаточно развит» (6 %) «нет времени» или «не денег» (по 4 %). Респонденты, для которых ТЛР и «марафоны желаний» — разные вещи, не хотели бы пройти «марафоны желаний», потому что они «бесполезны, бессмысленны» (38 %), им это «не нужно, не интересно» (24 %), «это мошенничество, инфоцыганство, выкачивание денег» (18 %), «только сам человек может развиваться» (7 %).

Иными словами, в представлениях студенческой молодежи ТЛР и «марафоны желаний» слабо связаны с психокультами и различаются по критерию своей полезности: ТЛР считает полезными каждый второй (52 %; 12 % — «точно полезны», 40 % — «скорее полезны»), а «марафоны желаний» — только 13 % (соответственно, 3 % и 8 %); каждый пятый не смог высказаться по этому вопросу однозначно.

В качестве причин, почему люди принимают решение пройти ТЛР, студенты называют «саморазвитие» (68 %), «улучшение качества жизни» (51 %), «получение новых знаний» (50 %), «моду» на подобные мероприятия (47 %). В случае марафонов желаний распределение ответов иное: в первую очередь, «мода, популярность» (75 %), затем «желание улучшить качество жизни» (49 %), «скука» (31 %) и приглашение друзей/знакомых/родственников» (27 %). Видимо, в представлениях студентов участник марафонов желаний оказывается менее рациональным и разумным, чем участник ТЛР. Более того, те, кто хотели бы пройти ТЛР в будущем, приписывают их участникам более рациональные цели: «саморазвитие» (85 %), «улучшение качества жизни» (62 %), «получение новых знаний» (72 %), «знакомства с новыми людьми» (48 %); а те, кто исключает для себя подобную возможность, чаще воспринимают ТЛР как модное веяние (57 %), куда можно пойти за компанию со знакомыми (24 %) или от скуки (22 %).

Оценить отношение студентов к психокультам напрямую не представляется возможным: как показали фокус-групповые дискуссии, сам термин опрошенным не знаком и ассоциируется с сектой или культом, оказывающим психологическое давление. Поэтому было решено заменить термин «психокульт» на понятие «секта» как наиболее близкое ему. Так, опрошенные считают, что деятельность сект направлена на выкачивание денег, пропаганду, манипулирование и властное подавление (по 25 %), вербовку людей для использования в своих целях (12 %), разрушение, вред и «промычку мозгов» (11 %) в формате религиозного сообщества (4 %), поэтому

около половины респондентов полагают, что секты опасны для личности, ее здоровья (т.е. описание секты оказывается эквивалентом определения психокульта).

Было решено сопоставить понятия ТЛР, марафона желаний и секты (психокульта) не напрямую, а с помощью проективных формулировок — вопросов о характеристиках участников секты (психокульта), «марафона желаний» и ТЛР: близкими оказались образы вовлеченных в первые два формата. Так, участник секты видится студентам внушаемым/ведомым (65 %; марафона — 63 %), неуспешным (30 % и 36 %), одиноким (42 % и 22 %) (рисунок 2), т.е. в представлении респондентов скорее «марафоны желаний», а не ТЛР ассоциируются с психокультом, тогда как участник ТЛР, напротив, видится студентам как коммуникабельный, уверенный в себе человек, активно стремящийся к саморазвитию.

Рис. 2. Представления об участниках ТЛР, марафона желаний и секты, %

Те, кто хотел бы пройти ТЛР в будущем, склонны более позитивно описывать их предположительного участника (в некотором смысле свой автопортрет) — стремящийся к саморазвитию (82 %), уверенный в себе (57 %), коммуникабельный (55 %) и успешный (38 %), тогда как те, кто не хотел бы пройти ТЛР в будущем, чаще упоминают негативные черты — ведомый (51 %), неуспешный и застенчивый (по 27 %), одинокий (19 %) (рисунок 3).

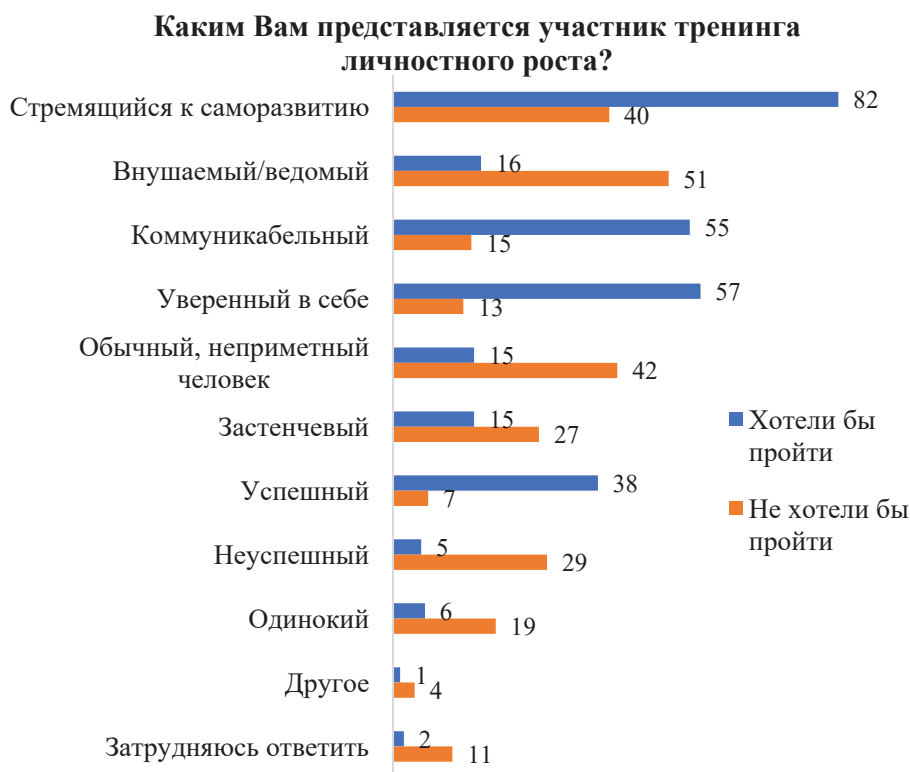

Рис. 3. Представления об участниках ТЛР в зависимости от желания в них участвовать, %

Таким образом, не прослеживается четкая связь между ТЛР и психокультами (сектами), что подтверждается и ранее полученными данными о слабой отраженности и принципиальных различиях двух понятий в восприятии московского студенчества [16]: тренинг семантически положителен («жизнерадостный», «чистый»), а секта — негативна («чужая», «злая»). Московское студенчество определяет тренинги как позитивный способ наладить связи и познакомиться с новыми людьми в интересующей сфере, причем способ без потенциальных негативных последствий (для физического и психологического состояния), тогда как «марафоны желаний» ассоциируются с психокультами, вероятно, и потому что имеют четкую привязку к конкретным медийным персонам. С одной стороны, это определяет значительно большую заинтересованность студенческой молодежи в ТЛР (39 % в нашем опросе,

19 % молодежи во всероссийском опросе ВЦИОМ). С другой стороны, несмотря на негативную коннотированность понятия секты/психокульты (и близко-го им «марафона желаний»), отмечен слишком высокий для такого восприя-тия уровень заинтересованности молодежи в подобных форматах группового взаимодействия, а, значит, риск вступления молодежи в деструктивные ор-ганизации под видом образовательных тренингов и марафонов саморазви-тия весьма высок, что актуализирует дальнейшее изучение рассматриваемой проблематики.

Библиографический список

1. Алимбекова Г.Т., Шабденова А.Б., Лифанова Т.Ю. Уровень религиозности городских жителей Казахстана // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20.
2. Артюхов М.Н. К вопросу о проблеме использования термина «секта» // Вестник АГУ. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 1.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
4. Боева Е.С. Эволюция развития сект и нетрадиционных религиозных движений в России // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 4.
5. Васильева Е.Н. «Культы» и «секты»: проблема разграничения // Религиоведение. 2007. № 3.
6. Дворкин А.Л. Сектоведение: тоталитарные секты: опыт систематического анализа. Нижний Новгород, 2008.
7. Игнатьев А. Пять базовых концептов социологии религии // Социологическое обозре-ние. 2014. № 1.
8. Измерова Я.Е. Влияние на подростков деструктивных религиозных сект и коммерче-ских культов // Социальная педагогика. 2010. № 5.
9. Казаченко Е.В. Нетрадиционные религиозные общества и секты в России // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Социологические науки. 2010. № 4.
10. Ларина Т.И. Психокульты и разновидности сект // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 12.
11. Львов С. Торговцы желаний: почему так популярны марафоны желаний? 2022 // URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-02-11_Infocystanstvo.pdf.
12. Магомедшарипова Е.Д. Появление психологического тренинга в России // Мировая на-ука. 2018. № 10.
13. Мартинович В.А. Восприятие новых религиозных движений религиозными органи-зациями Республики Беларусь // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 1.
14. Мартинович В.А. Становление понятий «секта» и «культ» в западном религиоведении XX века // Философия и социальные науки. 2009. № 1–2.
15. Монастырский В.А., Садовникова Ж.В. Причины ухода, приемы заманивания и осо-бенности психологического воздействия на молодежь в сектах // Гаудеамус. 2008. Т. 1. № 13.
16. Мурзи́ков Л.Е., Комлева А.А. Особенности восприятия культов, сект и тренингов сту-денческой молодежью // Оригинальные исследования. 2023. Т. 13. № 7.
17. Мухаметшина Н.М., Селеверстова Р.С. Как избежать вовлечения подростков в секты, экстремистские и террористические организации: Часть 1 // Социальная педагогика. 2020. № 2.

18. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
19. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
20. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта). М., 2017.
21. *Нибур Р., Нибур Р.* Христос и культура. М., 1996.
22. *Прокопец И.О.* Коммерческий культ. Сетевой маркетинг и диссоциализация адептов финансовых сект // Актуальные вопросы современной экономики. 2019. № 1.
23. Публикации Info-Cult // URL: <https://infosecte.org/en/publications-2>.
24. Россияне о тренингах личностного роста. 2021 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-treningakh-lichnostnogo-rosta>.
25. *Рыжов С.С.* Психокульт. Современная форма сектанства // Материалы XXIV городской научно-практической конференции молодых ученых. 2023. № 1.
26. *Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Богдан И.В.* Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1.
27. *Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Петрова А.А., Козлов И.И., Пахарь А.М.* Ценностные ориентации студенческой молодежи в вузах светской и религиозной направленности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 3.
28. *Смирнов М.Ю.* Социология религии в Российской Федерации: два наблюдения // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2014. № 3.
29. *Тернер Б.* Религия в постсекулярном обществе // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 2.
30. *Трельч Э.* Церковь и секта // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. М., 1996.
31. *Троцук И.В.* Мировоззренческие доминанты молодежи: возможности эмпирической фиксации сквозь призму страхов, надежд и опасений // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 3.
32. *Чертушкина Е.В.* Хироти Секигута о проблемах школы в современном обществе // Россия и АТР. 2008. № 2.
33. *Шагивалеева Г.Р.* Одиночество и особенности его переживания студентами. Елабуга, 2007.
34. *Щукина М.А., Велецкая А.А.* Личностные корреляты готовности студентов-психологов к участию в деструктивных псевдотренинговых практиках саморазвития // Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Ф.Е. Василюка: консультативная психология: традиции и новации. М., 2023.
35. *Campbell C.* The cult, the cultic milieu and secularization // *Sociology of Religion*. 1995. Vol. 2.
36. *Johnson B.* On church and sect // *American Sociological Review*. 1963. Vol. 28. No. 4.
37. *Levin J.S., Chatters L.M.* Research on religion and mental health: An overview of empirical findings and theoretical issues // *Handbook of Religion and Mental Health* / Ed. by H.G. Koenig. San Diego, 1998.
38. *Lutoshliva E.S., Osipenok O.A., Kalinovskaya E.D., Karnakova I.M.* Influence of a psychocult on personality: Theoretical aspect (the case of psycho-cult “Vedic femininity”) // Известия ИГУ. Серия: Психология. 2021. Т. 35.
39. *Trotsuk I.* Eschatological conspiracy theories: Models and ways for identifying apocalyptic semantics and syntax // *Russian Sociological Review*. 2023. Т. 22. № 4.
40. *von Wiese L.* Systematic Sociology. Wiley & Sons, 1932.

The youth's ideas about personal development training (on the example of the RUDN students)*

L.E. Murzikov, A.A. Komleva, E.V. Nikolaeva

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: 1032210069@rudn.ru; 1032216146@rudn.ru; 1032210735@rudn.ru)

Abstract. Over the past decades, the desire for self-development and success have become an integral part of the Russian society, and personal development trainings have become a tool to realize this desire, as its participants and organizers believe. However, along with professional trainings conducted by certified specialists (psychologists), there are also those that can cause such serious harm to health (mental and physical) that they are called “psychocults” (as a form of sect). The youth as a group striving the most to achieve success in life and high-status positions are also most susceptible to involvement in psychocults often hidden under the neutral names of personal development training. The article aims at identifying the ideas of the Moscow youth (on the example of the RUDN students) about personal development training. The authors proceeded from the hypothesis about the positive attitude of students to personal development training, which creates a potential danger of involving young people in psychocults “pretending” to be such trainings. Based on the works of Russian and foreign researchers, the article outlines the main characteristics of personal development training, including those that are similar with psychocults. The empirical part of the article is presented by the results of two focus groups and a sociological survey on a representative quota sample (N=500), which indicate a high level of students' awareness about personal development trainings and marathons of desires and the youth's interest in participating in them. Based on the empirical study, the authors present a “portrait” of the participant in personal development trainings and differences in students' perceptions of trainings, marathons and sects: marathons of desires, rather than personal development trainings, are associated with psychocults (sects) due to common negative connotations and similar “portraits” of their participants (led, lonely, unsuccessful), which indicates high risks of the youth involvement in psychocults pretending to be harmless personal development trainings.

Key words: personal development training; psychocult; marathons of desires; infogypsies; sects; self-development; involvement; youth; students; focus groups; sociological survey

For citation: Murzikov L.E., Komleva A.A., Nikolaeva E.V. The youth's ideas about personal development training (on the example of the RUDN students). *RUDN Journal of Sociology* 123y135.2025; 25 (): –. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/23111233135-2272-2024-24--->

References

1. Alimbekova G.T., Shabdenova A.B., Lifanova T.Yu. Uroven religioznosti gorodskih zhitel'ev Kazakhstana [Religiosity of the urban community in Kazakhstan]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (2). (In Russ.).
2. Artyukhov M.N. K voprosu o probleme ispolzovaniya termina “sekta” [On the use of the term “sect”]. *Vestnik AGU. Seriya 1: Regionovedenie: Filosofiya, Istoriya, Sotsiologiya, Yurisprudentsiya, Politologiya, Kulturologiya*. 2014; 1. (In Russ.).

*© L.E. Murzikov, A.A. Komleva, E.V. Nikolaeva, 2025

The article was submitted 20.06.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

3. Berger P., Luckmann T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow; 1995. (In Russ.).
4. Boeva E.S. Evolyutsiya razvitiya sekt i netraditsionnykh religioznykh dvizheniy v Rossii [Evolution of sects and non-traditional religious movements in Russia]. *Vlast i Upravlenie na Vostoke Rossii*. 2011; 4. (In Russ.).
5. Vasilyeva E.N. “Kult” i “sekt”: problema razgranicheniya [“Cult” and “sect”: The issue of distinction]. *Religiovedenie*. 2007; 3. (In Russ.).
6. Dvorkin A.L. *Sektovedenie: totalitarnye sekty: opyt sistematicheskogo analiza* [Sect Studies: Totalitarian Sects: An Attempt at Systematic Analysis]. Nizhniy Novgorod; 2008. (In Russ.).
7. Ignatyev A. Pyat bazovykh kontseptov sotsiologii religii [Five basic concepts of the sociology of religion]. *Russian Sociological Review*. 2014; 1. (In Russ.).
8. Izmerova Ya.E. Vliyaniye na podrostkov destruktivnykh religioznykh sekt i kommercheskikh kultov [The influence of destructive religious sects and commercial cults on adolescents]. *Sotsialnaya Pedagogika*. 2010; 5. (In Russ.).
9. Kazachenko E.V. Netraditsionnye religioznye obshchestva i sekty v Rossii [Non-traditional religious communities and sects in Russia]. *Uchenye Zapiski ZabGU. Seriya: Sotsiologicheskie Nauki*. 2010; 4. (In Russ.).
10. Larina T.I. Psikhokulty i raznovidnosti sekt [Psychocults and types of sects]. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika*. 2022; 12. (In Russ.).
11. Lvov S. Torgovtsy zhelaniy: pochemu tak populyarny marafony zhelaniy? [Merchants of desires: Why are marathons of desires so popular?] 2022. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-02-11_Infocyanstvo.pdf. (In Russ.).
12. Magomedsharipova E.D. Poyavleniye psikhologicheskogo treninga v Rossii [Development of the psychological training in Russia]. *Mirovaya Nauka*. 2018; 10. (In Russ.).
13. Martinovich V.A. Vospriyatiye novykh religioznykh dvizheniy religioznymi organizatsiyami Respubliki Belarus [Perception of new religious movements by the religious organizations of the Republic of Belarus]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (1). (In Russ.).
14. Martinovich V.A. Stanovleniye ponyatiy “sekt” i “kult” v zapadnom religiovedenii XX veka [Formation of the concepts of “sect” and “cult” in Western religious studies in the 20th century]. *Filosofiya i Sotsialnye Nauki*. 2009; 1–2. (In Russ.).
15. Monastyrsky V.A., Sadovnikova Zh.V. Prichiny ukhoda, priemy zamanivaniya i osobennosti psikhologicheskogo vozdeystviya na molodezh v sektakh [Reasons for leaving, methods of luring and features of the psychological influence on the youth in sects]. *Gaudeamus*. 2008; 1 (13). (In Russ.).
16. Murzikov L.E., Komleva A.A. Osobennosti vospriyatiya kultov, sekt i treningov studencheskoy molodezhiyu [Features of the student youth's perception of cults, sects and trainings]. *Originalnye Issledovaniya*. 2023; 13 (7). (In Russ.).
17. Mukhametshina N.M., Selevertova R.S. Kak izbezhat vovlecheniya podrostkov v sekty, ekstremistskie i terroristicheskie organizatsii: Chast 1 [How to prevent teenagers' involvement in sects, extremist and terrorist organizations: Part 1]. *Sotsialnaya Pedagogika*. 2020; 2. (In Russ.).
18. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelnyy analiz tsennostnykh orientatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
19. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelnyy analiz strakhov, nadezhd i opaseniya (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
20. Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Tsennostnye oriyentatsii i sotsialnoe samochuvstvie studentchestva (rezultaty issledovatel'skogo proekta)* [Students' Value Orientations and Social Well-Being (Results of the Research Project)]. Moscow; 2017. (In Russ.).

21. Niebuhr R., Niebuhr R. *Khristos i kultura* [Christ and Culture]. Moscow; 1996. (In Russ.).
22. Prokopets I.O. Kommerchesky kult. Setevoy marketing i dissotsializatsiya adeptov finansovykh sekt [Commercial cult. Network marketing and dissocialization of adherents of financial sects]. *Aktualnye Voprosy Sovremennoy Ekonomiki*. 2019; 1. (In Russ.).
23. Info-Cult Publications. URL: <https://infosecte.org/en/publications-2>. (In Russ.).
24. Rossiyanе o treningakh lichnostnogo rosta [Russians' ideas about personal development trainings]. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-treningakh-lichnostnogo-rosta>. (In Russ.).
25. Ryzhov S.S. Psikhekult. Sovremennaya forma sektanstva [Psychocult. A contemporary form of sectarianism]. *Materialy XXIV gorodskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchennykh*. 2023; 1. (In Russ.).
26. Ryazantsev I.P., Podlesnaya M.A., Bogdan I.V. Universalizm tsennostey studencheskoy molodezhi i razvitie rossiyskogo obshchestva [The student youth's universal values and the Russian society development]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (1). (In Russ.).
27. Ryazantsev I.P., Podlesnaya M.A., Petrova A.A., Kozlov I.I., Pakhar A.M. Tsennostnye orientatsii studencheskoy molodezhi v vuzakh svetskoy i religioznoy napravlenosti [Value orientations of the student youth in religious and secular universities]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (3). (In Russ.).
28. Smirnov M.Yu. Sotsiologiya religii v Rossiyskoy Federatsii: dva nablyudeniya [Sociology of religion in the Russian Federation: Two observations]. *Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. 2014; 3. (In Russ.).
29. Turner B. Religiya v postsekulyarnom obshchestve [Religion in a post-secular society]. *Gosudarstvo. Religiya. Tserkov*. 2012; 2. (In Russ.).
30. Troeltsch E. Tserkov i sekta [Church and sect]. *Religiya i obshchestvo. Khrestomatiya po sotsiologii religii*. Moscow; 1996. (In Russ.).
31. Trotsuk I.V. Mirovozzrencheskie dominanty molodezhi: vozmozhnosti empiricheskoy fiksatsii skvoz prizmu strakhov, nadezhd i opaseniya [Dominant ideas in the outlook of the youth: Possibilities of empirical study through the prism of fears and hopes]. *RUDN Journal of Sociology*. 2013; 3. (In Russ.).
32. Chertushkina E.V. Hiroshi Sekiguchi o problemakh shkoly v sovremennom obshchestve [Hiroshi Sekiguchi on the problems of school in the contemporary society]. *Rossiia i ATR*. 2008; 2. (In Russ.).
33. Shagivaleeva G.R. *Odinochestvo i osobennosti ego perezhivaniya studentami* [Loneliness and Features of Its Experience by Students]. Yelabuga; 2007. (In Russ.).
34. Shchukina M.A., Veletskaya A.A. Lichnostnye korrelyaty gotovnosti studentov-psikhologov k uchastiyu v destruktivnykh psevdotrenirovnykh praktikakh samorazvitiya [Personality correlates of the psychology students' readiness to participate in destructive pseudo-training practices of self-development]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya po konsultativnoy psikhologii i psikhoterapii, posvyashchennaya pamyati F.E. Vasilyuka: konsultativnaya psikhologiya: traditsii i novatsii*. Moscow; 2023. (In Russ.).
35. Campbell C. The cult, the cultic milieu and secularization. *Sociology of Religion*. 1995; 2.
36. Johnson B. On church and sect. *American Sociological Review*. 1963; 28 (4).
37. Levin J.S., Chatters L.M. Research on religion and mental health: An overview of empirical findings and theoretical issues. *Handbook of Religion and Mental Health*. Ed. by H.G. Koenig. San Diego; 1998.
38. Lutoshliya E.S., Osipenok O.A., Kalinovskaya E.D., Karnakova I.M. Influence of a psycho-cult on personality: Theoretical aspect (the case of psycho-cult "Vedic femininity"). *Izvestiya IGU. Seriya: Psikhologiya*. 2021; 35.
39. Trotsuk I. Eschatological conspiracy theories: Models and ways for identifying apocalyptic semantics and syntax. *Russian Sociological Review*. 2023; 22 (4).
40. von Wiese L. *Systematic Sociology*. Wiley & Sons; 1932.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

SOCIOLOGICAL LECTURES

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-136-152

EDN: DWDNYL

Опыт и перспективы применения фрейм-анализа в исследованиях религии*

М.Р. Гибадуллина

Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан,
ул. Лево-Булачная, 36а, Казань, 420111, Россия

(e-mail: g.milya@mail.ru)

Аннотация. Концепция фреймов И. Гофмана активно используется в исследованиях религии и религиозности в зарубежной социологии и социокультурной антропологии. Особенно многочисленны исследования медиа фреймов, осваиваемых обществом и влияющих на принятие управленческих решений на государственном уровне. Небольшая часть исследований касается религиозной повседневности и образа религии в массовом сознании. Исследователи не только используют концепцию фрейма Гофмана, но и прибегают к методологическим принципам других его работ (понятия стигмы, повседневного взаимодействия, представления себя другим), что говорит об эвристическом потенциале интеллектуального наследия Гофмана при условии его комплексного использования. Отечественные исследователи также обращаются к фрейм-анализу Гофмана, но работы российских авторов не так многочисленны и разнообразны. Среди них в основном представлены проекты в области социальной политики и лингвистики, тогда как исследования в области социологии религии и религиоведения через призму фреймов в отечественном научном дискурсе достаточно редки. В большинстве своем они носят теоретический характер и, как правило, используют терминологический аппарат фрейм-концепции, но не ее методологическое содержание. Проведенный автором анализ теоретических и эмпирических работ с применением идей фрейм-анализа демонстрирует возможности использования концепции фреймов в исследованиях религии. Особенностью обращения к данной научной категории является необходимость детальной проработки методологической части каждого конкретного исследования для адекватного отражения специфики выбранного дисциплинарного/предметного поля.

Ключевые слова: фрейм; фрейм-анализ; И. Гофман; религия; религиозная повседневность; религиозный фрейм; фрейм религии

*© Гибадуллина М.Р., 2025

Статья поступила в редакцию 26.08.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

Для цитирования: Гибадуллина М.Р. Опыт и перспективы применения фрейм-анализа в исследованиях религии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 136–152. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-136-152>

Ирвинг Гофман — один из самых неоднозначных социологов: хотя его творчество активно интерпретируется, наблюдается разрозненность и фрагментарность в применении его концепции. Его идеи зарождались под влиянием интеракционизма, однако в современном мире больше раскрываются с точки зрения структурализма. Например, Г.С. Батыгин трактовал «теорему Гофмана» так: «попробуйте определить ситуацию неверно, и она определит вас» [1. С. 7]. «Правильное определение ситуации» — отправная точка И. Гофмана в работе «Анализ фреймов»: вслед за У. Джемсом, А. Шюцем и Г. Гарфинкелем он проводил анализ «реальности», поскольку то, как будет оцениваться ситуация, диктует и поведение ее участников. Правильное распознавание ситуации становится центральным в социальном взаимодействии: реальность оказывается многослойной, и представляемое часто не является реальным. Фрейм (англ. — «кадр, рамка») — модель реальности, которая позволяет выявлять многослойность и неоднозначность ситуаций.

До Гофмана понятие фрейма использовали и другие исследователи в разных областях науки. Так, М. Минский, работая в области искусственного интеллекта, определял фрейм как когнитивную структуру знаний об обозначаемом, которая служит для репрезентации стереотипных контекстов [14. С. 26]. В лингвистике фрейм — «структура знаний, схемы, сценарии, планы и т.п., представляющие собой пакеты информации, которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций» [24. С. 8]. К социолого-психологическому направлению относят работы Г. Бейтсона: в работе «Экология разума» он определил фрейм как метакоммуникативное образование, чья функция состоит в определении границ логического типа [3. С. 161], и предложил концепцию на основе идей феноменологии, прагматизма и теоретической логики, где фрейм помогает увидеть границы осмысленности воспринимаемой ситуации и определить структурные особенности повседневной коммуникации [17. С. 1023]. Согласно Гофману, фрейм — это способность практического сознания «собирать» мир в организованное целое без участия дискурсивного контроля, вид процедурного знания.

Опыт применения фрейм-анализа в зарубежных исследованиях

Интеллектуальное наследие Гофмана активно осмысливается в зарубежном научном дискурсе, его идеи интерпретируются как в сборниках научных трудов, так и в отдельных монографиях, посвященных его личности и теоретическому наследию [47; 55]. Т.Дж. Шефф еще в 2005 году отмечал многочисленность цитирований Гофмана в социальных науках, которые в боль-

шинстве своем являются перефразированием, критикой или заимствованием терминов из концепции анализа фреймов, но не толкованием и применением данной теории [49. С. 369]. Тем не менее, концепцию фрейма используют для анализа широкого круга явлений, например бедности [57], образования [50], социальных движений [51], расизма [54; 35; 29], эволюции общества [28] и т.д.

Скажем, в исследованиях СМИ фрейм-анализ позволяет оценивать те медиа конструкторы, посредством которых осуществляется влияние на аудиторию [33; 34]. Подобные исследования актуализируются в связи с проблемами миграции, адаптации и интеграции в инокультурную среду [43; 46; 53]. В изучении СМИ фрейм — это организация информации в новостных сюжетах, для восприятия событий, людей, религий и т.д. [44], например, медиа фрейминг мусульман как террористов, являющихся частью серьезной международной угрозы для США [45], сформировало у аудитории устойчивое восприятие мусульман как террористов. В 2018 году К.А. Пауэлл проанализировал материалы СМИ, освещавшие террористические события 2011–2016 годов: выяснилось, что американские СМИ репрезентируют внутренний терроризм как отдельные случаи, связанные с проблемными личностями, а «исламский» терроризм — как масштабную проблему, исходящую от мусульман (граждан США), связанных с международными террористическими группировками [44]. Подобный медийный фрейминг подпитывает антимусульманские настроения и влияет на принятие политических решений и отношения США с исламскими странами, особенно после терактов 11 сентября: как правило, террористы-мусульмане представлены иначе, чем немусульмане, что усиливает страх перед «другими» после каждого теракта. Причем глобальное доминирование американских СМИ усиливает влияние этого фрейма на международные отношения с исламскими странами.

Л. Райан использовала идеи Гофмана в изучении социальной изоляции и коллективной стигматизации на примере мусульманских женщин (идентичность и переживание антимусульманских стереотипов [48. С. 1045–1061]). Райан использовала не концепцию фрейма, а не менее известную категорию Гофмана «стигма», но его интеллектуальное наследие в отношении функционирования общества на уровне повседневности следует воспринимать как единую «оптику». Так, стигма — специфический тип отношений между качеством и стереотипом [39. С. 14], поэтому увеличение дистанции между «нормой» и «не нормой» приводит к стигматизации определенных групп. «Нормальность» конструируется в контексте социальных ограничений, в том числе репрезентируемых в СМИ. Обращаясь к драматургической концепции Гофмана и его работе «Представление себя другим», в которой говорится о преодолении стигматизации посредством сигналов, подаваемых через внешний вид и поведение, Райан отмечает, что те, кто испытывает коллективную стигматизацию, часто пытаются что-то сделать в этой ситуации, например, показать, что «ты не террорист», совершая социально одобряемые

действия и тем самым представляя не только себя, но и мусульман в целом в положительном свете [48. С. 1054]. Одна информантка отказалась носить хиджаб в Лондоне, но при этом сталкивалась с непониманием со стороны мусульман. В данной ситуации можно наблюдать конфликт фреймов и выбор светского внешнего вида для снижения негативного восприятия со стороны нерелигиозной части общества.

Исследования СМИ исходят из положения, что СМИ формируют некую готовую картинку (фрейм), которую аудитория «потребляет», осваивает и распространяет. В «аудиторию» включены не только широкие массы, но и политики, общественные деятели, активисты — те, кто принимает решения, по каким правилам будет жить общество. Поэтому важен контроль тех фреймов, которые формируются и транслируются СМИ как некие жесткие готовые конструкции, результаты некоего линейного процесса (формирование и потребление), в котором нет места для личной активности. М.Л. Вуд с соавторами критически осмысляют работы предшественников, посвященные фрейм-анализу [56. С. 244–261]: по их мнению, изначально «фрейм» использовали как «схему интерпретаций», когнитивный объект, которым обладает субъект и с помощью которого индивиды маркируют события в пределах своего жизненного мира [38; 48; 51]. Затем ряд исследователей перенесли акцент на взаимодействие, и фрейм стал пониматься как общее определение ситуации, возникающее в конкретном социальном взаимодействии [31; 37; 52]. В других работах эти два подхода к пониманию фрейма были объединены: фрейм — контекст общего значения, в рамках которого социальные акторы интерпретируют действие, т.е. фрейм обеспечивает интерпретирующую основу [32].

Вуд с соавторами пошли по пути детализации и реинтерпретации фрейм-анализа, выделив следующие элементы [56]: схема, схема-образ, базовая схема, фрейм, фрейминг, модель фрейма и формирование модели фрейма. Личность обладает «схемой» — гибкой системой памяти, приобретаемой и обновляемой в течение жизни. Схема-образ — самая простая схема, хранящаяся в долговременной памяти и возникшая в результате многократного использования эмпирических шаблонов. Базовая схема — более сложная, сформирована под влиянием культуры и применяется для организации общественной жизни. Фрейм — ситуативная совокупность материальных объектов (общественная культура), которые активируют систему схем на уровне индивида. Фрейминг — построение фрейма в ситуации. Модель фрейма — набор видимых и невидимых способностей индивида, основанных на схемах для воссоздания фрейма. В своей декларативной форме модели фреймов могут быть обнародованы в устной, визуальной форме или в виде набора инструкций. Моделирование фрейма — автоматическое или целенаправленное создание модели фрейма. Иными словами, фрейм есть совокупность материальных объектов жизненного мира (предметы, тела, звуки, разговоры, запахи

и т.д.), т.е. все осязаемое окружение за исключением усвоенных форм культуры (ожидания, предвосхищения, интерпретации) [56. С. 250]. Вуд с коллегами детализируют процесс формирования фреймов, разделяя индивидуальное (схема) и коллективно-внешнее (фрейм), но подобные трактовки ограниченно применяются в полевых исследованиях — чаще используются лишь базовые концепты теории Гофмана.

В работах Гофмана мало внимания уделяется религии и религиозности, но эти темы поднимаются в работах социологов, вдохновленных его теоретическим наследием. И. Фурсет и П. Репстад обосновывают применение фрейм-теории Гофмана в изучении религиозной среды (например, поведения религиозных лидеров перед аудиторией), контроля религиозных рамок интерпретации событий (в частности, маловероятность того, что кто-то может быть религиозно активен в режиме «24 на 7») [36. С. 27]. Идеи работы Гофмана «Тотальные институты» могут лечь в основу анализа закрытых религиозных систем и способов, которыми люди выражают несогласие в условиях сильного социального контроля, а идеи работы «Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью» — в основу исследований религиозных меньшинств.

Дж. Парк отрицает возможность «объяснить» религию, но убежден в возможности ее «понять» с помощью аналитических моделей. Используя фрейм-анализ, он предлагает три такие модели (фрейма) — проторелигия, анимизм и деизм [42. С. 254] — как идеальные типы, которые призваны помочь найти и распознать религиозные рамки, определяющие конкретные действия в сообществах. Парк отмечает соотнесенность фреймов культуры и ситуации в контексте этой культуры. На примерах антропологических и этнологических исследований он показывает, как использование фреймов в анализе ритуалов и обрядов позволяет понять смыслы, заложенные в культуре и недоступные внешним наблюдателям. Применяя метафору Гофмана «игра в доверие», Парк выявляет следующую особенность: религия всегда формирует у верующих парадоксальный взгляд на реальность, где мир материальный, мир «здравого смысла» не первичен [42. С. 238] — первичным фреймом выступает сверхъестественный мир богов и духов, божественных установлений. В такой системе взглядов священнослужители являются «союзниками» высших сил, предлагая верующим религиозное обращение и соблюдение религиозных предписаний в качестве ключа переключения между фреймами. Верующие, принявшие религиозный фрейм как первичный, становятся его ортодоксальными сторонниками, стараются жить в строгом соответствии с предложенными нормами. Данная группа «фундаменталистов» представляет меньшинство, большинство же верующих живут в соответствии со своей интерпретации религии, и таковых стало особенно много в современном обществе. Согласно Парку, их можно назвать представителями «народной религии» [42. С. 273] — они обраща-

ются к религиозным институтам лишь эпизодически, как правило, для выполнения обрядов и «консультаций».

Такая ситуация возникла не в современном мире, но в ходе эволюции религии она последовательно политизировалась за счет формирования института церкви как органа власти, расширения влияния религиозных норм на все сферы жизнедеятельности (монополизация «стиля жизни») и появление доктрины предопределения (фатализм и покорность судьбе). Однако вместе утверждения единообразия в ходе модернизации общества активизировалось индивидуальное самосознание, которое освободило людей от чувства социальной детерминированности, навязанного докапиталистическим обществом. Религия индивидуализировалась, стала частью личной идентичности.

Религия никогда не представляла собой единый институт — это структура рамок, множество социально сконструированных реальностей, связанных сдерживающими факторами, особая сфера, формально отделенная от повседневной жизни. Нарушение рамок строго табуировано, погружение исполнителя в рамки священного обряда или церемонии санкционировано тщательно продуманными трансформациями личности. При этом религиозный опыт носит эпизодический характер, но благодаря разным жизненным обстоятельствам религия может стать характерной чертой нашей индивидуальности. Хотя исследователи отмечают, что религия — это устойчивая, неэпизодическая социальная конструкция, необходимо четко представлять, как индивидуальные и социальные факты, рамки, эпизоды и институты сочетаются в повседневной жизни.

Исследования религии с точки зрения «религиозности» (оценки регулярности религиозных практик и обрядов и их присутствия в религиозных институтах) не дают ответа на вопрос о месте религии в современном обществе. Н.Т. Аммерман полагает, что необходимо искать «новые места» религии, чтобы определить ее влияние на человека и общество, поэтому обращается к категории «живая религия» как инструменту выхода из тупика, порожденного провалом теорий секуляризации. Аммерман отмечает несостоятельность представлений, что религия обречена на исчезновение — в мире слишком много серьезных, хорошо образованных, экономически благополучных, вовлеченных в гражданскую жизнь религиозных людей. Нет сомнений в том, что природа и роль религии изменились, но и основополагающие «мифы» социальной науки исчерпали себя [30. С. 5]. Сегодня религия — это определенная сила и ресурс, и определение ее нового места (слияние индивидуального и социального в повседневности) становится одной из основных задач исследователей религии.

Аммерман не постулирует основой своей методологии концептуальное наследие Гофмана, однако то, каким образом сформулирован исследовательский вопрос, теоретические и методологические принципы работы, говорит о применении фрейм-анализа. Например, Аммерман отмечает, что современ-

ные общества сложны, сферы деятельности специализированы и относительно обособлены, и люди переносят рамки, ожидания и практику одной сферы жизни в другую, сообщества часто учатся друг у друга [30. С. 6]. Сегодня религия не имеет четких, непроницаемых границ, и в зависимости от конкретных условий человек может активизировать свою религиозную идентичность или выключать ее и использовать иные статусы. Иными словами, религиозная идентичность не является эссенциалистской социальной категорией — идентичности всегда многоуровневые и пересекающиеся (например, женщина, американка, дочь, мать, жена, профессор, бейсбольная фанатка, баптистка определенного толка и т.д.), поэтому в любом взаимодействии присутствует некоторая комбинация идентичностей, влияющая на поступки индивида, причем то, какие «нарративы» задействованы, зависит от конкретной «аудитории».

Аммерман говорит о необходимости отхода от понимания религиозной идентичности с точки зрения «все или ничего»: не следует оценивать, религиозен человек или нет, духовно его действие или нет, священное это пространство или мирское, потому что всегда присутствует некоторое сочетание религиозного и светского. Для подтверждения используется «метод историй», которые разыгрываются во всех сферах жизни. Рассмотрение религиозных практик в повествованиях предоставляет новую перспективу для понимания потенциала религии в разных контекстах, где люди упорядочивают свой мир с помощью историй. Личные или коллективные религиозные истории все чаще признаются важными объектами анализа, поскольку существуют на стыке личного и общественного. Некоторые нарративы становятся тщательно продуманными общественными мифами (например, истории основания религиозной традиции), а другие функционируют как метанарративы, имплицитно формирующие наши представления о прошлом и будущем. Люди делятся индивидуальными жизненными историями, определяющими внутренние сценарии и переплетающимися с историями, которыми делятся публично. Эти истории содержат воспоминания о том, «как я всегда себя веду», и в то же время конструируют общие ситуативные нарративы о том, «как ведут себя такие люди, как мы» [30. С. 8]. Систематически изучая истории о повседневной жизни, мы можем проследить закономерности присутствия/отсутствия религии в социальном мире [30. С. 9–10].

Аммерман подвергает критике изучение религиозности посредством вопросов «Как давно вы являетесь членом религиозной общины?», «Во что вы верите в отношении Бога и спасения?», поскольку людям трудно сформулировать свои убеждения. Взамен он предлагает следующую исследовательскую тактику: сначала первая ознакомительная встреча с информантами для налаживания коммуникации — исчерпывающие вопросы о жизненном пути и небольшие рассказы о конкретных событиях и эпизодах истории жизни. Люди, для которых религия была относительно чуждой или антагонистиче-

ской областью, часто терялись, а другие рассказали стройные религиозные истории, отражающие их опыт работы и жизни в общинах, где религия была частью повседневности. Второй методологический ход — работа с личными фотографиями информантов, чтобы понять практики повседневной жизни через конкретные места: во время фотоинтервью участников просили пролистать свои фотографии и упорядочить их по смыслу (тематически, хронологически, географически, реляционно и т.д.), описывая, что происходит в сфотографированных ими местах, объясняя, почему они считают это место важным, причем интервьюеры поощряли скорее конкретные истории, чем обобщения. После обсуждения фотографий интервьюеры предлагали участникам рассказать о том, какие фотографии они хотели бы сделать, но по какой-либо причине не сделали, чтобы «увидеть» пространства, которые не попали в фокус исследования. Третья часть исследования — ежедневные аудиозаписи информантов: участники записывали на диктофон по 5–15 минут историй каждый день, самостоятельно выбирая, что и когда фиксировать, но на основе набора предложений о том, какие истории они могли бы рассказать. Эти данные позволили узнать больше о работе, домашнем хозяйстве и досуге информантов, лучше увидеть пространство и время проявления духовных и нерелигиозных аспектов жизни.

Результатом исследования стало выявление наиболее распространенных повседневных практик: молитвы, чтение священных текстов, физические упражнения, медитации, прослушивание музыки, чтение художественной литературы, благотворительность и т.д. Другим предметом исследования стало то, как религиозные сообщества представляют время и место ощущения людьми связи с божественным — оказалось, что это не потусторонние священные убежища, а локации, в которых мирские заботы свободно смешиваются с духовными. Исследователи пришли к выводу, что активные участники религиозной жизни отличаются от тех, кто слабо связан с религиозными общинами, а люди, принадлежащие к разным религиозным традициям, отличаются моделями включения духовности в свою повседневную жизнь. Организованная религия имеет значение, даже если речь идет об индивидуальной духовности. Семейная жизнь рассматривается как частная, поэтому с большей вероятностью становится сакрализированным пространством, чем другие сферы повседневной жизни (относительная свобода вести или отказываться от религиозной жизни). Соответственно, необходимо отказа от попыток провести границы между индивидуальным и общественным, духовностью и религией. Используя модель сакрального сознания, которая не принуждает респондентов к ответам «или-или», можно обнаружить религиозные проявления в местах и ситуациях, традиционно считающихся светскими [30. С. 289].

П. Йоссе, основываясь на социальной драматургии Гофмана, исследует динамику представления харизматичного «я» в повседневной жизни на при-

мере религиозного проповедника Дж. Рюйтера [40. С. 174–199], в частности, отмечая несоответствие между его харизматическими и нехаризматическими ролями, особенно между образом «живого воплощения истины» и образом «обычного парня» «за кулисами». Эмпирическую базу исследования составили высказывания тех, кто разочаровался в религиозном лидере (контркультурное движение), что позволило выявить третий слой в образах харизматического лидера — мнение контркультуры, а также четвертый слой — критика лидера со стороны тех, кто не имел отношения к религиозному культу. По мнению Йоссе, включение в анализ харизмы факторов «повседневного» и «экстраординарного» (по Гофману) расширяет наши исследовательские возможности, тогда как фокус на девиантности как основном факторе харизматического разочарования невольно поддерживает моралистическое и неполное понимание харизмы.

Отечественные исследования религии в рамках фрейм-анализа

В отечественной традиции интерес к теории Гофмана возрос после публикации перевода его работы «Анализ фреймов» на русский язык под редакцией Г.С. Батыгина [5; 19], а вступительная статья последнего — одно из самых развернутых теоретических осмыслений идей Гофмана [1; см. также: 8; 12; 21; 22]. Отсылки к фрейм-анализу можно встретить и в работах по политической социологии, например, применительно к изучению выборов [6], биографий в качестве выражения интерпретируемых жизненных историй [18], технологий фреймирования и рефрейминга в период нынешних «революций» [4; 7]. В.А. Ядов отмечал ограничения подходов У. Томаса, Ф. Знанецкого и П. Бурдье, раскрывая потенциал фрейма в рамках концепции «человека действующего» [25]. Полагая, что «микроанализ адаптивного поведения», в котором ситуация рассматривается в краткосрочном масштабе «здесь и сейчас», не всегда полезен в исследовательской работе, Ядов с коллегами намечал перспективы фрейм-анализа применительно к непрерывному потоку микро-ситуаций повседневной жизни, в частности, опираясь на положения О.Н. Яницкого о потенциале фрейм-анализа в различных исследовательских направлениях [27]. Ядов с коллегами использовал фрейм-анализ в масштабном эмпирическом исследовании практик россиян, кардинально поменявших свои жизненные траектории в необычных нестабильных обстоятельствах (челноки 1990-х годов, гражданские активисты, фермеры из числа бывших колхозников, участники забастовки на АвтоВАЗе в 2007 году и др.) [26].

Как правило, отечественные авторы применяют фрейм-анализ для оценки соотношения социального и индивидуального как основы любого взаимодействия, например, в психологии изучаются особенности социальных конструкций, формирующих коммуникационные особенности коллективного субъекта [11]. Наиболее интересны немногочисленные работы, посвя-

щенные религиозным фреймам. Так, Е.А. Семухина и С.В. Шиндель рассматривают фрейм греха [20] с позиций лингвистической теории М. Минского: важнейшим «слотом» фреймовой структуры, соотносимой с понятием греха, они считают «качество, свойственное человеку» («грехопадение» и «первородный грех»), «основание для наказания», «враг», «зло, нечистая сила», «болезнь», «лечение», «ошибка», «беда/несчастье»). Теорию Минского использует и В.Б. Устиненко для создания систем показателей — маркеров — для объективной оценки религиозной ситуации и прогнозирования [23]: описан доктринальный фрейм межконфессиональных отношений, который состоит из таких «слотов», как «священное писание», «интерпретация» и «символ веры», в контексте эффективного функционирования государства и религиозных институтов.

В исследованиях идентичности фрейм часто используется для демонстрации его ситуативности и выбираемости [16] — фрейм рассматривается как один из механизмов конструирования окружающего мира, который необходимо расширить, так как в процессе конструирования жизненной траектории нужно оставлять место для индивидуальной настройки. Для этого, при сохранении ядра трактовки фрейма, концепция дополняется феноменологическими установками А. Щюца, в частности категорией жизненного мира [10]. Конструирование жизненного мира предполагает не только заданную онтологическую структуру, но и рациональный выбор, потребностно-мотивационные и эмоциональные установки личности. Таким образом, фрейм определяется как когнитивная структура, которая включает в себя взаимосвязанные с помощью универсальных логических операций понятия, объединенные в различные коды и помогающие анализировать информацию из окружающего мира. Аналогия фрейма — многогранная призма в индивидуальном сознании, через которую субъект воспринимает реальность. Опираясь на работы Дж. Келли и Ж.К. Абрика, исследователи выделяют в структуре фрейма «центральное ядро» и «периферию», где ядро — аналог коллективной памяти, а периферия — индивидуального опыта. Так фрейм становится категорией, которая соединяет в себе индивидуальное и групповое, обусловленное контекстом.

В.Г. Немировский рассматривает фреймы смерти как сложные иерархические феномены, манифестированные в массовом сознании с учетом их латентной основы в бессознательном [15]. Автор исходит из того, что фрейм смерти сочетает в себе характеристики природного и социального классов первичных фреймов. Обращение к первичным фреймам — отличительная черта фрейм-анализа в исследовании религиозности на двух уровнях: 1) массовое сознание, представленное в социальных стереотипах; 2) массовое бессознательное, отраженное в реальном поведении. Были выделены шесть характерных фреймов смерти: социальный (социально-творческий, социально-демографический); религиозный (христианский, буддистский);

фреймы, отвергающие посмертное существование (нигилистический, потребительский). Один из важных элементов фрейма смерти — религиозность, поэтому согласно гипотезе исследования верующий человек иначе относится к смерти и бессмертию, нежели неверующий.

Социально-психологический аспект теории фреймов представлен в работе М.Н. Красильниковой [13] с религиозным, межрелигиозным, цивилизационным и этнокультурным фреймами. Отправная точка исследования — взгляд на «взаимоотношения, строящиеся на основе религиозных представлений либо регулируемые конкретным отношением к религии», и на примере девушки в хиджабе, идущей по улице, автор демонстрирует наличие религиозного фрейма. Автор считает, что фреймы разных уровней имеют разную способность к изменениям: так, при личном взаимодействии фрейм религии может быть задвинут на второй план, уступив место фрейму дружбы, но на общественном уровне фреймовые структуры менее гибки и изменчивы, поэтому реализуются устойчивые сценарии, привычные для конкретного общества. Религиозный (корпоративный) фрейм не выходит за рамки конфессии, и она выступает контекстом распознавания ситуации. Важно отслеживать и взаимодействие фреймов: например, поле взаимодействия христианства и ислама формирует межрелигиозный фрейм; цивилизационный фрейм включает в себя не только предыдущее взаимодействие двух религий, но и взаимодействие общества и государства, вопросы секулярности. Эти три фрейма (религиозный, межрелигиозный и цивилизационный) формируют иерархическую структуру взаимодействия религии и окружения, а четвертый — этнокультурный — фрейм, не будучи чисто религиозным, играет важную роль в повседневном взаимодействии, в том числе религиозном. В целом Красильникова уделяет больше внимания самому феномену межрелигиозного фрейма, чем его внутренней структуре и проекции конкретного взаимодействия через указанный фрейм. Тем не менее, в отечественном научном дискурсе ее работа — одна из самых актуальных с точки зрения подходов к изучению религии.

Анализ теоретических и эмпирических работ позволяет определить потенциал категории фрейма в исследованиях религии. Понимание фреймов как единиц жизненного мира человека в многообразии культурных форм расширяет и углубляет полевые исследования повседневности верующих. Фрейм может выступать точкой, в которой соединяются индивидуальное и социальное — личное восприятие человека, построенное на его психологических особенностях, пересекается с социокультурным и ситуативным контекстами. Подобные исследования требуют тщательной методологической проработки: разработки терминологического аппарата, определения

структуры фреймов, соотнесения теоретических моделей с первичными эмпирическими данными и их корректировки с учетом религиозных и культурных особенностей.

Библиографический список

1. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2001. № 2.
2. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2003.
3. Бейтсон Г. Экология разума (избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии). М., 2000.
4. Василькова В.В., Чангян А.А. Фреймирование в политической деятельности: от Майдана к Евромайдану // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 3.
5. Вахштайн В.С. Книга о «реальности» социальной реальности // Социологический журнал. 2004. № 3/4.
6. Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб., 2011.
7. Вережагин О.А., Белова Н.Е. Фрейм аналитика: опыт эпистемологического исследования // Ученые записки ОрГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6.
8. Глазков К.П. Игровая концепция повседневности И. Гофмана: между символическим интеракционизмом и этнометодологией // Социологическое обозрение. 2016. № 2.
9. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
10. Зелетдинова Э.А., Руденко М.Н., Гайнутдинова Е.В., Дьякова В.В. Фрейм-анализ реальности и проблема идентичности // Общество: философия, история, культура. 2019. № 10.
11. Квита Г.Н., Ваньков С.П., Сваровская Е.Б. Механизмы социальной коммуникации в концепции И. Гофмана // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4.
12. Кравченко Е.И. Эрвин Гоффман. Социология лицедейства. М., 1997.
13. Красильникова М.Н. Теория фреймов как метод современного религиоведения: межрелигиозный фрейм и проблема социального признания мусульман в немусульманских обществах // Studia Religiosa Rossica. 2021. № 4.
14. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.
15. Немировский В.Г. Фреймы смерти в массовом сознании сибиряков: структура и динамика (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 1995–2010 гг.) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 2.
16. Немчина В.И. Фреймы воспроизводства коллективных идентичностей // Социально-гуманитарное знание. 2013. № 7.
17. Обухова Е.С. Место фрейм-анализа И. Гофмана в социологической теории // XVII Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52032/1/klo_2014_127.pdf.
18. Плотицкина Н.В. Биографический метод в политической социологии повседневности // Вестник ТГУ. 2013. № 373.
19. Rogozin D.M. Антифеноменологический проект Ирвинга Гофмана // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3.
20. Семухина Е.А., Шиндель С.В. Фреймовый подход к изучению культурных феноменов // Культура и искусство. 2021. № 8.
21. Спиркина А.К. Игра в «молчанку» как форма социального взаимодействия // Социологические исследования. 2023. № 7.
22. Сухонослова С.В. Теория фреймов: возможности исследования повседневности // Человек в мире культуры. 2012. № 2.

23. Устиненко В.Б. Представление религиозных знаний в виде фреймов с целью создания сетевых моделей принятия решений // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2006. Т. 24. № 1–2.
24. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные процессы. М., 1988.
25. Ядов В.А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана (по следам дискуссий при разработке исследовательского проекта) // URL: https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=469#5.
26. Ядов В.А. (ред.) Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев. М., 2010.
27. Яницкий О.Н. Социальные движения и теория фрейминга // URL: https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=464.
28. Abrutyn S., Van Ness J., Taylor M.A. Collective action and cultural change: Revisiting Eisenstadt's evolutionary theory // *Journal of Classical Sociology*. 2016. Vol. 16. No. 4.
29. Allen L.D. Promise keepers and racism: Frame resonance as an indicator of organizational vitality // *Sociology of Religion*. 2000. Vol. 61. No. 1.
30. Ammerman N.T. *Sacred Stories, Spiritual Tribes. Finding Religion in Everyday Life*. Oxford University Press, 2014.
31. Benford R.D., Snow D.A. Framing processes and social movements: An overview and assessment // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26.
32. Brekhuis W.H. *Culture and Cognition: Patterns in the Social Construction of Reality*. Polity, 2015.
33. Entman R.M. How the media affects what people think: An information processing approach // *Journal of Politics*. 1989. Vol. 51. No. 2.
34. Entman R.M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43. No. 4.
35. Feagin J.R. *The White Racial Frame: Centuries of Racial Framing and Counter-Framing*. Routledge, 2013.
36. Furseth I., Repstad P. *Modern Sociologists on Society and Religion*. Routledge, 2021.
37. Gamson W.A., Modigliani A. Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructionist approach // *American Journal of Sociology*. 1989. Vol. 95. No. 1.
38. Gitlin T. *The Whole World is Watching: Mass Media in the Making and Unmaking of the New Left*. University of California Press, 2003.
39. Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Prentice-Hall, 1963.
40. Joosse P. The presentation of the charismatic self in everyday life // *Sociology of Religion*. 2012. Vol. 73. No. 2.
41. Oliver P., Johnston H. What a good idea! Ideologies and frames in social movement research // *Mobilization*. 2000. Vol. 5. No. 1.
42. Park G. Making sense of religion by direct observation: An application of frame analysis // Riggins S.H. (Ed.) *Beyond Goffman: Studies on Communication, Institution, and Social Interaction*. Mouton de Gruyter, 1990.
43. Poole E. *Reporting Islam: Media Representations of British Muslims*. I.B. Tauris, 2002.
44. Powell K.A. Framing Islam/creating fear: An analysis of U.S. media coverage of terrorism from 2011 to 2016 // *Religions*. 2018. Vol. 9. No. 9.
45. Powell K.A. Framing Islam: An analysis of media coverage of terrorism since 9/11 // *Communication Studies*. 2011. Vol. 62.
46. Rahman S., Qamar A. Islamophobia and media: The framing of Muslims and Islam in international media // *Journal of Peace Development & Communication*. 2017. Vol. 1. No. 2.
47. Riggins S.H. (Ed.) *Beyond Goffman: Studies on Communication, Institution, and Social Interaction*. Mouton de Gruyter, 1990.
48. Ryan L. Muslim women negotiating collective stigmatization: "We're just normal people" // *Sociology*. 2011. Vol. 45. No. 6.

49. *Scheff T.J.* The structure of context: Deciphering “frame analysis” // *Sociological Theory*. 2005. Vol. 23. No. 4.
50. *Scott D.* The paradox of progressive education: A frame analysis // *Sociology of Education*. 2002. Vol. 75. No. 4.
51. *Snow D.A., Rochford E.B., Worden S.K., Benford R.D.* Frame alignment processes, micro-mobilization, and movement participation // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. No. 4.
52. *Tannen D., Wallat C.* Interactive frames and knowledge schemas in interaction: Examples from a medical examination/interview // *American Sociological Association*. 1987. Vol. 50. No. 2.
53. *Tarin Sanz A.* The ethnic Russian as an enemy of Islam: Frame analysis of the Kavkaz Center News Agency (2001–2004) // *Civil Wars*. 2017. Vol. 19.
54. *Taylor M.A., Rambo C.* White shame, white pride: Emotional cultures, feeling rules, and emotion exemplars in white supremacist movement music // *International Journal of Crime, Criminal Justice and Law*. 2013. Vol. 8. No. 1–2.
55. *Trevino A.J.* (Ed.) *Goffman’s Legacy*. Rowman & Littlefield, 2003.
56. *Wood M.L., Stoltz D.S., Van Ness J., Marshall A.T.* Schemas and frames // *Sociological Theory*. 2018. Vol. 36. No. 3.
57. *Young A.A.* New life for an old concept: Frame analysis and the reinvigoration of studies in culture and poverty // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2010. Vol. 629. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-136-152

EDN: DWDNYL

Experience and prospects for frame analysis in religious studies*

M.R. Gibadullina

Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Levo-Bulachnaya St., 36a, Kazan, 420111, Russia

(e-mail: g.milya@mail.ru)

Abstract. The concept of frames by I. Goffman is actively used in studies of religion and religiosity in foreign sociology and social-cultural anthropology. Particularly numerous are studies of media frames assimilated by society and influencing the adoption of management decisions at the state level. A small part of studies concerns religious everyday life and the image of religion in the mass consciousness. Researchers not only use Goffman’s concept of frame but also the methodological principles of his other works (the concepts of stigma, everyday interaction, presentation of oneself to others), which proves the heuristic potential of Goffman’s intellectual heritage provided its comprehensive perception. Russian researchers also refer to Goffman’s frame analysis, but such works of Russian authors are not numerous or diverse. These are mainly projects in the field of social policy and linguistics, while studies in sociology of religion and religious studies based on frame analysis are quite rare in the Russian scientific discourse. Most of them are

*© M.R. Gibadullina, 2025

The article was submitted on 26.08.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

theoretical in nature and, as a rule, use the terminological apparatus of the frame concept rather than its methodology. The author's analysis of theoretical and empirical works using the ideas of frame analysis shows the possibilities of the concept of frames in religious studies. The feature of the research based on this scientific category is the need for a detailed elaboration of the methodological part of each specific study to adequately reflect the specifics of the chosen disciplinary/subject field.

Key words: frame; frame analysis; Erving Goffman; religion; religious daily life; religious frame; frame of religion

For citation: Gibadullina M.R. Experience and prospects for frame analysis in religious studies. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 136–152. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-136-152>

References

1. Batygin G.S. Kontinuum frejmov: dramaturgichesky realizm Ervinga Goffmana [Continuum of frames: Dramatic realism of Erving Goffman]. *RUDN Journal of Sociology*. 2001; 2. (In Russ.).
2. Batygin G.S. (Ed.) Kontinuum frejmov: sotsiologicheskaja teorija Ervinga Goffmana [Continuum of frames: Sociological theory of Erving Goffman]. Goffman E. *Analiz frejmov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta*. Moscow; 2003. (In Russ.).
3. Bateson G. *Ekologija razuma (Izbrannye statyi po antropologii, psikhologii i epistemologii)* [Steps to an Ecology of Mind (Selected Articles on Anthropology, Psychology and Epistemology)]. Moscow; 2000. (In Russ.).
4. Vasilkova V.V., Changyan A.A. Frejmirovanie v politicheskoy dejatel'nosti: ot Maidana k Evromaidanu [Framing in the political activity: From Maidan to Euromaidan]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2015; 18 (3). (In Russ.).
5. Vakhshstein V.S. Kniga o "realnosti" sotsialnoj realnosti [A book about the "reality" of social reality]. *Sotsiologicheskij Zhurnal*. 2004; 3–4. (In Russ.).
6. Vakhshstein V.S. *Sotsiologija povsednevnosti i teorija frejmov* [Sociology of Everyday Life and Frame Theory]. Saint Petersburg; 2011. (In Russ.).
7. Vereshchagin O.A., Belova N.E. Frejm analitika: opyt epistemologicheskogo issledovaniya [Frame analytics: An epistemological study]. *Uchenye Zapiski OrGU. Seriya: Gumanitarnye i Sotsialnye Nauki*. 2015; 6. (In Russ.).
8. Glazkov K.P. Igrovaja kontseptsija povsednevnosti E. Goffmana: mezhdru simvolicheskim interaktsionizmom i etnometodologiej [Goffman's game concept of everyday life: Between symbolic interactionism and ethnomethodology]. *Russian Sociological Review*. 2016; 2. (In Russ.).
9. Goffman E. *Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow; 2000. (In Russ.).
10. Zeletdinova E.A., Rudenko M.N., Gajnutdinova E.V., Dyakova V.V. Frejm-analiz realnosti i problema identichnosti [Frame analysis of reality and the problem of identity]. *Obshchestvo: Filosofiya, Istorija, Kultura*. 2019; 10. (In Russ.).
11. Kvita G.N., Vankov S.P., Svarovskaya E.B. Mekhanizmy sotsialnoj kommunikatsii v konceptsii E. Goffmana [Mechanisms of social communication in E. Goffman's concept]. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*. 2017; 4. (In Russ.).
12. Kravchenko E.I. *Erving Goffman. Sotsiologija litsedejstva* [Erving Goffman. Sociology of Acting]. Moscow; 1997. (In Russ.).
13. Krasilnikova M.N. Teorija frejmov kak metod sovremennogo religiovedeniya: mezhreligiozny frejm i problema sotsialnogo priznaniya musulman v nemusul'manskij obshchestvakh [Theory of frames as a method of contemporary religious studies: Interreligious frame and social recognition of Muslims in non-Muslim societies]. *Studia Religiosa Rossica*. 2021; 4. (In Russ.).
14. Minsky M. *Frejmy dlja predstavleniya znanij* [Frames for Representing Knowledge]. Moscow; 1979. (In Russ.).

15. Nemirovsky V.G. Frejmy smerti v massovom soznanii sibiryakov: struktura i dinamika (na materialah sotsiologicheskikh issledovanij v Krasnojarskom krae i Respublike Khakasija v 1995–2010 gg.) [Death frames in the mass consciousness of Siberians: Structure and dynamics (based on sociological studies in the Krasnoyarsk Region and the Republic of Khakassia in 1995–2010)]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2011; 2. (In Russ.).
16. Nemchina V.I. Frejmy vosproizvodstva kollektivnykh identichnostej [Frames for reproducing collective identities]. *Sotsialno-Gumanitarnoe Znanie*. 2013; 7. (In Russ.).
17. Obukhova E.S. Mesto frejm-analiza E. Goffmana v sotsiologicheskoy teorii [The place of E. Goffman's frame analysis in sociological theory]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati professora L.N. Kogana "Kultura, lichnost, obshchestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya"*. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52032/1/klo_2014_127.pdf. (In Russ.).
18. Plotichkina N.V. Biografichesky metod v politicheskoy sotsiologii povsednevnosti [Biographical method in the political sociology of everyday life]. *Vestnik TGU*. 2013; 373. (In Russ.).
19. Rogozin D.M. Antifenomenologicheskyy proekt Ervinga Goffmana [Erving Goffman's antiphenomenological project]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2005; 3. (In Russ.).
20. Semukhina E.A., Shindel S.V. Frejmovy podkhod k izucheniju kulturnykh fenomenov [A frame approach to the study of cultural phenomena]. *Kultura i Iskusstvo*. 2021; 8. (In Russ.).
21. Spirikina A.K. Igra v "molchanku" kak forma sotsialnogo vzaimodejstviya [The game of "silence" as a form of social interaction]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2023; 7. (In Russ.).
22. Sukhonosova S.V. Teorija frejmov: vozmozhnosti issledovaniya povsednevnosti [Theory of frames: Possibilities for the study of everyday life]. *Chelovek v Mire Kultury*. 2012; 2. (In Russ.).
23. Ustinenko V.B. Predstavlenie religiovedcheskikh znaniy v vide frejmov s tselkiju sozdaniya setevykh modelej prinjatija reshenij [Presentation of religious knowledge as frames for creating network models of decision-making]. *Gosudarstvo, Religiya, Tserkov v Rossii i Za Rubezhom*. 2006; 1–2. (In Russ.).
24. Fillmore C. Frejmy i semantika ponimaniya [Frames and the semantics of understanding]. *Novoe v Zarubezhnoy Lingvistike*. 1988; 23. (In Russ.).
25. Yadov V.A. Popytka pereosmyslit kontseptsiju frejmov Ervinga Goffmana (po sledam diskussij pri razrabotke issledovatel'skogo proekta) [An attempt to rethink the frame concept of Erving Goffman (following the discussions during the development of the research project)]. URL: https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=469#5. (In Russ.).
26. Yadov V.A. (Ed.) *Kak ljudi delajut sebja. Obychnye rossijane v neobychnnykh obstojatelstvakh: kontseptualnoe osmyslenie vosmi nabljudavshchikhsja sluchaev* [How People Make Themselves. Ordinary Russians in Unusual Circumstances: A Conceptual Understanding of Eight Observed Cases]. Moscow; 2010. (In Russ.).
27. Yanitsky O.N. Sotsialnye dvizheniya i teorija frejminga [Social movements and frame theory]. URL: https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=464. (In Russ.).
28. Abrutyn S., Van Ness J., Taylor M.A. Collective action and cultural change: Revisiting Eisenstadt's evolutionary theory. *Journal of Classical Sociology*. 2016; 16 (4).
29. Allen L.D. Promise keepers and racism: Frame resonance as an indicator of organizational vitality. *Sociology of Religion*. 2000; 61 (1).
30. Ammerman N.T. *Sacred Stories, Spiritual Tribes. Finding Religion in Everyday Life*. Oxford University Press; 2014.
31. Benford R.D., Snow D.A. Framing processes and social movements: An overview and assessment. *Annual Review of Sociology*. 2000; 26.
32. Brekhuis W.H. *Culture and Cognition: Patterns in the Social Construction of Reality*. Polity; 2015.

33. Entman R.M. How the media affects what people think: An information processing approach. *Journal of Politics*. 1989; 51 (2).
34. Entman R.M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*. 1993; 43 (4).
35. Feagin J.R. *The White Racial Frame: Centuries of Racial Framing and Counter-Framing*. Routledge; 2013.
36. Furseth I., Repstad P. *Modern Sociologists on Society and Religion*. Routledge; 2021.
37. Gamson W.A., Modigliani A. Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructionist approach. *American Journal of Sociology*. 1989; 95 (1).
38. Gitlin T. *The Whole World is Watching: Mass Media in the Making and Unmaking of the New Left*. University of California Press; 2003.
39. Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Prentice-Hall; 1963.
40. Joosse P. The presentation of the charismatic self in everyday life. *Sociology of Religion*. 2012; 73 (2).
41. Oliver P., Johnston H. What a good idea! Ideologies and frames in social movement research. *Mobilization*. 2000; 5 (1).
42. Park G. Making sense of religion by direct observation: An application of frame analysis. Riggins S.H. (Ed.) *Beyond Goffman: Studies on Communication, Institution, and Social Interaction*. Mouton de Gruyter; 1990.
43. Poole E. *Reporting Islam: Media Representations of British Muslims*. I.B. Tauris; 2002.
44. Powell K.A. Framing Islam/creating fear: An analysis of U.S. media coverage of terrorism from 2011 to 2016. *Religions*. 2018; 9 (9).
45. Powell K.A. Framing Islam: An analysis of media coverage of terrorism since 9/11. *Communication Studies*. 2011; 62.
46. Rahman S., Qamar A. Islamophobia and media: The framing of Muslims and Islam in international media. *Journal of Peace Development & Communication*. 2017; 1 (2).
47. Riggins S.H. (Ed.) *Beyond Goffman: Studies on Communication, Institution, and Social Interaction*. Mouton de Gruyter; 1990.
48. Ryan L. Muslim women negotiating collective stigmatization: “We’re just normal people”. *Sociology*. 2011; 45 (6).
49. Scheff T.J. The structure of context: Deciphering “frame analysis”. *Sociological Theory*. 2005; 23 (4).
50. Scott D. The paradox of progressive education: A frame analysis. *Sociology of Education*. 2002; 75 (4).
51. Snow D.A., Rochford E.B., Worden S.K., Benford R.D. Frame alignment processes, micro-mobilization, and movement participation. *American Sociological Review*. 1986; 51 (4).
52. Tannen D., Wallat C. Interactive frames and knowledge schemas in interaction: Examples from a medical examination/interview. *American Sociological Association*. 1987; 50 (2).
53. Tarin Sanz A. The ethnic Russian as an enemy of Islam: Frame analysis of the Kavkaz Center News Agency (2001–2004). *Civil Wars*. 2017; 19.
54. Taylor M.A., Rambo C. White shame, white pride: Emotional cultures, feeling rules, and emotion exemplars in white supremacist movement music. *International Journal of Crime, Criminal Justice and Law*. 2013; 8 (1–2).
55. Trevino A.J. (Ed.) *Goffman’s Legacy*. Rowman & Littlefield; 2003.
56. Wood M.L., Stoltz D.S., Van Ness J., Marshall A.T. Schemas and frames. *Sociological Theory*. 2018; 36 (3).
57. Young A.A. New life for an old concept: Frame analysis and the reinvigoration of studies in culture and poverty. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2010; 629 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-153-167

EDN: FBUJKN

Идеальный портрет руководителя образовательного комплекса: уникальные черты (результаты изучения с применением корреляционного анализа)*

А.А. Осеев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, 119234, Россия

(e-mail: oseev.a@mail.ru)

Аннотация. В статье представлены новые данные исследований, которые следует рассматривать как продолжение ранее начатых [15. С. 875–887]. Актуальность изучения «идеального портрета руководителя образовательного комплекса» определяется требованиями к профессиональным и личностным качествам педагогических кадров, которые установлены российским законодательством: в статье 48 «Обязанности и ответственность педагогических работников» Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» излагаются ключевые правила поведения педагогических работников, согласно которым, чтобы «осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне», требуются особые личностные качества самого педагога. Это определило цель представленных в статье исследований: выявление профессионально важных личностных качеств руководителей-педагогов, разработка идеального портрета руководителя образовательного комплекса и построение математической модели границ выраженности личностных качеств вопреки мнению коллег об «утопичности идеальных типов социального действия» М. Вебера, «не подлежащими проверке» [1], поскольку их «нельзя найти в повседневной реальности» [2. С. 207]. Исследования показали, что идеальный портрет руководителя образовательного комплекса содержит уникальные черты: из 16 возможных личностных качеств отличительными, доминирующими у педагогов стали 11 характерных. Корреляционный анализ выявил среди них 7 ключевых, связанных с эффективностью работы, в результате чего автором была предложена более строгая модель отбора, которая требует внесения корректив в предложенную ранее профессиограмму, построенную на средних показателях. Кроме того, были выявлены личностные качества руководителей-педагогов, обуславливающие деловые и межличностные конфликты в школьных коллективах.

Ключевые слова: идеальный портрет; профессиограмма; профессионально важные личностные качества; модель эффективного руководителя-педагога образовательного комплекса; корреляционный анализ связи личностных качеств с эффективностью деятельности; конфликты в школьных коллективах

*© Осеев А.А., 2025

Статья поступила в редакцию 09.09.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Для цитирования: *Осеев А.А.* Идеальный портрет руководителя образовательного комплекса: уникальные черты (результаты изучения с применением корреляционного анализа) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 153–167. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-153-167>

В последние годы социологи уделяют особое внимание изучению профессиональных и личностных качеств педагога вообще и руководителя образовательного комплекса в частности. В связи с этим интерес представляют исследования «идеального портрета руководителя образовательного комплекса», выявившие требования, предъявляемые сотрудниками государственных образовательных комплексов и родителями учеников к личностным и деловым качествам руководителей-педагогов [5]. Однако в публикациях на данную тему недостаточно освещена проблема верификации данных качеств у реальных работников. Мы предложили способ оценки личностных качеств руководителей-педагогов, которые соответствуют характеристикам, выявленным в результате социологических опросов сотрудников государственных образовательных комплексов и родителей учеников, описанных в статье Е.М. Баришовец в 2019 году, показав пути и методы верификации данных, и разработали, несмотря на «утопическую природу идеальных типов» (как считают некоторые исследователи), прикладную эмпирическую модель «идеального портрета руководителя образовательного комплекса». Кроме того, в новых исследованиях были определены личностные качества руководителей образовательного комплекса, вызывающие деловые и межличностные конфликты.

Многочисленные исследования «идеального портрета» связаны с концепцией «идеальных типов социального действия» М. Вебера. Следует высказать критическое замечание об утопичности этих типов, поскольку их «нельзя найти в повседневной реальности» [6. С. 207]. Вебер этого не утверждал и не отрицал эвристического значения идеальных типов, поскольку теории утопичны лишь в смысле ограниченного раскрытия сущности реальных явлений. Согласно Веберу, «по своему содержанию данная конструкция носит характер утопии, полученной посредством мысленного усиления определенных элементов действительности. Ее отношение к эмпирически данным фактам действительной жизни состоит в следующем: в тех случаях, когда абстрактно представленные в названной конструкции связи... в какой-то степени выявляются или предполагаются в действительности как значимые, мы можем, сопоставляя их с идеальным типом, показать и пояснить с прагматической целью своеобразие этих связей. Такой метод может быть эвристическим, а для выявления ценности явления даже необходимым» [6. С. 630].

Что касается исследований целостного идеального портрета руководителя образовательного комплекса, проведенных К.М. Баришовец, то представления сотрудников государственных образовательных комплексов и ро-

дителей практически совпадают. К важным качествам педагога и родители отнесли «компетентность, эффективную коммуникацию и умение действовать в экстремальных ситуациях... умение выявлять первостепенные задачи и быстро находить решение, умение работать в команде». Кроме того, такой руководитель должен быть «ответственным, порядочным, честным, стрессоустойчивым, интеллигентным, аккуратным и обладать хорошими манерами» [5. С. 208].

В ходе проведенных нами в 2017–2018 (сбор и обработка первичной информации) и 2020–2022 годы (анализ данных, построение математической модели идеального руководителя образовательного комплекса) исследований мы также изучили мнения экспертов (высшего звена руководства) относительно качеств, которыми должен обладать руководитель-учитель-педагог. По мнению экспертов, руководитель в структуре данной организации, помимо лидерских качеств, должен обладать *«внутренней интеллигентностью», «быть мягким, терпимым к критике и бесконфликтным в общении», «не быть импульсивным», «быть открытым и честным», «энтузиастом своего дела, уметь заразить других»*. Особый акцент эксперты сделали на *«уровне эмоциональной устойчивости», «склонности к общению», «интеллектуальной составляющей» и «дипломатичности»*. Для руководителей важны личностные качества, которые обеспечивают *«умение хорошо выполнять административные функции (взаимодействовать с проверяющими, госорганами, контрагентами), управлять педагогами, кухней, медициной и пр.», «продавать контракты на образовательные услуги», «проводить мероприятия, нацеленные на командообразование»* и пр. Оценки экспертов во многом совпадают с представлениями сотрудников государственных образовательных учреждений и родителей, описанными в работе Е.М. Баришовец.

Поскольку с учителем взаимодействуют и родители, в их общении с учителем могут возникать конфликты: согласно экспертным оценкам, *«родители по своему уровню культуры и амбиций представляют разный спектр эмоций: от вполне доброжелательных до крайне капризных, агрессивных, они считают, что к их ребенку проявляется повышенная требовательность или недостаточное внимание и забота. Особой раздражительностью и эмоциональной несдержанностью, часто не обоснованной, отличаются те, у кого очень высокий уровень материального обеспечения. Поэтому способность со всеми ладить — находить общий язык и взаимопонимание — является важным умением хорошего учителя, руководителя образовательного комплекса. Здесь нужны и такт, и терпение, и принципиальность — все вместе! Но, главное, умение выслушать другую сторону! И тогда будет все хорошо! Раздражительность проходит, напряжение спадает, родитель начинает слушать учителя и воспринимать его позицию. А справедливые просьбы и пожелания не должны оставаться без внимания учителя»*.

Вопрос, который не нашел у исследователей методологического ответа, — как измерить те профессионально важные доминирующие личностные качества, которые считают необходимыми для успешного руководителя образовательного комплекса сотрудники государственных образовательных учреждений и родители их учеников? Далее мы покажем, как выявленные в ходе социологических опросов требования к личностным качествам руководителя-педагога реализуются в разработанной нами профессиограмме и модели идеального портрета руководителя образовательного комплекса, а также какими способами можно выявлять и измерять эти качества. Для этого были изучены личностные качества успешных руководителей-педагогов образовательных комплексов одной московской организации, чьи черты, как оказалось, во многом соответствуют требованиям головной организации и требованиям, выявленным в ходе социологических опросов Е.М. Баришовец.

Объектом исследования стали руководители-педагоги нескольких образовательных комплексов Москвы, предметом — их личностные качества. Организация, в которой проводились исследования в 2017–2018 годы, — «English nursery & primary school» (английские детские сады и школы с 18-летним опытом работы), о которой в Интернете было размещено большое количество положительных отзывов. Цель исследования — выявление профессионально важных личностных качеств штатного состава руководителей-педагогов, разработка идеального портрета руководителя образовательного комплекса и построение математической модели границ выраженности личностных качеств. Задачи — оценка степени соответствия личностных качеств руководителей авторской «идеальной модели руководителя» [12. С. 126–144] и создание базы данных для последующей разработки модели эффективного руководителя-педагога (для успешного решения функциональных задач организаций в сфере образования).

Методологическую основу исследования составили работы западных и отечественных ученых о роли личностных качеств вообще и руководителя (лидера) в частности [4; 6; 7; 9; 11; 12; 18; 20; 21; 23 и др.]. Идея о выделении доминирующих начал в структуре личностных черт, включая качества руководителя и лидера, в философии [4; 23], социологии [16] и психологии [3; 24] имеет определенную традицию. Среди таких качеств, например Р. Кэттелл, как и Аристотель, выделял ответственность — так называемый «фактор G» [2].

Важная методологическая основа исследования — теория идеальных типов социального действия М. Вебера. Об эвристическом значении этой концепции в изучении личностных качеств руководителей, о способах и направлениях анализа склонности личности к целерациональному и ценностно-рациональному, аффективному и традиционному поведению мы подробно писали ранее [14. С. 229–235]. Так, примером целерационального типа служат

качества предпринимателя (фактор G, 2 балла, низкие моральные нормы). Забегая вперед, отметим, что «идеальный портрет руководителя образовательного комплекса» теоретически, согласно экспертным оценкам, и эмпирически (таблицы 1–2) соответствует ценностно-рациональному типу социального действия Вебера. Это тот, «кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям в долге» [6. С. 266], отличается ответственностью (фактор G, в границах 6 баллов) и рациональностью в решении задач (рассудительность, практичность, фактор I, 2 балла).

Еще одна важная методологическая основа исследования — теория ситуационного подхода к управлению организацией (М.П. Фоллет и др.) и практико-ситуационный подход В.В. Щербины [25. С. 64] к заданию социальных норм: для определения профессионально важных качеств персонала организации следует не столько опираться на экспертные оценки, которые далеки от реальности и страдают субъективизмом (и потому уже обладают «утопической природой идеальных типов»), сколько оценивать качества работающего персонала конкретной организации в конкретной сфере деятельности.

Другая необходимая методологическая основа, обеспечивающая высокую достоверность полученных результатов, — диспозициональная теория личности Г. Олпорта и Р. Кэттелла. В частности, Кэттелл считал, что «посредством черт личности можно описать не только сами личности, но и те социальные группы, членами которых они являются» [22. С. 313]. Исходя из данного утверждения, мы можем представить и изучить структуру личностных качеств индивидов, включая руководителей тех социально-профессиональных групп, членами которых они являются, а также сами социальные группы.

В качестве способа получения эмпирических данных была выбрана методика Кэттелла [19. С. 226–242], а для разработки профессиограммы «идеальной модели руководителя образовательного комплекса» использовались две методики. Во-первых, оценка степени соответствия личностных качеств работников организации авторской «идеальной модели руководителя» [13. С. 126–144], разработанной на основе статистически значимого массива данных (выборка руководителей в 100 человек) и методики Щербины. Во-вторых, уже упомянутая методика Щербины, предполагающая корреляционный анализ выявленных в ходе опроса личностных качеств «эффективных и неэффективных» работников организаций с эффективностью их деятельности [25. С. 3–90; 26. С. 54]. Оказалось, что авторская «идеальная модель руководителя» в 3 из 5 ключевых характеристик совпадает с моделью «линейного руководителя среднего звена», предложенной Щербиной в 1983 году [26. С. 31]: это высокие показатели по факторам Е (доминирование), G (моральные нормы, совесть), Q3 (воля), что говорит о высокой валидности методики Щербины и об эвристических возможностях разработанной нами «идеальной модели руководителя» для оценки личностных ка-

честв руководителей в разных сферах жизнедеятельности общества. Кроме того, авторская модель согласуется со структурой «наиболее важных личностных качеств эффективного руководителя», разработанной в менеджменте Р.Л. Кричевским и В.П. Пугачевым [18. С. 162–164].

Был проведен сплошной опрос по методике Кэттелла (форма В) всей генеральной совокупности, объем — 14 руководителей (женщины, средний возраст — 45 лет) образовательных комплексов в сфере дошкольного и начального школьного образования, расположенных в разных районах Москвы (таблицы). Объем выборки достаточен для статистического анализа полученных данных: согласно диспозиционной теории личности Кэттелла, мы можем представить и изучить структуру личностных качеств руководителей, а также возглавляемые ими социальные группы. Кроме того, в классической работе Г.В. Осипова «Рабочая книга социолога» отмечено [16. С. 508], что минимальной для проведения корреляционного анализа (расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена) статистически значимой группой может быть пять респондентов. Как интерпретировать полученные результаты: «стены» (баллы в таблицах) распределяются по биполярной шкале с крайними значениями от 1 до 10 баллов; внимание уделяется, в первую очередь, пикам профиля, т.е. наиболее низким и наиболее высоким значениям факторов в профиле, особенно тем показателям, которые в «отрицательном» полюсе находятся в границах от 1 до 3, а в «положительном» — от 8 до 10, показатели 4 и 7 рассматриваются как значимая тенденция проявления фактора.

Рассмотрим результаты исследования статистически значимой группы и сравнительные данные персонограмм личностных качеств руководителей структурных подразделений организации с авторской идеальной моделью руководителя. В персонограммах большого числа руководителей присутствует много пиковых показателей выраженности личностных качеств, которые вошли в границы 1–3, 8–9, 4 и 7 стенов. Как видно из данных таблицы 1, из 16 возможных факторов отличительными, доминирующими стали 11. Сравнение с ранее проведенными исследованиями показывает, что это значительно больше, чем у «среднестатистического человека», в том числе членов других профессиональных групп. Например, у эффективных руководителей разных организаций выделяется 8–9 доминирующих профессионально важных личностных качеств, у врачей — 7–8 (например, высокий уровень интеллекта, фактор В, радикализм, фактор Q1), безаварийных водителей — 4 (ответственность, следование долгу, фактор G), служащих подразделений С. — 3–4 (радикализм, фактор Q1).

Большое число отличительных черт, присущих руководителям образовательных комплексов, позволяет говорить, во-первых, о богатстве проявления этих черт, во-вторых, о том, что предметно-функциональное содержание труда руководителей образовательных комплексов в естественном отборе на должности в специфическую сферу деятельности требует и предоставляет

возможность продуктивной, общественно значимой работы неординарным личностям. Знание структуры профессионально важных, уникальных личностных качеств руководителей-учителей важно для решения прикладных задач в области подготовки и отбора кадров для работы в системе образования и совершенствования системы, поскольку набором профессиональных компетенций в итоге овладевают учителя, обладающие определенными качествами.

Таблица 1

**Личностные качества руководителей
(сравнительные данные персонограмм с авторской идеальной моделью)**

Респонденты																
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4
1	9	8	8	6	7	7	9	6	9	7	9	4	3	4	9	1
2	9	6	6	6	5	8	6	2	4	8	9	2	4	5	10	2
3	8	9	5	9	4	4	6	5	10	6	6	6	6	6	6	6
4	9	9	7	8	9	6	9	1	6	7	6	5	4	1	10	1
5	10	10	4	10	10	2	9	1	8	8	1	2	10	2	6	8
6	9	10	8	10	7	5	10	4	5	8	6	2	5	7	6	4
Х ср	9	8,6	6,3	8	7	5,3	8	3	7	7,3	6	3,5	5,3	4	7,8	3,6
7	8	9	5	6	5	8	7	2	6	7	7	5	6	2	8	7
8	8	2	7	6	5	6	8	1	7	6	6	3	4	7	9	2
9	10	9	6	7	9	8	10	2	6	7	6	3	5	1	10	3
10	8	8	8	10	4	8	7	2	6	6	7	2	4	8	10	2
11	9	9	8	9	10	8	10	5	7	8	9	2	8	2	10	1
12	9	9	6	9	8	2	5	4	3	7	6	2	9	5	6	2
13	9	10	9	6	5	5	9	5	6	6	9	1	6	6	10	1
14	9	8	5	8	5	8	9	8	5	6	3	3	6	8	8	4
Х ср	9	8,3	7	8	7	6	8	3	6	7	6	3	6	5	8	3
Идеальная модель		8		8		8			8		8	3		3	8	3

Рассмотрим особенности структуры профессионально важных личностных качеств руководителей-педагогов — общие характеристики, полученные на основе сравнения Х ср по показателям 16 факторов в сравнении с авторской идеальной моделью (таблица 2) и математического анализа связи личностных качеств с эффективностью деятельности, в результате которого появляется более строгая модель отбора, учитывающая несколько ключевых качеств, связанных с эффективностью работы (таблица 2, третья строка). Оценка соответствия личностных качеств авторской «идеальной модели руководителя» показала: личностные качества всех опрошенных руководителей в целом соответствуют авторской идеальной модели; всех руководителей-педагогов, как и эффективных

руководителей других исследованных организаций, отличаются следующие черты: высокий уровень интеллекта (фактор В, 8,3 балла), лидерство (доминирование, фактор Е, 8 баллов), моральные нормы (совестливость, фактор G, 6 баллов), соревновательность (фактор L, 6 баллов), высокие волевые качества (фактор Q3, 8 баллов) и высокая эмоциональная устойчивость (высокие показатели фактора С, 7 баллов и низкие показатели факторов О и Q4–3 балла).

Таблица 2

Профессиограмма: идеальный портрет руководителя образовательного комплекса (средние значения) в сравнении с критериями авторской «идеальной модели» и по данным корреляционного анализа.

Показатели	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4
Идеальная модель		8		8		8			8		8	3		3	8	3
Х ср	9	8,3	7	8	7	6	8	3	6	7	6	3	6	5	8	3
Модель	9	8	7	6	6/7	6/7	8	2	7/8	8	6/7	4/5	4	5	8	5

В отличие от других профессиональных групп работников, данным руководителям присуща общительность, готовность к сотрудничеству (А, 9 баллов). Как отмечает Д. Гоулман, говоря о роли навыков общения и управления эмоциями в повышении эффективности управления организации и деятельности руководителя, те, «кто великолепно владел навыками самоконтроля, принесли организации колоссальную (390 %) добавочную прибыль... за год» [8. С. 263–265]. Исследования Гоулмана подтверждают диспозиционную теорию Кэттелла, согласно которой к особо важным качествам, составляющим ядро структуры личности, наряду с ответственностью (G), относится общительность (А) [2]. Кроме того, для руководителей-педагогов важна экспрессивность, живость характера (F, 7 баллов), которые помогают поддерживать и развивать общение с детьми, проявлять искреннее внимание к их проблемам и интересам, а также способность вызывать у учеников ощущение своей значимости и доверие. В результате педагог становится авторитетом не только для учеников, но и для их родителей, поскольку путь к сердцу родителей во многом лежит через положительное психологическое состояние учеников.

Другими профессионально важными личностными качествами данного типа руководителей следует считать коммуникативные способности: дипломатичность («знание, когда и что сказать», N, 6 баллов), консерватизм/радикализм (следование традициям не противоречит и сочетается с готовностью к инновациям, Q1, 6 баллов) и конформизм (способность прислушиваться к людям, умение работать в команде, Q2, 5 баллов). Эти качества обеспечивают бесконфликтное межличностное взаимодействие и способность к конструктивному решению конфликтных ситуаций с учениками и родителями, важны в общении с взволнованными, раздраженными и тревожными

ми учениками и родителями. По сути, в мотивационной структуре личности это та «способность к эффективной коммуникации», которую эксперты и родители включают в идеальный портрет руководителя образовательного комплекса. Отсутствие данных качеств или их недостаточная выраженность (например, неконформизм, Q2, 8 баллов) — источник напряженности и конфликтов в деловом и межличностном общении. Примером является структура личностных качеств респондента № 14, уволенного из-за частых конфликтов. Руководителей образовательного комплекса отличает и такая черта, как рационализм (жесткость, рассудительность, практичность, I, 3 балла), который в сочетании с высоким интеллектом обеспечивает то, что хотели бы видеть эксперты у успешных руководителей-педагогов: *«умение выделять первостепенные задачи и быстро находить верное решение»*.

Более точно определить структуру профессионально важных личностных качеств эффективных руководителей позволил корреляционный анализ показателей этих качеств с эффективностью деятельности (на основе коэффициента ранговой корреляции Спирмена). Если в исследовании профессионально важных личностных качеств других групп, например водителей и пр., была выявлена сильная связь личностных качеств с эффективностью трудовой деятельности лишь по 3–4 факторам методики Кэттелла, то в нашем случае — по 7 ключевым факторам из 11 отмеченных ранее: Е (лидерство), I (жесткость, рассудительность, практичность), L (соревновательность), М (творческое воображение), О (тревожность), Q1 (консерватизм — традиционный тип социального действия по Веберу) и Q4 (низкая напряженность, возбудимость), что говорит о достаточно сложной структуре профессионально важных личностных качеств профессиограммы руководителя-педагога образовательного комплекса.

Приведем обоснование достоверности полученных данных. Напомним, что критическая величина коэффициента ранговой корреляции Спирмена для $n = 14 = 0,456$ [16. С. 508]. Коэффициент по обследованным факторам: по фактору Е (лидерство) — $-0,32$, L (соревновательность) — $0,4$, М (творческое воображение) — $0,4$, О (тревожность) — $0,58$, Q1 (консерватизм) — $-0,36$, Q4 (низкая напряженность, возбудимость) — $0,35$, что говорит о значимой связи качеств с эффективностью деятельности. По фактору I (жесткость, рассудительность, практичность) $r_s = -0,26$, т.е. очевидна сильная тенденция, однако если посмотреть на то, как это качество выражено у лучших руководителей ($\bar{X}_{cp} = 3$), то можно считать и эту черту характера профессионально важным качеством в границах выраженности. Выявленные в ходе корреляционного анализа зависимости личностных качеств «эффективных и не эффективных» руководителей с результативностью деятельности подтвердили как репрезентативность выборки, так и валидность применяемых методик. Результаты корреляционного анализа предполагают внесение небольших корректировок в показатели средних профессиограммы идеального портрета

руководителя образовательного комплекса по выявленным 7 ключевым факторам методики Кэттелла (таблица 3, третья строка).

Таблица 3

Персонограмма руководителя № 14 (таблица 2): критические отклонения от авторской идеальной модели руководителя и идеальной модели, разработанной на основе корреляционного анализа (факторы E, I, N, Q2) (красным выделены критические отклонения № 14 от моделей)

Факторы	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4
Идеальная модель		8		8		8			8		8	3		3	8	3
Модель КА	9	8	7	6	6/7	6/7	8	2	7/8	8	6/7	4/5	4	5	8	3
№ 14 (неэффективный сотрудник)	9	8	5	8	5	8	9	8	5	6	3	3	6	8	8	4

Возникает вопрос: почему сложился такой большой состав качеств «идеального портрета руководителя образовательного комплекса»? Во-первых, критерием включения в список профессионально важных качеств было значение средних по факторам, которые, как оказалось, весьма приближены к критическим показателям выраженности качеств (1–3 или 8–10 баллов). Во-вторых, прослеживается соответствие полученных значений авторской «идеальной модели руководителя». В-третьих, корреляционный анализ проводился в отношении статистически значимой группы руководителей на основе коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Как интерпретировать полученные данные при построении модели? Можно брать за ориентир, основу отбора и оценки кадров средние показатели факторов: обращаем внимание на первую строку, затем ведем отсчет от средних значений по группе, т.е. от показателей первой строки, и ориентируемся на результаты математического анализа в нижней строке. Обращаем внимание, что корректировки в средние по выделенным показателям вносятся не произвольно, а строго на основе среднеквадратичных отклонений (от центрального значения). Внесение корректировок делает модель более строгой для задач отбора и оценки кадров. Поэтому структура профессионально важных личностных качеств руководителей принимает следующий вид:

- лидерство (E) — 8 баллов (средние показатели по группе) или на 1–2 балла ниже, т.е. 6 баллов — граница выраженности в результате корреляционного анализа;
- жесткость, рассудительность (I) — 3 балла или ниже на 1 балл, т.е. 2 балла;
- соревновательность (L) — 6 баллов или выше на 1–2 балла, т.е. 7–8 баллов;
- творческое воображение (M) — 7 баллов или выше на 1 балл, т.е. 8 баллов;
- тревожность (O) — 3 балла или выше на 1–2 балл, т.е. 4–5 баллов).

Отдельно следует выделить Q1 (консерватизм /радикализм) как особый фактор в отборе персонала. Дело в том, что руководители образовательных комплексов оказались одной из редких профессиональных групп, у которых

была выявлена сильная корреляционная связь традиционного поведения (приверженности традиции и связанное с этим недоверие к любым радикальным нововведениям и предпочтение медленных, постепенных изменений) с эффективностью деятельности. Границы фактора Q1 желательно установить на уровне 6 баллов или ниже на 1–2 балла, т.е. 4–5 баллов, что обеспечит стабильность работы организации в условиях существующих правил и традиций, т.е. важна «аристотелевская середина» между крайностями «консерватизма» и «радикализма». Это тип «умеренные инноваторы»: придерживаются традиций, осторожны, но готовы к инновациям. Склонность руководителей-педагогов в сфере дошкольного и начального образования к традиционному поведению — важное качество, поскольку способствует реализации одного из важнейших принципов гуманистического образования, о котором говорил Д.А. Леонтьев, — «опора на культуру как мировоззрение и как культурный стереотип»: «Овладение культурой предполагает знание некоторого набора или системы фактов о мире, владение некоторой системой ориентиров и умений, которые обязательны (в социально-психологическом смысле) для любого члена общества или социальной группы» [10]. Что касается фактора Q4 (низкая напряженность, возбудимость), то следует принимать кандидатов с показателем в 3 балла или выше на 1–2 балла, т.е. 5–6 баллов, что говорит о повышенной активности в трудовой деятельности.

Многие спросят: почему такие строгие, жесткие границы модели и найдутся ли такие кандидаты? Чем точнее и строже будет отбор, тем лучше будет отсеив неподходящих кандидатов. Что касается наличия кандидатов с такими уникальными качествами, то ответ очевиден: во-первых, модель была построена на данных сотрудников образовательного комплекса; во-вторых, показаны возможные границы отклонений от идеальной модели; в-третьих, можно принимать кандидатов, чьи черты незначительно отличающиеся от идеальной модели, но в последующем оценивать профессиональную деятельность и поведение таких сотрудников, возможно, «корректируя» их качества (тренинги по повышению эмоциональной устойчивости, административный контроль, перевод на другие участки работы и пр.).

На что еще следует обратить особое внимание при отборе персонала — на критические отклонения личностных качеств руководителей образовательного комплекса от идеальной модели, вызывающие деловые и межличностные конфликты, а также на качества, выявленные у неэффективных и уволенных руководителей-педагогов. Если сравнить профессионально важные черты в идеальной модели руководителя-педагога с качествами «неэффективных» сотрудников (персонограмма руководителя № 14), которые были уволены из организации, то можно выделить следующие конфликтогенные черты (выделены красным в таблице 3): упрямство, напористость, своенравие, конфликтность, агрессивность ($E = 8$ и более баллов); неконформизм — независимость, склонность действовать самостоятельно без учета мнения

окружающих, склонность противопоставлять себе группе и желание в ней доминировать ($Q2 = 8$ и более баллов); прямолинейность, бестактность, эмоциональность, недисциплинированность, неумение анализировать мотивы партнера, отсутствие проницательности ($N = 3$ и менее баллов); неумение полагаться на себя — свои силы, ресурсы и возможности, неспособность «выявлять первостепенные задачи и быстро находить решение» ($I = 8$ баллов) — все то, что характеризует «склонность личности замедлять деятельность группы и нарушать ее моральное состояние нереалистическим копанием в мелочах, деталях» [24. С. 40–76].

Мы полагаем, что представления сотрудников государственных образовательных учреждений и родителей об «идеальном портрете руководителя образовательного комплекса» и о личностных качествах эффективных учителей отображены в нашей обновленной профессиограмме, полученной по итогам корреляционного анализа. Однако это не исключает разработку и использование других методов верификации, выявления и измерения обоснованных другими учеными личностных качеств «идеального портрета руководителя образовательного комплекса».

Библиографический список

1. «Понимающая социология» и концепция «идеальных типов» М. Вебера // URL: https://studopedia.ru/26_114767_ponimayushchaya-sotsiologiya-i-kontseptsiya-idealnih-tipov-mvebera.html?ysclid=llazja5bl2775315940.
2. 16-тифакторный личностный опросник Кэттелла. 16 ФЛЮ-187-А // URL: <https://gurutestov.ru/test/60>.
3. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. Кн. 1, 2. М., 1982.
4. Аристотель. Сочинения: в 4-х тт. Т. 4. М., 1983.
5. Баришовец Е.М. Идеальный портрет руководителя образовательного комплекса // Власть. 2019. № 6.
6. Вебер М. Мотивы социального действия // Избранные произведения. М., 1990.
7. Вудкок М., Фрэнсис Д. Раскрепощенный менеджер. Для руководителя практика. М., 1991.
8. Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М., 2008.
9. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспект. М., 1991.
10. Леонтьев Д.А. Педагогика здравого смысла: гуманистическая философия образования А.А. Леонтьева. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogika-zdravogo-smysla-gumanisticheskaya-filosofiya-obrazovaniya-a-a-leontieva>.
11. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1992.
12. Ольшанский Д.В. Основные теории лидерства. Политическая психология. М., 2002.
13. Осеев А.А. Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2011. № 1.
14. Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: традиционный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. № 3.

15. Осеев А.А. Идеальный портрет руководителя образовательного комплекса: методология и результаты изучения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4.
16. Осипов Г.В. Рабочая книга социолога. М., 1976.
17. Осипов Г.В., Лисичкин В.А., Корягин Н.Д. Менеджмент. М., 2011.
18. Пугачев В.П. Руководство персоналом. М., 2006.
19. Римская Р., Римский С. Практическая психология в тестах, или как научиться понимать себя и других. М., 1998.
20. Сербиновский Б.Ю. Управление персоналом // URL: Psyera.ru.
21. Файоль А., Эмерсон Г., Форд Г. Управление это наука и искусство. М., 1992.
22. Хелл Л., Зиглер Д. Теории личности: Основные положения, исследования и применение. СПб., 2008.
23. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981.
24. Чудина Е.А. Психологические особенности проявления эмоциональной неустойчивости личности. Дисс. к. псих. н. М., 1999.
25. Щербина В.В. Средства социологической диагностики в системе управления. М., 1993.
26. Щербина В.В., Родина В.Ю., Ерохин А.С. Методические рекомендации по оценке использования работников в качестве линейного руководителя среднего звена. М., 1983.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-153-167

EDN: FBUJKN

Ideal image of the head of the educational complex: Unique features (results of the study based on correlation analysis)*

A.A. Oseev

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, bldg. 33, Moscow, 119234, Russia

(e-mail: oseev.a@mail.ru)

Abstract. The article presents the new research data and should be considered as a continuation of the previous study [15. P. 875–887]. The relevance of the analysis of the “ideal portrait of the head of the educational complex” is determined by the requirements for the professional and personal qualities of teachers, which are established by the Russian legislation: Article 48 “Duties and Responsibilities of Teachers” of the Federal Law “On Education in the Russian Federation” sets the key rules of conduct for teachers, according to which teachers should have special personal qualities in order to “carry out their activities at a high professional level”. This determined the goal of the study presented in the article: to identify professionally important personal qualities of teacher-leaders, to develop an ideal portrait of the head of the educational complex and to provide a mathematical model to assess the expression of necessary personal qualities of teachers-leaders, despite the opinion of some colleagues about the “utopian nature of Weber’s ideal types of social action” as “not verifiable” [1], since they “cannot be found in everyday reality” [2. P. 207]. The author’s studies showed that the ideal portrait of the head of the educational complex consists

*© A.A. Oseev, 2025

The article was submitted on 09.09.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

of unique features: out of 16 possible personal qualities, 11 characteristic ones are distinctive and dominant among teachers. The correlation analysis revealed 7 key ones related to work efficiency, which allowed the author to propose a stricter selection model that requires some adjustments compared to the previous professiogram built on average indicators. Moreover, the author identified those personal qualities of teacher-leaders that determine work and interpersonal conflicts in school groups.

Key words: ideal image; professiogram; professionally important personal qualities; model of the effective leader-teacher for the educational complex; correlation analysis of the relationship between personal qualities and work efficiency; conflicts in schools

For citation: Oseev A.A. Ideal image of the head of the educational complex: Unique features (results of the study based on correlation analysis). *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 153–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-153-167>

References

1. “Ponimayushchaya sotsiologiya” i kontseptsiya “idealnyh tipov” M. Webera [“Interpretative sociology” and M. Weber’s concept of “ideal types”]. URL: https://studopedia.ru/26_114767_ponimayushchaya-sotsiologiya-i-kontseptsiya-idealnih-tipov-m-webera.html?ysclid=llazja5bl2775315940. (In Russ.).
2. 16-ti faktorny lichnostny oprosnik Cattella. 16 FLO-187-A [Cattell’s 16 Personality Factors Test]. URL: <https://gurutestov.ru/test/60>. (In Russ.).
3. Anastasi A., Urbina S. *Psikhologicheskoe testirovanie*. Kn. 1, 2 [Psychological Testing. Book 1, 2]. Moscow; 1982. (In Russ.).
4. Aristotle. *Sochineniya: v 4-h tt. T. 4* [Works: in 4 vols. Vol. 4.]. Moscow; 1983. (In Russ.).
5. Barishovets E.M. Idealny portret rukovoditelya obrazovatel'nogo kompleksa [The ideal portrait of the head of the educational complex]. *Vlast*. 2019; 6. (In Russ.).
6. Weber M. Motivy sotsialnogo deystviya [Motives of social action]. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow; 1990. (In Russ.).
7. Woodcock M., Francis D. *Raskreposhchenny menedzher. Dlya rukovoditelya praktika* [Unblocked Manager: A Practical Guide to Self-Development]. Moscow; 1991. (In Russ.).
8. Goleman D., Boyatzis R., McKee A. *Emotsionalnoe liderstvo: iskustvo upravleniya lyudmi na osnove emotsionalnogo intellekta* [Primal Leadership: Learning to Lead with Emotional Intelligence]. Moscow; 2008. (In Russ.).
9. Krichevsky R.L., Dubovskaya E.M. *Psikhologiya maloy gruppy: teoretichesky i prikladnoy aspect* [Psychology of Small Group: A Theoretical-Applied Aspect]. Moscow; 1991. (In Russ.).
10. Leontiev D.A. Pedagogika zdravogo smysla: gumanisticheskaya filosofiya obrazovaniya A.A. Leontieva [Pedagogy of common sense: A.A. Leontiev’s humanistic philosophy of education]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogika-zdravogo-smysla-gumanisticheskaya-filosofiya-obrazovaniya-a-a-leontieva>. (In Russ.).
11. Mescon M.H., Albert M., Khedouri F. *Osnovy menedzhmenta* [Management]. Moscow; 1992. (In Russ.).
12. Olshansky D.V. *Osnovnye teorii liderstva. Politicheskaya psikhologiya* [Basic Theories of Leadership. Political Psychology]. Moscow; 2002. (In Russ.).
13. Oseev A.A. Sotsialno-psikhologicheskyy portret rukovoditelya: idealnaya model i sposoby ee izmereniya [Social-psychological portrait of the leader: An ideal model and ways to measure it]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2011; (In Russ.).
14. Oseev A.A. Empiricheskie modeli struktury lichnostnyh kachestv rukovoditeley: traditsionny tip sotsialnogo deystviya M. Webera (rezultaty prikladnyh issledovaniy) [Empirical models of the structure of managers’ personal qualities: M. Weber’s traditional type of social action (results of applied research)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2021; 3. (In Russ.).

15. Oseev A.A. Idealny portret rukovoditelya obrazovatel'nogo kompleksa: metodologiya i rezultaty izucheniya [Ideal image of the head of the educational complex: Research methodology and results]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (4). (In Russ.).
16. Osipov G.V. *Rabochaya kniga sotsiologa* [Sociologist's Workbook]. Moscow; 1976. (In Russ.).
17. Osipov G.V., Lisichkin V.A., Koryagin N.D. *Menedzhment* [Management]. Moscow; 2011. (In Russ.).
18. Pugachev V.P. *Rukovodstvo personalom* [Personnel Management]. Moscow; 2006. (In Russ.).
19. Rimskaya R., Rimsky S. *Prakticheskaya psikhologiya v testah, ili kak nauchitsya ponimat sebya i drugih* [Practical Psychology in Tests, or How to Learn to Understand Yourself and Others]. Moscow; 1998. (In Russ.).
20. Serbinovsky B.Yu. *Upravlenie personalom* [Personnel Management]. URL: Psyera.ru. (In Russ.).
21. Fayol A., Emerson G., Ford G. *Upravlenie eto nauka i iskusstvo* [Management is Science and Art]. Moscow; 1992. (In Russ.).
22. Hjelle L., Ziegler D. *Teorii lichnosti: Osnovnye polozheniya, issledovaniya i primeneniye* [Personality Theories. Basic Assumptions, Research, and Applications]. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.).
23. Chanyshv A.N. *Kurs lektsiy po drevney filosofii* [Lecture Course on Ancient Philosophy]. Moscow; 1981. (In Russ.).
24. Chudina E.A. *Psikhologicheskie osobennosti proyavleniya emotsionalnoy neustoychivosti lichnosti* [Psychological Features of Personal Emotional Instability]. Diss. k.psih.n. Moscow; 1999. (In Russ.).
25. Shcherbina V.V. *Sredstva sotsiologicheskoy diagnostiki v sisteme upravleniya* [Tools of Sociological Diagnostics in Management]. Moscow; 1993. (In Russ.).
26. Shcherbina V.V., Rodina V.Yu., Erokhin A.S. *Metodicheskie rekomendatsii po otsenke ispolzovaniya rabotnikov v kachestve lineynogo rukovoditelya srednego zvena* [Methodological Guidelines for Assessing Employees as Line Managers of the Middle Level]. Moscow; 1983. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181

EDN: EVXDZC

Серебряная экосистема образования в интересах старшего поколения*

Е.Р. Ярская-Смирнова, Д.И. Присяжнюк

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

(e-mail: eiarskaia@hse.ru; dprisazhnyuk@hse.ru)

Аннотация. Эпоха долголетия, характеризующая многие развитые страны, включая Россию, требует пересмотра феномена старения и роли пожилых в обществе. Представление о старшей когорте населения как пассивных бенефициарах, создающих дополнительную нагрузку на рынок труда, системы социального обслуживания и здравоохранения, постепенно сменяется более инклюзивным взглядом, который основан на принципах активного долголетия и подразумевает расширение прав и возможностей пожилых, их интеграцию во все сферы общества. Один из способов ответа на вызовы долголетия — образовательные программы для пожилых, или геронтообразование, способное обеспечить старшую когорту нужными знаниями и навыками, укрепить их человеческий потенциал. В статье представлена перспективная теоретическая рамка для анализа геронтообразования в России как «серебряной экосистемы» образовательных программ для пожилых, реконструированной по работам У. Бронфенбреннера и интегрированной со структуралистско-конструктивистским подходом. Согласно «экологической теории» Бронфенбреннера, включенность представителей старшего поколения в образование может быть проанализирована на уровне ряда взаимосвязанных подсистем с акцентом на акторов разного уровня, вносящих вклад в социальное развитие и благополучие группы. Структуралистский конструктивизм позволяет рассмотреть образование для пожилых в контексте власти и неравенства как поле, на котором неравномерно распределены ресурсы, что необходимо учитывать в разработке образовательных программ. Применяя концептуальные основания нового подхода к анализу выборочных региональных документов, авторы раскрывают связи и разрывы, разнонаправленные процессы внутри «серебряной экосистемы», которые порождают противоречия между идеалами стратегии в интересах старшего поколения, предусматривающей его активное вовлечение в жизнь общества, и неравномерностью распределения ресурсов в поле социальной интеграции пожилых людей.

Ключевые слова: серебряная экосистема; образование для пожилых; герагогика; активное долголетие; инклюзия; человеческий капитал; структурные и символические неравенства

Для цитирования: Ярская-Смирнова Е.Р., Присяжнюк Д.И. Серебряная экосистема образования в интересах старшего поколения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 168–181. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181>

*© Ярская-Смирнова Е.Р., Присяжнюк Д.И., 2025

Статья поступила в редакцию 02.10.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Сегодня к основным трендам в поле социальных исследований долголетия следует отнести пересмотр алармистского дискурса о старении населения развитых стран, в чьей структуре растет доля людей пенсионного возраста, где остро ощущается нехватка рабочей силы, наблюдается экономический спад и рост социальных расходов. Новый курс научной дискуссии и государственных решений обусловлен ориентирами концепции активного долголетия, более выгодной экономически и поддерживаемой современными культурными идеалами инклюзии и интеграции, разнообразия, уважения человеческого достоинства и участия. Эта риторика подчеркивает новые тенденции социально-демографических, экономических и культурных изменений современных обществ. Меняется качество жизни: пожилые люди становятся здоровее, образованнее и состоятельнее, чем были их родители [36]: например, недавнее исследование в Финляндии показало существенное улучшение физических и когнитивных характеристик людей в возрасте 75–80 лет за последние три десятилетия [32]. Несмотря на сохраняющееся серьезное отставание в ожидаемой продолжительности жизни (в том числе здоровой) в России и ряде стран ЕС [5] долголетие постепенно становится вызовом и одновременно важнейшим ресурсом развития общества.

Различные аспекты старения широко представлены в российской академической литературе. Комплексные исследования социально-экономического положения и образа жизни россиян старшего поколения свидетельствуют о наличии резервов для повышения благосостояния этой группы с точки зрения занятости, включения в занятия спортом, дополнительное образование и интернет-коммуникации [37]. Исследователи отмечают, что не только здоровье оказывает влияние на качество жизни, но и разные формы деятельности [3], интересы, круг общения, доступная среда, социальная активность [7], вовлеченность в волонтерство [11; 16] — формируется новая культура старения. В то же время продолжает господствовать миф о старении [8; 12], воспроизводятся различные виды неравенства доступа к социально значимым ресурсам и программам культуры, здравоохранения, социальным услугам и рынку труда [9]. На повестке дня стоят вопросы о новых рисках социального исключения, депривации, уязвимости и эйджизма [38], с одной стороны, и о появлении новых форм сплоченности и взаимопомощи — с другой.

Одним из ответов на вызовы эпохи долголетия становятся образовательные программы для пожилых, способствующие инклюзии, повышению агентности и отвечающие на запросы старшей когорты. Такие образовательные программы — квинтэссенция политики активного долголетия, поскольку способны активизировать человеческий потенциал старшего поколения в интересах устойчивого инклюзивного роста. Учебные занятия для пожилых — относительно новый феномен для России, который возникает в 1990-е годы как один из элементов социальной работы с пожилыми на базе отдельных клубов и программ. Постепенно эта практика расширяется, и сегодня

в поле образовательных услуг для пожилых существуют разнообразные предложения, различающиеся концепциями, содержанием, степенью формализации и условиями доступности.

Геронтообразование в России анализируется преимущественно в публикациях по педагогике, социальной работе и психологии, где показано влияние образовательных мероприятий на качество жизни и состояние здоровья пожилых [1]. Понятие «серебряной экономики» нередко фокусируется на платежеспособности и расходах на обеспечение и обслуживание пожилых людей, их потреблении и запросах [35], однако более широким понятием могла бы стать «серебряная экосистема», подразумевающая не только экономические, но и социокультурные элементы и их взаимодействие на разных уровнях в целях социальной интеграции. В статье предпринята попытка показать эвристический потенциал понятия серебряной экосистемы с акцентом на роли образования в формировании капиталов пожилых.

«Серебряная экосистема» образования пожилых

У. Бронфенбреннер разработал теорию экологических систем [21], которая активно используется в исследованиях социального благополучия [26] и качества жизни [33]. Эта теория была введена в контекст российской социологии семьи с ребенком-инвалидом и теории социальной работы в середине 1990-х годов [15]. Теория экосистем применяется для объяснения механизмов социального развития групп, активно взаимодействующих с акторами разного уровня — как подвергаясь воздействию, так и модифицируя среду. Бронфенбреннер выделяет несколько подсистем и, соответственно, разных акторов, которые, взаимодействуя, вносят вклад в социальное развитие и благополучие группы. Проиллюстрируем это на примере образовательных программ для пожилых людей: на уровне микросистемы внимание уделяется паттернам поведения, социальным ролям и межличностным взаимодействиям (повседневная жизнь пожилых слушателей, их практики взаимодействия между собой, с преподавателями, администраторами и волонтерами); мезосистема — совокупность микросистем — определяется правилами и нормами образовательных учреждений, ожиданиями слушателей, формальным учебным планом и установками преподавателей. Установки слушателей и преподавателей входят в «скрытый учебный план», неформальную повестку, которая формируется распространенными убеждениями, организацией образовательной программы и учреждения, содержанием предметов, стилем преподавания [14]. На неформальную повестку влияют официальные и неписанные регламенты подсистем разных уровней. Экосистема включает в себя официальные и неформальные социальные структуры, определяющие задачи и контуры образования для пожилых, законодательные акты, программы и проекты. Макросистема проявляется на уровне культуры, аккумулируя идеологии, нормы и ценности, как воспроизводящие, так и развенчивающие мифы в отношении пожилых и предопределяющие

культуру старения, образ пожилого человека. В качестве пространственно-темпорального контекста развития социальных групп выступает хроносистема. Таким образом, данный подход позволяет взглянуть на «серебряную экосистему» образовательных программ для старшего поколения как на ряд взаимосвязанных систем — от микроуровня индивидуальной жизненной ситуации пожилого человека до социальных структур, институтов и более широкого контекста, не забывая и о роли темпоральных переменных.

Системную перспективу, с нашей точки зрения, необходимо дополнить подходом, который бы позволил заострить внимание на аспектах власти и неравенства. Геронтообразование — поле, в котором неравномерно распределены экономические, культурные и социальные ресурсы: набор услуг, уровень их доступности и инклюзивности, развитость механизмов обратной связи; действуют акторы с собственными интересами и ресурсами, что создает напряжение и структурирует это поле отношениями конкурентной борьбы. Обладание тремя типами ресурсов — экономическим, культурным и социальным капиталом — легитимизируется посредством символического капитала [20]. На объем социального капитала, помимо широты сети взаимных связей, влияет обладание иными формами капитала — экономическим и культурным [17]. Накопление культурного капитала требует времени и усилий, необходимо высвободить время для освоения новых форм деятельности [4], что, в частности, становится возможным после выхода на пенсию. Культурные компетенции — ценность, обладание которой может приносить индивиду выгоды и способствует наращиванию объема социального капитала (принадлежность группе или организации, совокупность социальных связей). Объем социального капитала у пожилых слушателей образовательных программ растет, символические ресурсы увеличиваются вместе с социальным признанием старшего поколения.

Активное долголетие как вызов и ресурс геронтообразования

Один из важнейших документов, определивших макросистему геронтообразования и направленных на интеграцию пожилых в разные сферы общества, — Мадридский план действий по проблемам старения, принятый ООН в 2002 году. Его основные ценности были поддержаны международными организациями и стали ориентирами для современных государств в продвижения политики активного долголетия, сопряженной с расширением прав и возможностей пожилых в социальной, экономической и культурной сферах, сглаживанием противоречий между старшим и другими поколениями за счет укрепления межпоколенных социальных связей, разрушения стереотипов и предубеждений в отношении пожилых в интересах создания инклюзивного общества «для всех возрастов». Теоретические модели активного долголетия и стратегические ориентиры политики в отношении пожилых определяются не только инклюзивными установками, но и экономическими приоритетами, оформившимися

в ответ на те вызовы, которые сопряжены с ростом продолжительности жизни, постоянным увеличением доли пожилых в структуре населения, т.е. с нагрузкой на пенсионную, социальную и систему здравоохранения [34].

В последние десятилетия проблематика активного долголетия входит и в повестку российской социальной политики и практики. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года следует принципам Мадридского плана, оперируя категорией активного долголетия и предусматривая расширение возможностей справедливого и счастливого старения посредством вовлечения пожилых в образовательные программы. Однако некоторые исследователи критикуют рассогласованность общей неолиберальной повестки политики активного долголетия с реальным воплощением на всех уровнях серебряной экосистемы [7]: эта политика слабо учитывает негомогенность группы пожилых по уровню человеческого капитала, качества жизни и стилевых предпочтений; разработанные в развитых западных обществах понятия активного, здорового, успешного долголетия во многом описывают опыт наиболее ресурсных пожилых людей и плохо согласуются с российской действительностью, где многие представители старших поколений остаются социально депривированными (низкая включенность в разные сферы жизни вследствие низкого уровня жизни, проблемы системы социальной поддержки, неравномерность развития доступной среды, сохраняющийся эйджизм).

Образование для пожилых: между инклюзией и неравенством

Для одних пожилых людей выход на пенсию — это долгожданная пора, предоставляющая выбор занятий, свободное время и возможности заботы о себе, у других возникают стрессы и диссонансы от ощущения одиночества и невостребованности, незаполненности времени, неудовлетворения интеллектуальных и коммуникативных потребностей [13], снижения двигательной активности. Стратегия действий в интересах старшего поколения предусматривает расширение возможностей справедливого и счастливого старения посредством вовлечения пожилых в образовательные программы активного долголетия, которые становятся частью общей системы непрерывного образования на мезоуровне серебряной экосистемы, создавая для пожилых основу социального участия и индивидуального благополучия [31]. Возможности повышения или смены квалификации представителями «третьего возраста» предоставляются сегодня как в формализованных форматах высших учебных заведений, с соответствующим уровнем стандартизации и сертификации, так и в менее институционализированных рамках в системе социальной защиты. Однако, даже имея финансирование, вузы редко разрабатывают образовательные программы для пожилых, действующие при российских вузах университеты третьего возраста отстают от лучших мировых практик, нередко воспроизводя форматы, предлагаемые в системе социальной

защиты [10] (иные по функционалу и формату — более гибкие и открытые инновациям, вариативные программы). Яркий пример — «Московское долголетие» — крупнейший в стране оздоровительный, образовательный и досуговый проект для пожилых москвичей с несколькими десятками направлений.

Комплексный инклюзивный эффект образовательных программ для старшего поколения заключается в расширении участия, социальном признании, лидерстве и социальной, в том числе межпоколенной, интеграции пожилых [16]. Однако образование является не только институтом социальной интеграции, но и механизмом воспроизводства неравенства — доступ пожилых людей к социально значимым ресурсам и образовательным программам неоднороден. Здесь целесообразно применить оптику структуралистского конструктивизма — в целях анализа и для критического пересмотра концепций образовательных программ

На западе геронтообразование начало развиваться с 1950-х годов [6], с 1970-х годов в ряде стран развивается научная дисциплина герагогика, ведутся исследования, осуществляется подготовка по профессии «герагог» на соответствующих кафедрах, создана широкая сеть дополнительного образования для слушателей «серебряного» возраста [24]. «Критическая герагогика» подразумевает, что обучение любым знаниям и навыкам, в частности, современным цифровым технологиям [27] или музыке [23], имеет основополагающее значение для расширения прав и возможностей и потому должно соответствовать антидискриминационным принципам в духе концепции социальной справедливости [25]. Такие программы не принимают как должное и не камуфлируют отношения власти, а развивают критическое мышление и воображение пожилых людей, наделяя их ресурсами и предоставляя возможность участвовать в принятии решений и волонтерстве [22], развивая их агентность [2] и позволяя отрефлексировать свою роль в обществе. Некоторые программы, вдохновленные принципами критической герагогики, помогают слушателям старшего возраста определить свою позицию, высказать свое мнение и создать пространство для критического пересмотра и конкретных действий в поле преодоления социального неравенства. Критическая герагогика бросает вызов стереотипам, практикам и структурам, угнетающим людей по признаку возраста, помогает преодолевать отчуждение и развивать чувство самостоятельности, предлагает ресурсы для целенаправленных коллективных действий [23] путем создания позитивного межличностного климата, использования предыдущего опыта участников в качестве ресурса для группового творческого самовыражения.

Другое важное направление в русле критического подхода на принципах социальной инклюзии — «интегративная герагогика»: рост числа людей «четвертого возраста», как и пожилых людей с ограниченными возможностями, находящихся на долговременном уходе, практически никогда не рассматривается в научных публикациях о практиках геронтообразования. В связи с этим воз-

никает термин «инклюзивная», или «интегративная», герагогика, которая тесно связана с терапевтическим образованием и социальной работой [30]. С опорой на идеи «интегративной герагогики» [30] и «критической герагогики» [23], учитывая идеи индивидуального и социального качества жизни, социального капитала пожилых обучающихся [28], ориентиры Мадридского плана и цели российской Стратегии действий в интересах старшего поколения, составим таблицу целей и ожиданий пожилых обучающихся в соотнесении с уровнями серебряной экосистемы и с ориентирами политики активного долголетия.

Таблица 1

Проблемы и цели Мадридского плана, интересы пожилых обучающихся и элементы образовательных программ для пожилых

Интересы учащихся	Личностные	Групповые	Предметные
	Автономия Рефлексия Личностный рост Самовыражение	Социальное одобрение Социальный вклад, влияние Принадлежность к группе	Целеориентированность Развитие инструментальных навыков Копинг Работа, карьера, досуг
Цели Мадридского плана	1,2. Участие в принятии решений 4,1. Равенство возможностей для непрерывного образования и профессиональной подготовки, услуги по трудоустройству	1,2. Участие в принятии решений 4,2. Использование потенциала и знаний 1,1. Признание вклада	2,1. Возможности трудоустройства 4,2. Использование потенциала и знаний
Цели Стратегии в интересах старшего поколения	Удовлетворение образовательных потребностей Повышение доступности туристических услуг	Развитие благотворительности и добровольческой (волонтерской) деятельности	Профориентация по востребованным на рынке труда специальностям с учетом имеющегося трудового потенциала, желаний и возможностей Создание условий, исключающих дискриминацию пожилых, и стимулов к продолжению трудовой деятельности после выхода на пенсию в соответствии с пожеланиями, профессиональными навыками и физическими возможностями
Группы предметов, методы преподавания	Творчество, путешествия, гуманитарные дисциплины, цифровая и финансовая грамотность Открытие талантов, активизация ресурсов, создание возможностей для самореализации	Обучение лидерству, волонтерство Признание заслуг и актуального вклада Вовлечение людей в принятие решений и преподавание, проектную деятельность Занятия и методы, предполагающие групповую динамику	Технологии, хозяйство, ремесла, финансовая и цифровая грамотность, здоровье

Мы проанализировали локальные веб-ресурсы организаций, предоставляющих образовательные услуги пожилым, в трех регионах России — Краснодарском крае, Самарской и Саратовской областях. Максимально полно эта информация представлена на сайте «Путеводитель в Самарское долголетие», найти аналогичные сведения по Саратовскому и Краснодарскому регионам было затруднительно. На самарском ресурсе приведен целый ряд возможностей реализовать многие упомянутые в таблице интересы, за исключением финансовой грамотности и содействия трудоустройству. Мы также рассмотрели материалы из Паспортов региональных программ активного долголетия трех регионов: наиболее системно представлена программа Краснодарского края, которую отличает и развернутая преамбула с объяснением сути понятия «общество для всех возрастов», важности признания вклада и активизации потенциала пожилых, необходимости учета разнообразия пожилой когорты при соблюдении императива равенства прав. Документация Самарской области содержит многообразную, но не системно составленную информацию, а материалы саратовской программы наиболее лаконичны, в них наблюдаются логические разрывы.

Цели всех региональных программ сформулированы сходным образом: к ядру формулировки «увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни» добавлены «улучшение положения граждан старшего поколения», «укрепление здоровья», «повышение качества жизни». При этом саратовская программа фокусируется на здоровом образе жизни и физкультурно-оздоровительных мероприятиях, профилактике заболеваний, кубанская — тоже на здравоохранении, но отличается акцентом на вовлечении пожилых в активную жизнь общества и формировании позитивного и уважительного отношения к людям старшего поколения. В самарской программе задачи не сформулированы, но есть целевые показатели, которые сводятся к медицинским (диспансеризация и госпитализация). Показатели краснодарской программы связаны с охватом и оценкой социального обслуживания, профосмотрами, диспансеризацией и физической культурой. Саратовская программа ориентируется на охват физкультурой и спортом, санаторно-курортным лечением и сдачу нормативов ГТО. Столь узкий набор показателей характерен для всех рассматриваемых регионов, включая и Краснодарский край, где заявлены задачи вовлечения пожилых в активную жизнь общества.

Мы проанализировали планы мероприятий на предмет выявления указаний на образовательные услуги. В плане мероприятий самарской программы обнаружился раздел, посвященный профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию (ДПО) граждан старше 50 лет: предусмотрено формирование списков граждан этого

возраста, желающих пройти профессиональное обучение и ДПО, перечней работодателей, готовых принять участие в таких мероприятиях, перечней образовательных организаций, на базе которых планируется организовать обучение, а также заключение соглашения с Рострудом о предоставлении субсидий на реализацию соответствующих мероприятий. План саратовской программы целиком посвящен физкультурно-оздоровительным проектам. План краснодарской программы, помимо позиций по оздоровлению и физкультурно-спортивному развитию, включает раздел, посвященный стимулированию занятости пожилых: запланирована информационно-разъяснительная работа о возможностях трудоустройства; профессиональное обучение и ДПО при содействии службы занятости для пенсионеров, планирующих возобновить трудовую деятельность, а также лиц предпенсионного возраста. Кроме того, широко представлены мероприятия по «развитию общества с учетом интересов, потребностей и возможностей граждан старшего поколения», — клубная деятельность, серебряное волонтерство, социальный туризм, развитие наставничества, повышение доступности культурно-образовательных и туристских услуг (организация досуга, расширение роли библиотек и групп по интересам), а также доступности информации (осведомленности о возможностях получения государственных услуг через Интернет). Тем самым образовательная сторона активного долголетия наиболее полно и системно представлена в программе Краснодарского края, однако на сайтах учреждений и организаций Кубани оказалось затруднительным найти свидетельства реализации этих услуг и конкретных мероприятий.

Таким образом, предварительный анализ документации региональных программ активного долголетия показал их частичное формальное соответствие стратегическим ориентирам политики активного долголетия на всех уровнях серебряной экосистемы, системный характер отличает лишь одну программу, а поиск предметного воплощения целей и планов может завести в тупик. Активизация потенциала пожилых людей не должна сводиться лишь к физкультурно-оздоровительным или медицинским мероприятиям — важно развивать образовательные услуги для представителей старшего поколения в контексте серебряной экосистемы, учитывающей их интересы, особенности и возможности. Это, в частности, требует подготовленных специалистов-преподавателей — геррагогов — с компетенциями для максимального раскрытия потенциала и возможностей слушателей, повышения их качества жизни и человеческого капитала, преодоления негативной стереотипизации пожилого человека [27], что позволит уменьшить эффекты воспроизводства неравенства в поле образования.

Основываясь на литературе по критической геррагогике, можно выделить четыре типа компетенций преподавателей образовательных программ для пожилых [18; 19; 27; 29]: во-первых, экспертные/технические

знания в конкретной (мета-) предметной области; во-вторых, методологические компетенции, выраженные в способности выполнять задачи консультанта, мотиватора, фасилитатора, создавая учебный климат, соответствующий потребностям обучающихся старшего возраста, и мотивируя пожилых слушателей участвовать в процессе обучения; в-третьих, социальные компетенции — установки, созвучные ценностям Мадридского плана, понимание важности расширения прав и возможностей пожилых во всех сферах общества, роста их автономии и независимости, ценности как носителей важных культурных кодов, непринятие эйджизма, стереотипов и мифов о пожилых; в-четвертых, персональные компетенции — эмпатия, терпеливость, открытость, саморефлексия. На основе этой классификации компетенций можно провести анализ соответствия мотивов и ожиданий пожилых слушателей компетенциями и качествами геронгов, рассматривая образование как поля и учитывая связи и уровни элементов серебряной экосистемы.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Библиографический список

1. Албегова И.Ф., Старцева О.Н. Образование пожилых людей как фактор их здоровья в условиях постоянного проживания в современном доме-интернате // Социология медицины. 2014. № 1.
2. Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. СПб., 2000.
3. Баширева А.С. и др. Уровень физической активности и качество жизни у лиц пожилого и старческого возраста // Клиническая геронтология. 2019. № 11–12.
4. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5.
5. Вишневский А.Г., Щербакова Е.М. Демография: за и против повышения пенсионного возраста // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 2.
6. Высоцкая И.В., Тихаева В.В., Глебова Е.А. Сравнительная характеристика содержания образования «университета третьего возраста» в Германии и России // Вестник СГТУ. Психолого-педагогические науки. 2017. № 4.
7. Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium*. 2020. № 2.
8. Здравомыслова Е., Низамова А. Миры институциональной заботы: совместное проживание и конфликты в пансионате для людей старшего возраста // Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства / Под ред. Е.А. Бороздиной, Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной. СПб., 2019.
9. Овчарова Л.Н., Морозова М., Сидоренко А., Синявская О.В., Червякова А.А. Концепция политики активного долголетия / Под общ. ред. Л.Н. Овчаровой, О.В. Морозовой. М., 2020.
10. Никипорец-Такигава Г.Ю. Университеты третьего возраста в российской высшей школе: проблемное поле // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 1.
11. Парфенова О.А. Вовлечение пожилых в волонтерскую и гражданскую активность как инструмент преодоления социального исключения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4.

12. *Смирнова Т.В.* Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8.
13. *Татаринев К.А., Орлова Е.Г.* Непрерывное обучение в период поздней взрослой жизни // АНИ: педагогика и психология. 2021. № 3.
14. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Скрытый учебный план как традиция социологических исследований // Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность. Ульяновск, 2006.
15. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1995.
16. *Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская-Смирнова В.Н., Кононенко Р.В.* Виды капиталов в поле «серебряного волонтерства» // Социологические исследования. 2024. № 3.
17. *Яшкова М.* Социальный капитал: эволюция концепта // Неприкосновенный запас. 2018. № 3.
18. *Balogová B., Gazdová V.K.* Are Slovak universities prepared to create the department of geragogy and train future geragogues? // Acta Educationis Generalis. 2019. Vol. 9. No. 1.
19. *Baschiera B.* Key competencies in late-life learning: Toward a geragogical curriculum // Innovation in Aging. 2017. Vol. 30. No. 1.
20. *Bourdieu P.* The forms of capital // J. Richardson (Ed.). Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York, 1986.
21. *Bronfenbrenner U.* Ecological models of human development // International Encyclopedia of Education. Oxford, 1994.
22. *Brown J.W., Chen S.L., Mefford L., Brown A., Callen B., McArthur P.* Becoming an older volunteer: A grounded theory study // Nursing Research and Practice. 2011. doi: 10.1155/2011/361250.
23. *Creech A., Hallam S.* Critical geragogy: A framework for facilitating older learners in community music // London Review of Education. 2015. Vol. 13. No. 1.
24. *Formosa M.* Education and older adults at the university of the third age // Educational Gerontology. 2011. Vol. 38. No. 2.
25. *Fraser N.* From redistribution to recognition? Dilemmas of justice in a ‘post-socialist’ age // New Left Review. 1995. Vol. 212.
26. *Garbarino J.* Ecological perspective on child well-being // Ben-Arieh A., Casas F., Frønes I., Korbin J. (Eds.). Handbook of Child Well-Being. Dordrecht. 2014.
27. *Gates J.R., Wilson-Menzfeld G.* What role does geragogy play in the delivery of digital skills programs for middle and older age adults? A systematic narrative review // Applied Gerontology. 2022. Vol. 41. No. 8.
28. *Geigl C., Loss J., Leitzmann M., Janssen C.* Social factors of health-related quality of life in older adults: A multivariable analysis // Quality of Life Research. 2023. Vol. 32. No. 11.
29. *Kilian M.* Special geragogy in an aging society — needs and possibilities // Exlibris: Social Gerontology Journal. 2016. Vol. 12. No. 2.
30. *Maderer P., Skiba A.* Integrative geragogy. Part 1: Theory and practice of a basic model // Educational Gerontology. 2006. Vol. 32. No. 2.
31. *Merriam S., Kee Y.* Promoting community well-being: The case for lifelong learning for older adults // Adult Education Quarterly. 2014. Vol. 64. No. 2.
32. *Munukka M., Koivunen K., von Bonsdorff M.* Birth cohort differences in cognitive performance in 75- and 80-year-olds: A comparison of two cohorts over 28 years // Aging Clinical and Experimental Research. 2021. Vol. 33.
33. *Nelson G., Saegert S.* Housing and quality of life: An ecological perspective // Preedy V.R., Watson R.R. (Eds.). Handbook of Disease Burdens and Quality of Life Measures. N.Y., 2010.
34. *Prisiazhniuk D., Holavins A.* Active ageing and social services: The paradox of empowerment in Russia // Europe-Asia Studies. 2023. Vol. 75. No. 2.
35. *Reshetnikova L., Boldyreva N., Perevalova M., Kalayda S., Pisarenko Z.* Conditions for the growth of the “silver economy” in the context of sustainable development goals: Peculiarities of Russia // Journal of Risk and Financial Management. 2021. Vol. 14. No. 9.

36. The upside of aging: How long life is changing the world of health // P.H. Irving (Ed.). *Work, Innovation, Policy and Purpose*. Hoboken; New Jersey, 2014.
37. *Varlamova M., Sinyavskaya O.* Active ageing index in Russia — identifying determinants for inequality // *Journal of Population Ageing*. 2021. Vol. 14. No. 1.
38. *Wister A., Speechley M.* COVID-19: Pandemic risk, resilience and possibilities for aging research // *Canadian Journal on Aging*. 2020. Vol. 39. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181
EDN: EVXDZC

Silver ecosystem of education for the benefit of the older generation*

E.R. Iarskaia-Smirnova, D.I. Prisyazhnyuk

National Research University Higher School of Economics,
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: eiarskaia@hse.ru; dprisyazhnyuk@hse.ru)

Abstract. The era of longevity, which characterizes many countries, including Russia, requires a revision of ageing and the role of the elderly in society. The idea of the older cohort of the population as passive beneficiaries, creating an additional burden on the labor market, social services, and health care systems, is gradually replaced by a more inclusive approach based on the principles of active ageing, empowerment for the elderly and their social integration. One of the ways to respond to the challenges of ageing societies are educational programs for the elderly, which can provide the older cohort with necessary knowledge, skills and competencies, thus strengthening its human potential. The article focuses on the development of a theoretical framework for the analysis of education for the elderly in Russia, i.e., “silver ecosystem” of educational programs for the elderly, which is reconstructed from the works of U. Bronfenbrenner and the structuralist-constructivist approach. Following the logic of Bronfenbrenner’s ecological theory, the authors consider education for the elderly as a number of interconnected subsystems with an emphasis on actors at different levels, contributing to social development and well-being of this social group. The structural-constructivist approach allows to analyze education for the elderly in the context of power and inequality and as a field in which resources are unevenly distributed. The authors apply the new conceptual framework to the regional policy analysis to reveal bonds, boundaries and multidirectional processes at different levels of the “silver ecosystem”, which determine contradictions between ideals of the older generation’s active social involvement and the uneven distribution of resources for social integration of the older generation.

Key words: silver ecosystem; education for the elder generation; geragogy; active ageing; inclusion; human capital; structural and symbolic inequalities

For citation: Iarskaia -Smirnova E.R., Prisyazhnyuk D.I. Silver ecosystem of education for the benefit of the older generation. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 168–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181>

*© E.R. Iarskaia-Smirnova, D.I. Prisyazhnyuk, 2025

The article was submitted on 02.10.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

References

1. Albegova I.F., Startseva O.N. Obrazovanie pozhilykh lyudey kak faktor ih zdorovya v usloviyakh postoyannogo prozhivaniya v sovremennom dome-internate [Education of the elderly as a factor of their health on the contemporary care home]. *Sotsiologiya Meditsiny*. 2014; 1. (In Russ.).
2. Arendt X. *Vita activa, ili O deyatelnoy zhizni* [The Human Condition]. Saint Petersburg; 2000. (In Russ.).
3. Bashkireva A.S. Uroven fizicheskoy aktivnosti i kachestvo zhizni u lits pozhilogo i starcheskogo vozrasta [Level of physical activity and quality of life of the elderly]. *Klinicheskaya Gerontologiya*. 2019; 11–12. (In Russ.).
4. Bourdieu P. Formy kapitala [The forms of capital]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2002; 3 (5). (In Russ.).
5. Vishnevsky A.G., Shcherbakova E.M. Demografiya: za i protiv povysheniya pensionnogo vozrasta [Demography: Pros and cons of raising the retirement age]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*. 2019; 2. (In Russ.).
6. Vysotskaya I.V., Tikhaeva V.V., Glebova E.A. Sravnitel'naya kharakteristika sodержaniya obrazovaniya "universiteta tretyego vozrasta" v Germanii i Rossii [A comparative description of the content of education of the "university of the third age" in Germany and Russia]. *Vestnik SGTU. Psikhologo-Pedagogicheskie Nauki*. 2017; 4. (In Russ.).
7. Grigoryeva I., Bogdanova E. Kontseptsiya aktivnogo stareniya v Evrope i Rossii pered litsom pandemii covid-19 [The concept of active aging in Europe and Russia under the covid-19 pandemic]. *Laboratorium*. 2020; 2. (In Russ.).
8. Zdravomyslova E., Nizamova A. Miry institutsionalnoy zaboty: sovmestnoe prozhivanie i konflikty v pansionate dlya lyudey starshego vozrasta [Worlds of institutional care: Co-living and conflicts in the care home for the elderly]. Pod red. E.A. Borozdinoy, E.A. Zdravomyslovoy, A.A. Temkinoy. *Kriticheskaya sotsiologiya zaboty: perekrestki sotsialnogo neravenstva*. Saint Petersburg; 2019. (In Russ.).
9. Ovcharova L.N., Morozova M., Sidorenko A., Sinyavskaya O.V., Chervyakova A.A. *Kontseptsiya politiki aktivnogo dolgoletiya* [Concept of the Active Ageing Policy]. Pod red. L.N. Ovcharovoy, M. Morozovoy, O.V. Sinyavskoy. Moscow; 2020. (In Russ.).
10. Nikiporets-Takigava G.Yu. Universitety tretyego vozrasta v rossiyskoy vysshey shkole: problemnoe pole [Universities of the third age in the Russian higher education: A subject field]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2022; 26 (1). (In Russ.).
11. Parfenova O.A. Vovlechenie pozhilykh v volonterskuyu i grazhdanskuyu aktivnost kak instrument preodoleniya sotsialnogo isklyucheniya [The elderly's involvement in volunteer and civil activity as a tool for overcoming social exclusion]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 4. (In Russ.).
12. Smirnova T.V. Pozhilye lyudi: stereotipny obraz i sotsialnaya distantsiya [The elderly: A stereotypical image and social distance]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2008; 8. (In Russ.).
13. Tatarinov K.A., Orlova E.G. Nepreryvnoe obuchenie v period pozdney vzrosloy zhizni [Lifelong learning in late adulthood]. *ANI: Pedagogika i Psikhologiya*. 2021; 3. (In Russ.).
14. Iarskaia-Smirnova E.R. Skryty uchebny plan kak traditsiya sotsiologicheskikh issledovaniy [Hidden curriculum as a tradition of sociological research]. *Menyayushchayasya molodezh v menyayushchemsya mire: nevidimaya povsednevnost*. Ulyanovsk; 2006. (In Russ.).
15. Iarskaia-Smirnova E.R. *Sotsiokulturny analiz netipichnosti* [Sociocultural Analysis of Otherness]. Saratov; 1995. (In Russ.).
16. Iarskaia-Smirnova E.R., Iarskaia-Smirnova V.N., Kononenko R.V. Vidy kapitalov v pole "serebryanogo volonterstva" [Types of capital in the field of "silver volunteering"]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 3. (In Russ.).
17. Yashkova M. Sotsialny kapital: evolyutsiya kontsepta [Social capital: Evolution of the concept]. *Neprikosnovenny Zapas*. 2018; 3. (In Russ.).

18. Balogová B., Gazdová V.K.. Are Slovak universities prepared to create the department of geragogy and train future geragogues? *Acta Educationis Generalis*. 2019; 9 (1).
19. Baschiera B. Key competencies in late-life learning: Toward a geragogical curriculum. *Innovation in Aging*. 2017; 30 (1).
20. Bourdieu P. The forms of capital. J. Richardson (Ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York; 1986.
21. Bronfenbrenner U. Ecological models of human development. *International Encyclopedia of Education*. Oxford; 1994.
22. Brown J.W., Chen S.L., Mefford L., Brown A., Callen B., McArthur P. Becoming an older volunteer: A grounded theory study. *Nursing Research and Practice*. 2011. doi: 10.1155/2011/361250.
23. Creech A., Hallam S. Critical geragogy: A framework for facilitating older learners in community music. *London Review of Education*. 2015; 13 (1).
24. Formosa M. Education and older adults at the university of the third age. *Educational Gerontology*. 2011; 38 (2).
25. Fraser N. From redistribution to recognition? Dilemmas of justice in a ‘post-socialist’ age. *New Left Review*. 1995; 212.
26. Garbarino J. Ecological perspective on child well-being. Ben-Arieh A., Casas F., Frønes I., Korbin J. (Eds.). *Handbook of Child Well-Being*. Dordrecht; 2014.
27. Gates J.R., Wilson-Menzfeld G. What role does geragogy play in the delivery of digital skills programs for middle and older age adults? A systematic narrative review. *Applied Gerontology*. 2022; 41 (8).
28. Geigl C., Loss J., Leitzmann M., Janssen C. Social factors of health-related quality of life in older adults: A multivariable analysis. *Quality of Life Research*. 2023; 32 (11).
29. Kilian M. Special geragogy in an aging society — needs and possibilities. *Exlibris: Social Gerontology Journal*. 2016; 12 (2).
30. Maderer P., Skiba A. Integrative geragogy. Part 1: Theory and practice of a basic model. *Educational Gerontology*. 2006; 32 (2).
31. Merriam S., Kee Y. Promoting community well-being: The case for lifelong learning for older adults. *Adult Education Quarterly*. 2014; 64 (2).
32. Munukka M., Koivunen K., von Bonsdorff M. Birth cohort differences in cognitive performance in 75- and 80-year-olds: A comparison of two cohorts over 28 years. *Aging Clinical and Experimental Research*. 2021; 33.
33. Nelson G., Saegert S. Housing and quality of life: An ecological perspective. Preedy V.R., Watson R.R. (Eds.). *Handbook of Disease Burdens and Quality of Life Measures*. New York; 2010.
34. Prisiazhniuk D., Holavins A. Active ageing and social services: The paradox of empowerment in Russia. *Europe-Asia Studies*. 2023; 75 (2).
35. Reshetnikova L., Boldyreva N., Perevalova M., Kalayda S., Pisarenko Z. Conditions for the growth of the “silver economy” in the context of sustainable development goals: Peculiarities of Russia. *Journal of Risk and Financial Management*. 2021; 14 (9).
36. The upside of aging: How long life is changing the world of health. P.H. Irving (Ed.). *Work, Innovation, Policy and Purpose*. Hoboken; New Jersey; 2014.
37. Varlamova M., Sinyavskaya O. Active ageing index in Russia — identifying determinants for inequality. *Journal of Population Ageing*. 2021; 14 (1).
38. Wister A., Speechley M. COVID-19: Pandemic risk, resilience and possibilities for aging research. *Canadian Journal on Aging*. 2020; 39 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-182-202

EDN: ETHFJQ

Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе*

И.В. Троцук^{1, 2, 3}, А.Н. Дурсина⁴

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

³Высшая школа экономики,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

⁴АНО «Диалог»,
ул. Тимура Фрунзе, 11, стр. 1, Москва, 119021, Россия

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; anetrova29@yandex.ru)

Аннотация. В современном информационном обществе государство не просто стремится, но зачастую вынуждено выстраивать диалог с гражданами в онлайн-пространстве — посредством сайтов, порталов, приложений и социальных сетей, которые стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Личные обращения к чиновникам переводятся в онлайн-формат — вместо часов ожидания в учреждениях мы быстро заполняем специальные формы в «электронных приемных», что порождает новые формы диалога между органами власти и населением, способствуя развитию и совершенствованию каналов коммуникации заинтересованных субъектов на всех уровнях социального управления. Специальные сервисы и приложения позволяют получать государственные услуги в удаленном режиме, задавать вопросы представителям власти, оставлять жалобы, голосовать за предлагаемые решения и т.д. В рамках российского электронного правительства осуществляется переход к модели открытого государства, призванный развивать доверительные отношения власти и общества, однако у быстрых технологических новшеств есть и обратная сторона: рост цифрового неравенства, технические сбои, заметный отрыв ряда регионов по уровню внедрения государственных услуг (прежде всего, городов-миллионников, особенно Москвы). Государство нацелено на реализацию масштабных проектов цифровизации, которые позволят не только повысить качество жизни и доступность государственных услуг, но и развивать диалог с населением, поэтому, с одной стороны, государству необходимо выявлять актуальные запросы и реальные коммуникативно-технологические возможности населения; с другой стороны, и оно нуждается в эффективных формах взаимодействия с государственным аппаратом; причем в обоих случаях востребованы социологические методики (массовые опросы, фокус-группы, контент-анализ медиасреды), учитывающие темпы развития коммуникативно-

*© Троцук И.В., Дурсина А.Н., 2025

Статья поступила в редакцию 15.09.2023. Статья принята к публикации 14.06.2024.

технологических процессов в разных регионах и на разных уровнях государственной власти. В статье обозначены основные аспекты (коммуникативный, технический и социальный) социологического анализа нынешних тенденций цифровизации диалога населения с государством в современном российском обществе.

Ключевые слова: социальная коммуникация; социологический подход; население; органы власти; государство; цифровизация; информационное общество; электронные услуги

Для цитирования: Троцук И.В., Дурсина А.Н. Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 182–202. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-182-202>

Специфику социологического подхода к изучению коммуникации составляет фокус на ее социальном измерении — обмене информацией и мнениями в разных ситуациях и на разных уровнях общения в интересах формирования и поддержания социальных отношений и социальных структур. В каждой сфере жизни (работа, общение, образование, политика и т.д.) существуют свои особенности коммуникации [60], но ее социальное измерение включает в себя все виды общения в социальной среде (установление контакта, формирование связей, разрешение конфликтов и т.д.), поэтому выделяют следующие функции социальной коммуникации: информационную (получение информации об окружающей действительности и других людях, понимание их мнений и идей); регулятивную (регулирование взаимодействия людей и их поведения в различных ситуациях в целях определения границ и норм социально допустимого поведения); аффективную (выражение эмоций и чувств, понимание эмоционального состояния других людей); мотивационную (стимулирование и мотивирование на определенные действия); экспрессивную (выражение индивидуальности, идентичности, интересов и предпочтений); рефлексивную (возможность анализировать и осознавать свои мысли и действия, учитывая опыт других людей). Социальная коммуникация имеет ряд особенностей, которые выделяют ее среди других видов коммуникации: многообразие форм (устная и письменная, вербальная и невербальная); сложность (языковые, социально-культурные, психологические и прочие аспекты); взаимность (двусторонний процесс, где каждый участник играет определенную роль); неопределенность (общение зависит от множества факторов — личности участников, их эмоциональное состояние и т.д.); контекстуальность (культурные, социальные, политические, экономические и другие факторы); символизм (языковые, знаковые, графические и другие символы для передачи информации и создания значений).

Несмотря на то, что коммуникация представлена во всех сферах жизни, наблюдаются некоторые отличия в ее функционировании в разных средах. Например, политическая коммуникация используется, чтобы влиять на мнение и поведение граждан, обеспечивая достижение политических целей, основана на взаимодействии политических лидеров/групп и организаций

с гражданами, имеет специфические особенности (особые термины и концепции, связанные с политикой, технологии для распространения и т.д.). Иными словами, политическая коммуникация отличается особыми целями, способами их достижения, формами передачи и паттернами взаимодействия между участниками, причем каждое общество имеет свои культурные и исторические факторы, определяющие характер и содержание политической коммуникации как инструмента выражения интересов разных социальных групп. Современные технологии (Интернет, социальные сети и мобильные устройства) изменили политическую коммуникацию, предоставив новые возможности для взаимодействия ее участников в интересах формирования, поддержки, изменения или разрушения политических ценностей, установок и убеждений [22].

Основная функция политической коммуникации — обеспечение распространения и передачи политической информации (опубликование государственных решений, ознакомление с государственной политикой и политическими событиями посредством СМИ и публичных государственных каналов [6]) между элементами политической системы (политическими деятелями и партиями, общественными организациями и государственными институтами [25; 29; 31]). Функции (информационная, легитимизирующая, регулятивная, интегративная, контролирующая и репрезентативная) политической коммуникации определяют ее каналы — СМИ (общие — телевидение, пресса, Интернет — и специализированные каналы) и другие структуры связи с населением (например, общественные советы), причем не всегда преследующей прямо/открыто политические цели (принятие законов, поддержание политических процессов и легитимности власти, утверждение ценностей и интересов политических групп) [21; 47].

В широком смысле коммуникация в политической сфере призвана обеспечивать обмен информацией для достижения общественного согласия/консенсуса [18; 58]. Однако различаются исследовательские акценты в изучении соответствующих коммуникативных практик и процессов: так, институциональный подход сосредоточен на изучении политических институтов и их влияния на формирование политической системы (определяют ее структуру и правила игры [32; 59]); культурологический подход — на анализе культурных ценностей и символов, влияющих на политические процессы (формирование политической системы и взаимодействие ее участников; в частности, чтобы избежать негативных последствий цифровизации и автоматизации, или четвертой промышленной революции [57], необходимо активное участие государственных и корпоративных лидеров, а также гражданского общества); политологический подход — на понимании политических процессов и институтов через призму права и законодательства, структур управления и принятия решений (принципы и методы принятия решений, механизмы их реализации [19; 62]).

Традиционные определения политического [2; 4; 28; 50] сводят его к событиям, отношениям и взаимодействиям, что связаны с борьбой за власть, ее сохранение, укрепление и использование или, напротив, с противодействием всему перечисленному (процесс взаимодействия субъектов политики (государственные органы, политические партии, корпорации, политические лидеры, общественные организации), реализующих свои потребности и интересы с помощью власти), т.е. не рассматривают особенности коммуникативного взаимодействия субъектов политики с учетом реализации политических норм (в частности, это публичность деятельности, взглядов и ценностей субъектов). Социологический подход к пониманию коммуникационных процессов в политической сфере предполагает акцент на механизме обратной связи — как позволяющем более полно исследовать природу коммуникации и определять место и роль ее участников в социальной системе [15; 45; 49]. Коммуникация обретает политический характер, если оказывает непосредственное или опосредованное влияние на политику или касается сферы государственных отношений, т.е. политическая коммуникация — это целенаправленная передача и избирательный прием информации, без которой невозможно формирование, поддержание и развитие политического процесса [12], создание, трансляция и оборот политической информации (сведения, взгляды и мнения, в официальной письменной форме — законах, референдумах, реформах — или неофициальной — митинги, дебаты и т.д.) для постоянного обмена «данными», даже если такой обмен имеет ситуативно обусловленный характер. Ситуативность объясняется тем, что политическая система представляет собой и совокупность политических позиций (может меняться), и совокупность способов реагирования на политические ситуации (могут меняться как сами ситуации, так и их количество, тип и характер) с учетом множественности интересов политических субъектов. Важнейшим аспектом политической коммуникации считается формирование и поддержание устойчивых социальных представлений за счет создания и управления информационными потоками в интересах обеспечения, поддержания или усиления легитимности действующего социального порядка.

Собственно и к изучению политической коммуникации можно выделить несколько подходов, хотя все они основаны на понятии функции. Так, системный подход сосредоточен на функциях коммуникации в политической системе, в частности мобилизации (привлечение людей к участию в политической жизни, активизации их политической активности), легитимизации (установление и поддержание легитимности политической власти, представление действий правительства в положительном свете и поддержка общественного доверия к власти), социализации (передача ценностей, норм и знаний, необходимых для политического участия и социальной адаптации) и координации (согласование действий в политической сфере, обеспечение сотрудничества и координации усилий), причем важно не только содержание

сообщений, но и средства, с помощью которых они передаются, оказывают влияние на общественное сознание и поведение («среда» политической коммуникации) [30]. Структурно-функциональный подход видит в политической коммуникации неотъемлемую часть политической системы (структура взаимосвязанных элементов с определенными функциями [35; 42]), обеспечивающую функционирование этих институтов (объединение и выражение групповых политических интересов, обмен информацией между политическими институтами [6; 39]). Неомарксистский подход [33; 54] характеризует политическую коммуникацию как, прежде всего, инструмент идеологического контроля масс (СМИ, контролируемые правящей элитой, формируют и распространяют те идеологические, культурные и ценностные концепции, что необходимы для поддержания стабильности капиталистической системы и лояльности общественного мнения). Технологический подход исследует технологические трансформации (каналов) политических коммуникаций, посредством которых генерируются и распространяются определенные массовые культурные коды и модели [20]. Коммуникативный подход сосредоточен на изучении либо модели информационного воздействия на общество (например, СМИ формируют общественное сознание не напрямую, а через интерпретацию контента лидерами общественного мнения, которые распространяют интерпретированные смыслы и мнения среди аудитории), либо на аспектах коммуникативного влияния и неравенства (политическая власть основана не только на физической и экономической силе, но и на контроле над смыслами и символами [3] — отсюда власть, основанная на коммуникации, и административная власть, чья легитимность обеспечивается управлением коммуникацией [52]).

Иными словами, цифровизация не меняет суть/функционал политической коммуникации, а повышает ее скорость и эффективность на фоне сохранения ее принципиальных характеристик — гомогенность политической информации (идентична во всех каналах коммуникации), мобильность (способность быстро распространяться, широкая доступность в разных местах и форматах), достаточный объем (для всех участников политической среды) и направленность (односторонние или двусторонние, предполагающие обратную связь, системы взаимодействия), а также важнейших функций: передача политического опыта (подготовка кадров в политике, повышение качества принимаемых решений за счет обмена знаниями и опытом [34]), обеспечение политической социализации (усвоение ценностей и навыков, необходимых для участия в политической жизни) и социальная адаптация политических решений (как общество усваивает и принимает политические решения [16]).

С социологической точки зрения в контексте цифровизации наиболее интересна функция адаптации политических решений, т.е. информирование о политических решениях конкретных людей, групп и сообществ. Безусловно, данный механизм используется преимущественно во взаимодей-

ствии государства с населением — передача социально-значимых сведений является одной из важнейших функций государственных органов. Такие сообщения могут выглядеть как констатации фактов, вызывающих интерес адресанта (статистические сведения об эффективности управленческих решений), или как разъяснение смысла событий (целесообразность реформ и других государственных решений). Инициатором сообщений (коммуникатором), как правило, выступает лидер (глава государства, руководитель органа власти, лидер «из народа») или политическая организация (НКО, партия), поэтому политическая коммуникация чаще представлена как вертикально-нисходящая [44] (благодаря СМИ), однако необходима и обратная связь — как механизм адаптации деятельности государственных органов к целям, интересам и потребностям населения [24; 38], что обеспечивает своего рода его «диалог» с государством (благодаря опросам общественного мнения).

В данном случае нет смысла уточнять трактовки общественного мнения: идет ли речь о государственных элитах, которые в той или иной степени опираются на некое коллективное неконкретное мнение (обобщенные идеи, социальные стереотипы, коллективные представления) [48], о совокупности волнующих определенные социальные группы вопросов [9] или же о повестке критической оппозиционной направленности, которую формулируют наиболее активные в информационном и политическом плане индивиды и их объединения [10; 14]. Главное, что политические субъекты (по крайней мере декларативно) стали признавать, что для государственного управления могут быть важны потребности и интересы социальных групп, поэтому участие граждан в политической коммуникации стало считаться необходимым не только для обеспечения демократичности социальной системы, но и для корректировки управленческих решений в соответствии с коллективными представлениями, массовыми ожиданиями и групповыми запросами.

Изучение диалога населения и государства — актуальная проблематика для российских исследователей. Одни авторы считают, что общественное сознание в значительной степени структурируется посредством воздействия СМИ, которые формируют систему мнений, установок и стереотипов, тем самым задавая реакции, оценки и поведенческие модели массовой аудитории. Другие авторы полагают, что политическая коммуникация создает социально-информационное пространство для обмена и передачи политической информации, а эти процессы влияют на структурирование политической деятельности и придают ей новые значения и смыслы. Массовые коммуникации становятся неотъемлемой частью политики, обеспечивая опосредованные формы общения и связи между субъектами власти, а также между государством и гражданским обществом. Третьи авторы используют понятие «режимы взаимодействия власти и населения», понимая под взаимодействием «обобщенную характеристику меры реальной включенности общественного мнения в принятие политических решений» [7. С. 60].

С одной стороны, институты власти конституируют социальную роль любого феномена через его включение и определение в системе законодательства, с другой стороны, в ходе реализации конкретных политических мер общественное мнение в той или иной мере допускается/вовлекается в сферу принятия решений.

Соответственно, используются разные режимы взаимодействия власти и населения [7]: подавление общественного мнения властными структурами (жесткий прессинг со стороны институтов власти; общественное мнение имеет исключительно формально-номинальный характер без практического выражения); игнорирование общественного мнения (своего рода отстранение власти — массовые заинтересованные оценочно-ценностные суждения и волевые проявления как бы выносятся за скобки политического процесса, не пересекаясь с пространством государственного управления); патернализм (элементы демократичного представительства интересов разных социальных групп и слоев в структуре власти и управления); сотрудничество (демократичность электоральных институтов, широкий спектр правовых гарантий действенности общественного мнения, равноправие в дискуссиях власти и общественности); давление на институты власти и управления (через сеть институтов его изучения и представительства); диктатура общественного мнения (крайняя слабость всех властных структур). На основе этой типологии можно отследить формирование тренда на переход от модели игнорирования властью общественного мнения к диалогическому типу взаимодействия с ним, т.е. наряду с манипулятивными медийными инструментами в информационном пространстве оформляются дискуссионные площадки между общественностью и властью, а также области и стратегии реагирования властных институтов на массовые оценки и рекомендации общественности, причем этот тренд усиливается по мере нарастания масштабов цифровизации, обеспечивающей, в первую очередь, открытость/публичность системы политического взаимодействия между государством и обществом в интересах ее устойчивости.

Фактически в политической системе начинает доминировать информационно-коммуникационный механизм, состоящий из четырех блоков: получение и отбор информации; обработка и оценка информации; принятие решений; осуществление решений с опорой на механизм обратной связи [56; 63]. Тем самым обеспечивается непрерывный обмен информацией между индивидами и группами на всех уровнях социального управления, что гарантирует согласие между управляющими и управляемыми [58]. Этот обмен осуществляется посредством множества каналов коммуникации, но в последние десятилетия наиболее активно развиваются именно цифровые — официальные онлайн форматы обратной связи и неформальные каналы (слухи, анекдоты, мемы и пр.) [5; 40], что отражает запрос субъектов публичной политики не на односторонние акты информирования, а на кана-

лы устойчивой обратной связи, что предполагает почти равноправный обмен точными, полными и проверяемыми сведениями.

В России в советский и постсоветский периоды характер общения власти с обществом не отвечал критериям партнерства/диалога, а представлял собой скорее монолог государства-коммуникатора («сверху вниз» спускались законы, указы, постановления и распоряжения без использования механизма обратной связи) [15], хотя формирование открытых и доверительных взаимоотношений государства и общества предполагает поддержание между ними постоянного диалога. В противном случае граждане будут вовлекаться в другие политические механизмы, которые, пусть даже чисто декларативно (в оппозиционных или мошеннических целях), разделяют их интересы и проблемы [11]. В последние годы однонаправленный характер политической коммуникации в российской действительности стал меняться — наблюдается тенденция к развитию двусторонней системы диалога (пусть нередко декларативно) прежде всего, благодаря широкомасштабной цифровизации. Несмотря на то, что каналы связи населения с государством не всегда эффективны (о чем свидетельствуют, например, формальные отписки в ответ на жалобы и обращения через многочисленные «электронные приемные» официальных структур), говорить об отсутствии заинтересованности в диалоге со стороны «власть предержащих» неправильно. Скорее речь идет о необходимости помощи органам власти в выстраивании действенного общения с гражданами, и важную роль здесь играют социологи, выступая связующим звеном между обществом и властными структурами, изучая общественное мнение и социальные проблемы, адаптируя управленческие решения к социокультурным реалиям, оценивая общий социально-политический фон.

Сегодня государство стремится к выстраиванию диалога с гражданами в медиапространстве — посредством собственных интернет-ресурсов и социальных сетей, которые стали неотъемлемой частью жизни современного россиянина (по крайней мере в крупных городах, особенно в Москве). Личные обращения к чиновникам и очереди в их приемных уходят на второй план — на смену им приходит оперативное общение на форумах и страницах органов власти в онлайн-среде [41. С. 21]. Интернет используется для развития диалога между государством и обществом на всех уровнях социального управления, в том числе органами региональной и местной власти. В первую очередь, такой диалог обеспечивается прямым участием граждан в решении социальных проблем с помощью современных каналов коммуникации — в наиболее значимых для населения сферах (здравоохранение, образование, транспорт, благоустройство, жилищно-коммунальное хозяйство). В рамках Федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика» данные форматы взаимодействия получили развитие в виде сервисов и приложений, которые не только позволяют получать государственные услуги в удаленном режиме,

но и задавать вопросы представителям власти, оставлять жалобы, голосовать за предлагаемые решения [36]. Благодаря подобным формам разрабатываются меры и реформы, актуальные для населения конкретных районов и городов. Развиваются формы обратной связи на сайтах государственных структур и в аккаунтах органов власти в социальных сетях, создаются специальные площадки для получения информации по волнующим население темам — электронные порталы «Добродел», «Активный гражданин» и др.

Рассмотрим достоинства и ограничения онлайн-коммуникации государства с обществом на примере одной из относительно новых форм такого взаимодействия в онлайн-пространстве в России — системы дистанционного электронного голосования (ДЭГ), экспериментальной (с технической точки зрения) формы волеизъявления граждан. Оно проводится в нескольких субъектах страны и выступает в качестве дополнения привычной очной формы голосования — на избирательном участке, с урнами и бюллетенями. Дистанционный электронный формат голосования был законодательно закреплён Федеральным законом № 154-ФЗ от 23 мая 2020 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которому «дистанционное электронное голосование — голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения».

Популярность идеи электронного голосования обусловлена удобством и простотой волеизъявления, поскольку такой формат предоставляет гражданам возможность сделать выбор независимо от местонахождения. Актуальность ДЭГ существенно возросла в период пандемии коронавируса — когда основные общественные трансформации были связаны с повсеместным вынужденным внедрением коммуникаций в режиме онлайн, т.е. с использованием средств удаленного доступа. С началом пандемии ДЭГ стало позиционироваться не только как интересное инновационное явление, но и как способ обеспечения безопасности избирателей в условиях бушующей пандемии. Помимо очевидных мер противодействия заболеваемости, дистанционные выборы упрощают реализацию избирательных процедур и экономят время [54; 55]: полученные данные агрегируются быстрее, сокращается число использованных ресурсов, охватываются удаленные населенные пункты и немобильные категории граждан, которым не нужно лично приходить на избирательный участок, можно проголосовать в любое время суток и т.д.

В 2021 году ДЭГ было проведено в Курской, Нижегородской, Мурманской и Ростовской областях, а также в городах федерального значения — Москве и Севастополе. Отдать свой голос в онлайн-режиме на тот момент решились более 2,5 млн российских граждан, две трети из которых — жители Москвы [13. С. 45]. Наибольшую популярность дистанционный формат получил среди россиян среднего возраста: по данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, на выборах 2021 года пода-

вляющее большинство участников ДЭГ (практически 60 %) — пользователи онлайн-ресурсов в возрасте от 35 до 60 лет; каждый четвертый участник ДЭГ — в возрасте 25–35 лет; каждый десятый — старше 60 лет, а доля пользователей в возрасте до 25 лет, голосовавших дистанционно, составила 7 %. В 2022 году система ДЭГ применялась уже в семи регионах: Калининградской, Калужской, Курской, Новгородской, Псковской, Томской и Ярославской областях, а также на муниципальных выборах в Москве. По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, проголосовали более 86 % граждан, зарегистрированных для участия в ДЭГ: всего в списки было включено 110 тысяч избирателей, подавших соответствующее заявление через портал Госуслуг, и свыше 95 тысяч проголосовали. Новые возможности системы позволили впервые провести голосование с учетом разных часовых поясов. В рамках голосования использовалась система «Мобильный избиратель» — граждане могли проголосовать на удобном избирательном участке, по месту фактического нахождения, а не по месту постоянной или временной регистрации.

Безусловно, ДЭГ обладает рядом преимуществ перед традиционным форматом голосования: в первую очередь, ДЭГ снимает необходимость посещения избирательного участка, что значительно экономит время — голосование посредством гаджетов занимает всего несколько минут и может быть осуществлено в любое удобное человеку время, что особенно важно для работающих и маломобильных граждан. Второй позитивный фактор — территориальный: несмотря на то, что с 2018 года в России была введена возможность выбора ближайшего пункта голосования, ДЭГ вообще не требует привязки к определенному почтовому адресу. Третий фактор — исключение влияния третьих лиц на избирателей и результаты голосования: электронные бюллетени, в отличие от бумажных, не будут искажены или сфальсифицированы на стационарном избирательном участке. Кроме того, электронный формат повышает эффективность организации голосования: посредством ДЭГ можно легко провести выборы в труднодоступных и отдаленных населенных пунктах, если их жители могут проголосовать дистанционно.

Доверие российских избирателей к ДЭГ стало одной из главных причин принять участие в выборах посредством данного инструмента. По данным ВЦИОМ, в 2020 году, выбирая между разными способами голосования, 51 % опрошенных проголосовали бы на выборах через Интернет, если бы им представилась такая возможность, а 46 % не стали бы голосовать таким способом, потому что отдадут предпочтение традиционному очному способу волеизъявления, при этом 23 % выбрали бы электронное голосование. Основная причина недоверия к системе ДЭГ — предположение о возможности умышленных манипуляций и мошенничества (60 % сторонников традиционного формата голосования), реже упоминались техническая ненадежность системы ДЭГ и отсутствие уверенности в сохранении тайны голосования [43]. По данным

за 2022 год, 85 % избирателей знают о существовании такой формы голосования; 51 % относятся к возможности проголосовать через Интернет позитивно, 35 % — критически, 19 % — индифферентно; сторонников у трехдневного голосования больше, чем противников (47 % против 22 %).

В целом сохранение тайны голосования остается одним из главных технических и этических вопросов в ходе внедрения ДЭГ. Электронные выборы неразрывно связаны с использованием онлайн-технологий, поэтому высока вероятность нарушения принципа тайного голосования вследствие технических сбоев системы и кибератак [13. С. 48]. В частности, возникает вопрос о легитимности итогов голосования: в ходе ДЭГ граждане не могут убедиться в том, что их онлайн-голос действительно принят, в то время как бумажный бюллетень избиратель лично опускает в урну. Поддержание социально-политической стабильности и повышение эффективности политической системы в современных условиях требует информационной открытости, гарантий безопасности данных и действенных механизмов обратной связи — без них повторение опыта дистанционных выборов, но уже в масштабах всей страны, может обострить негативные настроения в обществе и усилить недоверие граждан к властным структурам.

Один из источников социальной напряженности — закрытый доступ к системе ДЭГ: на данный момент в нем могут принимать участие только жители определенных субъектов Российской Федерации; важен и фактор наличия технических возможностей у избирателей (гаджеты, интернет-соединение). Своего рода эксклюзивный характер дистанционного голосования может привести к снижению интереса к данному механизму. Открытость и доступность — важные особенности взаимодействия населения с государственным аппаратом, и применительно к ДЭГ следует уделить особое внимание внешним и внутренним условиям такого взаимодействия. Развитие технически инновационного способа волеизъявления без создания равных условий и гарантий для участия в нем может отразиться на гражданской инициативе, вызвав чувство дискриминации при реализации избирательного права и недоверие к выборной системе в целом [27. С. 32]. Причем технологические недоработки существенно подрывают надежность подобной формы взаимодействия государства и общества — скептическое отношение к выборной системе усугубляется недоверием к электронным технологиям.

В нынешних условиях возможны два варианта решения сложившихся проблем [37; 51]. Во-первых, отказ от системы электронного голосования в пользу традиционных избирательных механизмов. Хотя система ДЭГ используется лишь в некоторых странах (например, в Эстонии, Швейцарии, Великобритании — в качестве дополнительного этапа выборов [54. С. 30]), онлайн-электоральная демократия все же представляется неотъемлемой частью нашего будущего. Государства стремятся к созданию электронных правительств и развитию диалога с гражданами в интернет-пространстве,

научно-технический прогресс определяет неизбежность повсеместного внедрения онлайн-систем, и формат электронного голосования становится удобным и доступным. К тому же интернет-пространство превращается в популярную площадку гражданской активности, поэтому дистанционное голосование отразится и на желании участвовать в выборах. Однако ДЭГ должно стать не просто дополнительным способом сбора голосов, а особой формой волеизъявления, новой ветвью взаимодействия с электоральной аудиторией. Поскольку принципиальный отказ от электронного голосования не выглядит успешным решением описанных выше проблем, следует сосредоточиться на втором пути — повышении информированности населения, указывая на привлекательность новой системы голосования — простоту, удобство, экономию времени.

Несмотря на позитивные тенденции в обеспечении доверительного и доступного диалога государства и населения, в политической онлайн-коммуникации существуют и серьезные ограничения. Они могут быть обусловлены техническими проблемами (интернет-соединения или подключения к онлайн-платформам), недостаточным информационным сопровождением (низкая степень осведомленности граждан о существующих механизмах взаимодействия), низкой результативностью (игнорирование предложений и обращений граждан) и т.д., поэтому необходим регулярный мониторинг степени удовлетворенности населения онлайн-взаимодействием с управленческим аппаратом и популярности площадок, создаваемых для реализации открытого диалога, чтобы адаптировать коммуникативные формы к новым социальным вызовам и запросам граждан. Обеспечить эффективность такого мониторинга может сочетание следующих видов исследований диалога населения и государства в цифровом формате: опросы общественного мнения в онлайн [4] и оффлайн [46] форматах (в том числе фокус-группы [23; 61]); изучение государственных коммуникационных стратегий (например, система обратной связи в регионах обрела общегосударственный характер за счет создания так называемых «центров управления регионом» (ЦУРов), которые стали связующим звеном между гражданами и государственным аппаратом, осуществляя, согласно Постановлению Правительства России от 16 ноября 2020 года № 1844, «координацию работ по мониторингу и обработке всех видов обращений и сообщений граждан, поступающих в органы и организации... а также публикуемых гражданами и юридическими лицами в общедоступном виде в социальных сетях, мессенджерах, иных средствах электронной массовой коммуникации»; цифровых платформ обратной связи, в частности «Госуслуги. Решаем вместе»; открытого правительства в интернет-пространстве, а именно обязательное ведение органами власти официальных страниц в социальных сетях для публикации актуальной информации о своей деятельности [17. С. 256]); оценка технических возможностей коммуникации государства и общества

(например, так называемые «платформенные исследования», призванные оценивать, как цифровые сетевые платформы создают условия для объединения концепций электронного правительства и электронной демократии, способствуют развитию гражданского участия в делах государства и повышению качества государственных услуг; в России пользование госуслугами ежегодно отслеживает Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, но проводятся и региональные исследования доступности порталов [26]; постепенно внедряется юзабилити-тестирование — когда пользователи самостоятельно осваивают возможности платформ и описывают свой опыт, т.е. моделируются интересные для изучения ситуации взаимодействия в своего рода «лабораторных» условиях).

Таким образом, сегодня политические интернет-коммуникации постепенно превращаются в многоступенчатую систему — с разными функциональными возможностями, правилами коммуникации и форматами оказания услуг. Оценка эффективности взаимодействия государства с обществом в Интернете предполагает не только изучение технических возможностей и доступности сведений, но и анализ удовлетворенности населения складывающимся диалогом с властью. В России АНО «Диалог» составляет рейтинги федеральных органов власти по критерию их работы в Интернете по трем основным направлениям: официальные паблики (ведение социальных сетей, работа с комментариями, качество контента и уровень вовлеченности аудитории), собственные проекты (использование ресурсов внешних партнеров и коллаборации с ними, создание медиапроектов), планирование контента (планирование, глубина и качество проработки контент-плана). По итогам оценки в ведомства направляются стратегии развития с указанием сильных и слабых сторон.

Однако диалог между государством и населением невозможно описать всего несколькими параметрами или сведя эффективность к уровню доверия к органам власти — необходим комплекс индикаторов, учитывающий условия взаимодействия (виды и форматы коммуникации), способы (каналы) и структуру коммуникации (результаты). При разработке программы исследования необходимо сначала определить тип изучаемых площадок, возможные запросы населения к органам власти на данной платформе, способы коммуникации и предоставляемые платформой возможности. Применительно к оценке эффективности диалога власти с населением в качестве основных эмпирических индикаторов могут выступать: доступность — насколько доступны государственные органы для общения с населением, есть ли механизмы онлайн-коммуникаций; удобство — насколько онлайн-площадки государственных органов приспособлены к потребностям и возможностям населения; простота/понятность — сможет ли гражданин сформировать и отправить свой электронный запрос; публичность — получение информации о решениях государственных и му-

ниципальных органов, получение доступа к данным о работе государственных и муниципальных органов; производительность — насколько эффективен диалог с точки зрения достижения целей (передачи сообщения или получения обратной связи); востребованность — насколько популярны механизмы онлайн-взаимодействия с государственным аппаратом, насколько учитываются интересы всех слоев населения.

Поскольку государство стремится максимально перевести коммуникации с населением в онлайн-среду, необходимо их тщательное изучение для адаптации государственных решений и управленческих механизмов к особенностям интернет-пространства. Постоянный мониторинг хода реализации государственных программ, направленных на создание цифровой управленческой среды, важен для отчетности высших должностных лиц и технических специалистов, но этого недостаточно. Необходим и взгляд социологов — чтобы оценить траектории развития диалога, разработать модель социологической диагностики эффективности коммуникаций государства с населением и отслеживать представления населения о диалоге с властью: скажем, могут ли технические ограничения стать причиной недоверия к действующей системе онлайн-коммуникаций, в чем основные проблемы созданных каналов коммуникаций и как они должны меняться и т.д. Роль социолога в изучении диалога общества и государственных структур значительно больше, чем аналитическая и связующая, — скорее созидательная, прогностическая и преобразовательная.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. *Альтовский Е.В.* Небезопасные госуслуги // Защита информации. Инсайд. 2021. № 2.
2. *Арон Р.* Основные этапы развития социологической мысли. М., 1993.
3. *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
4. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
5. *Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г.* Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования // Социологические исследования. 2021. № 6.
6. *Володенков С.В.* Политическая коммуникация как инструмент распределения власти в системе отношений государство — общество // Государственное управление. 2017. № 62.
7. *Гавра Д.П.* Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 4.
8. *Гаспарян А.А., Кудашова И.С., Мартыненко Т.В. и др.* Социальная коммуникация. М., 2017.
9. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
10. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003.
11. *Грачев М.Н.* «Электронная демократия»: возможности и угрозы // Интернет и современное общество. СПб., 2009.
12. *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М., 2004.

13. *Гребняк О.В.* Опыт и перспективы внедрения электронного голосования в избирательную систему РФ // Третьи декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Вызовы пандемии, парламентские выборы и стратегическая повестка дня для общества и государства / Отв. ред. В.К. Левашов. М., 2022.
14. *Гришин О.Е., Гудошникова О.Е.* «Новые медиа» и СМИ как инструменты политической коммуникации: параметры эффективного функционирования // Вестник университета. 2015. № 6.
15. *Дзялошинский И.М.* Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М., 2012.
16. *Ермаков В.Г.* Влияние политики цифровизации на развитие институтов гражданского общества в РФ // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. № 1.
17. *Зотов В.В., Захаров В.М., Сапрыка В.А.* Цифровизация публичного управления: электронная демократия vs электронное правительство // Философия. Социология. Право. 2021. № 46.
18. *Ивлев С.В.* Социально-политические коммуникации в контексте идеологического дискурса // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2022. № 15.
19. *Ильин М.В.* Современные теории политики. М., 2014.
20. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.
21. *Кисилев А.Г., Киричек П.Н.* Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 2.
22. *Клепикова И.В.* Политическая коммуникация: сущность и основные аспекты изучения // Вестник СГЭУ. 2018. № 2.
23. *Климова С.Г., Климов И.А.* Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социологические исследования. 2015. № 4.
24. *Ковров М.А.* Системный анализ сетевой политической коммуникации // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 6.
25. *Ковшов М.А.* Законодательная и представительная ветви власти с точки зрения сетевой политической коммуникации власти и общества // Общество: экономика, право. 2022. № 2.
26. *Костина Е.А., Костин А.В.* Барьеры использования сервисов обратной связи на муниципальном уровне // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2023. № 16.
27. *Курачая М.М.* Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11.
28. *Лассуэлл Г.Д.* Гарнизонное государство // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2021. № 2.
29. *Лукин А.В.* Политическая коммуникация: сущность, функции, процессы // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2013. № 3.
30. *Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры. К., 2004.
31. *Мальцева Е.В.* Политическая коммуникация: эволюция теоретических подходов и анализ их практической реализации // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. № 3.
32. *Мамонтов М.Ю.* Карл Шмит и его концепция политического // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2009. № 1.
33. *Маркузе Г.* Одномерный человек // Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М., 2003.
34. *Мельников А.В.* Эффективная модель политической социализации молодежи // Власть. 2016. № 3.
35. *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
36. *Москвитина Н.В.* Цифровая трансформация государственного управления // Социология. 2021. № 4.
37. *Набатникова Е.А.* ДЭГ в Российской Федерации // Умная цифровая экономика. 2022. Т. 2. № 1.

38. Негуляев С.В. Цифровизация технopolитики совместного управления: кейс платформы «Госуслуги. Решаем вместе» // Политика и общество. 2022. № 2.
39. Олейников С.С. Эволюция представлений о сущности политических коммуникаций // Право: история, теория, практика. М., 2022.
40. Осипова О.С., Багдасарова Р.А., Лукушин В.А. Современные медиа как инструмент совершенствования диалога власти и общества // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2021. № 11.
41. Парма Р.В. Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6.
42. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
43. Пионеры интернет-выборов. 2020 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/pionery-internet-vyborov>.
44. Потехина Т.С. Коммуникационный потенциал в государственном управлении // Вопросы устойчивого развития общества. 2019. № 1.
45. Реутов Е.В., Брусненская Р.А. Механизмы формирования обратной связи в региональном и муниципальном управлении // Научные ведомости. БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 7.
46. Сулейманова Ш.С. Политическая коммуникация в современном мире: роль и влияние // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 6.
47. Тард Г. Социальная логика. СПб., 1996.
48. Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1.
49. Ушаков Е.В. Концепция контекстуальности политических наук Г. Лассуэлла // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 7.
50. Федорук В.Д. Перспективы применения системы дистанционного электронного голосования в России // Цифровизация общества: состояние, проблемы, перспективы. 2022. Т. 2.
51. Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии (Лекция вторая) // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992.
52. Хамутовская С. Новые технологии голосования: зарубежный опыт // Наука и инновации. 2019. № 5.
53. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.–СПб., 1997.
54. Цаплин А.Ю. Перспективы дистанционного электронного голосования в России // Известия Саратовского университета. Новая серия: Социология. Политология. 2016. № 3.
55. Шарков Ф.И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе // Politbook. 2012. № 2.
56. Шваб К. Глобализация 4.0. Новая архитектура для промышленной революции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1.
57. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: в 3 ч. М., 1992. Ч. 1.
58. Шмитт К. Понятие политического. СПб., 2016.
59. Шорыгина Е.Н. Особенности социальной коммуникации в современном обществе // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2019. № 4.
60. Штриков С.А. Электронные порталы исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации как инструмент коммуникативного взаимодействия: результаты эмпирического исследования // Управленческое консультирование. 2020. № 3.
61. Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.
62. Deutsch K.W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. L., 1963.

Digital trend in the development of communication between Russia's authorities and population*

I.V. Trotsuk^{1, 2, 3}, A.N. Dursina⁴

¹RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia,

³National Research University Higher School of Economics,

Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

⁴ANO Dialogue,

Timura Frunze St., 11, bldg. 1, Moscow, 119021, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; anetrova29@yandex.ru)

Abstract. In the contemporary information society, the state not only strives for but is often forced to develop a dialogue with citizens in the online space — on websites, portals, apps and social networks that have become an integral part of our everyday life. Personal appeals to officials have become online — instead of spending hours in state institutions, we quickly fill out special forms in electronic “reception rooms”, which gives rise to new forms of dialogue between government bodies and citizens, contributing to the development and improvement of communication channels of interested parties at all levels of social management. Special services and apps allow us to receive government services remotely, ask questions to government representatives, leave complaints, vote for proposed solutions, etc. Within the Russian e-government model, a transition to an open state model is underway to develop trusting relations between the government and society, but rapid technological innovations also have a downside: the growth of digital inequality, technical failures, a noticeable gap between regions in the level of provided government services. The state aims at implementing large-scale digitalization projects that will not only improve the quality of life and availability of public services but also develop a dialogue with the population. Therefore, on the one hand, the state needs to identify requests and real communicative and technological capabilities of citizens; on the other hand, citizens need effective forms of interaction with the state; in both cases, sociological methods (mass surveys, focus groups, content analysis of the media) are in demand, taking into account the pace of communicative and technological processes in different regions and at different levels of government. The article outlines the main aspects (communicative, technical and social) of the sociological analysis of current trends in the digitalization of dialogue between the population and the state in the contemporary Russian society.

Key words: social communication; sociological approach; population; authorities; state; digitalization; information society; electronic services

For citation: Trotsuk I.V., Dursina A.N. Digital trend in the development of communication between Russia's authorities and population. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 182–202.

*© I.V. Trotsuk, A.N. Dursina, 2025

The article was submitted on 15.09.2023. The article was accepted on 14.06.2024.

(In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-182-202>

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

References

1. Altovsky E.V. Nebezopasnye gosuslugi [Unsafe government services]. *Zashchita Informatsii. Insayd*. 2021; 2. (In Russ.).
2. Aron R. *Osnovnye etapy razvitiya sotsiologicheskoy mysli* [Main Currents in Sociological Thought]. Moscow; 1993. (In Russ.).
3. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Political Sociology]. Moscow; 1993. (In Russ.).
4. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow; 1990. (In Russ.).
5. Veselov Yu.V., Skvortsov N.G. Doverie v epokhu tsifrovyykh transformatsiy: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya [Trust in the era of digital transformations: A sociological study]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021; 6. (In Russ.).
6. Volodenkov S.V. Politicheskaya kommunikatsiya kak instrument raspredeleniya vlasti v sisteme otnosheniy gosudarstvo-obshchestvo [Political communication as an instrument of power distribution in the system of state–society relations]. *Gosudarstvennoe Upravlenie*. 2017; 62. (In Russ.).
7. Gavra D.P. Obshchestvennoe mnenie i vlast: rezhimy i mekhanizmy vzaimodeistviya [Public opinion and power: Modes and mechanisms of interaction]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoi Antropologii*. 1998; 1 (4). (In Russ.).
8. Gasparyan A.A., Kudashova I.S., Martynenko T.V. i dr. *Sotsialnaya kommunikatsiya* [Social Communication]. Moscow; 2017. (In Russ.).
9. Giddens A. *Uskolzayushchy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn* [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow; 2004. (In Russ.).
10. Giddens A. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow; 2003. (In Russ.).
11. Grachev M.N. “Elektronnaya demokratiya”: vozmozhnosti i ugrozy [“Electronic democracy”: Opportunities and threats]. *Internet i sovremennoe obshchestvo*. Saint Petersburg; 2009. (In Russ.).
12. Grachev M.N. *Politicheskaya kommunikatsiya: teoreticheskie kontseptsii, modeli, vektory razvitiya* [Political Communication: Theoretical Concepts, Models, Development Vectors]. Moscow; 2004. (In Russ.).
13. Grebnyak O.V. Opyt i perspektivy vnedreniya elektronnoy golosovaniya v izbiratelnyy sistem RF [Experience and prospects for implementing electronic voting in Russia’s electoral system]. *Tretyi dekabriskie sotsialno-politicheskie chteniya “Kak zhivesh, Rossiya?”*. *Vyzovy pandemii, parlamentskie vybory i strategicheskaya povestka dnya dlya obshchestva i gosudarstva*. Otv. red. V.K. Levashov. Moscow; 2022. (In Russ.).
14. Grishin O.E., Gudoshnikova O.E. “Novye media” i SMI kak instrumenty politicheskoy kommunikatsii: parametry effektivnogo funktsionirovaniya [“New media” and mass media as instruments of political communication: Parameters of effective functioning]. *Vestnik Universiteta*. 2015; 6. (In Russ.).
15. Dzyaloshinsky I.M. *Kommunikatsionnye protsessy v obshchestve: instituty i sub`ekty* [Communicative Processes in Society: Institutions and Subjects]. Moscow; 2012. (In Russ.).
16. Ermakov V.G. Vliyaniye politiki tsifrovizatsii na razvitiye institutov grazhdanskogo obshchestva v RF [The impact of digitalization policy on the development of civil society institutions in the Russian Federation]. *Srednerusskiy Vestnik Obshchestvennykh Nauk*. 2020; 1. (In Russ.).
17. Zotov V.V., Zakharov V.M., Sapryka V.A. Tsifrovizatsiya publichnogo upravleniya: elektronnaya demokratiya vs elektronnnoye pravitelstvo [Digitalization of public administration: Electronic democracy vs electronic government]. *Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2021; 46. (In Russ.).

18. Ivlev S.V. Sotsialno-politicheskie kommunikatsii v kontekste ideologicheskogo diskursa [Social-political communications in the context of ideological discourse]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye Nauki*. 2022; 15. (In Russ.).
19. Ilyin M.V. *Sovremennye teorii politiki* [Contemporary Political Theories]. Moscow; 2014. (In Russ.).
20. Castells M. *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society]. Ekaterinburg; 2004. (In Russ.).
21. Kisilev A.G., Kirichek P.N. Trendy politicheskoy kommunikatsii v kontekste sotsialnoy modernizatsii [Trends in political communication under social modernization]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (2). (In Russ.).
22. Klepikova I.V. Politicheskaya kommunikatsiya: sushchnost i osnovnye aspekty izucheniya [Political communication: Essence and main aspects of study]. *Vestnik SGEU*. 2018; 2. (In Russ.).
23. Klimova S.G., Klimov I.A. Vzaimodeystvie gorozhan s vlastyu: kompetentnoe uchastie i problema posrednikov [Interaction of citizens with the authorities: Competent participation and the issue of intermediaries]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 4. (In Russ.).
24. Kovrov M.A. Sistemny analiz setevoy politicheskoy kommunikatsii [System analysis of network political communication]. *Obshchestvo: Politika, Ekonomika, Pravo*. 2021; 6. (In Russ.).
25. Kovshov M.A. Zakonodatelnaya i predstavitel'naya vetvi vlasti s tochki zreniya setevoy politicheskoy kommunikatsii vlasti i obshchestva [Legislative and representative branches of government in the perspective of network political communication between government and society]. *Obshchestvo: Ekonomika, Pravo*. 2022; 2. (In Russ.).
26. Kostina E.A., Kostin A.V. Bariery ispolzovaniya servisov obratnoi svyazi na munitsipalnom urovne [Barriers to the use of feedback services at the municipal level]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye Nauki*. 2023; 16. (In Russ.).
27. Kuryachaya M.M. Elektronnoe golosovanie kak etap razvitiya neposredstvennoy de-mokratii [Electronic voting as a stage in the development of direct democracy]. *Konstitutsionnoe i Munitsipalnoe Pravo*. 2017; 11. (In Russ.).
28. Lasswell H.D. Garnizonnoe gosudarstvo [The garrison state]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya II: Sotsiologiya*. 2021; 2. (In Russ.).
29. Lukin A.V. Politicheskaya kommunikatsiya: sushchnost, funktsii, protsessy [Political communication: Essence, functions, processes]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2013; 3. (In Russ.).
30. McLuhan M. *Galaktika Gutenberga: Sotvorenie cheloveka pechatnoi kultury* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Kyiv; 2004. (In Russ.).
31. Maltseva E.V. Politicheskaya kommunikatsiya: evolyutsiya teoreticheskikh podkhodov i analiz ih prakticheskoy realizatsii [Political communication: Evolution of theoretical approaches and analysis of their practical implementation]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2014; 3. (In Russ.).
32. Mamontov M.Yu. Carl Schmitt i ego kontseptsiya politicheskogo [Carl Schmitt and his concept of the political]. *RUDN Journal of Philosophy*. 2009; 1. (In Russ.).
33. Markuse H. Odnomerny chelovek [One-dimensional man]. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomerny chelovek*. Moscow; 2003. (In Russ.).
34. Melnikov A.V. Effektivnaya model politicheskoy sotsializatsii molodezhi [An effective model of the youth political socialization]. *Vlast*. 2016; 3. (In Russ.).
35. Merton R.K. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow; 2006. (In Russ.).
36. Moskvitina N.V. Tsifrovaya transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya [Digital transformation of public administration]. *Sotsiologiya*. 2021; 4. (In Russ.).

37. Nabatnikova E.A. DEG v Rossiyskoy Federatsii [REV in the Russian Federation]. *Umnaya Tsifrovaya Ekonomika*. 2022; 2 (1). (In Russ.).
38. Negulyaev S.V. Tsifrovizatsiya tekhnopolitiki sovместного upravleniya: keys platformy “Gosuslugi. Reshaem vmeste” [Digitalization of the techno-politics of joint governance: The case of the platform “State services. Let’s decide together”]. *Politika i Obshchestvo*. 2022; 2. (In Russ.).
39. Oleynikov S.S. Evolyutsiya predstavleniy o sushchnosti politicheskikh kommunikatsiy [Evolution of ideas about the essence of political communication]. *Pravo: Istoriya, Teoriya, Praktika*. Moscow; 2022. (In Russ.).
40. Osipova O.S., Bagdasarova R.A., Lukushin V.A. Sovremennye media kak instrument sovershenstvovaniya dialoga vlasti i obshchestva [Contemporary media as a tool for improving the dialogue between government and society]. *Vestnik Finansovogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*. 2021; 11. (In Russ.).
41. Parma R.V. Obshchestvennyy aktivizm rossiyskikh grazhdan v oflayn- i onlayn-prostranstvakh [Public activism of Russian citizens in offline and online spaces]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2021; 6. (In Russ.).
42. Parsons T. *O sotsialnykh sistemakh* [The Social System]. Moscow; 2002. (In Russ.).
43. Pionery internet-vyborov [Pioneers of Internet elections]. 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/pionery-internet-vyborov>. (In Russ.).
44. Potekhina T.S. Kommunikatsionnyy potentsial v gosudarstvennom upravlenii [Communication potential in public administration]. *Voprosy Ustoychivogo Razvitiya Obshchestva*. 2019; 1. (In Russ.).
45. Reutov E.V., Brusnenskaya R.A. Mekhanizmy formirovaniya obratnoy svyazi v regionalnom i munitsipalnom upravlenii [Feedback mechanisms in regional and municipal governance]. *Nauchnye Vedomosti. BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 2010; 7. (In Russ.).
46. Sotsialnaya i politicheskaya aktivnost rossiyan: monitoring [Social and political activity of Russians: A monitoring]. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaya-i-politicheskaya-aktivnost-rossijan-monitoring>. (In Russ.).
47. Suleymanova Sh.S. Politicheskaya kommunikatsiya v sovremennom mire: rol i vliyanie [Political communication in the contemporary world: Role and influence]. *Voprosy Natsionalnykh i Federativnykh Otnosheniy*. 2021; 6. (In Russ.).
48. Tarde G. *Sotsialnaya logika* [Social Logic]. Saint Petersburg; 1996. (In Russ.).
49. Tikhonov A.V., Bogdanov V.S. Ot “umnogo regulirovaniya” k “umnomu upravleniyu”: sotsialnaya problema tsifrovizatsii obratnykh svyazey [From “smart regulation” to “smart management”: The social problem of digitalization of feedback]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 1. (In Russ.).
50. Ushakov E.V. Kontseptsiya kontekstualnosti politicheskikh nauk H. Lasswella [H. Lasswell’s concept of the political science contextuality]. *Voprosy Politologii*. 2020; 10 (7). (In Russ.).
51. Fedoruk V.D. Perspektivy primeneniya sistemy distantsionnogo elektronnoy golosovaniya v Rossii [Prospects for the application of the remote electronic voting in Russia]. *Tsifrovizatsiya Obshchestva: Sostoyaniye, Problemy, Perspektivy*. 2022; 2. (In Russ.).
52. Habermas J. Filosofsky spor vokrug idei demokratii (Lektsiya vtoraya) [A philosophical debate about the idea of democracy (Lecture Two)]. Habermas J. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost*. Moscow; 1992. (In Russ.).
53. Khamutovskaya S. Novye tekhnologii golosovaniya: zarubezhnyy opyt [New voting technologies: Foreign experience]. *Nauka i Innovatsii*. 2019; 5. (In Russ.).
54. Horkheimer M., Adorno T. *Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments]. Moscow; Saint Petersburg; 1997. (In Russ.).
55. Tsaplin A.Yu. Perspektivy distantsionnogo elektronnoy golosovaniya v Rossii [Prospects for remote electronic voting in Russia]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2016; 3. (In Russ.).

56. Sharkov F.I. Politicheskaya kommunikatsiya v sovremennom informatsionnom ob-shchestve [Political communication in the contemporary information society]. *Politbook*. 2012; 2. (In Russ.).
57. Schwab K. Globalizatsiya 4.0. Novaya arkhitektura dlya promyshlennoy revolyutsii [Globalization 4.0. A new architecture for the fourth industrial revolution]. *Eevraziyskaya Integratsiya: Ekonomika, Pravo, Politika*. 2019; 1. (In Russ.).
58. Schwarzenberger R.-J. *Politicheskaya sotsiologiya* [Political Sociology]: in 3 vols. Moscow; 1992. Vol. 1. (In Russ.).
59. Schmitt C. *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. Saint Petersburg; 2016. (In Russ.).
60. Shorygina E.N. Osobennosti sotsialnoy kommunikatsii v sovremennom obshchestve [Features of social communication in the contemporary society]. *Zhurnal Nauchnykh Publikatsiy Aspirantov i Doktorantov*. 2019; 4. (In Russ.).
61. Shtrikov S.A. Elektronnye portaly ispolnitelnykh organov gosudarstvennoi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii kak instrument kommunikativnogo vzaimodeistviya: rezultaty empiricheskogo issledovaniya [Electronic portals of the state executive bodies in the constituent entities of the Russian Federation as a tool for communicative interaction: Results of the empirical study]. *Upravlencheskoe Konsultirovanie*. 2020; 3. (In Russ.).
62. Elias N. *Obshchestvo individov* [The Society of Individuals]. Moscow; 2001. (In Russ.).
63. Deutsch K.W. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. London; 1963.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-203-213

EDN: EGZICJ

Управление высшим образованием в Китае в условиях цифровой трансформации*

Ван Сюань¹, Ван Бин^{2,3}

¹Ханчжоуский педагогический университет,
ул. Юхантан, 2318, Ханчжоу, 311121, Китай

²Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

³Цзилиньский университет иностранных языков,
ул. Цзинюе, 3658, Чанчунь 130117, Китай

(e-mail: haha2410@hotmail.com; 1321666299@qq.com)

Аннотация. По мере развития информационных технологий цифровизация становится глобальной тенденцией общественного развития — технологии и знания обновляются с невероятной скоростью. В контексте цифровой трансформации вузы как фундамент подготовки специалистов и двигатель научно-технического прогресса должны адаптироваться к изменениям в обществе, успевать за развитием технологий и применять информационные новшества для совершенствования системы управления и своего кадрового потенциала. Цель статьи — оценка общего вектора развития управления высшим образованием в Китае в контексте цифровой трансформации посредством обзора ее тенденций в китайских вузах, анализ текущей ситуации, проблем и перспектив внедрения элементов цифрового управления в вузах. В качестве показательных кейсов были выбраны четыре китайских высших учебных заведения с разными уровнями подготовки, а в качестве базы выборки использовались «типичные примеры построения и применения инструментов информатизации управления образованием с использованием цифровых технологий в 2022–2023 годы», подготовленные журналом «Информатизация образования в Китае» и определенные Министерством образования Китая. Как показали результаты исследования, в рамках глобальной цифровой трансформации китайские вузы использовали социальные ресурсы для завершения модернизации информационных систем, инфраструктуры, систем безопасности и защиты в пяти ключевых сферах деятельности, однако и в них сохраняются нерешенные проблемы. Благодаря информационной поддержке на платформе цифрового управления китайские университеты начали переходить от управления, основанного на опыте, к управлению, основанному на больших данных.

Ключевые слова: управление образованием; цифровая трансформация; образование в Китае; высшее образование; реформы; цифровое управление; цифровизация

Для цитирования: Ван Сюань, Ван Бин. Управление высшим образованием в Китае в условиях цифровой трансформации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 203–213. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-203-213>

*© Ван Сюань, Ван Бин, 2025

Статья поступила в редакцию 09.06.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

В условиях глобальной цифровой трансформации многие страны разрабатывали программы и стратегии для адаптации образования [2], и система высшего образования особенно нуждается в анализе систем управления и кадрового потенциала, учитывая проводимые в ее рамках научные исследования и требования к процессу обучения. В китайских вузах уже создана информационная инфраструктура, которая охватывает библиотеки, учебные корпуса, столовые, общежития и другие объекты. Покрытие мобильным Интернетом позволяет проводить онлайн-обучение, видеонаблюдение на территориях кампусов и обеспечивать безопасность (1), поэтому задачи цифрового образования в Китае сводятся к модернизации преподавания, развитию исследовательского потенциала и систем управления.

С 2011 года Министерство образования Китая активно занимается информатизацией образования в рамках «Десятилетнего плана развития информатизации образования (2011–2020)» (2), что объясняет огромное количество исследований и обсуждений цифровой трансформации высшего образования. По данным сайта Национальной инфраструктуры знаний (CNKI) (3), с 2014 года было опубликовано 1664 статьи на эту тему, их количество постоянно растет — например, со 132 в 2020 году до 390 в 2023 году. Большинство статей посвящено общим вопросам цифровой трансформации, затем идет «создание цифрового кампуса», «цифровизация преподавания» и другие тематики, однако «управление высшим образованием» в условиях цифровизации рассматривается в крайне небольшом числе публикаций (рисунок 1).

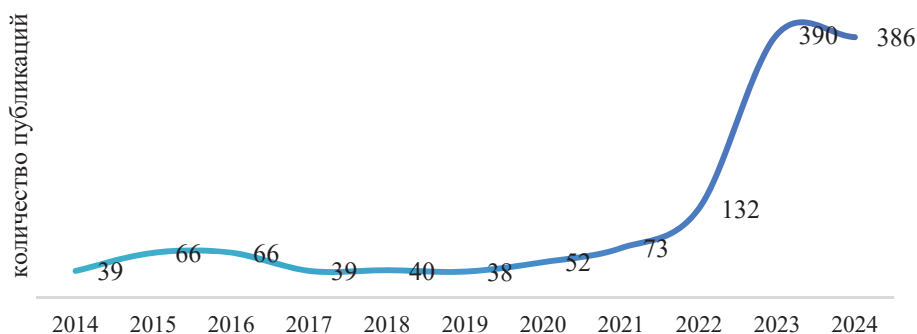

Рис. 1. Количество публикаций о цифровой трансформации высшего образования с 2014 по 2024 годы на сайте CNKI (3)

Лю Бингли, изучая информационное лидерство в институтах второго уровня в китайских вузах, предлагает модель, объединяющую четыре направления: принятие решений и планирование, координация и сотрудничество, инновации в обучении и исследованиях, оценка управления [5. С. 42]. Другие исследователи анализируют влияние больших данных на управление высшим образованием и модернизацию университетского управления в эпо-

ху цифрового интеллекта, сопоставляют проблемы высшего образования в Китае и других странах в условиях цифровой трансформации, фокусируясь на использовании цифровых платформ, разработке политики управления высшим образованием и тенденциях его цифрового развития [1], однако, на наш взгляд, сегодня необходимо сосредоточиться на истории цифровой трансформации высшего образования в Китае для определения наиболее значимых тенденций управления высшим образованием в условиях цифровизации.

В последние годы цифровая трансформации часто упоминается в правительственных документах, научных работах и новостях, но ее определение остается неоднозначным: информационные технологии, цифровой интеллект, цифровизация, информатизация, Интернет и новые медиа рассматриваются как неотъемлемые элементы цифровой трансформации. Считается, в китайском образовании цифровизация развивалась постепенно с 1970-х годов — когда были достигнуты значительные успехи в области компьютерных сетевых технологий, т.е. начало цифровой трансформации образования можно связать с распространением компьютерной грамотности в университетах с 1990 года [6. С. 116].

С ростом популярности компьютерных и мультимедийных технологий, особенно дистанционного обучения, Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет в 1999 году приняли «Решение об углублении реформы образования и всестороннем продвижении качественного образования», в котором впервые была выдвинута концепция «информатизации образования» (4). В 2001 году Министерство образования Китая учредило Комитет по техническим стандартам информатизации, который отвечает за разработку, продвижение и применение данных технических стандартов (5). В 2007 году Министерство образования и Министерство финансов выпустили совместное «Положение о реализации проекта по повышению качества преподавания и реформе преподавания в вузах» (6), где призвали разрабатывать высококачественные цифровые учебные ресурсы (программы, пособия и справочные материалы), чтобы обеспечить свободный онлайн-доступ к лучшим образовательным ресурсам для преподавателей и студентов на протяжении всей жизни, тем самым создавая технические и ресурсные гарантии для цифровизации высшего образования.

В «Десятилетнем плане развития информатизации образования (2011–2020)», опубликованном в марте 2012 года, была поставлена цель развития цифрового образования (7), требующая существенного и значительного прогресса в таких сферах, как обмен высококачественными ресурсами, информатизация школ и управления образованием, реализация потенциала устойчивого развития и потенциала инфраструктуры информатизации, в интересах модернизации всей системы национального образования. В 2018 году на основе этого документа Министерство образования разработало «План действий по информатизации образования 2.0» (8), направленный на завер-

шение полной информатизации ресурсов базового образования к 2022 году и содействие ее переходу от интеграции к инновациям. План предполагает внедрение взаимодействующих информационных и интеллектуальных технологий во все образовательные процессы — для повышения качества преподавания, оптимизации систем управления и повышения эффективности работы на всех уровнях образовательной системы.

Начало популяризации компьютерных наук в вузах Китая в 1990 году стало отправной точкой для цифровизации образования. С тех пор информатизация образования прошла несколько этапов. С достижением цели «создание обучающих приложений, охватывающих всех учителей и всех учащихся школьного возраста, и строительство цифровых кампусов во всех школах» уровень информационной грамотности учителей и учащихся повысился, и была создана «большая платформа для объединения Интернета с образованием», т.е. развитие информатизации образования в Китае официально вступило в стадию цифровой трансформации. С 2022 года были приняты многочисленные официальные документы, обеспечивающие формирование системы поддержки политики цифровизации на всех уровнях управления, включая департаменты образования местных органов власти и школьные администрации. Цифровая трансформация активно продолжается и в высших учебных заведениях: к 2022 году количество цифровых терминалов на одного студента возросло с 0,22 до 0,28 (9) (рисунки 2–3). По данным «Ежегодника образования Китая за 2022 год» [3], на 2022–2023 учебный год государственные вузы Китая располагали широким спектром цифровых образовательных ресурсов, включая 31,5 млрд электронных книг, 16,4 млрд электронных журналов, 97,2 млрд копий диссертаций и 188,2 млрд часов. Можно сказать, что по результатам почти тридцатилетнего периода цифровизация полностью охватила систему китайского высшего образования, и теперь можно сосредоточиться на цифровой трансформации сферы управления высшим образованием.

Цифровизация управления играет ключевую роль в развитии высшего образования и является важной составляющей цифровой трансформации, будучи направлена на обновление подходов к управлению, повышение эффективности работы посредством использования информационных систем, ресурсов и инфраструктуры, модернизацию системы управления, что в итоге обеспечивает повышение качества высшего образования. Цель цифровой трансформации управления университетами — стандартизация, научное обоснование и оптимизация управления, преподавания, научных исследований, приема студентов, трудоустройства выпускников, сотрудничества и обмена опытом, а также логистических услуг с помощью информационных технологий. В «Уведомлении о развитии информатизации управления образованием в новую эпоху» (10) Министерство образования Китая поставило конкретные цели до 2025 года: создание системной структуры, оптимизация и интеграция информационных систем, создание авторитетного источника

данных, отказ от изолированных данных, предоставление гибких и удобных онлайн-услуг, популяризация принципа «одна сеть для всех» — чтобы обеспечить высококачественную систему образования. В контексте цифровой трансформации такие новые технологии, как 5G, Интернет вещей, виртуальная реальность, большие данные и искусственный интеллект, активно применяются университетами, меняя подходы к управлению, создавая цифровую среду для организационных процессов, повышая цифровую грамотность и эффективность управления.

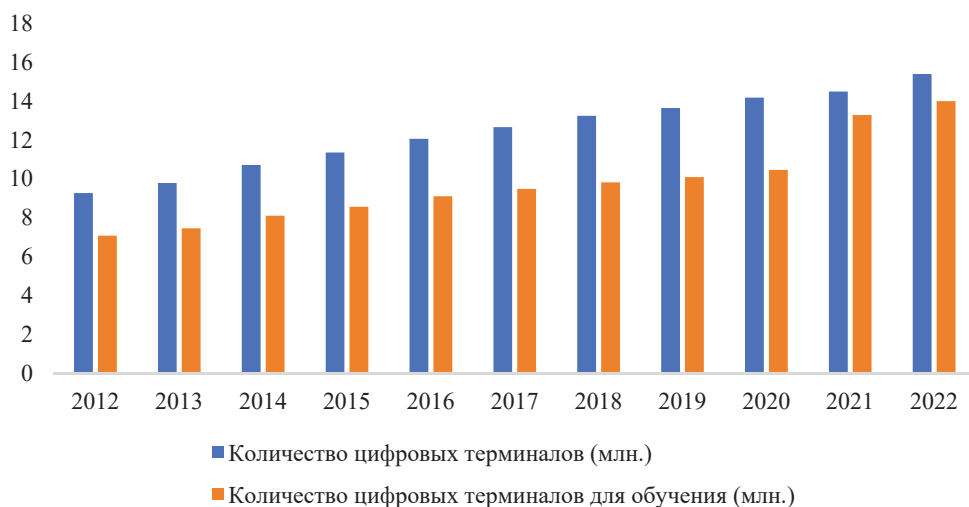

Рис. 2. Количество цифровых терминалов в китайских вузах

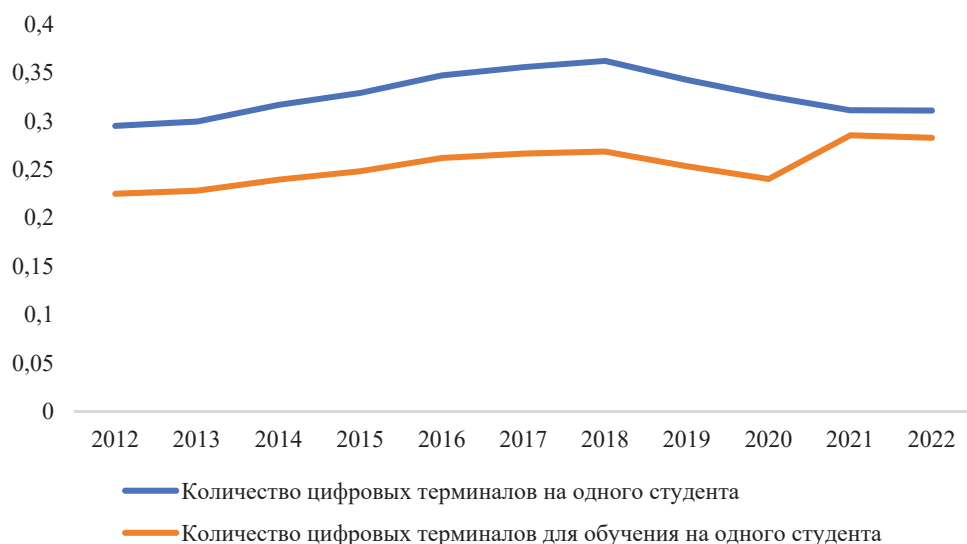

Рис. 3. Количество цифровых терминалов на одного студента в китайских вузах (9)

В целом цифровизация управления в китайских университетах развивается в трех основных направлениях: интеллектуализация (использование цифровых технологий для замены механического труда и развития инновационного мышления), повышения качества обслуживания (управления и доступа для преподавателей и студентов) и точность (применение больших данных и инструментов машинного обучения для создания более точных и персонализированных моделей управления). Хотя цифровизация управления обеспечила значительные улучшения в инфраструктуре, информационных системах, ресурсах и безопасности, она сталкивается и с рядом проблем: дублирование сетевой инфраструктуры, несистемное развитие информационных систем и их плохая совместимость, сложности в интеграции ресурсов и распределении данных, низкая осведомленность о безопасности и слабые системы защиты, противоречивые концепции управления, недостаточное финансирование информатизации, несовершенные стандарты управления.

Рассмотрим несколько показательных кейсов, выбрав из «Типичных примеров построения и применения информатизации управления образованием с использованием цифровых технологий» (11), составленных Информационным центром управления образованием, по одному университету из каждой из четырех категорий: «первоклассных», обычных, участвующих в проекте «Двойной высоты» и других профессиональных вузов. На конкретных системах управления мы рассмотрим текущую ситуацию и тенденции развития систем управления в условиях цифровой трансформации. Следует отметить, что проект «Два первоклассных университета» предполагает создание университетов мирового уровня для повышения международной конкурентоспособности высшего образования Китая [3. С. 641], а проект «Двойная высота» предполагает создание высококласных профессиональных колледжей и специальностей с китайской спецификой для подготовки технических специалистов высокого уровня и разработки платформ для высокотехнологичных инноваций и услуг — чтобы профессиональное образование служило национальным интересам, региональному развитию и промышленной модернизации (12).

Итак, Центральный южный университет расположен в городе Чанша в провинции Хунань — известном культурно-историческом центре Китая. Это первый провинциальный университет высокого уровня, созданный в рамках национального «Проекта 211» и входящий в первую группу ведущих университетов страны. В сентябре 2017 года он был выбран университетом класса А среди университетов мирового уровня. Он включает в себя 30 институтов второго уровня, 3 крупные больницы общего профиля третьего класса А и стоматологическую клинику Сянья (13).

Центральный южный университет поставил цель создать цифровой кампус и успешно разработал ряд информационных систем, обеспечивающих поддержку управления учебным заведением. Университет применяет пере-

довые информационные технологии, такие как Интернет вещей, облачные вычисления и большие данные, а в 2020 году совместно с компанией Inspur Group разработал первую китайскую университетскую интеллектуальную вычислительную платформу «Умный счет Чжун Нань». Для решения задачи цифрового управления университетом была разработана платформа для анализа данных, призванная обеспечить научно обоснованное принятие решений и эффективные методы управления на основе больших данных. Платформа ориентирована на обслуживание студентов и преподавателей и предлагает систему анализа данных, включающую в себя информационный портал, инструменты анализа (в частности, сценарные) и базу данных.

Шэньчжэньский технологический университет, расположенный в городе Шэньчжэнь в провинции Гуандун, является очным высшим учебным заведением общего профиля (14). В 2019 году университет подписал соглашение о стратегическом партнерстве с Tencent, одной из крупнейших интернет-компаний Китая, в целях углубления взаимодействия в сфере образования, научно-исследовательской деятельности и информационных технологий, что должно способствовать созданию инновационного цифрового комплекса и интеллектуального кампуса университета. Запуск системы «Смарт-кампус» в 2021 году позволил интегрировать новые технологии в образовательный процесс и улучшить управление университетом. Создание информационной инфраструктуры умного кампуса повысило эффективность управления вузом благодаря оптимизации процессов преподавания, научных исследований, управления и обеспечения жизнедеятельности университета.

Шэньчжэньский технологический университет использовал программу «Все данные в одной картинке» для реализации управленческого сценария «Весь университет в одной таблице»: данная платформа позволяет собирать, хранить и обрабатывать данные разных подразделений университета, формируя наглядную картину общей ситуации. Внедренная система значительно улучшила управление образовательными и академическими процессами (выбор курсов, оценка успеваемости и планирование занятий), способствовала созданию интеллектуальной экосистемы кампуса, включая управление офисами, техническое обслуживание и обеспечение информационной безопасности).

Уханьский профессионально-технический колледж расположен в городе Ухань в провинции Хубэй — это государственный общеобразовательный профессиональный колледж и одновременно профессиональное подразделение высокого уровня в рамках национального плана «Двойной высоты» (15). Колледж стремится усилить интеграцию информационных технологий с преподаванием, научными исследованиями и управлением посредством сотрудничества с научно-техническими парками и компаниями (например, «Синьхуасань»). Колледж создал современную и удобную информационную систему и гибкую сеть кампусов для поддержания работы разнообразного

и сложного учебного оборудования, чтобы осуществить переход от управления, «основанного на опыте», к управлению, «основанному на данных». В частности, были разработаны тематические базы данных по таким направлениям, как финансы, активы, рабочая сила и студенты, а в ходе строительства цифрового кампуса акцент был сделан на создании интеллектуальной среды поддержки инноваций в образовательных ресурсах, моделях обучения и преподавания, а также на улучшении взаимоотношений между учителями и учениками и повышении качества образования и университетского управления.

Сычуаньский информационный профессионально-технический колледж, подчиняющийся Департаменту экономики и информатизации провинции Сычуань, был основан в 1976 году и преобразован в нынешний формат в 2004 году, служа национальной базой подготовки высококвалифицированных кадров и региональным подразделением создания профессиональных школ высокого уровня (16). Колледж активно сотрудничает с местными предприятиями в сфере информационных технологий с 2018 года в интересах развития инфраструктуры и создания интеллектуального кампуса: были построены вычислительный центр, центр больших данных, центр обработки данных, центр обслуживания и центр Интернета вещей, внедрены платформы для онлайн-обучения, научных исследований, больших данных и других целей. Важным элементом новой интеллектуальной инфраструктуры стал «двойной терминал» (обучение и управление), который обеспечивает связь между колледжем, преподавателями и учащимися, а тем самым единую систему управления.

Перечисленные примеры показывают, что современные пути и тенденции реформирования управления в китайских вузах в контексте цифровой трансформации достаточно последовательны: создание современной системы поддержки информационных технологий путем сотрудничества с предприятиями, интеграция информационных ресурсов преподавателей и студентов с помощью цифровых платформ и оптимизация университетского управления с привлечением инструментов анализа больших данных характерны для более чем трех тысяч китайских вузов уже сегодня. Впрочем, ряд проблем цифровой трансформации в сфере высшего образования еще не решен: растрата ресурсов вследствие нескоординированных действий, неравный доступ к образовательным возможностям и ресурсам (в том числе неравномерная цифровая грамотность управленцев), необходимость сохранения особенностей университетского образования (гуманистическая направленность) в процессе трансформации.

Примечания

- (1) 工业和信息化部等十一部门关于开展“信号升格”专项行动的通知 [Министерство промышленности и информационных технологий и другие 11 ведомств КНР о «модернизации»] // URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202401/content_6924256.htm.

- (2) 教育部关于印发《教育信息化十年发展规划（2011–2020年）》的通知 [Циркуляр Министерства образования КНР о Десятилетнем плане информатизации образования (2011–2020)] // URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A16/s3342/201203/t20120313_133322.html.
- (3) 中国知网 [Национальная инфраструктура знаний Китая (CNKI)] // URL: <https://www.cnki.net>.
- (4) 关于深化教育改革全面推进素质教育的决定 [Решение об углублении реформы образования и всестороннем продвижении качественного образования] // URL: https://www.nmg.gov.cn/zwggk/zfgb/1999n_5236/199907/199906/t19990613_309013.html.
- (5) 关于印送《关于成立全国信息技术标准化技术委员会教育技术分技术委员会的批复》的函 [Письмо об создании подкомитета по образовательным технологиям Технического комитета по стандартизации национальных информационных технологий] // URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A16/s7062/200212/t20021223_62279.html.
- (6) 教育部财政部关于实施高等学校本科教学质量与教学改革工程的意见 [Положение Министерства образования и Министерства финансов КНР о реализации проекта по повышению качества преподавания и реформе обучения в колледжах и университетах] // URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A08/moe_734/201001/t20100129_20038.html.
- (7) 教育部关于印发《教育信息化十年发展规划（2011–2020年）》的通知 [Циркуляр Министерства образования КНР о Десятилетнем плане информатизации образования (2011–2020)] // URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A16/s3342/201203/t20120313_133322.html.
- (8) 教育部关于印发《教育信息化2.0行动计划》的通知 [Циркуляр Министерства образования КНР о Плане действий по информатизации образования 2.0] // URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A16/s3342/201804/t20180425_334188.html.
- (9) 数字中国发展报告（2023年） [Отчет о развитии цифровых технологий в Китае (2023)] // URL: <https://www.szzg.gov.cn/2024/szzg/xyzx/202406/P020240630600725771219.pdf>.
- (10) 教育部关于加强新时代教育管理信息化工作的通知 [Циркуляр Министерства образования КНР о продвижении информатизации управления образованием в новую эпоху] // URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A16/s3342/202103/t20210322_521669.html.
- (11) 关于同意《2022–2023年数字化赋能教育管理信息化建设与应用典型案例》入编名单的函 [Перечень типичных примеров разработки и применения моделей информатизации управления образованием с использованием цифровых технологий в 2022–2023 годы] // URL: https://www.ictdedu.cn/news/bybbs/hdtz/n20231026_82588.shtml.
- (12) 教育部 财政部关于实施中国特色高水平高职学校和专业建设计划的意见 [Положение Министерства образования и Министерства финансов КНР о реализации Программы создания профессиональных колледжей и специальностей высокого уровня с китайской спецификой] // URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A07/moe_737/s3876_qt/201904/t20190402_376471.html.
- (13) 中南大学学校概况 [О Центральном южном университете] // URL: <https://www.csu.edu.cn>.
- (14) 深圳技术大学学校简介 [О Шэньчжэньском технологическом университете] // URL: <https://www.sztc.edu.cn/xxgk1/xxjj.htm>.
- (15) 武汉职业技术学院简介 [Об Уханьском профессионально-техническом колледже] // URL: <https://www.wtc.edu.cn/437/list.htm>.
- (16) 四川信息职业技术学院简介 [О Сычуаньском информационном профессионально-техническом колледже] // URL: <https://www.scitc.com.cn/pagelistnr-6308.html>.

Библиографический список

1. Боровская Н.Е., Борисенков В.П., Чжу Сюань. Россия — Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. : сравнительный анализ. М., 2007.
2. Борисенков В.П., Мэй Ханьчэн. Россия — Китай: тенденции развития образования в XXI вв.: сравнительный анализ. М., 2019.
3. Гурулева Т.Л., Ван Бин. Высшее образование в КНР: институты и механизмы государственного и партийного управления // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3.

4. 中国教育统计年鉴 [Статистический ежегодник: образование к Китае]. 中华人民共和国教育部发展规划司 [Департамент планирования развития Министерства образования КНР], 中国统计出版社 [Статистическое издательство Китая], 2022.
5. 刘丙利 (Лю Бинли). 高校院长信息化领导力研究 [Информационное лидерство директоров институтов в китайских вузах]. 曲阜师范大学 [Цюйфуский педагогический университет, 2022.
6. 冯珍珍 (Фэн Чжэньчжэнь). 教育数字化发展的新趋势及其反思 [Новые тенденции в цифровом развитии образования и их восприятие] // 教育发展研究 [Исследования в области развития образования]. 2012. № 32.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-203-213

EDN: EGZICJ

Higher education management in China under digital transformation*

Wang Xuan¹, Wang Bing^{2,3}

¹Hangzhou Normal University,
Yuhangtang Road, 2318, Hangzhou, 311121, China

²RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

³Jilin International Studies University,
Jingyue St., 3658, Changchun, 130117, China

(e-mail: haha2410@hotmail.com; 1321666299@qq.com)

Abstract. With the development of information technology, digitalization has become a global trend of social development — technologies and knowledge are updated at an incredible speed. Under digital transformation, universities, as the foundation for training specialists and the engine of scientific-technological progress, should adapt to social changes, keep up with the development of technologies and apply information innovations to improve their management system and human resources. The article presents the general vector of development of the higher education management in China under digital transformation by reviewing its trends in Chinese universities, analyzing their current situation, problems and prospects for introducing digital management elements. Four Chinese higher education institutions of different levels were selected as illustrative cases, and the “typical examples of the development and application of the educational management informatization tools using digital technologies in 2022–2023” prepared by the journal *Informatization of Education in China* and defined by China’s Ministry of Education were used as the sampling frame. The results of the study showed that under the global digital transformation, Chinese universities have used social resources to complete the upgrade of their information systems, infrastructure, security and safety systems in five key areas, but there are still some challenges. In general, with the information support of the digital management platform, Chinese universities have begun to shift from the experience-based management to the big data-based management.

*© Wang Xuan, Wang Bing, 2025

The article was submitted on 09.06.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

Key words: education management; digital transformation; education in China; higher education; reforms; digital management; digitalization

For citation: Wang Xuan, Wang Bing. Higher education management in China under digital transformation. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 203–213. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-203-213>

References

1. Borevskaya N.E., Borisenkov V.P., Zhu Xiaoman. *Rossiia — Kitay: obrazovatelnye reformy na rubezhe XX–XXI vv.: sravnitelny analiz* [Russia — China: Educational Reforms at the Turn of the 20th–21st Centuries: A Comparative Analysis]. Moscow; 2007. (In Russ.).
2. Borisenkov V.P., Mei Hancheng. *Rossiia — Kitay: tendentsii razvitiya obrazovaniya v XXI vv.: sravnitelnyy analiz* [Russia — China: Trends in the Development of Education in the 21st Century: A Comparative Analysis]. Moscow; 2019. (In Russ.).
3. Guruleva T.L., Wang Bing. Vysshee obrazovanie v KNR: instituty i mekhanizmy gosudarstvennogo i partiynogo upravleniya [Higher education in the PRC: Institutions and mechanisms of the state and party management]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (3). (In Russ.).
4. *Yearbook of Education Statistics*. Development Planning Department of the Ministry of Education of the PRC; China Statistics Publishing House; 2022. (In Chinese).
5. Liu Binli. *Information Leadership of Institute Directors in China's Higher Education Institutions*. Qufu Normal University of Education; 2022. (In Chinese).
6. Feng Zhenzhen. New trends in the digital development of education and their reflection. *Studies in Educational Development*. 2012; 32. (In Chinese).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-214-225

EDN: DQQBTY

Новые продовольственные риски в условиях современного глобализирующегося общества*

Е.А. Бузыкина

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: buzykina-ea@rudn.ru)

Аннотация. Несмотря на успехи международных организаций и государств в деле борьбы с голодом, эта проблема продолжает обостряться: по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, в мире недоедает каждый девятый человек. В то же время становится все более ощутимой проблема ожирения среди взрослых: им страдает практически каждый восьмой. Эти полярные риски продовольственного обеспечения зачастую проявляются в одних и тех же странах, обществах и социальных группах. Глобальная нехватка продуктов питания, голод и продовольственная безопасность стали ключевыми вопросами мировой повестки дня. Еще в 2019 году Всемирный экономический форум (ВЭФ) представил «Отчет о глобальных рисках» по итогам опроса почти тысячи экспертов о восприятии глобальных рисков. Хотя под глобальным риском в данном случае контексте понимается ситуация неопределенности, которая повлечет за собой негативное последствие для некоторых стран или экономических отраслей в течение ближайших десяти лет, такая трактовка затрагивает только один аспект классического социологического определения риска, подразумевающего ситуацию неопределенности, в которой необходимо сделать конкретный выбор на основе дихотомии действительности и возможности, т.е. результатом выбора может быть не только негативное, но и позитивное последствие. Иными словами, необходимо заблаговременно прогнозировать тренды развития глобальных проблем человечества, к которым, безусловно, относятся и риски питания. Вопросы мировой продовольственной безопасности, отраженные в целях устойчивого развития - глобальной инициативе ООН по комплексному преобразованию мира, задают глобальную повестку дня, учитывая рискогенность современного социума и в вопросах питания. В статье обоснована необходимость социологического изучения природы возникновения рисков питания, а также их новых форм, появившихся в ходе взаимосвязанных процессов глобализации и глокализации и определяющих будущее продовольственных систем. По результатам теоретического анализа представлена классификация рисков еды человека в контексте постоянно усложняющегося социума с учетом основных социологических подходов к определению еды и ее рациональности, а также трактовок новых рисков, специфических для питания человека, в теориях риска, глобального продовольственного риск-менеджмента и неолиберальных версиях устранения продовольственных рисков.

*© Бузыкина Е.А., 2025

Статья поступила в редакцию 15.02.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Ключевые слова: питание; продовольственные риски; глобализация; типы рисков; классификация рисков; социологические подходы; будущее продовольственных систем; кризисы; негативные последствия

Для цитирования: Бузыкина Е.А. Новые продовольственные риски в условиях современного глобализирующегося общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 214–225. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-214-225>

Как правило, под риском продовольственного кризиса понимается «недостаточный, слишком дорогой или ненадежный доступ к соответствующему количеству питания достойного качества в макро-масштабе» [37. С. 98]. Социетальный риск продовольственного кризиса связан с трендами изменения климата и ухудшения состояния окружающей среды [37. С. 6], дефицита водных ресурсов, экстремальных погодных явлений, неудачного предотвращения последствий изменения климата и адаптации к ним, масштабной вынужденной миграции и серьезной социальной нестабильности [37. С. 7]. Общая ситуация рисков еды зависит от целого ряда факторов: во-первых, риски питания человека зависят от биоразнообразия, которое снижается в связи с экологическими рисками, угрожая здоровью человека, социально-экономическому развитию общества и даже безопасности некоторых регионов [37. С. 6]. Более 2 миллиардов человек сегодня страдают от нехватки микроэлементов по причине отсутствия доступа к нормальному питанию [37. С. 15]. Усугубляют ситуацию риски климатических катастроф [40; 44]. На продовольственную безопасность государств и возможности сельского хозяйства ее обеспечивать влияет и проблема повышения уровня моря, что угрожает как непосредственно жизни людей, так и исчезновению сельскохозяйственных земель.

Во-вторых, новые революционные биотехнологии сулят существенный прорыв в сфере общественного питания, но в то же самое время грозят серьезными проблемами надзора и контроля за нашим потреблением [37. С. 47], что обусловлено существенными трансформациями биологических рисков и (потенциальным) развитием патогенов. В-третьих, удар по продовольственной безопасности наносит все ускоряющаяся и обретающая глобальные масштабы урбанизация городов — помимо депопуляции сельской местности она влечет за собой проблемы в местной экономике, что не может не нанести ущерб производству продуктов питания [37. С. 68]. В-четвертых, одним из ключевых рисков современности стали сбои продовольственного снабжения, превратившись также в своеобразное средство манипуляции в рамках торговых войн и геополитических сделок (импортно-экспортные отношения и даже внутригосударственные потоки продовольствия могут быть приостановлены [8; 11; 43]). Фактически государства-противники (или акторы другого масштаба) мо-

гут вести друг против друга продовольственную «партизанскую войну», причем не только агрессивную — проводя подпольные биологические атаки на урожаи соперников, но и пассивную — не выполняя договоренности о поставках продовольствия или даже пропуске соответствующих грузов через свои территории [37. С. 69].

В-пятых, на риски питания населения существенное влияние оказывают конфликты и войны внутри государств — они ведут к разрушению сетей поставок, кризису продовольственного производства в национальной экономике, возникновению продовольственных пустынь, ограничению возможности социальной мобильности, а значит, к нехватке питания и питьевой воды, росту заболеваемости и, в конечном счете, к голоду [37. С. 78]. В эту же категорию рисков попадают и риски питания беженцев (от внешних и внутренних политических конфликтов и военных угроз). В-шестых, продовольственные риски напрямую зависят от роста населения: чтобы поддерживать текущий уровень доступности продовольствия до 2050 года, потребуется как минимум 70 % увеличение производства продуктов питания, а это колоссальная нагрузка на продовольственную систему мира [21]. И это происходит на фоне того, что около трети всей еды мира оказывается на свалке, в то время как миллиарды недоедают [13].

Таким образом, нехватка еды становится глобальной гуманитарной катастрофой: по данным Всемирного банка, доля населения мира, страдающего от недоедания, сократилась с примерно 15 % в начале 2000-х годов до 10,6 % в 2015 году, но в последующие два года эта цифра увеличилась до 10,9 %. В абсолютном выражении это означает увеличение примерно на 40 миллионов человек: около 1 миллиарда человек постоянно недоедают, более 2 миллиардов испытывают недостаток в микроэлементах, необходимых для роста, развития и профилактики болезней [38].

Представленную выше краткую объективную картину продовольственных рисков можно рассмотреть с использованием разных социологических подходов. Так, влияния экологии на риски продовольственной безопасности хорошо описывает теория Э. Гидденса об особенностях рисков в эпоху рефлексивного модерна: он использует метафору «конца природы» для характеристики ситуации, при которой на планете не осталось нетронутых антропогенной деятельностью мест, т.е. среды, которая могла бы повлиять на человека не вследствие его собственной активности (большинство современных экологических рисков носит антропогенный характер): «Нас стало беспокоить не столько то, что может сделать с нами природа, сколько то, что мы можем сделать с ней. Это поворотный момент от преобладания внешнего риска к господству рукотворного» [2. С. 43–44]. Иными словами, внешние опасности, не зависящие от человека, уступают по воздействию и масштабам рискам антропогенного характера. Безусловно, внешние угрозы (погодные, климатические) сохраняют свою значимость, однако рукотворные риски

развиваются экспоненциально: это и биотехнологии, трансформирующие биологические риски, и геополитическая нестабильность, войны и кризисы, способные разрушить цепочки поставок продовольствия и экономические возможности стран по его производству, и урбанизация, которая приводит к оттоку рабочей силы из сельскохозяйственных районов. Кроме того, в рамках продовольственной безопасности риски в высшей степени взаимосвязаны, и в силу вступает так называемый «эффект бабочки» [41. С. 23] — изменение в одной сфере вызывает значительное и непредсказуемое изменение в других сферах, т.е. система продовольственного обеспечения порождает все новые риски [22. С. 3–4].

Последствия рукотворных рисков можно классифицировать на краткосрочные и долгосрочные, поскольку помимо получения прагматической выгоды в ближайшей перспективе следует учитывать так называемые «отложенные эффекты латентного толка», возникновение которых не было запланировано. Риски голода (ненамеренные последствия продовольственных «партизанских» войн и конкретных конфликтов) наносят существенный удар по онтологической безопасности человека, буквально «вырывая» нас из привычной среды социального и природного действия [1. С. 222–223].

Поскольку продовольственные риски во многом обусловлены кардинальными изменениями социума в связи с глобализацией разного уровня — начиная от логистики цепочек питания и заканчивая деятельностью международных организаций по минимизации угроз гуманитарного кризиса (расширяется география производства определенных продуктов питания, меняется система специализации регионов, все чаще применяется международное продуктовое эмбарго), следует обратиться к концепции общества риска У. Бека. Он постулирует необходимость перехода от «методологического национализма» к «космополитическому мышлению»: «категория мирового общества риска контрастирует с той, которая обозначает общество риска... глобальный риск есть инсценирование реальности глобального риска... только через воображение и инсценирование мирового риска будущая катастрофа становится настоящим — зачастую с целью избежания ее принимаются значимые решения в настоящее время. В таком случае диагноз риска превращался бы в “самоисполняющееся пророчество”» [15. С. 10]. Получается, что заблаговременное продумывание способов решения глобальных продовольственных проблем порождает все новые сценарии глобального будущего, поскольку современные глобальные риски, по Беку, характеризуются тремя свойствами: делокализация (причины рисков не привязаны к месту производства или потребления продукции), неисчислимость (множество глобальных рисков включает в себя и теоретические риски, существование которых (пока) научно не доказано (скажем, биотехнологии и изменение рациональности

еды), но они могут привести к отложенным рискам, которые на данный момент сложно предсказать), невозможность компенсации (климатические изменения и утрата биоразнообразия необратимы и не могут быть компенсированы) [15. С. 52].

В контексте влияния экологического баланса на риски производства и потребления еды в локальном и глобальном масштабе следует упомянуть «ресурсный поворот», обоснованный Дж. Урри. Он предложил сочетать социологические и естественнонаучные подходы [40. С. 8], чтобы изучать общество более комплексно, с привязкой к ресурсной и природной зависимости человека, что непосредственным образом касается производства еды и продовольственных рисков. Так, риски сбоя системы продовольственного снабжения и риски концентрации населения в ходе урбанизации порождают «уязвимости» — «нарастание структурной дисфункциональности сложной структуры социума и/или техно-природной системы, что проявляется в потенциальной угрозе катастрофы и социальных страхах относительно неопределенностей» [6. С. 244]. В отличие от опасности, имеющей объективную, не зависящую от человеческого восприятия, природу, уязвимости есть и субъективная составляющая. Более того, уязвимость носит максимально неопределенный характер: нельзя точно определить ее распространение во времени и пространстве по причине большого числа системных элементов, которые могут породить непредвиденные ошибки вследствие внутренних или внешних нагрузок.

Ч. Перроу характеризует уязвимости современного общества как «нормальные аварии», т.е. инциденты, причина которых не халатность, несостоятельность сотрудников или менеджмента, а «нормальные» (по сути неизбежные) сбои во взаимодействии человека и сложных технологических систем [30. С. VII]. Перроу выделяет три основных источника таких уязвимостей: концентрация энергии (взрывных веществ или токсинов в случае сельского хозяйства); концентрация населения в экологически и технологически опасных зонах (например, где одновременно интенсифицируется производство еды и промышленная разработка недр; или же в результате ускоренной урбанизации город страдает от нехватки качественных продуктов питания, а село — от отсутствия компетентных работников); концентрация власти политической или экономической (опасность продуктовых войн, перебоев поставок питания с связи с конфликтами, геополитической напряженностью, гуманитарными катастрофами, миграционными потоками, нарушением продовольственного суверенитета других стран, принудительным внедрением новых биотехнологий, которые в отложенной перспективе могут нанести вред не только экологии, но и здоровью человека).

Будучи тесно взаимосвязаны, «нормальные аварии» вызывают системные катастрофы, а в связи с увеличением количества глобальных систем катастрофы почти неизбежны — неясен только момент “взрыва» [42. С. 59]. Однако

поскольку изначальный фактор возникновения таких систем — антропогенная деятельность, осмысление истоков возникновения катастроф, сценарное прогнозирование может подсказать своевременные решения. Например, одна из серьезнейших современных уязвимостей — проблема мусора: около трети всей еды мира оказывается на свалке, в то время как миллиарды людей недоедают [13]. Фактически эта уязвимость порождена нашей «текучей жизнью» в трактовке З. Баумана: по его мнению, одна из ее ключевых характеристик — неустойчивость, постоянная неопределенность по причине постоянных изменений, не имеющих под собой определенной цели [14. С. 2, 3, 66], в рамках потребительского образа жизни, где все рассматривается и оценивается с точки зрения потребления [14. С. 9]. Мусор, по Бауману, — основной продукт потребительского образа жизни, и утилизация отходов, в том числе пищевых, становится одной из двух главных проблем текущего социума (вторая проблема — самому человеку не стать мусором на периферии текущей жизни).

Гиперфиксация на потреблении порождает «симулякры нормального тела», заставляющие объективно здоровых людей рисковать здоровьем ради «лучшего», «идеального» тела [6. С. 239], в связи с чем возникают социокультурно обусловленные болезни [18. С. 51], связанные с едой (например, анорексивный невроз, булимия и ожирение [24]). С одной стороны, мы живем в эпоху «макдональдизированной» еды, с другой стороны, практики калкулируемости, контроля, эффективности и предсказуемости подчиняют себе и сферу здравоохранения: сфера диетологии поставлена на поток не только в медицинских учреждениях, но и в Интернете — за умеренную плату можно приобрести любую «индивидуальную» диету, получить диагноз от интернет-диетолога, блоггера, самостоятельно продиагностировать себя с помощью онлайн-тестов или даже заказать меню «правильного и сбалансированного питания» с ежедневной доставкой на дом.

Безусловно, все перечисленные проблемы не только констатируются/диагностируются, но и рассматриваются исследователями с точки зрения возможных сценариев своего решения. Например, многие авторы поднимают вопрос продовольственного суверенитета отдельных государств и регионов, подчеркивая значимость национально-локального дискурса в контексте еды: необходимо обеспечить фермерам (мелким и средним производителям) доступ к земле и права на нее, поскольку засилие крупных сельскохозяйственных бизнесов (агрохолдингов) приводит к изменению паттернов фермерства и бедности [9; 29; 33]; следует поддерживать производство локальной еды для поддержания жизнеспособности местных сообществ [12; 23; 31]; следует сосредоточиться на объединении сил города и деревни (сельские производители выращивают органические культуры, чтобы удовлетворить растущий спрос на более качественную сельскую продукцию в городских центрах,

а обеспечение продаж по «более справедливой» помогает сельским производителям вырваться из нищеты посредством сотрудничества с потребителями [27]). Другие авторы подчеркивают влияние сетевых коммуникаций на восприятие еды, например, в социальных сетях фиксация факта потребления пищи происходит в различных контекстах и формах, а размещение фотографий обусловлено культурным выражением идентичности и модальными стандартами принятого образа жизни, которые могут быть как здоровыми, так и нездоровыми [16]. Еще одно близкое направление исследований — анализ био- [19] или прото-медикизации [28] еды: она выступает не только как способ поддержания энергии, но и как своеобразное «лекарство» — сбалансированная диета может оказывать антипаразитарный и детокс-эффект, существенно улучшая качество жизни.

Тем не менее, в целом в научном дискурсе доминирует своего рода рискологическая трактовка питания: риски недоедания связаны как с низкими доходами [7; 8; 11; 35], так и с экологическими и климатическими угрозами [20] (некоторые авторы даже называют характер потребления пищи компонентом нашего «энвайронментального габитуса» [23]), а продовольственная безопасность рассматривается как аспект благосостояния человека, будучи сложно и нелинейно взаимосвязана с водной, энергетической, производственной и прочими видами «безопасности» [32].

Соответствующие риски обусловлены как региональными/национальными особенностями, так и глобальными неопределенностями [36]: изменением спроса (ресурсосберегающее и ресурсоемкое потребление) и взаимосвязанностью рынков (высокое взаимопроникновение и обособленность рынков). В первом случае речь идет о будущем спросе на продукты питания и сельскохозяйственные товары, и особый акцент делается на воздействии на окружающую среду и последствия для здоровья выбора потребителей, т.е. неопределенность изменения спроса обусловлена тем, будет ли спрос более ресурсоемким по сравнению с ресурсосберегающим. Во втором случае неопределенность порождена открытостью торговли, проблемами доверия и устойчивости товарных рынков, т.е. непонятно, будут ли рынки в будущем взаимопроникаемы или обособлены.

Попарно сопоставляя крайние значения этих двух неопределенностей, эксперты сформулировали четыре возможных глобальных сценария: выживание самых богатых в мире ресурсоемкого потребления и обособленных рынков (резкое разделение между «имущими» и «неимущими»); неконтролируемое потребление в мире с высокой проникаемостью рынков и ресурсоемким потреблением (высокий рост ВВП и высокие экологические издержки); общедоступная устойчивость в мире тесно взаимосвязанных рынков и ресурсоэффективного потребления (широкий спектр международных контактов и инноваций); мир фрагментированных локальных рынков с ресурсо-

эффективным потреблением (богатые природными ресурсами страны ориентируются на местные продукты питания, а регионы, зависящие от импорта, страдают от голода). Несомненно, изменения климата могут повлиять на все будущие сценарии: деградация природных ресурсов ограничит долгосрочный производственный потенциал продовольственных систем, что, в свою очередь, поставит под угрозу социальную стабильность и экономическое благосостояние. Динамика продовольственной системы может усугубить неравенство внутри стран и между ними, и растущее неравенство повлияет на возможные варианты будущего. Технологии четвертой промышленной революции и другие инновации могут революционизировать продовольственные системы и одновременно кардинально и неравномерно изменяют то, как мы производим, управляем и потребляем продукты питания [36].

Наибольшую популярность в рискологическом дискурсе в последние годы набирает понятие «биополитика», которое М. Фуко ввел для обозначения современной формы реализации политической власти — своего рода рационализации жизни посредством методов государственного принуждения [10. С. 39]. Согласно Фуко с XVIII века рационализируются все проблемы, решаемые государством, — здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни и многие другие, включая питание [10. С. 405]. В этом смысле либерализм, как бы парадоксально это ни звучало, возникает, когда общество становится «излишне управляемым» [10. С. 33]: свобода функционирует лишь в формате выбора определенной альтернативы в конкретных рамках, установленных государством, будь то *laissez-faire* экономика или сфера общественного питания. Управление в рамках либеральной биополитики — забота о свободе и безопасности индивида в условиях «опасной жизни», т.е., по сути, усилия по минимизации рисков для населения посредством установления рамок и принципов «нормальности» питания [10. С. 90]. А поскольку сегодня мы живем в глобализирующемся мире, то в рамках либерального подхода к продовольственной биополитике главными акторами оказываются международные организации, занимающиеся вопросами продовольственной безопасности планеты, прежде всего в рамках системы ООН (Всемирная продовольственная программа, Всемирная организация здравоохранения, ФАО — Продовольственная и сельскохозяйственная организация, Международный фонд сельскохозяйственного развития).

25 сентября 2015 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», закрепив 17 целей в области «Целей устойчивого развития». Вторая из них декларирует необходимость «ликвидации голода, обеспечения продовольственной безопасности и улучшения питания, содействия устойчивому развитию сельского хозяйства» [5]. Достижение безопасности продуктов питания — ключевой аспект совместной деятельности этих международных акторов. Так, ФАО и ВОЗ совместно разработали под-

ход к оценке рисков безопасности продуктов питания, включающий в себя три основных этапа: интегральная качественно-количественная характеристика известных или потенциальных неблагоприятных последствий для здоровья в результате воздействия на человека опасных факторов пищевого происхождения; взвешивание альтернатив биополитических действий для принятия или минимизации рисков, а также выбора и реализации стратегии действия (оптимизация мер по контролю за пищевыми продуктами с точки зрения их эффективности, действенности, технологической осуществимости и практичности от производства до доставки с учетом социальной и экономической целесообразности); мониторинг и информирование о рисках всех заинтересованных сторон.

Деятельность международных организаций, направленная на минимизацию постоянно усложняющихся рисков продовольственной безопасности и общественного питания, — яркий пример гуманистического поворота в биополитике с опорой «на принципы космополитической этики» [3], единственной способной противостоять рискам в глобализирующемся мировом сообществе. Поскольку еда предстает сегодня как многокомпонентный феномен, объединяющий биологические, социальные, культурные и биополитические элементы, риски еды для человека формируют глобальную повестку дня — парадигму будущей продовольственной безопасности мира и будущие сценарии развития продовольственных систем.

Библиографический список/References

1. Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011 / Giddens A. *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Moscow; 2011. (In Russ.).
2. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004 / Giddens A. *Uskolzayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn* [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow; 2004. (In Russ.).
3. Кравченко С.А. Новые риски еды: необходимость гуманистической биополитики // Политические исследования. 2014. № 5 / Kravchenko S.A. *Novye riski edy: neobkhodimost gumanisticheskoy biopolitiki* [New food risks: The need for humanistic biopolitics]. *Political Studies*. 2014; 5. (In Russ.).
4. Кравченко С.А. Социология риска и безопасности. М., 2016 / Kravchenko S.A. *Sotsiologiya riska i bezopasnosti* [Sociology of Risk and Security]. Moscow; 2016. (In Russ.).
5. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» / UN General Assembly Resolution 70/1 “Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development”. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>. (In Russ.).
6. Социология питания: традиции и трансформации / Под ред. Н.Н. Зарубиной, С.А. Кравченко. М., 2017 / *Sotsiologiya pitaniya: traditsii i transformatsii* [Sociology of Food: Traditions and Transformations]. N.N. Zarubina, S.A. Kravchenko (Eds.). Moscow; 2017. (In Russ.).
7. Троцук И.В., Никулин А.М., Вегрен С. Трактовки и способы измерения продовольственной безопасности в современной России: дискурсивные и реальные противоречия // Мир России. 2018. Т. 27. № 1 / Trotsuk I.V., Nikulin A.M., Wegren S. *Traktovki i sposoby izmereniya prodovolstvennoy bezopasnosti v sovremennoy Rossii: diskursivnye i realnye*

- protivorechiya [Interpretations and dimensions of food security in contemporary Russia: Discursive and real contradictions]. *Universe of Russia*. 2018; 27 (1). (In Russ.).
8. Узун В.Я., Шагайда Н.И., Шишкина Е.А., Троцук И.В., Потанова А.А. Состояние продовольственной безопасности России в условиях пандемии. М., 2022 / Uzun V.Ya., Shagayda N.I., Shishkina E.A., Trotsuk I.V., Potapova A.A. *Sostoyanie prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii v usloviyah pandemii* [Food Security in Russia under the Pandemic]. Moscow; 2022. (In Russ.).
 9. Форбруг А. Не только о земле и о ее захватах: дисперсное лишение прав на землю в сельской России // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 3 / Vorbrugg A. Ne tolko o zemle i o ee zakhvatah: dispersnoe lishenie prav na zemlyu v selskoy Rossii [Not about land, not quite a grab: Dispersed dispossession in rural Russia]. *Russian Peasant Studies*. 2018; 3 (3). (In Russ.).
 10. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанный в Коллеж-де-Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010 / Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki: kurs lektsiy, prochitanny v Kollezh-de-Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics: A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1978–1979 Academic Year]. Saint Petersburg; 2010. (In Russ.).
 11. Шагайда Н.И., Узун В.Я., Никулин А.М., Троцук И.В., Шишкина Е.А. Мониторинг состояния продовольственной безопасности России в 2014–2016 гг. М., 2019 / Shagayda N.I., Uzun V.Ya., Nikulin A.M., Trotsuk I.V., Shishkina E.A. *Monitoring sostoyaniya prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii v 2014–2016 gg.* [Monitoring of Food Security in Russia in 2014–2016]. Moscow; 2019. (In Russ.).
 12. Appavoo D., Korzun M. The Potential role of geographical indications in supporting indigenous food systems in Canada. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
 13. Barilla Center for Food and Nutrition. Fixing Food 2018. Best Practices Towards the Sustainable Development Goals. URL: www.foodsustainability.eu.com/wp-content/uploads/sites/34/2016/09/FixingFood2018.pdf.
 14. Bauman Z. *Liquid Life*. Polity Press; 2005.
 15. Beck U. *World at Risk*. Polity Press; 2010.
 16. Caron Bouchard M. Shaping food consumption on Instagram among 18–34 young adults. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
 17. Charoenratana S. No food sovereignty in Thailand without land security. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
 18. Culture bound syndromes. K. White (Ed.). *The SAGE Dictionary of Health and Society*. SAGE Publication; 2006.
 19. Durocher M. Food biomedicalization and self-tracking technologies: How is “healthy ageing body” (re) defined? *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
 20. Fabiansson C. The role of climate change, food scarcity and social inequality — societal and individual risks factors. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
 21. FAO: How to Feed the World in 2050. URL: www.fao.org/fileadmin/templates/wsfs/docs/expert_paper/How_to_Feed_the_World_in_2050.pdf.
 22. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Polity Press; 1991.
 23. Gonzalez J., Gravante T. We are kneading to another world. Alternative food practices and futures in Mexico City. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.

24. Hashemain F., Yach D. Public health in globalizing world: Challenges and opportunities. G. Ritzer (Ed.). *The Blackwell Companion to Globalization*. Blackwell; 2007.
25. Katz-Gerro T., Greenspan I., Handy F. Environmental habitus: The intergenerational transmission of environmental behaviors in cross-national comparison. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
26. Kravchenko S.A. From formal rationality to the digital one: Side effects, ambivalences, and vulnerabilities. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (1).
27. Ku Hok Bun. Rural-urban alliance as collaborative politics in fighting against global capitalism: A case study of food sovereignty movement in China. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
28. Monteiro P. Functional foods: The proto-medicalization of everyday life and the biopolitics of prevention. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
29. Nuss S. Food sovereignty and land grabbing: Case study in rural USA. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
30. Perrow Ch. *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press; 2011.
31. Pöggel K. From the niche cuisine to the mainstream kitchen? A communication perspective on drivers and barriers in popularizing local alternative food system. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
32. Romero-Lankao P., Davidson D., Mcphearson T. The food-energy-water nexus and urban complexity. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
33. Roy D. Land resource conflicts in India with its implications for food security and food sovereignty. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
34. Shagaida N.I., Trotsuk I.V. Russia's food security under the crisis of 2020–2021: Objective and subjective dimensions. *Russian Peasant Studies*. 2022; 7 (2).
35. Shagaida N.I., Ternovsky D.S., Trotsuk I.V. Russia's ways to ensure food security (control food prices) in 2020–2022, and their impact on consumers. *Russian Peasant Studies*. 2023; 8 (2).
36. Shaping the Future of Global Food Systems: A Scenarios Analysis. URL: www.weforum.org/whitepapers/shaping-the-future-of-global-food-systems-a-scenarios-analysis.
37. The Global Risks Report. 2019. URL: www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2019.
38. The World Bank: Food Security 2018. URL: www.worldbank.org/en/topic/food-security.
39. Trotsuk I. National security as food self-sufficiency: Russian official discourse and public sentiments. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
40. Urry J. *Climate Change and Society*. Palgrave Macmillan; 2015.
41. Urry J. *Global Complexity*. Polity Press; 2003.
42. Urry J. *Mobilities*. Polity Press; 2008.
43. Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. *Food Policy and Food Security. Putting Food on the Russian Table* Lexington Books; 2018.
44. Wegren S.K., Nikulin A.M., Trotsuk I.V. The fragility of Russia's agricultural production and implications for food security. *Eurasian Geography and Economics*. 2023; 64 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-214-225

EDN: DQQBTY

New food risks in the contemporary globalizing society*

Е.А. Buzykina

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: buzykina-ea@rudn.ru)

Abstract. Despite the successes of international organizations and states in the fight against hunger, the situation worsens: according to the Food and Agriculture Organization of the United Nations, every ninth person in the world is undernourished. At the same time, the problem of obesity among adults has become noticeable: almost every eighth suffers from it. Moreover, such polar food risks often occur in the same countries, societies and social groups. Global food shortages, hunger and food security have become key issues on the global agenda. In 2019, the World Economic Forum (WEF) presented the Global Risks Report based on a survey of almost a thousand experts on the perception of global risks. Although global risk in this context is understood as a situation of uncertainty that will entail negative consequences for some countries or economic sectors over the next ten years, such an interpretation covers only one aspect of the classical sociological definition of risk as a situation of uncertainty, in which we need to make a choice based on the dichotomy of reality and possibility, i.e., the result of the choice may be either a negative or positive consequence. In other words, it is necessary to predict trends in the development of global problems of humanity, which certainly include food risks. The issues of global food security, reflected in the Sustainable Development Goals (the UN initiative for a comprehensive transformation of the world), set the global agenda, focusing also on the food and nutrition risks of contemporary society. The article explains the need for the sociological study of the nature of food risks and their new forms that have appeared under the interrelated processes of globalization and glocalization and determine the future of food systems. Based on the results of the theoretical analysis, the author provides a classification of food risks for the increasingly complex society based on sociological approaches to defining food and its rationality, new risks specific to human nutrition in risk theories, global food risk management and neoliberal versions of eliminating food risks.

Key words: food and nutrition; food risks; globalization; types of risks; classification of risks; sociological approaches; future of food systems; crises; negative consequences

For citation: Buzykina E.A. New food risks in the contemporary globalizing society. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 214–225. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-214-225>

*© E.A. Buzykina, 2025

The article was submitted on 15.02.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

ЭССЕ И РЕЦЕНЗИИ

ESSAYS AND REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-226-234

EDN: CYPSFA

Общественный договор: эволюция идей и уроки истории*

А.Н. Данилов

Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Беларусь

(e-mail: a.danilov@tut.by)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу Ж.Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» (М.: ФНИСЦ РАН; РГГУ, 2025. 844 с.). В монографии описано возникновение и проанализировано содержание концепции общественного договора, впервые выдвинутой и обоснованной мыслителями эпохи Просвещения как идеи социального контракта между народом и государством, причем латентного характера. Значительное внимание в книге уделено сложившимся теориям общественного договора и их особенностям, многообразным вариантам его толкования и осуществления в современной социальной практике. Особый акцент автор делает на выявлении основных характеристик общественного договора, его смысловой сущности как единства целей участников, ориентированных на взаимное доверие, баланс интересов и постоянное использование обратной связи. Представлены современные интерпретации общественного договора и новые варианты осмысления практик его реализации в современной общественно-политической жизни. Проведен обстоятельный анализ исторического опыта реализации общественного договора на разных этапах существования России/СССР в противоречивом развитии и функционировании страны, а также форм участия основных социальных групп в общественном договоре. Обозначены суть, содержание и эволюция идей общественного договора в XX–XXI веках, их трансформация и уроки реализации общественного договора на различных этапах общественного развития.

Ключевые слова: общественный договор; эволюция идей; власть; уроки истории; новые вызовы и риски; будущее

Для цитирования: Данилов А.Н. Общественный договор: эволюция идей и уроки истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 226–234. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-226-234>

*© Данилов А.Н., 2025

Статья поступила в редакцию 10.10.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

В канун своего девяностолетия Жан Терентьевич Тощенко порадовал читателей новой монографией: это не юбилейное издание, а серьезный обобщающий труд выдающегося ученого. Как видно из содержания монографии, автор шел к реализации своего проекта на протяжении фактически всей своей научной деятельности, которая пришлась на перелом эпох, последовательно исследуя современный социум: явления и процессы парадоксальности [1], их кентавристичность [2] и фантомность [3], проблемы прекариата [4]. Ранее предметом изучения Ж.Т. Тощенко были противоречивые процессы социально-политической жизни, которые получили отражение в его монографиях «Этнократия: история и современность» [5] и «Теократия: фантом или реальность» [6]. Обобщенный анализ этих неоднозначных процессов и явлений, посвященный различным аспектам жизни российского общества, нашел отражение в теоретической попытке автора рассмотреть в рамках системного подхода экономическое, политическое, социальное и духовно-культурное развитие как совокупность характеристик и тенденций в монографии «Общество травмы: между эволюцией и революцией» [7].

В данной монографии Тощенко удалось предложить новое наполнение уже подзабытого современными исследователями понятия общественного договора. Причем автор рассматривает этот феномен в динамике смены времен и эпох, а выводы делает на основе эмпирических исследований, широко привлекая историческую информацию. Сопоставляя нынешние результаты исследования с данными изучения общественного сознания, полученными еще в АОН при ЦК КПСС в 1985–1991 годы, автор приходит к выводу, что «возникла потребность рассмотреть и проанализировать взаимоотношения народа и власти не только на современном этапе развития страны, но и в предшествующие годы. И при этом постараться ответить на вопрос, как складывалось взаимодействие советской власти с народом и его основными социальными общностями и группами на различных исторических отрезках времени, начиная с момента ее возникновения и дальнейшего существования. Причем не только описать, но и дать им качественную определенность в виде научного понятия, которое бы позволило целенаправленно и системно изложить происходящее в общественном сознании с точки зрения взаимодействия народа и государства с его органами и его представителями на всех уровнях социальной организации общества» (С. 13).

Тощенко определяет общественный договор как «социально-экономическое, социально-политическое и социально-культурное становление баланса интересов между народом и государством, которое открыто и в то же время латентно демонстрирует согласованность взаимоотношений и взаимодействий государства и народа по организации и устройству общественной (публичной) и личной (приватной) жизни» (С. 97). Автор

справедливо утверждает, что «в настоящее время концепция “общественный договор” является важнейшим теоретическим, политическим и социальным конструктом для анализа, объяснения и реализации эволюционного или революционного развития государства и общества. Эта концепция включает в себя согласованную политику по преобразованию социально-экономической и политической среды, одобряемых методов и форм государственного и политического управления, приемлемого идеологического воздействия на общественное сознание. В конечном счете в процессе реализации общественного договора формируются представления, убеждения и, соответственно, действия по строительству и достижению общей судьбы народа и государства» (С. 843).

В условиях, когда мир погружается в хаос нестабильности, а международные институты кризисного сдерживания не справляются с новыми вызовами, общественный договор становится точкой опоры, стабильности и решения назревших проблем. Как бы мы ни называли складывающуюся в стране ситуацию, наблюдается некий латентный процесс в духовной жизни общества — согласование позиций разных социальных групп и регионов, отношений между коллективами и людьми. Происходит сближение позиций социальных групп и регионов или, напротив, углубление противоречий между ними. И от этого зависит консолидация общества, стабильность жизни людей и страны в целом, отношение народа и власти к происходящим событиям, что и составляет основу общественного договора.

В то же время он порожден объективным ходом развития человечества — возник, когда назрела потребность в превращении народа и каждого человека, независимо от классовой, национальной и религиозной принадлежности, социального и материального положения, в субъекта исторического процесса. Базовой составной частью общественного договора стало появление конституций, в которых отражены основы понимания правящим классом интересов и устремлений народа и представляющих его общественных организаций и движений. Не менее важно, что общественный договор — это «не некий документ, который фиксирует взаимоотношения государства и народа. Это особое состояние общества, которое помимо явных показателей содержит скрытые, латентные отношения, отражающие степень и уровень сбалансированности интересов политической власти и социальных общностей и групп, намерение и готовность поддержки действий власти по управлению основными сферами жизни общества. Особо надо подчеркнуть, что латентная составляющая общественного договора нередко становится решающим фактором, гарантирующим существование государства» (С. 836). Хотя суть общественного договора в разные времена менялась, «общепринятым было его понимание как уникального социального явления, которое в современных условиях гарантирует существование государства, обеспечивает воз-

можность эффективного решения экономических, политических, социальных и духовно-нравственных проблем» (С. 837).

Отличительная черта авторского стиля Тощенко состоит в том, что все стороны и аспекты общественного договора в СССР/России анализируются посредством одного методологического приема — развитие страны рассматривается «снизу», со стороны народа, с позиций его участия, отношения и оценок изменений. При этом особое внимание уделяется повседневной жизни, в которой сосредоточены основные мотивы людей, чтобы раскрыть публичную и приватную жизнь в ее противоречивом многообразии на всех этапах развития.

Книга логически выстроена и состоит из введения, трех разделов, 16 глав, заключения и списка литературы. Каждый раздел монографии структурно самостоятелен — включает введение, заключение и библиографию. В первом разделе «Основы общественного договора: опыт историко-философского и социологического анализа» представлена эволюция идей об общественном договоре, их зарождение и обоснование, особенности трактовки и попытки реализации общественного договора с XIX века до современной интерпретации, раскрыта сущность и содержание общественного договора, опыт осмысления его реальных практик в современном мире. Автор задается вопросом «является ли конституция страны базой общественного договора», размышляет о соотношении формальных (открытых) и неформальных (латентных) его основ, стремится охарактеризовать его субъектов и выделить его основные критерии. Таким образом, в первой части книги сопоставлены разные точки зрения на эволюцию идей и практики реализации общественного договора.

Во втором самом большом разделе монографии «Этапы реализации общественного договора в России/СССР» Тощенко исследует ситуацию советского и постсоветского периода. В структуре раздела четко прослеживаются следующие этапы реализации общественного договора: возникновение его новой версии в 1917 году; военно-политическая основа общественного договора; начало реализации провозглашенных прав и свобод (1920-е годы); общественный договор в условиях мобилизационного общества (1930-е годы); в годы Великой Отечественной войны; перенастройка общественного договора (вторая половина 1940-х — начало 1950-х годов); поиск ответов на вызовы времени (середина 1950 — начало 1960-х); достижения, зигзаги и просчеты хрущевского десятилетия; общество на распутье — турбулентность общественного договора (середина 1960-х — первая половина 1980-х); перестройка: коррозия общественного договора (1985–1991); новая Россия — надежды и разочарования (1990-е — 2020-е годы). Автор анализирует функционирование общественного договора в советском/российском государстве с точки зрения двух основных субъектов договора — государства в лице по-

литической власти и народа в лице его основных классов (рабочих и крестьян).

«Общественный договор в советском обличье возник не случайно, не в результате заговора или обмана. Его появление на исторической арене связано с тем, что его основой стали базовые устремления народа (мир — народам, заводы — рабочим, земля — крестьянам, власть — Советам), которые в полном объеме и безоговорочно были приняты партией большевиков, в то время как другие политические силы в той или иной мере игнорировали или мало внимания обращали на эти требования» (С. 837–838). «Итоги послевоенного и хрущевского периода оказались неоднозначными, в том числе и с точки зрения общественного договора. К началу 1960-х годов отчетливо созрели противоречия, что ярко отразилось на состоянии общественного сознания. У многих людей возникли вопросы и претензии к результатам проводимых преобразований. Признавая важность и необходимость многих из них, люди судили об их конечных результатах. Так, экономика стала терять темпы развития, что проявилось в снижении прироста ВВП. Ситуация в сельском хозяйстве, несмотря на целину, привела к тому, что с 1962 года страна начала импортировать зерно, чтоб восполнить недостаток продовольствия. Возникли и другие ограничения по потреблению. Родилось и недоумение по поводу принятых мер по управлению экономикой (совнархозы не принесли ожидаемого эффекта). Для людей было непонятно и разделение партийной и советской власти на промышленные и сельскохозяйственные органы. К концу 1950-х годов в полной мере проявил себя волюнтаризм. Безоглядное принятие ответственных решений одним человеком — Хрущевым — усугублялось невежеством по многим вопросам, при полном игнорировании мнений специалистов. Плюс возникал соблазн простых решений и вера в чудо, что было отвергнуто реальностью» (С. 474–475).

«До конца 1970-х годов советский человек принадлежал к обществу мобилизационного типа. Он имел продолжительный опыт преодоления многих испытаний, начиная с гражданской войны, потом индустриализации, коллективизации, Великой Отечественной войны, восстановления народного хозяйства, а также участия в грандиозных планах преобразования целины, Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера. Эти изменения и преобразования сопровождались мобилизацией патриотических устремлений советских людей и главным образом молодежи. Во всех этих процессах и событиях для людей и особенно для молодежи огромное значение имел социальный образец члена КПСС (было распространено утверждение, что тот или иной человек — «настоящий коммунист»), который олицетворял и ореол романтизма, ответственности, самопожертвования. Но в условиях наступившего длительного мирного периода этот образец не мог автоматически воспроизводиться — требовалась иная модель, иной ориентир, иной образец доверия.

Этот образ — коммуниста-бессребренника — начал портить процесс обюрокрачивания партии, роста карьерных настроений ряда его членов, ошибочное комплектование партийных рядов (за счет «опоры советского общества — рабочего класса» при ограничении приема в свои ряды интеллигенции)» (С. 518).

Следует отметить, что советский период рассмотрен в книге особенно подробно и оценки ему даны очень точные. Надежды на перестройку, которая была объявлена в 1985 году и «обещала привести в соответствие объективные потребности развития государства с новыми потребностями народа», не оправдалась. Уровень и качество политической власти не соответствовали историческим тенденциям, что и привело, по мнению Тощенко, к распаду Советского Союза — «геополитической катастрофе XX века» (С. 839–840).

В новой России общественный договор начал формироваться на ожиданиях народа, что накопленные недостатки и просчеты советского времени будут преодолены и страна получит импульс для дальнейшего социалистического развития. Однако «эти ожидания были не просто поставлены под сомнение — они были отвергнуты, и народу было предложено вернуться на путь капиталистического развития» (С. 840). В этих условиях был поставлен вопрос, как формировать принципиально иной общественный договор. Он начал складываться в весьма противоречивой ситуации, когда многие проекты политической власти уже в первые годы их существования показали несовпадение с ожиданиями народа. Результаты действий государства оказались далеки от обещаний власти народу. «Несостыкованность интересов государства и народа продолжает существовать и поныне, тем более что за тридцать лет своего существования новая Россия еще не достигла тех рубежей, которые имела в 1990 году» (С. 840).

Третий раздел монографии «Участие социальных общностей и групп в функционировании общественного договора: достижения и просчеты» посвящен анализу роли таких ведущих социальных общностей, как педагогическая общественность, инженерно-техническая, научная и художественная интеллигенция, в обеспечении общественного договора. Интеллигенции автор отводит особую роль — она должна стать творцом духовных основ общественного договора как выразитель и защитник интересов народа, созидатель национальной культуры, формирующий стратегию будущего. В условиях глобальной нестабильности и непредсказуемости, обусловленных нарастанием военных конфликтов, резким изменением климатических условий, сокращением биологического разнообразия, уничтожением жизненного пространства и недостатком природных ресурсов, перед наукой стоит задача разработки новой эволюционной стратегии развития человечества. Выход из кризисной ситуации, которая с каждым годом только усугубляется, видится не столько в решении

социально-экономических, экологических и геополитических проблем, сколько в радикальном изменении сознания людей, их мировоззрения и нравственных ценностей.

Очень точно Тощенко отмечает, что «общество не может быть более развитым, чем его образование. Эти слова Президента США Дж. Кеннеди относятся к тому периоду, когда в США признали систему образования и подготовки кадров в СССР более совершенной» (С. 679). «Идея общественного договора, которая состояла в превращении СССР в ведущую державу мира, оказалась достаточно привлекательной для инженерно-технической интеллигенции, которая сыграла в этом процессе определяющую роль, несмотря на нелегкие и даже тяжелые условия труда, гонения и репрессии... Что же касается постсоветской России, то после вторжения неолиберальных идей в управление наукой она находится в состоянии неопределенности как судьбы своих подразделений, так и реального участия в жизни общества и государства» (С. 772). «Художественная интеллигенция внесла огромный, но не всегда адекватно оцененный вклад в процесс функционирования общественного договора, в решение проблем становления советского человека» (С. 825). «Не внесла ясности и постсоветская Россия — шарахание из одной крайности в другую, возросшие попытки копировать западные достижения, нездоровая конкуренция, расцвет шоу-бизнеса и другие сомнительные действия привели к тому, что неопределенность и неадекватность реальной жизни стала основной чертой культуры, в том числе в области литературы и искусства... Именно поверхностное понимание того, что проявляется в реальной жизни, становится залогом того, что практически многие произведения литературы и искусства привлекают внимание людей на короткое время, а потом исчезают насовсем не только из их памяти, но и истории самой культуры» (С. 829–830).

Теперь об уроках, которые дает монография Тощенко: общественный договор рожден объективным ходом развития человечества, — общество, выражая интересы народа, стало выступать самостоятельной оппонирующей силой государству; базовой составной частью общественного договора стало появление конституций, в которых отражены основы понимания правящим классом интересов и устремлений народа и представляющих его общественных, политических организаций и движений; общественный договор — это не некий документ, а особое состояние общества, которое помимо явных показателей содержит скрытые отношения, отражающие степень и уровень сбалансированности интересов политической власти и социальных общностей; суть общественного договора постепенно выкристаллизовывалась, общепринятым становилось его понимание как уникального социального явления, которое гарантирует существование государства, обеспечивает возможность эффектив-

ного решения экономических, политических, социальных и духовно-нравственных проблем.

Критический анализ истории возникновения, развития и функционирования общественного договора в России/СССР не отменяет обобщающего вывода, что его сутью было и остается достижение согласия, доверия и баланса интересов между государством (политической властью) и народом (в лице общественных организаций и движений), причем именно народ определяет «лицо» современного общества. Особенно важно согласие на моральном уровне, так как духовно-нравственное единство строится на основе базовых ценностных ориентаций главных социальных сил, согласование которых — функция государства. Общественный договор предполагает обеспечение согласия и баланса интересов не только между народом и властью, но и между составляющими этот народ социальными общностями, т.е. учет многообразия ориентаций и устремлений многочисленных социальных групп как на политическом, экономическом и социальном, так и на духовно-нравственном уровнях. В современной российской действительности общественный договор имеет существенные резервы совершенствования с точки зрения согласования целей и средств, налаживания регулярной обратной связи и действенного участия всех социальных общностей в управлении обществом и государством.

Внимательный читатель, имеющий свое видение поднятых в книге проблем, может в чем-то не согласиться с автором, однако не сможет отрицать честности и аргументированности в раскрытии столь сложного феномена в развитии современного общества, как общественный договор, что определяет фундаментальность и востребованность новой работы нашего выдающегося современника. Жан Терентьевич умеет удивлять, и это замечательно. Его монография по праву может быть причислена к классическим работам социологической науки, а для автора стать главной книгой жизни.

Библиографический список

1. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2008.
2. Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. М., 2011.
3. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М., 2015.
4. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М., 2018.
5. Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М., 2003.
6. Тощенко Ж.Т. Теократия: фантом или реальность? М., 2007.
7. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М., 2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-226-234

EDN: CYPSSA

Social contract: Evolution of ideas and lessons of history*

A.N. Danilov

Belarusian State University,
Kalvarijskaya St., 9, Minsk, 220004, Belarus

(e-mail: a.danilov@tut.by)

Abstract. The article is a review of the book by Zh.T. Toshchenko *Fates of Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons of Realization* (Moscow; 2025. 844 p.). The book describes the emergence of the ideas of social contract as an agreement between the people and the state, often of a latent nature, which were first developed by thinkers of Enlightenment. The author considers various theories of social contract, revealing peculiarities in its contemporary interpretation and fulfillment and focusing on the main characteristics of social contract, its essence as a unity of goals of all participants striving for mutual trust, balance of interests and constant feedback. The author provides a review of the contemporary interpretations of social contract and of the new options for understanding practices of its implementation in the social-political life. The main part of the book presents the analysis of the Russian/Soviet history of the social contract implementation at different stages under the contradictory development of the country, also explaining the forms of participation of the main social groups in the social contract. Finally, the author considers the essence, content, and evolution of the social contract ideas in the 20th — 21st century, their transformation and lessons of the social contract implementation at different stages of the contemporary society development.

Key words: social contract; evolution of ideas; power; lessons of history; new challenges and risks; future

For citation: Danilov A.N. Social contract: Evolution of ideas and lessons of history. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 226–234. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-226-234>

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-235-239

EDN: CWSKEE

Устойчивое развитие в неустойчивом мире*

З.Т. Голенкова

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: golenko@isras.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию-размышление над монографией А.А. Хагурова «Устойчивое развитие сельских территорий: проблемы и перспективы» (Краснодар: КубГАУ, 2023. 254 с.). В книге анализируется сложное соотношение социально-экономического и эколого-гуманистического измерений глобального развития стран и сообществ и подчеркивается, что проблемы устойчивого развития стали предметом большой международной политики и внутренней политики практически всех стран. Автор монографии учитывает глобальность и актуальность концепции устойчивого развития, поэтому каждую главу начинает с рассмотрения решенных и не решенных теоретических и методологических проблем данного типа развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие; глобализация; кризис; экология; «зеленая экономика»; развитие человеческого потенциала

Для цитирования: Голенкова З.Т. Устойчивое развитие в неустойчивом мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 235–239. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-235-239>

В принятой на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 году «Программе действий» говорится: «Человечество переживает решающий момент своей истории. Единственный способ обеспечить себе более безопасное и процветающее будущее — решить проблемы окружающей среды и экономического развития в комплексе и солидарно» — таков первый принцип устойчивого развития. Вскоре после конференции началась работа над документами, этически обосновывающими устойчивое развитие. Окончательный вариант его концепции был принят в Париже в марте 2002 года в штабе Юнеско — это «Хартия Земли», или декларация основополагающих принципов и ценностей для создания справедливого, устойчивого и мирного общества в XXI веке. Основные положения Хартии сформулированы не столько на строгом «языке» науки, сколько на «языке» этики, религии и культуры. В решении по-

*© Голенкова З.Т., 2025

Статья поступила в редакцию 16.11.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

ставленных в Хартии задач должны быть задействованы не только все виды научного познания, но и возможности ненаучных форм познания — религиозного, философского, художественного и основанного на здравом смысле обыденного.

32-я Генеральная конференция Юнеско постановила принять Хартию в качестве важного этического рамочного документа по вопросам устойчивого развития и использовать ее в образовательных целях. По сути, Хартия предлагает новый стандарт гуманизма и по духу созвучна работе основателя «Римского клуба» А. Печчеи, который провозгласил «качество человечества» фактором выживания цивилизации и выдвинул концепцию «нового гуманизма», опирающегося на вечные человеческие ценности, переосмысленные с учетом глобальной взаимосвязи и ответственности человека. Для решения глобальных проблем нужны сдвиги в человеческом сознании — по мнению автора монографии, это второй принцип устойчивого развития. Его суть состоит в том, чтобы учитывать человеческий фактор и потому стремиться к духовно-нравственному скачку в современном обществе потребления.

Автор предлагает вдуматься в определение устойчивого развития: оно необычно и полно глубокого смысла. К экономике предъявляются не такие стандартные требования, как объем, производительность, рентабельность и т.д., а духовно-нравственные: хозяйничать, думая о будущих поколениях. Соответственно, устойчивое развитие определяется как изначально двухстороннее: одна его сторона — экономика общества, другая — духовно-нравственная; их соотношение — критерий устойчивости, предполагающий, что будущие поколения, как минимум, должны жить не хуже, чем сегодняшние, — это отправная точка межпоколенческой справедливости. Распределение, которое ухудшает жизнь будущих поколений, чтобы обогатить ныне живущие, несправедливо.

Экономическая сторона устойчивого развития зависит от взаимосвязи двух видов капитала: физический капитал создан человеком — это машины, оборудование, знания и т.д.; природный капитал представлен состоянием окружающей среды и ее ресурсами; экономистами должны решиться непростую задачу сочетания этих капиталов.

Концепция устойчивого развития вместе с «Хартией Земли» предлагает новый взгляд на мировое развитие, которое должно иметь в качестве основного критерия не экономическое измерение. По сути, это новое мировоззрение, в котором сосредоточены мощные интеллектуальный и духовно-нравственный потенциалы как ответ на вызовы XXI века. Концепция устойчивого развития не возникла на основе умозрительных моделей и не порождена простодушными благими пожеланиями — это результат предельно волевого, нравственного и интеллектуального усилия, она говорит не о свободном выборе, а о суровой необходимости человеческого измерения прогресса, что, по мнению автора, составляет третий принцип устойчивого развития.

Ранее и до сих пор во многих странах прогресс измеряется в парадигме валового внутреннего продукта — ВВП, в котором складываются не сочетаемые величины: к стоимости произведенных за год танков, пушек, боевых самолетов и кораблей, вырубленных лесов, изготовленных ядохимикатов и антидепрессантов прибавляется стоимость произведенного зерна, молока и мяса; и все это делится на «души населения». Если величина этого ВВП выше прошлогоднего, мы принимаем это за прогресс и радуемся. В человеческом измерении прогресса «главное — определить, что измерять». Экономисты и социологи сошлись на том, что надо измерять качество жизни людей, ранжируя результаты, но это лишь первый шаг. Следующий шаг — переход к индексам, сочетающим показатели разных сторон качества. Логично предположить, что общее качество жизни складывается из качества образования, медицины и материальной обеспеченности. Среднее арифметическое трех этих индексов формирует общий индекс качества жизни, или ИЧР — индекс человеческого развития.

Автор отмечает, что пока методы измерения качества жизни не удовлетворяют научную общественность. В ООН создан специальный департамент, курирующий соответствующие исследования, в Канаде разработаны методы оценки экономического благосостояния общества в целом, в Австралии — отдельных граждан. Исследовательские центры в Норвегии предложили методы измерения устойчивости общества, а в Колумбийском университете США — методы оценки экологических достижений. Специалисты Всемирного банка предложили методики расчета «скорректированных чистых накоплений»: традиционный показатель валовых сбережений корректируется добавлением затрат на человеческий капитал и вычитанием использованного природного капитала и индекса загрязнения окружающей среды. Справочники Всемирного банка ежегодно представляют расчеты индекса скорректированных накоплений для всех стран под названием «индикаторы мирового развития».

Измерение качества жизни логически подводит к необходимости перехода экономики на качественные показатели, и, образно говоря, речь идет о «зеленой экономике» — экологически чистых технологиях. Ее девиз — «действовать локально, думая глобально», т.е. неразрывные связи между поступками всех людей на земле не позволяют действовать только ради собственной выгоды. Необходимым условием перехода России на путь устойчивого развития также выступает сочетание экономических и экологических интересов, поэтому, в частности, энергетика тоже должна быть «зеленой». «Зеленая экономика», по мнению автора, — четвертый принцип устойчивого развития.

Три предыдущих принципа соответствуют общечеловеческим ценностям и воспринимаются всеми положительно. Кто будет возражать против того, чтобы хозяйничать так, чтобы не обделять потомков? Кто будет возражать против того, чтобы человек духовно и морально возвысился, или про-

тив повышения качества жизни? Никто. Другое дело — требование перейти к «зеленой экономике» через «зеленую энергетику», которое задевает интересы разных профессиональных групп, социальных слоев и целых государств. Поэтому четвертый принцип политизируется, как никакой другой, что тормозит и еще долго будут тормозить переход к устойчивому развитию. Можно сделать вывод, что, во-первых, интеллигенция сегодня должна сосредоточиться не на «зеленой экономике», а на трех первых принципах, что в любом случае будет способствовать продвижению «зеленой экономики». Во-вторых, вполне логично государству взять экологическую ситуацию под контроль.

В 2002 году Правительство России одобрило «Экологическую доктрину» и приняло закон «Об охране окружающей среды», в котором экологический аудит определяется как независимая, комплексная документированная оценка соблюдения субъектом хозяйственной деятельности требований, в том числе нормативов и нормативных документов, в области охраны окружающей среды, международных стандартов и подготовки рекомендаций по улучшению такой деятельности». Ранее был принят закон «Об экологической экспертизе», обязывающий учитывать требования экологической безопасности еще на стадии проектирования предприятий. Автор подчеркивает, что важным инструментом экологической политики и безопасности, применяемым во всем мире, стала «экологическая оценка», основанная на трех принципах — превентивности (оценка проводится до принятия основных решений по намечаемой деятельности), комплексности и демократичности (оценка как инструмент принятия взаимоприемлемых решений).

Устойчивому развитию сельских территорий нашей страны посвящены два документа, принятых Правительством: «Концепция устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2020 года» и «Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года». Автор монографии строит свою методологию на анализе этих документов, а также решений «Рио-92» и других международных научных форумов по устойчивому развитию. В книге использован и обширный эмпирический материал, полученный в ходе социологических исследований в шести районах Краснодарского края. Большую ценность монографии придают результаты, полученные при разработке «дорожной карты» по переходу к устойчивому развитию конкретного — Усть-Лабинского — района Краснодарского края: этот опыт применим и в других регионах нашей страны, чтобы мобилизовать социальную энергию и инициативу интеллигенции.

Однако в рассматриваемой монографии есть и спорные места. В разделе 1.3 «В поисках среднего класса на селе» автор утверждает, что на данный момент такового на селе нет. Представители малого бизнеса — фермеры, индивидуальные предприниматели (ИП) и владельцы малых предприятий (МП) разделяют ценности сельского образа жизни и связывают с селом свое будущее, т.е. соответствуют понятию среднего класса, но их на селе абсолютное

меньшинство, а средний класс должен «статистически» иметь среднее значение. Все это верно, но непонятно, почему автор привязывает средний класс только к производственной сфере — ведь и в сфере обслуживания, торговли и управления на селе найдется немало работников, соответствующих по своему социально-экономическому положению среднему классу. Второе замечание касается социальных инструментов, обуславливающих устойчивость сельских территорий. Автор выделил и исследовал четыре института — экономику, управление, социум и экологию, но не такие важнейшие институты, как семья и религия, отметив, что рассмотрение этих двух институтов в его задачи не входит. Несмотря на эти недостатки, работа в целом проделана большая, глубокая и ценная — вопросы устойчивого развития сельских территорий, городов отраслей и страны в целом стоят сегодня как никогда стратегически остро.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-235-239

EDN: CWSKEE

Sustainable development in the fragile world*

Z.T. Golenkova

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: golenko@isras.ru)

Abstract. The article is a review-reflection on the book by A.A. Khagurov *Sustainable Development of Rural Areas: Problems and Prospects* (Krasnodar: KubSAU, 2023. 254 p.). The book analyzes the complex relationship between the social-economic and ecological-humanistic dimensions of the global development of countries and communities and considers the issues of sustainable development as a focus of major international politics and domestic policy in almost all countries. The author emphasizes the global nature and relevance of the concept of sustainable development by beginning each chapter with an examination of its resolved and unresolved theoretical and methodological issues.

Key words: sustainable development; globalization; crisis; ecology; “green economy”; human potential development

For citation: Golenkova Z.T. Sustainable development in the fragile world. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 235–239. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-235-239>

*© Z.T. Golenkova, 2025

The article was submitted on 16.11.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-240-249

EDN: CSRZOG

Социологически значимая историческая реконструкция одной эпохи в истории российской гражданской службы*

В.С. Мухаметжанова¹, Ишмухаметов Р.Р.²

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

²Институт развития образования Республики Башкортостан,
ул. Мингажева, 120, Уфа, Республика Башкортостан, 450005, Россия

(e-mail: mukhametzhanova-vs@rudn.ru; rustish@list.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу «Гражданская служба в России в XIX — начале XX века. Документы и исследования» (составители, научные редакторы: А.А. Белых, А.Л. Дмитриев. М.: «Дело», 2024. 680 с.), посвященную истории гражданской службы в Российской империи с 1802 года, когда была создана министерская система управления, до революционных событий 1917 года. Ключевой тенденцией данного периода выступает модернизация, точнее ее попытки — чтобы ослабить/изменить значение чинов за счет образовательного фактора — в условиях усложнения задач управления страной. Почти половину издания составляют официальные документы — вместе с аналитическими «зарисовками» и свидетельствами современников они показывают главные факторы эволюции гражданской службы: рост образованности служащих, дискуссии сторонников и противников отмены чинов, нарастающая «дворянизация» чиновничьего корпуса. Книга — социологически полезное историческое чтение для исследователей проблем государственного управления, социальной дифференциации и развития системы образования в конкретный исторический период, поскольку издание сочетает первичные документы с биографическим методом (представлен коллективный портрет высшего звена государственного управления в дореволюционной России) и примерами совмещения количественного и качественного подходов в характеристике чиновничества и его типологизации по разным основаниям.

Ключевые слова: чиновник; российское общество в дореволюционный период; модернизация системы государственного управления; образование; социальная дифференциация; коллективный портрет; гражданская служба

Для цитирования: Мухаметжанова В.С., Ишмухаметов Р.Р. Социологически значимая историческая реконструкция одной эпохи в истории российской гражданской службы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 240–249. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-240-249>

*© Мухаметжанова В.С., Ишмухаметов Р.Р., 2025

Статья поступила в редакцию 15.03.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Специфика социологической подготовки не предполагает развернутого знакомства с изданиями по истории и теории государственного управления [см., напр.: 4; 7; 16; 22; 28]: как правило, соответствующие работы привлекаются в специализированных исследованиях в качестве справочного материала, поэтому достаточными оказываются краткие учебные пособия с изложением основных вех в становлении нынешней государственной системы — от образования древнерусского государства в IX веке (Киевская Русь — XVII век, Российская империя в эпоху абсолютизма, советский и постсоветские периоды) до текущего момента (первой четверти XXI столетия) — для понимания как особенностей и трансформации этой системы, так и неизбежности «синкретического характера» подобного знания (синтеза истории, государственного и муниципального управления, политологии, юриспруденции, менеджмента и др.) [см., напр.: 8; 9; 13; 18]. Книга «Гражданская служба в России в XIX — начале XX века. Документы и исследования» — иное по форме и содержанию издание: это объемный том, материалы которого носят по большей части документально-биографически-аналитический характер, т.е. предлагают достаточно детальный разбор одной из принципиальных для становления российской государственности эпох с опорой на позиции (официальные и мировоззренческие) значимых современников, поэтому книга будет не только интересна читателю-социологу, но и важна для развития исторической «части» его социологического воображения.

Данное свойство книги обеспечивается ее содержанием, «упакованным» в четыре раздела (составители называют их «группами текстов»). Во-первых, это статьи современных исследователей об общих вопросах модернизации гражданской службы, необходимость которой обусловлена тем, что «экономическое развитие любой страны в большой степени зависит от качества государственного управления, а оно, в свою очередь, во многом определяется организацией государственной службы, компетенциями служащих и их иерархией» (С. 16), а «проблемы соотношения чинов и должностей, образования чиновников, сословного состава гражданских чиновников существовали в России... со времен Петра I, но особенно активно обсуждались и решались в течение всего XIX века» (С. 18). Основным принципом организации материала выступает хронологический: отправной точкой, или «прообразом системы классных чинов, является петровская Табель о рангах... где служба делилась на военную, гражданскую и придворную... Предполагалось, что система чинов позволит создать эффективную государственную службу и что ранги чиновников будут соответствовать должностям в государственном аппарате. Эта эффективная бюрократия должна была быть дворянской» (С. 19).

Поскольку государственные служащие должны были обладать определенными знаниями, с Петра I началось и создание российской системы высшего образования, хотя «все попытки наладить обучение дворян оказались

неэффективными, и ситуация стала меняться только в XIX веке» (С. 22), когда были введены образовательный ценз, поэтапная и окружная образовательная модель. Однако и тогда сохранялось несоответствие между численностью чиновников и возможностями образовательных учреждений (доминировала система домашнего образования) (С. 23) и нежелание дворян получать образование, поскольку «продвижение по служебной лестнице в большей степени зависело от выслуги лет, а часть и от протекции» (С. 24) (как и сегодня). «Мало кто из чиновников мог сдать экзамены, но многие могли заплатить за получение необходимого свидетельства... возникла система взяточничества» (С. 28) (в статье не упоминается постоянно «как и сегодня», но в ряде случаев приводятся ссылки на подтверждающие публикации).

Чтобы изменить ситуацию, государство применяло традиционную систему «кнута и пряника» — вводя запреты (например, производить в чины людей без образования) и создавая возможности (основывая специализированные учебные заведения, предоставляя преимущества для дворян при производстве в очередной класс, устанавливая определенные льготы по образованию служащих) в ходе реформирования системы государственной службы на всех ее «этажах» — от «высших чинов» до канцеляристских «винтиков». В первом случае («элиты») прослеживалась ориентация на сохранение дворянской «корпорации» (ее ограждение от размывания «нежелательными элементами») [см., напр.: 1; 2; 3; 12; 21; 26], во втором случае — на предупреждение «охлаждения русского подданного к службе престолу», а в целом — на спасение государственной службы от «многочисленного сословия чиновников без прошедшего и будущего... совершенно похожих на класс пролетариев», на фоне всеобщего признания анахроничности Табели о рангах, аналогов которой не существовало в европейских странах в середине XIX века (С. 40). «Монархии так и не удалось решить проблему чинов, зато пришедшие к власти в результате революции 1917 года большевики решали вопросы быстро и радикально... Все сословия и сословные деления граждан, привилегии и ограничения, организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упразднились» (С. 49).

Вероятно, наиболее социологический текст первого раздела — коллективный портрет министров дореволюционной России. Выбор объекта просопографического описания продиктован тем, что «министры на протяжении XIX века были самыми значимыми фигурами в среде российской бюрократии. Уступая формальное первенство по Табели о рангах членам Государственного совета, министры очевидно превосходили их и по политическому влиянию, и по авторитету внутри правящей элиты, и даже по получаемому жалованию» (С. 50), что объяснялось двумя основными факторами — ведомственной разобщенностью (взаимной независимостью) и правом всеподданнейшего доклада (регулярного личного устного доклада императору с глазу на глаз наиболее важных дел в пределах своей компетенции), что

гарантировало министрам широкую политическую самостоятельность и иерархическую подконтрольность только лично императору (как суперарбитру над конкурирующими бюрократическими группировками и противоречащими политическими курсами). Коллективный портрет министров представляет собой типологию (карьер, отношений и пр.), основанную на биографических сведениях из формулярных списков, личных дел, именных указов, мемуаров и дневников.

Типологические описания министерского корпуса сгруппированы по следующим основаниям (и сопровождаются табулированными данными): сословный состав — его изменения свидетельствуют о постепенной дедворянизации бюрократии, где «доля потомственных и титулованных дворян за столетие сокращается более чем на треть» (С. 55); вероисповедная принадлежность — ее особенности говорят об «устойчивой, непрерывной тенденции к вытеснению лиц инославных исповеданий с ключевых государственных постов» (С. 55); образовательный уровень — «принуждая будущих чиновников учиться, правительство постепенно добивалось своего: доля служащих с образованием, в частности высшим, на протяжении XIX века постепенно увеличивалась» (С. 58); более разнородное и изменяющееся волнообразно имущественное положение чиновников, особенно министров; не менее вариативное семейное положение и т.д. Хронологически-типологическая реконструкция факторов карьерного продвижения (индивидуальные таланты и богатый административный опыт, а не только обширные связи и образование) в разных министерствах (внутренних дел, финансов, иностранных дел, юстиции и др.) позволила дифференцировать карьеры министров на универсальные (разнообразный опыт гражданской службы), военные (генерал-губернаторские или смешанные), специальные/профессиональные (последовательное продвижение по карьерной лестнице) и дипломатические, хотя они в разной степени представлены в разных ведомствах и по-разному количественно (по группам министров) соотносились в разные исторические периоды (С. 68–106). Так, «Министерство иностранных дел являлось наиболее специализированным, корпоративным, даже кастовым ведомством, отсюда... типологическое однообразие карьер его руководителей» (С. 80), «руководство Министерства юстиции в еще большей мере, чем руководство МВД, становится к 1917 году корпоративным, однотипным, профессиональным» (С. 82), тогда как «Министерство народного просвещения по опытности своих руководителей заметно отличалось в худшую сторону... на протяжении всего XIX века среди возглавлявших его деятелей не было ни одного со стажем профессорско-преподавательской работы... и опытом службы по своему ведомству» (С. 82) [см., напр.: 19; 20; 25].

«Основная тенденция в изменении характера бюрократического опыта министров Российской империи... — специализация или профессионализация высшего управления. Два других заметных явления — демилитариза-

ция министерского корпуса и появление гражданской чиновничьей “гвардии”, выходящей на руководящие государственные посты (по преимуществу в сфере экономического администрирования)» (С. 108). Тенденции эволюции министерского корпуса в целом схожи с изменениями чиновничества, хотя среди министров «медленнее шел процесс дедворянизации... быстрее развивалась тенденция обезземеливания... и укреплялась связь с торгово-промышленным миром... этот корпус постепенно русифицировался, его образовательный уровень неуклонно повышался» (С. 125–126).

Второй раздел книги — документы, «регламентирующие и описывающие организацию гражданской службы, а также служебные записки, содержащие предложения по ее совершенствованию либо доказывающие необходимость сохранения существующего положения дел» (С. 7). Это самый объемный раздел, призванный подтвердить нарастающие противоречия в понимании роли управленческого слоя внутри образованного класса Российской империи. В частности, в «археографическом предисловии» упомянуты следующие документы: «Извлечение из устава о службе гражданской» — выборка из свода законодательства, подготовленная П.А. Зайончиковским для пояснения правил принятия в гражданскую службу, образовательных и статусных требований к претендентам на ее должности, т.е. реконструирован законодательный «фрейм» дискуссий о совершенствовании/модернизации системы гражданской службы; записка М.М. Сперанского «Об усовершенствовании общего народного воспитания» с обоснованием необходимости сделать образование обязательным для поступления на гражданскую службу и занятия определенных должностей (позже он же предложил создавать специализированные учебные заведения), т.е., по сути, записка о неэффективности системы чинов; еще более критическая Всеподданнейшая записка О.П. Козодавлева «Об излишней привязанности гражданских чиновников к чинам и о средствах пресечения зла, от чинов происходящего», а также другие документы. Очевидно, что проблемы образования и организации государственной службы лишь обострились после подавления восстания декабристов, поэтому оказались в центре внимания Николая I: наиболее интересна записка «самого известного выпускника Царскосельского лицея и формально государственного служащего А.С. Пушкина» (С. 10) «О народном воспитании» (против запрета получения образования за границей и за уничтожение экзаменов для чиновников), а также записка графа С.С. Уварова «О системе чинов в России» (выдвинул тезис о трех главных началах благоденствия России — православии, самодержавии и народности — и доказывал полезность системы чинов как символа равенства перед законом).

Последующие документально зафиксированные попытки модернизации гражданской службы также суммируют аргументы за и против сохранения чинов, в том числе в институциональных формах. В 1895 году была создана Комиссия для пересмотра устава о службе гражданской и других, относя-

щихся до сей службы, постановлений, для которой А.С. Танеев подготовил сводную ведомость о поступивших в гражданскую службу в 1894–1895 годы (численность, сословная принадлежность, уровень образования): Комиссия «рассматривала возможность отмены системы чинов и попыталась определить роль образования в гражданской службе, не решилась рекомендовать радикальную меру — отмену чинов, но предложила проект устава, в котором сокращалось число чинов, отменялось чинопроизводство по выслуге лет, увеличивалась роль высшего образования, все сословия уравнивались в праве поступления на государственную службу» (С. 14).

Благодаря второму разделу читатель может «услышать» язык ушедшей исторической эпохи, которым излагаются проблемы и задачи, не утратившие актуальности и по сей день (поэтому часто упоминаемые в законодательных инициативах депутатов Государственной Думы и решениях региональных и государственных властей). Так, «главные средства, которыми правительство может действовать на воспитание народное, состоят: 1) в доставлении способов к просвещению — сюда принадлежит устройство училищ, библиотек и тому подобных публичных заведений; 2) в побуждениях и некоторой моральной необходимости общего образования» (С. 149); «недостаток людей благонамеренных не может быть признан основанием настоящих в губерниях беспорядков и неурядиц... напротив, и самые лучшие люди не могли бы хорошо управлять там, где во всем недостаток... в учреждениях, в правильном направлении или руководстве от высшего правительства, в людях, в содержании» (С. 212); «не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла» (С. 225) и др.

В официальных документах упоминается и важная проблема дня сегодняшнего — негативный имидж чиновника в общественном мнении [см., напр.: 10; 14; 18; 32]: «в среде так называемой интеллигенции чиновничество стало уже чем-то комическим. В провинции уважение к нему издавна поколеблено Гоголем и другими сатириками; разных советников спокон века представляют на всех сценах в смешном виде павлиньего величия» (С. 304). Впрочем, отрицательная стереотипизация не заставляет призывать лишь к уничтожению чинов — многие авторы настаивают на «принятии действительных мер к более строгому исполнению закона» ради искоренения злоупотреблений [см., напр.: 5; 6; 11; 27; 29; 30; 31] и для «трезвого воззрения на житейские надобности и отношения, избавления от одурения тщеславием, поселения уважения к личному труду и... излечения истинной язвы... — презрения к работе» (С. 306–307), т.е. речь идет о «пересмотре, упрощении и видоизменении чинов сообразно современным условиям деятельности правительственных учреждений и изменившимся обстоятельствам» (С. 332).

Завершают книгу два раздела: исследования современников, сохранившие актуальность как методологические подходы и свидетельства неизмен-

ности проблем российской гражданской службы в прошлом и настоящем, и воспоминания, «передающие дух эпохи и позволяющие увидеть жизнь чиновничества тех времен» (С. 8). В исследовательском блоке читателю-социологу будут интересны, прежде всего, проблемы категориального аппарата — соотношение понятий «чиновничество» и «бюрократия» [см., напр.: 8; 17; 18; 23; 24], хотя они синонимичны, когда подразумеваются «агенты правительственной власти», «особая, значительная сила, уничтожение которой невозможно, и весь вопрос о значении чиновничества может сводиться только к соразмерности этого рода силы с действительными потребностями страны и с финансовыми средствами, какими можно вознаградить представителей администрации, а также к степени их влияния не только на дела администрации, но и на интересы всего народа» (С. 483). Объединяет два понятия и негативная стереотипизация — «как какой-то недружелюбной по отношению к народу силы, чему содействовала отчасти неудовлетворительная организация администрации, предоставляющей иной раз чиновничеству много власти и даже произвола; личные недостатки этого класса, а также непонимание большинством населения административного механизма во всей его сложности во всех его разветвлениях» (С. 483). Исправлять ситуацию предлагается как большим материальным обеспечением чиновников, более строгим отбором на служебные должности и улучшением законов и административных порядков, так и предоставлением населению известной доли самоуправления.

В третьем разделе упоминаются и такие исследовательские проблемы, как невозможность «определить, до какой степени могла доходить общая численность служилых людей гражданского ведомства в допетровской России» (С. 487); каково было соотношение среди чиновников «весьма толковых дельцов и очень ловких крючкотворцев» (С. 488), в ситуации, когда «при малой или совершенной неспособности высших правительственных лиц» мелкие чиновники становились «главными воротилами всего государственного управления», представляя «господство бюрократии в дурном значении этого слова» (С. 489); почему за провозглашаемым «сокращением штатов» чиновников всегда «следует “улучшение”», а из необходимости улучшения вытекает увеличение — не только штатов, но и расходов на них» (С. 583), вследствие чего «Россия — страна, изобилующая всякого рода “органами государственной власти”», а ее «и без того многочисленное чиновничество (особенно фискальное и полицейское)» постоянно «проявляет особую тенденцию к быстрому размножению» (С. 597); почему даже самые последовательные и жесткие реформы допускали серьезное отхождение от собственных принципов на этапе реализации (С. 494), хотя, видимо, именно такой подход позволял «русскому чиновничеству легко сживаться с новыми порядками» (С. 512), «продолжая здравствовать под новыми формами» (С. 515) благодаря «резкому разладу между тем, что писалось... на бумаге, и тем, что происходило в действительности» (С. 523), поэтому многочисленные жалобы на чиновни-

ков не менялись — неправильное или неуместное вмешательство, чрезмерная и обременительная формалистика, грубое обращение, надменность и пустое чванство, нечестные поборы и умение извлекать выгоды из служебного положения (С. 546–547).

В третьем разделе вновь упоминается цензура: театральная — «ревностно охранявшая достоинство чиновников», и общие цензурные порядки, «отнимавшие возможность всякого самостоятельного в печати отзыва о служебной деятельности чиновников... Однако все эти меры и предосторожности не подняли нисколько чиновничества в общественном мнении» (С. 540). Критика чиновников после предоставления печати некоторой доли свободы была быстро свернута, однако в конце 1850-х годов началась эпоха «обличительной драматургии» — русский театр вновь стал «прямо поговорить с обществом об актуальных проблемах управления государством», среди которых наиболее острой, «на взгляд русских драматургов, оказалась чиновничья коррупция... как результат не только индивидуальных пороков, но и общей системы... где взяточничество — не нарушение нормального хода жизни, а сама норма» [15. С. 10, 11, 21].

Последний раздел завершает переход читателя с макроуровня аналитических обобщений (в первом и втором разделах) через качественно-количественные «наблюдения» (в третьем разделе) к микроуровню воспоминаний — личностно-окрашенным описаниям жизненного мира российского чиновника. Тем самым составители сборника создают одновременно мозаичное и целостное описание важного этапа в истории российской государственной службы на институциональном и профессионально-групповом уровнях, отмечая важные для социолога аспекты подобной междисциплинарно-исторической реконструкции: «Ошибочно было бы, с одной стороны, видеть в чиновничестве какую-то недружелюбную для общества силу, с другой — напрасно было бы слишком уповать на нее. Задача правительств заключается главным образом в том, чтобы... чиновничество заняло свое определенное место в общей системе государственного управления, не давая чувствовать стране все неудобства своего постоянного и мелочного вмешательства» (С. 553).

Библиографический список

1. Борщевский Г.А. Высшие государственные служащие как политико-административная элита современной России // Полития. 2018. № 1.
2. Борщевский Г.А. Социологический портрет высшей бюрократии в России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 4.
3. Гимпельсон В.Е., Магун В.С. На службе государства российского: перспективы и ограничения карьеры молодых чиновников // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 5.
4. Голосенко И.А. Социальная идентификация рядового чиновничества в России начала XX века: историко-социологический очерк // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3.

5. *Голосенко И.А.* Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 3.
6. *Граждан В.* О некомпетентности и бюрократизме в государственной службе // Государственная служба. 2002. № 1.
7. *Грибовский В.М.* Государственное устройство и управление Российской Империи (из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса, 1912.
8. *Деханова Н.Г.* Социология государственной службы. М., 2024.
9. *Игнатов В.Г., Белолипецкий В.К.* Профессиональная культура и профессионализм государственной службы: контекст истории и современность. М., 2000.
10. *Ипатов А.А.* Зачем современной России чиновник? // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 1.
11. *Киселев А.Г., Киричек П.Н.* Реальные и номинальные коллизии в арсенале государственного управления // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 3.
12. *Крыштановская О.В.* Основные тренды формирования управленческой элиты России в 2020–2030 гг // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 5.
13. *Мильто А.В.* История государственного и муниципального управления. М., 2022.
14. *Мухаметжанова В.С., Ивлев Е.А.* Проблемы и перспективы будущей профессиональной деятельности в оценках студентов направления «государственное и муниципальное управление» // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 1.
15. *Обличители.* Русские пьесы о чиновниках 1850-х годов. М., 2019.
16. *Писарькова Л.Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3.
17. *Социологический энциклопедический словарь* / Под ред. Г.В. Осипова. М., 2003.
18. *Социология государственного и муниципального управления в России* / Отв. ред. Н.Г. Чевтаева. М., 2024.
19. *Тев Д.Б.* Высокопоставленные чиновники министерств социального блока российского правительства: каналы рекрутирования и карьера // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2.
20. *Тев Д.Б.* Федеральная административная элита: карьерные пути и каналы рекрутирования // Политические исследования. 2016. № 4.
21. *Холод А.В., Субботина Ю.А.* Анализ управленческой культуры в организациях государственного и муниципального управления региона // Культура, управление, экономика, право. 2005. № 4.
22. *Чевтаева Н.Г.* Патримониализм в служебных отношениях российского чиновничества (по материалам дореволюционных эмпирических исследований) // Социологические исследования. 2022. № 6.
23. *Besley T.J., Burgess R., Khan A., Xu G.* Bureaucracy and development // Annual Review of Economics. 2022. Vol. 14.
24. *Cornell A., Knutsen C.H., Teorell J.* Bureaucracy and growth // Comparative Political Studies. 2020. Vol. 53. No. 14.
25. *Fortescue S.* Russia's civil service: Professional or patrimonial? Executive-level officials in five federal ministries // Post-Soviet Affairs. 2020. Vol. 36. No. 4.
26. *Garifullina G.* The best among the connected (men): Promotion in the Russian state apparatus // Post-Soviet Affairs. 2023. Vol. 39. No. 5.
27. *Huskey E.* The politics-administration nexus in post-communist Russia // D.K. Rowney, E. Huskey (Eds.). Russian Bureaucracy and the State: Officialdom from Alexander III to Vladimir Putin. New York, 2009.
28. *Kryshтанovskaya O., White S.* From Soviet nomenklatura to the Russian Elite // S. White, D. Nelson (Eds.). The Politics of the Post-Communist World. London, 2019.
29. *Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S.* Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 1.

30. Nikulin A.M., Trotsuk I.V., Wegren S.K. The importance of strong regional leadership in Russia: The Belgorod Miracle in agriculture // *Eurasian Geography and Economics*. 2017. Vol. 58. No. 3.
31. Owen C. Participatory authoritarianism: From bureaucratic transformation to civic participation in Russia and China // *Review of International Studies*. 2020. Vol. 46. No. 4.
32. Trotsuk I.V., Ivlev E.A. Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants' social image // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. № 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-240-249

EDN: CSRZOG

A sociologically significant historical reconstruction of one era in the history of the Russian civil service*

V.S. Mukhametzhanova¹, R.R. Ishmukhametov²

¹RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Education Development Institute of Republic of Bashkortostan,
Mingazheva St., 120, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russia

(e-mail: mukhametzhanova-vs@rudn.ru; rustish@list.ru)

Abstract. The article is a review of the book *Civil Service in Russia in the 19th — Early 20th Century. Documents and Research* (compilers, scientific editors: A.A. Belykh, A.L. Dmitriev. Moscow: “Delo”, 2024. 680 p.) on the history of civil service in the Russian Empire from 1802, the introduction of the ministerial system, to the revolutionary events of 1917. The key trend of this period is modernization or rather its attempts to weaken/change the significance of ranks due to the educational factor under the increasingly complex tasks of social governance. Almost half of the book is made up of official documents which together with analytical “sketches” and testimonies of contemporaries show the main factors in the evolution of the civil service: training of civil servants, discussions of supporters and opponents of the abolition of ranks, the growing “social democratization” of the bureaucracy. The book is a sociologically useful historical reading for researchers of public administration, social differentiation and development of the education system in a specific historical period, since it combines primary documents with biographical method (presents a collective portrait of the highest level of public administration in pre-revolutionary Russia) and examples of the quantitative-qualitative approach to the description and typology of the Russian bureaucracy on various grounds.

Key words: civil servant; Russian society in the pre-revolutionary period; modernization of the public administration system; education; social differentiation; collective portrait; civil service

For citation: Mukhametzhanova V.S., Ishmukhametov R.R. A sociologically significant historical reconstruction of one era in the history of the Russian civil service. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 240–249. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-240-249>

*© V.S. Mukhametzhanova, R.R. Ishmukhametov, 2025

The article was submitted on 15.03.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-250-257

EDN: COQNLY

V Всероссийский демографический форум*

Т.К. Ростовская^{1,2}, Ю.Н. Эбзеева²

¹Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, 119333, Россия

²Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ebzeeva-yun@rudn.ru)

Аннотация. В год 300-летия Российской академии наук и Год семьи в Российской Федерации в Краснодарском крае (городе Сочи) при поддержке РУДН и Министерства труда и социальной защиты состоялся V Всероссийский форум с международным участием, который проводится с 2019 года Институтом демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН. Ключевая цель Форума — оценка демографической ситуации на национальном и международном уровнях в 2023–2024 годы; выработка новых подходов к реализации демографической политики, направленной на повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности и здоровому долгожительству, регулирование рынка труда и миграционных процессов. На пленарных и секционных заседаниях были представлены доклады руководителей федеральных и региональных органов государственной власти, ведущих российских и зарубежных ученых в области демографии, а также «Демографическая энциклопедия в лицах. Т. 1. Дореволюционный период» и Национальный доклад за 2023 год «Демографическое самочувствие регионов России». К Форуму были подготовлены два тематических номера журналов «Высшее образование в России» (№ 8) и «Вопросы управления» (№ 3).

Ключевые слова: демографическая ситуация; демографическая безопасность; укрепление традиционных семейных ценностей; новые национальные проекты; Всероссийский демографический форум с международным участием

Для цитирования: Ростовская, Т.К., Эбзеева Ю.Н. V Всероссийский демографический форум // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 250–257. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-250-257>

*© Ростовская Т.К., Эбзеева Ю.Н., 2025

Статья поступила в редакцию 01.10.2024. Статья принята к публикации 05.11.2024.

В 2024 году, в Год семьи в Российской Федерации, особое внимание уделяется вопросам демографической безопасности, связанной с укреплением традиционных семейных ценностей, поддержкой благополучной многодетной семьи как ее идеальной модели, которая была разработана под руководством Т.К. Ростовской в 2007 году в рамках Концепции государственной политики в отношении молодой семьи. А утвержденный в 2024 году Указом Президента России статус многодетной семьи (имеющей трех и более детей) позволил проводить единую социально ориентированную государственную политику в сфере поддержки многодетных семей. В условиях депопуляции особого внимания требуют и такие типы семей, как студенческая и неполная, — в настоящее время они недостаточно включены в государственное регулирование в области улучшения семейной и демографической политики. В этой связи своевременными и важными являются разработанные в 2024 году «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности до 2036 года» и новые национальные проекты «Семья», «Продолжительная и активная жизнь», «Молодежь и дети», которые активно обсуждались 23–28 сентября 2024 года на площадке Сочинского филиала РУДН в рамках юбилейного V Всероссийского демографического форума с международным участием (далее — Форум).

Форум, проводимый с 2019 года Институтом демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН при поддержке Министерства образования и науки и Российской академии наук, стал общепризнанной площадкой, объединяющей российских и зарубежных ученых, представителей органов государственной власти и гражданского общества, для обсуждения приоритетных национальных интересов, связанных с обеспечением демографической безопасности страны. Краткий экскурс в историю Форума позволяет отметить высокий уровень подготовки и проведения мероприятий (пленарных и секционных заседаний, круглых столов) с участием руководителей законодательной и исполнительной власти федерального и регионального уровней, академического и гражданского сообществ.

I Всероссийский демографический форум с международным участием состоялся 27 мая 2019 года в здании Президиума РАН при поддержке Российской академии наук, Государственной Думы Федерального Собрания и Общественной палаты. С ключевыми докладами на пленарном заседании выступили: советник Президента России, академик РАН С.Ю. Глазьев; руководитель фракции ЛДПР в Государственной Думе, доктор философских наук В.В. Жириновский; директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, академик РАН М.К. Горшков; председатель Правления Общества социальных наук, президент Российской академии социальных наук, академик РАН Г.В. Осипов; заместитель министра труда и социальной защиты

России С.В. Петрова; заместитель начальника Главного управления по вопросам миграции МВД России А.А. Аксенов; президент Союза малых городов России Е.М. Марков. Были проведены секционные заседания «Факторы и резервы улучшения здоровья и снижения смертности в контексте национальных проектов», «Семья и рождаемость» и «Миграция и ее вклад в демографическое развитие», в которых приняли участие ведущие демографы страны. Также был презентован Национальный доклад «Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации», подготовленный научным коллективом под руководством члена-корреспондента РАН С.В. Рязанцева.

В декабре 2020 года в Российской академии наук состоялся II Всероссийский демографический форум. Его член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы ФНИСЦ РАН М.Ф. Черныш, обозначивший основные тенденции и проблемы демографических процессов в современной России, которые должны лечь в основу стратегии развития страны, особенно в контексте новых глобальных вызовов (таких как пандемия covid-19). В церемонии открытия Форума приняли участие: председатель ЦК КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Государственной Думе, доктор философских наук, Г.А. Зюганов и председатель партии и руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе С.М. Миронов; с приветственным словом к участникам Форума обратились полномочный представитель Президента России в Центральном федеральном округе И.О. Щеголев; председатель Комитета по вопросам семьи, женщин и детей Государственной Думы Т.В. Плетнева, член Комитета Совета Федерации по международным делам О.Н. Епифанова, заместитель министра труда и социальной защиты О.Ю. Баталина. В своих выступлениях представители органов власти и общественных организаций высоко оценили значимость таких масштабных научных мероприятий в свете серьезности и сложности стоящих перед страной проблем в области народонаселения, которые приобретают особую актуальность перед лицом глобальных вызовов и угроз, что показала, в частности, пандемия коронавирусной инфекции. В ходе пленарного заседания состоялась презентация Национального доклада за 2020 год «Демографическое самочувствие регионов России», подготовленного научным коллективом под руководством Т.К. Ростовской при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России»).

III Всероссийский демографический форум с международным участием состоялся 3–4 декабря 2021 года в Институте демографических исследований ФНИСЦ РАН в очно-дистанционном формате. Ученые, политики и представители гражданского общества обсуждали основные тенденции

социально-демографического развития стран постсоветского пространства и новые вызовы в условиях глобальной пандемии. Участников Форума приветствовали: академик РАН, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, М.К. Горшков, академик РАН, научный руководитель Института философии РАН, А.А. Гусейнов, академик РАН, директор Института психологии РАН, Д.В. Ушаков, председатель ЦК КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Государственной Думе, доктор философских наук, Г.А. Зюганов, президент Национального общественного комитета «Российская семья», доктор политических наук, Г.И. Климантова. На пленарной сессии особый интерес вызвали доклады ведущих демографов и экономистов: Л.Л. Рыбаковского, доктора экономических наук, руководителя Отдела теории и методологии демографии ИДИ ФНИСЦ РАН, «Стратегия демографического развития современной России и ее внешнеполитическая обусловленность»; И.И. Елисеевой, члена-корреспондента РАН, заслуженного деятеля науки, доктора экономических наук, главного научного сотрудника Социологического института ФНИСЦ РАН, «Семья и здоровье как ценности молодых мужчин». В рамках Форума с презентацией аналитического доклада «Демографическое развитие постсоветских стран (1991–2021): тренды, демографическая политика, перспективы» выступил С.В. Рязанцев, член-корреспондент РАН, директор ИДИ ФНИСЦ РАН, а Т.К. Ростовская, доктор социологических наук, его заместитель, представила Национальный доклад за 2021 год «Демографическое самочувствие регионов России».

IV Всероссийский демографический форум с международным участием состоялся 2 декабря 2022 года в Институте демографических исследований. Член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор ФНИСЦ РАН М.Ф. Черныш торжественно открыл Форум награждением Медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством I степени» ученого с мировым именем Л.Л. Рыбаковского, главного научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН. С приветствием выступила Л.Н. Скаковская, заместитель председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре. Председатель ЦК КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Государственной Думе, доктор философских наук Г.А. Зюганов направил в адрес Форума приветственное письмо, подчеркнув, что «разработка конкретных шагов в сфере демографической политики должна стать объединяющим делом не только для государственной власти и отечественной науки, но и всей общественности, всех патриотов страны». С приветственными словами выступили О.О. Салагай, заместитель министра здравоохранения, О.Ю. Баталина, первый заместитель министра труда и социальной защиты, С.И. Рыбальченко, председатель Комиссии по демографии, защите семьи, детей и традиционных семейных ценностей Общественной палаты, Г.И. Климантова, президент Национального общественного коми-

тета «Российская семья», доктор политических наук. Основные результаты исследований демографов и социологов ИДИ ФНИСЦ РАН, в том числе динамики и особенностей брачности, рождаемости и смертности, формирования трудовых ресурсов, старения и поддержки старшего поколения, миграционных процессов были представлены и в Национальном демографическом докладе за 2022 год.

В 2024 году, в Год 300-летия Российской академии наук и Год семьи в России, состоялся V Всероссийский демографический форум с международным участием. Юбилейный Форум, организованный ИДИ ФНИСЦ РАН и Российским университетом дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) при поддержке Министерства труда и социальной защиты, был проведен 23–28 сентября на площадке Сочинского института (филиала) РУДН для анализа демографической ситуации на национальном и международном уровнях и выработки новых подходов к реализации демографической политики. В рамках Форума состоялись пленарные и секционные заседания, круглые столы, на которых были представлены доклады руководителей федеральных и региональных органов исполнительной власти, ведущих ученых в области демографии, а также первый том «Демографической энциклопедии в лицах» и Национальный доклад за 2023 год «Демографическое самочувствие регионов России». Особое внимание было уделено Стратегии по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности до 2036 года и национальным проектам «Семья» и «Продолжительная и активная жизнь».

23 сентября, в первый день работы Форума, состоялось расширенное заседание учебно-методического совета (далее — УМС) «Демография» ФУМО УГСН «Социология и социальная работа». Соруководитель УМС «Демография», Т.К. Ростовская, доктор социологических наук, отметила актуальность подготовки специалистов-демографов на национальном уровне и предложила в качестве эксперимента с 2025/2026 по 2029/2030 учебные годы открыть специальность «Демография» в организациях высшего образования. Данный вопрос обсуждался с руководителями университетов и получил поддержку Ю.Н. Эбзеевой, доктора социологических наук, первого проректора–проректора по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов, А.А. Малыгина, ректора Ивановского государственного университета и председателя Совета ректоров вузов Ивановской области, О.Ю. Лягиновой, исполняющей обязанности ректора Череповецкого государственного университета.

На заседании УМС особый интерес вызвал доклад Е.В. Тумаковой, врио директора Департамента государственной политики в сфере высшего образования Министерства образования и науки, на тему «Государственная политика в сфере высшего образования: приоритетные задачи, тенденции». Обозначая ключевые задачи, связанные с под-

готовкой демографов в вузах, Елена Вадимовна обратила внимание на необходимость установления сроков подготовки таких специалистов, определения содержания образовательного стандарта, профориентационной работы среди будущих абитуриентов и информационной кампании по популяризации демографии и профессии демографа в российском обществе. После доклада развернулась бурная дискуссия о новой системе высшего образования и подготовке демографов, в которой приняли участие Ю.Н. Эбзеева, доктор социологических наук, первый проректор–проректор по образовательной деятельности РУДН, А.А. Мехова, кандидат социологических наук, заведующая кафедрой Череповецкого государственного университета, Е.П. Зимовина, кандидат исторических наук, научный сотрудник Социологической лаборатории Балтийского федерального университета имени И. Канта, Н.В. Грицких, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой культурологии и управления социальными процессами Иркутского государственного университета. По итогам расширенного заседания УМС «Демография» было принято решение о более детальной проработке вопросов подготовки демографов в организациях высшего образования с участием руководителей Министерства образования и науки и представителей ректорского сообщества.

24 сентября прошло торжественное открытие Форума, на котором с приветственным словом выступила А.Ю. Кузнецова, заместитель председателя Государственной Думы, отметившая значимость демографических форумов для решения задач обеспечения безопасности и благополучия нашей страны. В адрес участников Форума поступили приветствия от В.Н. Фалькова, министра науки и высшего образования, М.К. Горшкова, члена Президиума и академика РАН, Л.С. Гумеровой, председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре, Н.А. Останиной, председателя Комитета Государственной Думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства.

Особый интерес на первой пленарной сессии вызвали доклады О.Б. Баталиной, первого заместителя министра труда и социальной защиты, на тему «Об актуальных задачах в области поддержки рождаемости и многодетности» (особое внимание было уделено Стратегии семейной демографической политики и повышению многодетности на период до 2036 года и Национальному проекту «Семья») и Е.Г. Котовой, заместителя министра здравоохранения, на тему «Охрана здоровья в новых национальных проектах» (акцент был сделан на целях, задачах и основных направлениях Национального проекта «Продолжительная и активная жизнь»). На второй пленарной сессии с докладами выступили руководители органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, руководители научных и образовательных организаций.

25 сентября, в третий день работы Форума, состоялись секционные заседания «Семья и рождаемость», «Здоровье и самосохранительное поведение населения», «Рынок труда и миграционные процессы», на которых выступили ведущие ученые и молодые исследователи. 26–27 сентября прошла Научно-методическая школа по демографии, нацеленная на совершенствование теоретико-методологических знаний и прикладных навыков в области демографии и демографической политики, способствующая повышению эффективности и качества учебного процесса, реализации образовательных программ высшего образования в соответствии с Перечнем профессиональных компетенций и индикаторов их достижений в области демографии, который был разработан Координационным центром развития кадрового потенциала в области демографии и рекомендован Министерством науки и высшего образования. В рамках работы Научно-методической школы по демографии с лекциями выступили: Т.К. Ростовская, доктор социологических наук, на тему «Ресурсы демографического развития: концептуализация понятий»; А.Е. Иванова, доктор экономических наук, на тему «Здоровье населения: понятия, методический и информационный аспекты»; С.А. Вангородская, доктор социологических наук, на тему «Понятие самосохранительного поведения: структуры, индикаторы, способы измерения»; А.П. Багирова, ведущий ученый в области демографии, руководитель Уральского межрегионального центра развития кадрового потенциала в области демографии, доктор экономических наук, на тему «Корпоративная гражданственность в демографической сфере: концептуальные подходы к исследованию».

Были также проведены: мастер-класс «Выборы уполномоченного по защите прав ребенка» под руководством Г.Н. Комковой, заведующей кафедрой конституционного и муниципального права, декана юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, доктора юридических наук; итоговый этап II Всероссийского конкурса проектов «Демография родной страны», организованного в 2024 году ИДИ ФНИСЦ РАН совместно со Школой государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета, — победителем стала студентка Новосибирского государственного университета экономики и управления П.А. Красноухова с проектом «Просветительная игра “Обсудим самое главное?”».

Организаторы Форума благодарят руководство РУДН за помощь в подготовке и издании научного труда, приуроченного к 300-летию РАН, — «Демографическая энциклопедия в лицах. Т. 1. Дореволюционный период» (под редакцией Т.К. Ростовской, Ю.Н. Эбзеевой. М.: РУДН, 2024, 247 с.). Авторы выражают благодарность В.С. Никольскому, главному ре-

дактору журнала «Высшее образование в России», и Н.Г. Чевтаевой, главному редактору журнала «Вопросы управления», за издание тематических номеров, приуроченных к V Всероссийскому демографическому форуму.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-250-257

EDN: COQNLY

V All-Russian Demographic Forum*

T.K. Rostovskaya^{1,2}, Yu.N. Ebzeeva²

¹Institute for Demographic Research of FCTAS RAS,
Fotievoy St., 6–1, Moscow, 119333, Russia

²RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ebzeeva-yun@rudn.ru)

Abstract. In the year of the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences and the Year of the Family in Russia, the V All-Russian Forum with international participation was held in the Krasnodar Region (Sochi) with the support of the RUDN and the Ministry of Labor and Social Protection. This Forum has been held since 2019 by the Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. The Forum aimed primarily at assessing demographic situation at the national and international levels in 2023–2024 and at developing new approaches to the implementation of demographic policies for increasing birth rate, forming motivation for having many children and healthy longevity, regulating the labor market and migration processes. The plenary and sectional sessions consisted of presentations by the heads of federal and regional government bodies, leading Russian and foreign scientists in the field of demography, and of the “Demographic Encyclopedia in Persons. Vol. 1. Pre-Revolutionary Period” and the National Report for 2023 “Demographic Well-Being of Russian Regions”. Two thematic issues of the journals *Higher Education in Russia* (No. 8) and *Issues of Management* (No. 3) were published for the Forum.

Key words: demographic situation; demographic security; strengthening traditional family values; new national projects; All-Russian demographic forum with international participation

For citation: Rostovskaya, T.K., Ebzeeva Yu.N. V All-Russian Demographic Forum. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 250–257. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-250-257>

К ЮБИЛЕЮ А.Н. ДАНИЛОВА

14 мая отмечает 70-летний юбилей член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, ведущий специалист в области теории, методологии и истории социологии Данилов Александр Николаевич.

Александр Николаевич родился в 1955 году в Витебске в рабочей семье. Отслужив в армии и окончив одно из лучших высших учебных заведений в родном городе, он прошел путь молодого исследователя, комсомольского лидера, государственного руководителя, педагога и ученого. Еще в студенческие годы ярко проявились его уникальные качества лидера и организатора. Он работал в комсомоле (1978–1991): избирался секретарем комитета комсомола института, работал заведующим отделом студенческой молодежи Витебского областного комитета ЛКСМБ, руководителем лекторской группы, заведующим отделом студенческой молодежи, затем заведующим отделом исследования молодежных проблем ЦК ЛКСМБ. В 1991–1994 годы

А.Н. Данилов стал главным специалистом (социолог) и затем заведующим сектором изучения общественного мнения и прогнозирования, заведующим аналитическим отделом Службы информации Кабинета министров Республики Беларусь.

Значимая составляющая карьеры Александра Николаевича — успешная управленческая деятельность: с 1994 года заведующий сектором изучения общественного мнения и прогнозирования, заместитель начальника главного управления общественно-политической информации, начальник информационно-аналитического управления Администрации Президента Республики Беларусь. Незаменимый опыт руководителя, обладающего энциклопедическими знаниями, А.Н. Данилов продемонстрировал и работая заместителем академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси. С 2003 по 2016 годы он работал в должности заместителя Председателя Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь.

С 1991 года профессиональный путь Александра Николаевича связан и с преподавательской деятельностью в Белорусском государственном университете, где с 2005 года он заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук. В его кабинет не закрывается дверь, студенты, магистранты и аспиранты всегда находятся в контакте со своим научным руководителем. Он покоряет своей доступностью и открытостью в общении. Пример Александра Николаевича, его научный диалог с молодыми исследователями и студентами формируют на факультете фундаментальные основы университетского образования. На кафедре соблюдаются строгие академические традиции высшей школы и непрерывная связь со старшим поколением профессорско-преподавательского состава. Под руководством А.Н. Данилова подготовлено 9 докторов и 16 кандидатов наук.

С первого номера, с сентября 1997 года, А.Н. Данилов — бессменный главный редактор «Журнала Белорусского государственного университета: Социология» (до 2017 года выходил под названием «Социология»). Во многом благодаря его усилиям журнал стал и остается авторитетным изданием.

Профессора А.Н. Данилова отличает высокая научная продуктивность, он автор более 500 публикаций. Коллеги ценят и уважают его за высокую работоспособность, профессионализм, организаторские качества, порядочность и отзывчивость.

Профессиональная деятельность А.Н. Данилова отмечена премией Национальной академии наук Беларуси (1999), стипендией Президента Республики Беларусь (2001) за высокие результаты в профессиональной деятельности. Ему объявлена благодарность Президента Республики Беларусь за заслуги в формировании национальной системы аттестации, плодотворную работу в области подготовки и аттестации научно-

педагогических кадров высшей квалификации (2005), он награжден грамотой Министерства образования Республики Беларусь, благодарностями и грамотами БГУ.

Сердечно поздравляем Александра Николаевича Данилова с предстоящим юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, душевного тепла и творческого вдохновения!

Коллеги, друзья, ученики

Редколлегия журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология» и кафедра социологии РУДН присоединяются к поздравлениям Александра Николаевича Данилова — члена редколлегии и постоянного автора журнала, известного ученого и педагога, коллеги и доброго друга кафедры.

Дорогой Александр Николаевич, примите самые искренние поздравления с предстоящим юбилеем! Желаем Вам крепкого здоровья, личного и профессионального благополучия, новых научных и творческих достижений!

*С уважением и признательностью,
редколлегия журнала и коллектив кафедры социологии РУДН*

НАШИ АВТОРЫ

Акулич Мария Михайловна — доктор социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (e-mail: m.m.akulich@utmn.ru).

Анисимов Роман Иванович — кандидат социологических наук, декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: ranisimov@list.ru).

Бузыкина Екатерина Александровна — руководитель Центра управления научной репутацией и соискатель кафедры социологии Российского университета дружбы народов (КНР) (e-mail: buzykina-ea@rudn.ru).

Ван Бин — соискатель кафедры социологии Российского университета дружбы народов; преподаватель института Центрально-Восточно-Европейских языков Цзилиньского университета иностранных языков (e-mail: 1321666299@qq.com).

Ван Сюань — кандидат педагогических наук, преподаватель Института педагогики имени Цзин Хэньи Ханчжоуского педагогического университета (КНР) (e-mail: haha2410@hotmail.com).

Гаврилик Оксана Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (e-mail: gavrilik_on@grsu.by).

Гибадуллина Миляуша Рустамовна — научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан (e-mail: g.milya@mail.ru).

Голенкова Зинаида Тихоновна — доктор философских наук, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: golenko@isras.ru).

Голомидова Полина Сергеевна — начальник отдела рекрутинга Управления международного сотрудничества, аспирант кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: p.s.golomidova@yandex.ru).

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси; заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (e-mail: a.danilov@tut.by).

Диденко Дмитрий Валерьевич — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра экономической и социальной истории, профессор кафедры социальной и экономической истории России Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: didenko-dv@ranepa.ru).

Дурсина Анастасия Николаевна — заместитель начальника управления социологии АНО по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог» (e-mail: anetrova29@yandex.ru)

Ишмухаметов Рустам Рифатович — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления современным образованием Института развития образования Республики Башкортостан (e-mail: rustish@list.ru).

Комлева Александра Андреевна — студентка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032210069@rudn.ru).

Мерзликин Николай Васильевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: merzlikin37@bk.ru).

Мурзинов Лев Евгеньевич — студент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032216146@rudn.ru).

Мухаметжанова Винера Саяровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры этики и заместитель декана по учебной работе факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: mukhametzhanova-vs@rudn.ru).

Нгуен Тхи Минь Хоа — доктор экономики, заведующая кафедрой экономики труда Университета труда и социальных вопросов (Ханой, Вьетнам) (e-mail: nguyenthiminhhoa1212@yahoo.com).

Николаева Екатерина Валерьевна — студентка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032210735@rudn.ru).

Осеев Александр Александрович — доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: oseev.a@mail.ru).

Полякова Ирина Геннадьевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: irinapolykova@yandex.ru).

Присяжнюк Дарья Игоревна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: dprisvazhnyuk@hse.ru).

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru).

Савин Сергей Дмитриевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: savin-sd@rudn.ru).

Семенов Максим Юрьевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (e-mail: m.y.semenov@utmn.ru).

Сидорова Анна Николаевна — аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: elonielie@gmail.com).

Сыманюк Эльвира Эвальдовна — доктор психологических наук, директор Уральского гуманитарного института; заведующая кафедрой общей и социальной психологии Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: e.e.symaniuk@urfu.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Фам Нгок Тхань — доктор экономики, исполняющий обязанности ректора Университета труда и социальных вопросов (Ханой, Вьетнам) (e-mail: phamngocthanhulsa@gmail.com).

Ха Туан Ань — научный сотрудник Института устойчивого развития Национального экономического университета (Ханой, Вьетнам) (e-mail: havietnga03@neu.edu.vn).

Швецова Анастасия Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: shvetsovaav@mail.ru).

Щепельков Владислав Федорович — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: volga0@yandex.ru).

Эбзеева Юлия Николаевна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета, первый проректор–проректор по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов (e-mail: ebzeeva-yun@rudn.ru).

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, заведующая Международной лабораторией исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: eiarskaia@hse.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 20 до 30 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. **Все таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;

- ♦ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
- ♦ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; **в статье допускается не более четырех соавторов.**

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 20 to 30 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ♦ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
 - ♦ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ♦ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as the **author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.